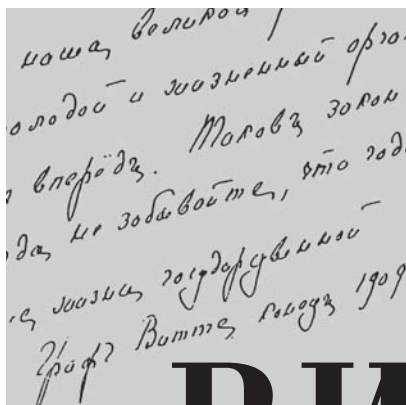

Сергей МАРТЫНОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЧЕЛОВЕК

ВИТТЕ

Санкт-Петербург
2008

К 100-летию Первой Государственной Думы

А все-таки наша великая родина должна, а потому, как молодой и жизненный организм, будет двигаться вперед. Таков закон человечества. Никогда не забывайте, что годы нашей жизни – мгновения жизни государственной.

Граф Витте, конец 1909 г.

УДК 330
ББК 65
М 29

Мартынов С. Д.

Государственный человек Витте. – Издание второе, исправленное, СПб.: ЛЮДОВИК, ИД «Петрополис», 2008, 520 с.

Рецензенты: заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор Д. Н. Альшиц; доктор экономических наук, профессор Е. Ф. Чеберко.

Книга посвящена деятельности С. Ю. Витте, одного из выдающихся государственных реформаторов дореволюционной России, оставившего яркий след в политической и экономической истории страны. Автор повествует о таких значимых свершениях Витте, – финансиста, политика, дипломата, – как Манифест 17 октября 1905 года, первая индустриализация страны, строительство Транссибирской магистрали, Портсмутский мир и др. Даются интересные подробности его личной жизни.

Книга удачно сочетает информативность, научность, популярность изложения и представляет несомненный интерес для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-9032-9705-6
ISBN 978-5-9676-0082-5

© Мартынов С. Д. 2008

© ООО «ЛЮДОВИК». 2008

© ООО «Издательский дом "ПЕТРОПОЛИС"». 2008

Издание осуществлено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации правительства Санкт-Петербурга и Северо-Западной академии государственной службы

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8

Часть первая

ВРЕМЯ ДРАМАТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Глава первая. В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ.....12

Петербург Достоевского (14). Дом, «отапливаемый утопиями» (17). «Святая дружина» (21). Ультрародянин и монархист (24). Мануфактурное крепостничество (34).

Глава вторая. ЧЕЛОВЕК С ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ.....39

Выбор пути, начало карьеры (40). Комиссия Баранова (44). В управлении Юго-Западных дорог(47). Директор департамента (58). Юсуповский сад (67).

Часть вторая

ВРЕМЯ РЕФОРМ, «ЭТАП ВЗЛЕТА»

Глава третья. РЕФОРМАТОР ЭПОХИ КОНТРРЕФОРМ..78

Мойка, у Певческого моста (81). Новый министр финансов (91). Прагматизм реформатора (100). Система Витте (105). «Записки девочки» (111).

Глава четвертая. ФИНАНСОВЫЙ ГЕНИЙ 121

Золотой рубль (124). Финансы как топливо (134). «Винополия» и «пьяный» бюджет (140). Банкирский промысел (147). Искусство брать взаймы (153). P. S. Драма русских займов (165)

Глава пятая. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ 167

Источники развития (168). Логика протекционизма(173). «Русские шахматы» (180). Мамоновская Панама(191). Государство как предприниматель (197).

Глава шестая. ВЕЛИКИЙ ПУТЬ, СИБИРСКАЯ ДОРОГА.....208

Стальной хребет России (210). Сибирь под влиянием рельсового пути (221). Путь на русский Север (228). О памятнике Александру III (236).

Глава седьмая. ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА:**РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ 240**

Геополитические этюды (243). Этапы восточной политики (248). КВЖД и «Желтороссия» (258). Пролог Японской войны (267). Р. С. Судьба русской Маньчжурии (275).

Глава восьмая. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ**И НОВАЯ БЮРОКРАТИЯ..... 277**

Министр и царь (279). Самодержавие и земство (290). Старая и новая бюрократия (297). Любимое детище (304). Мир искусства (312). Р. С. О царской бюрократии (316).

Часть третья**ВРЕМЯ ТРАГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА****Глава девятая. РЕФОРМЫ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ? 320**

Анатомия кризиса (324). Как Витте «упал кверху» (335). В Марининском дворце (340). Начало революции (351).

Глава десятая. ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ**В ПОРТСМУТЕ..... 361**

На пути в Портсмут (365). Актер набольшей сцене (373). Возвращение в Петербург (387).

Глава одиннадцатая. ТВОРЕЦ МАНИФЕСТА,**ПЕРВЫЙ ПРЕМЬЕР 394**

Психодрама манифеста (398). Зимний дворец, Запасной дом (406). Спасительный заем (423). Подготовка Думы (427). Последнее падение (432).

Часть четвертая**БЕЗВРЕМЬЕ. НА ОБОЧИНЕ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ****Глава двенадцатая. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ 440**

Белый дом на Каменноостровском (444). Два реформатора: Витте и Столыпин (454). Витте и «старец» Распутин (463). Дела домашние (468). Конец (475).

Глава тринадцатая. ВОСПОМИНАНИЯ:**ЖИЗНЬ И СУДЬБА..... 481**

Витте-мемуарист (483). Современники о Витте (492). «Русский Бисмарк»? (499). Homo moralis: pro et contra (506).

Послесловие 516

*Мы вопрошаем и допрашиваем прошлое,
чтобы оно объяснило нам настоящее
и намекнуло о нашем будущем.*

В. Г. Белинский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время больших перемен в жизни общества, наподобие тех, что нынче переживает Россия, выдвигает выдающиеся личности – государственных деятелей, способных оказать заметное воздействие на происходящее.

Имя Сергея Юльевича Витте, российского реформатора на рубеже XIX–XX веков, известно многим, но о его жизни и многогранной деятельности, оставившей яркий след в экономической и политической истории России, знает лишь сравнительно узкий круг специалистов. Исследователи его государственного творчества, при разности оценок, сходятся в одном: он был крупной, неординарной фигурой. Воля, энергия и стратегическое мышление заметно выделяли Витте на фоне высшей русской бюрократии предреволюционной эпохи. Но он был и чрезвычайно сложной, противоречивой личностью.

Кем же на самом деле был Витте? Его называли «красным», обвиняли в консерватизме, в жидомасонстве. «Он не был либералом, ибо не сочувствовал нетерпеливому устремлению либералов переустроить одним мановением руки весь государственный уклад; он не был консерватором, ибо презирал грубые приемы и отсталость политической мысли, характеризовавшие правящую бюрократию России», – эти слова из предисловия графини М. И. Витте к «Воспоминаниям» мужа еще не проясняют вопроса.

В истории России эпоха Витте – это «этап взлета» (У. Ростоу) национальной экономики, период успешных реформ. Будучи творцом Манифеста 17 октября 1905 года, Витте способствовал началу перехода к парламентаризму. Имя Витте после Портсмута вошло в историю мировой дипломатии. Многие его новации касались сфер образования, культуры, что дает основания говорить о его широком государственном творчестве. Известный издатель А. С. Суворин в 1903 году, вскоре после

первой отставки Витте, писал: «...как министр финансов он останется в истории личностью замечательною, как был бы таковою и на всяком другом поприще. Но творчество государственное, по моему мнению, можно уподобить творчеству в области литературы и искусства... Он увлекался и увлекал за собою русскую жизнь в том направлении, в каком хотел, в каком был убежден и которое считал наилучшим для своей Родины и для славы ее государей».

Витте, патриот, государственник, видевший смысл жизни в служении великой России и предложивший свой, перспективный путь развития страны, разделил печальную участь русских реформаторов: не был оценен по заслугам, рано отставлен от дел, полубыт потомками. Чувство справедливости заставляет автора взяться за перо с тем, чтобы показать эту исключительную фигуру во весь рост. Хотя о Витте написано немало, но в большинстве своем это отдельные статьи, отрывочные воспоминания современников да несколько научных монографий, изданных малыми тиражами.

Наше повествование делится на четыре части по временному признаку. Первая часть книги относится к 60–80 годам XIX века – периоду формирования мировоззрения и начала карьеры нашего героя. В общественном плане это было время драматического диалога представителей разных сил, озабоченных поиском национальной идеи и пути развития России. Эпицентром событий стала столица империи, куда в 1879 году прибыл провинциал Витте.

Вторая, центральная, часть книги – «Время реформ» – охватывает период 90-х годов и раскрывает основные направления многогранной государственной деятельности Витте – министра финансов.

Третья часть – «Время трагического конфликта» – включает сравнительно небольшой, но чрезвычайно насыщенный событиями отрезок времени: первую русскую революцию, переговоры в Портсмуте, Манифест 17 октября 1905 года, первое премьерство и др.

Наконец, четвертая часть – «Безвременье» – посвящена периоду 1906–1915 годов – с момента вынужденной отставки Витте вплоть до его кончины. Здесь же речь идет о рукописном наследии Витте – его «Воспоминаниях», а также об оценке его деятельности современниками.

В нашей книге предпринята попытка нарисовать портрет Сергея Юльевича Витте, для чего использованы самые разнообразные источники: материалы архивов, его «Воспоминания», мемуары соратников и противников, его близких и просто информированных современников. Существенным дополнением к тексту могут служить иллюстрации, многие из которых публикуются впервые. В конце книги дается библиография основных источников.

В год 100-летия первой русской революции следует подчеркнуть, что реформатор Витте был сторонником эволюционного пути развития страны. Вероятно, он мог бы подписаться под известной фразой другого реформатора – П. А. Столыпина, произнесенной в Думе 10 мая 1907 года:

«Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия».

Часть первая

ВРЕМЯ ДРАМАТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Глава первая

В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Государственное творчество Витте теснейшим образом связано с Петербургом, где он жил с 1879 по 1881-й и с 1889 по 1915 год. Здесь, в столице, тогда происходили драматические процессы, определившие дальнейшую судьбу империи.

Весной 1879 года из Одессы в Петербург прибыл по месту новой службы высокий господин неполных тридцати лет от роду. Событию этому предшествовали некоторые обстоятельства: в Петербурге было создано Правление Общества Юго-Западных железных дорог. Акционерное общество возникло в результате объединения трех дорог: Одесской, Киевско-Брестской и Киев-Брест-Граевской. Дороги эти были бездоходными, поэтому возникла мысль путем их слияния добиться лучших результатов хозяйствования.

Прибывший господин, титулярный советник Сергей Юльевич Витте, прежде весьма успешно выполнял обязанности начальника движения Одесской дороги и мог бы с основанием занять место начальника движения нового Общества. Но поскольку во главе Юго-Западных дорог стал банкир Блюх, который прежде руководил Киевско-Брестской дорогой, то он и предоставил это место своему инженеру Данилевичу. Витте же предложили пост начальника эксплуатационного отдела правления дорог в Петербурге. Его это вполне устраивало, прежде всего потому, что новое место было в столице, что могло весьма способствовать карьере честолюбивого провинциала. Кроме того, он собирался жениться, и сделать это было лучше не в Одессе.

Дело в том, что Сергей Юльевич, решив порвать с холостой жизнью, остановил свой выбор на женщине замужней – Надежде Андреевне Спиридоновой, урожденной Иваненко (отец ее был предводителем дворянства в Чернигове).

Как следует из «Воспоминаний» Витте, «она вышла замуж весьма молодой, можно сказать совершенною девочкой, за чело-

века также весьма молодого, но бесконечно беспутного». У них родилась дочь, затем она мужа бросила и некоторое время жила в Одессе, где Сергей Юльевич и познакомился с ней. Приняв решение жениться, он стал хлопотать о разводе своей избранницы и добился его. Одесса была тогда городом небольшим, все на виду, и, чтобы избежать лишних пересудов, молодым было лучше начать новую жизнь в другом месте.

Вслед за женихом в Петербург приехала и невеста. Венчание состоялось во Владимирской церкви.

Забегая вперед, скажем, что брак этот оказался неудачным. В «Воспоминаниях» Витте все эпизоды, связанные с Надеждой Андреевной, предельно лаконичны. Н. А. Спиридонова (таким

*Церковь
Владимирской
Божьей Матери.
Фотография
начала XX века*

осталось ее имя в научной литературе) страдала болезнью сердца и скончалась в 1891 году после поездки на Кавказские Минеральные воды. Рассказ об этом есть в «Воспоминаниях», но достаточно равнодушный. В мемуарах С. М. Проппера приводятся слова, сказанные ему Витте в 1892 году: «Вы знаете, каким несчастливый был мой первый брак...»

А тогда, в 1879 году, молодые поселились на Троицкой улице (ныне улица Рубинштейна), которая идет от Невского к Пяти углам, параллельно Владимирскому проспекту. Интересно, что и во второй приезд в Петербург супруги Витте жили в том же районе, на Колокольной улице, 5. А это все места Федора Михайловича Достоевского. Здесь, в Кузнечном переулке, 5, в доме Клинокост-

рема, писатель жил с 1878 года, здесь написал «Братьев Карамазовых», здесь же скончался в январе 1881 года.

В свой первый петербургский период жизни Витте вполне мог встретить здесь Федора Михайловича, например во время службы во Владимирском соборе, который оба посещали. Память об этих двух известных петербуржцах хранит и здание гауптвахты на Сенной площади, сохраненное до сих пор. В 1873 году Достоевский отбывал здесь наказание за нарушение принятого тогда порядка публикаций, а Витте в 1880 году – за «тилигульскую катастрофу», о чем будет рассказано позже.

ПЕТЕРБУРГ ДОСТОЕВСКОГО

Бросим беглый взгляд на Петербург времен Достоевского, куда в конце 70-х годов XIX века прибыл молодой Витте. Причем нас интересуют не только внешний облик и быт, но и политическая атмосфера столицы империи.

Особенности столичной жизни второй половины XIX века обстоятельно описаны публицистом Н. В. Шелгуновым в «Очерках русской жизни». По его образному выражению, Петербург обнаруживал магнитные свойства и тянул к себе тех, кто хотел думать и учиться. Город был «источником общественных идей», что объясняло сильное тяготение к нему провинциальной молодежи, «люди чувствовали, что там понадобятся». Дворянская и разночинная интеллигенция искала в столице применение своим талантам.

По свидетельству народницы В. И. Засулич, из провинции Петербург представлялся «лабораторией идей», центром жизни, движения, деятельности. В это время именно через столицу проходил меридиан развития российской мысли и культуры – философской, научной, технической, художественной. Здесь в 1863 году произошел знаменитый «бунт 14-ти», когда студенты Академии художеств заявили о своем желании повернуть искусство к современным проблемам. Так возникло движение передвижников. Здесь сложилось творческое содружество русских композиторов, образно названных В. В. Стасовым «могучей кучкой», расцвели опера и балет, возник центр русской моды.

В 70–80-х годах около десяти процентов населения города приходилось на представителей интеллектуальных занятий, при-

чем значительную часть составляло студенчество, пополнявшееся все больше выходцами из низших социальных слоев. Разночинная интеллигенция стала главным двигателем освободительного движения после падения крепостничества.

Молодой путейский чиновник, провинциал Витте, попав в столицу, наверняка испытывал притягательную силу Петербурга с его насыщенной интеллектуальной жизнью и особой политической атмосферой.

Период 60–80-х годов в истории России был переломным. Позорное поражение в Крымской войне, смена царя, подготовка и осуществление реформ – эти большие события касались, конечно, всей страны, но в жизни столицы они проявились особенно драматично.

Россия шла по пути капиталистического развития, оставаясь, по сути, феодальным самодержавным государством. И здесь, в столице, с наибольшей остротой сталкивались официально-монархическая и революционно-демократическая идеологии, реформистский либерализм и народнический терроризм. Страна не знала, куда направить свои стопы: на Запад или Восток, в Европу или Азию.

Особую, ведущую роль в духовной жизни общества тогда играла русская литература. Устами Герцена и Чернышевского были сформулированы два главных для всей общественной мысли вопроса: «кто виноват?» и «что делать?». Шли поиски ответов, которые бы раскрыли драму кризиса российского общества.

Капитализм наступал «почти катастрофически». Здесь, в Петербурге, противоречивая сущность общественной жизни должна была проявиться особенно резко, особенно полно и ярко. В публицистике Достоевского рефреном шла мысль об особом, русском пути, который приведет к сглаживанию всех мировых, и европейских в особенности, катаклизмов, к установлению на Земле истинно христианского жизнеустройства, которое он назвал «русским социализмом».

Центральной проблемой стала необходимость выбора способа разрешения «проклятых вопросов»: радикальное изменение или постепенное совершенствование существующего строя? Революция или эволюция? Насилие или воспитание? Социальность или духовность? Европейский путь или самобытность?

Проведенные в 60–70-е годы царским правительством реформы не без оснований принято считать великими, ведь они

охватили все важнейшие сферы жизни общества: социально-экономическую, культурно-образовательную, административно-управленческую. За Манифестом 19 февраля 1861 года, отменившим крепостную зависимость крестьян, последовали Земская (1864 г.) и Городовая (1870 г.) реформы, реформа печати (1865 г.) и военная (1874 г.).

Следует заметить, что модернизация, как движение в сторону западной цивилизации, воспринималась в российском обществе неоднозначно. Всегда были сторонники самобытного пути развития страны, шла идейная борьба между «почвенниками» и «западниками», которые в эпоху Александра II в основном и определяли курс реформ.

Император Александр II

Наиболее значительной по последствиям стала крепостная реформа 1861 года, принципиально изменившая правовое и экономическое положение двух основных сословий общества – крестьян и дворянства, а значит, десятков миллионов людей на громадной территории с величайшим разнообразием региональных, культурных и национальных особенностей. Это открывало путь к созданию основ гражданского общества.

Крепостная реформа далась Александру нелегко, она стоила ему нескольких лет напряженной борьбы, но тем не менее вызвала разочарование и размежевание в обществе.

Первая брешь образовалась после опубликования условий освобождения крестьян. Радикальное крыло во главе с Чернышевским было возмущено тем, что земледелец получил лишь половину обрабатываемой им земли да еще должен за нее расплачиваться, и потому объявило всю затею с освобождением крестьян бессовестным надувательством. Последовавшие в начале 60-х годов студенческие волнения, вкуче с Польским восстанием 1863 года, привели к расколу общества на два крыла: консервативное и радикальное. А между ними находились многочисленные сторонники либерального подхода.

Радикалы и консерваторы не могли ни о чем договориться, единственное, что их объединяло, – общая неприязнь к рассудительным, прагматическим деятелям центра, проводившим либеральные реформы. В результате реформы были прерваны, не получив завершения.

ДОМ, «ОТАПЛИВАЕМЫЙ УТОПИЯМИ»

Чем можно объяснить такой оборот событий? В поисках ответа, видимо, стоит обратить внимание на особенности российского менталитета. Исследователи национального стереотипа отмечают такие его черты, как утопическое мировоззрение, «перевес начал этических и религиозных над общественными и правовыми» (П. А. Флоренский). В России второй половины XIX века сосуществовали несколько политико-правовых утопий, следствием которых были, в частности, политический радикализм и нигилизм.

Политический радикализм проявлялся в росте списка требований к правительству: к уже выдвинутым требованиям добавлялись новые, которые вообще нельзя было удовлетворить в тогдашних условиях. Мирный путь реформ, исходящих от правительства, радикалы начали отвергать, предлагая революционную акцию как единственное действенное средство.

Русская интеллигенция, лишенная какого-либо политического опыта, не сумела устоять против искушения достичь желаемой цели насильственным разрушением существующего порядка. Писарев призывал молодежь «крушить направо и налево, лупить по учреждениям и обычаям в предположении, что если какие-то

из них рухнут, то и сохранять их не стоило». Так интеллигенция закрыла себе путь к участию в подготовке и проведении в жизнь реформ.

Осмысление ситуации тех лет продолжается до сих пор. Поэт Наум Коржавин, сам в прошлом романтически привязанный к идеалам революции («высокая вера в иные начала, о, как неохотно она умирала...»), с горечью написал о тех русских интеллигентах, которые «меры не знали». Это он в свое время произнес емкое слово «нетерпение», обозначив им «ту тягу к добру, что приводит к несчастью». Юрий Трифонов использовал то же самое слово для названия романа о народовольцах. Коржавин пишет, что у русской интеллигенции, всегда боровшейся с государством, пропало само понимание необходимости государства. Интеллигенция всегда жила ожиданиями, и мало кто понимал, что революция – это несчастье, что «вернее труд и постоянство», как сказал Осип Мандельштам. В начале XX века до этого додумались авторы сборника «Вехи», но не были услышаны. А может быть, россиянам просто не хватает элементарного прагматизма? Не зря академик Павлов в свое время назвал русских «коллекционерами слов, а не дел».

В пестром переплетении идеологических направлений, подготовивших первую русскую революцию, рельефно выделялся нигилизм. Один из главных связанных с ним вопросов – особый взгляд на проблему государственной власти. Отношения властвования чаще всего определялись как «деспотизм» и «тирания». Отрицался какой бы то ни было легитимный источник власти, власть представлялась основанной на узурпации. Другой важный признак власти зла виделся в ее персонификации. Разрушающие усилия всегда направляются против того, кто олицетворяет власть, – царь, министр, губернатор. Деспоты должны быть свергнуты, но что взамен? Их место займет идея «общего дела». Оно не может быть персонифицировано, во всяком случае на первых этапах революционного переворота. Нигилистическая этика рождала утопии, чтобы скрасить картину жизни, полную противоречий и несправедливости.

Были, конечно, здравомыслящие. Будущий известный философ Владимир Соловьев 2 августа 1873 года писал своей возлюбленной Екатерине Романовой: «Сознательное убеждение в том, что настоящее состояние человечества не таково, каким должно быть, значит для меня, что оно должно быть изменено, преобразовано. Я не признаю существующего зла вечным, я не

верю в черта. Сознавая необходимость преобразования, я тем самым обязываюсь посвятить всю свою жизнь и все свои силы на то, чтобы это преобразование было действительно совершенно. Но самый важный вопрос: где средства?

Есть, правда, люди, которым этот вопрос кажется очень простым и задача легкой. Видя (впрочем, весьма поверхностно и узко) неудовлетворительность существующего, они думают сделать все дело, выбивая клин клином, то есть уничтожая насилие насилием же, неправду неправдою, кровь смывая кровью; они хотят возродить человечество убийствами и поджогами. Я понимаю иначе. Я знаю, что всякое преобразование должно делаться изнутри – из ума и сердца человеческого. Люди управляются своими убеждениями, следовательно, нужно действовать на убеждения, убедить людей в истине».

Витте в «Воспоминаниях» так описывает состояние общества того времени: «Это было в 1875–76 годах, то есть в то время, когда в прессе и в общественном мнении начал сильно проявляться тот дух, который был посеян Писаревым, Добролюбовым и Чернышевским, то есть дух известной ненависти к лицам, которые по своему положению или материальному достатку выдаются из ряда средних людей, это и есть то самое чувство, которое, в сущности говоря, во многом руководит социалистами и анархистами, вообще революционной чернью. Но тогда это настроение царило во всем интеллигентном либеральном слое. Это и было то общественное настроение, то общественное течение, которое через 5–6 лет кончилось 1-м марта 1881 года, то есть возмутительным убийством такого великого императора, как Александр II».

Период 60–70-х годов вошел в историю как первый период терроризма в России. С 1866 года – пять покушений на Александра II: от первых выстрелов Дмитрия Каракозова у Летнего сада до бомб Игнатия Гриневитцкого на Екатерининском канале 1 марта 1881 года. Одно из них произошло в момент первого приезда Витте в Петербург. В апреле 1879 года бывший учитель истории, народо-волец Александр Соловьев стрелял в царя на Дворцовой площади. Пять выстрелов в вынужденного убежать императора не достигли цели. Террорист был схвачен и через месяц повешен.

Противоположной политическому радикализму и нигилизму была консервативная тенденция, которая питалась одновременно из нескольких источников. Среди них выделялось славянофильство, идеями которого был заражен и молодой Витте.

Славянофильство, появившееся в 40-е годы XIX века изначально тяготевшее к патриархальной утопии, к общинной модели устройства общества, увенчанной Земским собором, выступало против самодержавия и бюрократии. Однако постепенно идеологи славянофилов изменяли свои позиции. Славянофильство 80-х годов у М. Н. Каткова стало препятствием на пути капиталистической модернизации России. Катков и компания стремились наделить идеальными чертами именно существующий порядок вещей, причем во времени идея была устремлена скорее к прошлому, чем к будущему.

К какому же лагерю принадлежали представители либеральной бюрократии, которые разрабатывали и осуществляли реформы Александра II? Очевидно, что к консервативному, но у них преобладало чувство ответственности, реализма и понимания необходимости упреждающих мер, способных предотвратить крах самодержавной системы.

В планах либеральных реформаторов стояло и решение давно назревших вопросов об изменении системы государственного управления в России. В конце 70-х годов у императора обсуждаются «Конституционные записки» министра внутренних дел П. А. Валуева, который писал: «...везде преобладает у нас стремление сеять добро силою. Везде пренебрежение и нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказания».

28 января 1881 года новый министр внутренних дел М. Г. Лорис-Меликов представил Александру II доклад, в котором были изложены идеи дальнейшего преобразования политического строя России. Этот доклад, одобренный царем, не имел строго конституционного характера, но в обществе был воспринят именно так. Правительство явно готовилось вступить на путь дальнейшего развития реформ, хотя либерал Лорис-Меликов и боялся открыто заявить о новом курсе. В тиши канцелярий готовился новый важный законопроект.

1 марта 1881 года он был одобрен императором, но именно в этот день Александр II погиб от взрыва бомбы террориста. Так руками крайних радикалов был прерван процесс, который, вероятнее всего, привел бы к установлению конституционной монархии в России. В итоге же страна получила 29 апреля 1881 года манифест Александра III «О незыблемости самодержавия».

Массированная контратака на реформизм началась практически сразу после убийства царя, и началась именно с вопросов

государственного управления. На заседании Госсовета 8 марта 1881 года ближайший советник Александра III К. П. Победоносцев решительно отменил любую европейскую реформу, заявив, что в России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг. «А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституция, там существующая, есть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг. И эту фальшь, по иноземному образцу для нас непригодную, хотят к нашему несчастью, к нашей гибели ввести у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем».

Наступает время контрреформ. В основе противоречий лежит вопрос о том, какой путь развития экономики и социальных отношений перспективнее: свободное развитие частной инициативы, предпринимательства и конкуренции или продолжение регулирования со стороны административного аппарата. Реформы 60–70-х годов открыли путь свободному предпринимательству. Однако в 80-е годы контроль государства заметно усилился, что означало возвращение к дореформенной практике в новых условиях. Таким образом, реформы Александра II, явившиеся самыми радикальными преобразованиями за всю историю императорской России, сменились весьма продолжительным периодом контрреформ, остановивших процесс демократических преобразований. Консерватизм дворянства взял верх.

Но нас интересует вопрос: а как молодой Витте, современник тех событий, реагировал на них?

«СВЯТАЯ ДРУЖИНА»

В мемуарах графини Клейнмихель «Из потонувшего мира» приводится любопытный разговор, состоявшийся в курортном местечке Биарриц на юге Франции в 1911 году. Однажды, когда графиня была в гостях у Витте на его прекрасной вилле на Рю де Франс, зашла речь о слухах и легковёрности публики. «Знаете, Сергей Юльевич, – обратилась графиня к Витте, – ведь в свое время утверждали в Петербурге, что вы являетесь изобретателем этой невероятной, бессмысленной “Священной Лиги”, и находились достаточно глупые люди, поверившие этому. Сколь же ве-

лико было мое изумление, – пишет графиня, – когда я заметила, что граф Витте побледнел и на мгновение закрыл глаза; его лицо передергивалось, и он с трудом вымолвил: “Ну да, это правда. Эта безумная, бессмысленная мысль зародилась впервые именно у меня. Теперь я невольно краснею, вспоминая об этом, но тогда я был очень молод и не знал ни жизни, ни людей”».

В «Воспоминаниях» самого Витте тоже есть целая глава «О сообществе “Святая дружина” и моем участии в нем». В ней описываются события, связанные с 1 марта 1881 года. Витте находился с женой в театре (они уже жили в Киеве), когда узнал о покушении на императора и его гибели. «Я сейчас же покинул театр, написал моему дяде Фадееву, который жил в это время в Петербурге, письмо, в котором чувства преобладали над разумом». В письме Витте сделал заключение, что с анархистами надо бороться их же оружием: «Следовательно, надо составить такое сообщество из людей безусловно порядочных, которые всякий раз, когда со стороны анархистов делается какое-либо покушение или подготовка к покушению на государя, отвечали бы в отношении анархистов тем же самым, т. е. также изменнически их убивали бы».

Через несколько дней Витте получил ответ от дяди: «Ты, я думаю, будешь вызван». И действительно, через некоторое время его телеграммой вызвали в Петербург, где он встретился с министром двора Воронцовым-Дашковым и графом Шуваловым. «Шувалов, – пишет Витте, – вынул Евангелие и предложил мне принести присягу в верности сообществу, которое было уже организовано по этому моему письму и которое было известно под именем “Святая дружина”».

Витте предложили возглавить отделение организации в Киевском районе. Он пишет: «Это было секретное сообщество, вроде тех сообществ, которые существовали в Средние века в Венеции и которые должны были бороться с врагом и оружием и даже ядом».

Сохранилось письмо Р. А. Фадеева к Витте: «Петербург, 14 марта 1881 г. Сегодня письмо твое будет в руках Государя. Вероятно, проект твой осуществится самым тайным образом, средства будут даны, и организация, если до нее дойдет, свяжется с верховной властью в лице Воронцова-Дашкова. Но уговор пуще денег. Я готов поддержать эти виды всеми силами, но с непременным и единственным условием: чтобы, устраивая организацию, ты ни в коем случае не становился бы исполнителем и остался бы тайным ее центром, не двигаясь с места и ничем не рискуя собою.

Это непреложное мое условие, и я стану действовать в таком лишь случае, когда заручусь твоим честным словом в этом отношении. Я слишком тебя люблю, чтобы согласиться подводить тебя под опасность лично. Нигилизм действующий надо прижать к полу, иначе он не даст нам жить и сделать шаг. Событие 1 марта опозорило Россию, это слишком ясно. Во всем остальном приходится только сказать: пути Божии неисповедимы».

Однако Витте, несмотря на обещание, наверняка данное дяде, не исполнил его. В «Воспоминаниях» описывается командировка в Париж, где он выполнял поручение, связанное с убийством террориста Гартмана. Убийство не состоялось, и Витте вернулся в Киев. Поскольку «по всей России распространилось много слухов о существовании этого общества и о том, что туда направлялась всякая дрянь, которая на этом желала сделать карьеру... я и почувствовал необходимость выйти из этого скверного в конце концов, по меньшей мере смешного, если не грязного и гадкого, дела». Скоро «дружина» распалась.

Витте пытается доказать в «Воспоминаниях», что хотя он и был автором идеи, но на деле оказался пассивным участником. Пожалуй, здесь он не вполне искренен. В архиве сохранился любопытный документ – «Присяга Св. Дружины», с пометкой – «копия собственноручной записи графа С. Ю. Витте». Она гласит: «Во имя отца и сына и Св. Духа, я (такой-то) вступаю отныне в Св. Дружину и посвящаю себя всецело охране Государя, а вместе с тем разоблачению крамолы, позорящей русское имя. Обязуюсь беспрекословно подчиняться старшему брату моему и сообщать ему сведения, относящиеся к политическим и тому подобным организациям и лжеучениям, лично мною собранные или сообщенные мне братьями моими... В чем клянусь на Пресвятом кресте и Евангелии, памятью родителей, жизнью жены и детей и собственною моею честью. Аминь».

Члены «Святой дружины» разбивались на пятерки, состав которых держался в тайне. Для вступления в «дружину» требовалась характеристика, составленная «старшим братом»: ум, воля, характер, политическое мнение, состояние. Трудно сказать, откуда составитель почерпнул данную форму, похоже, из популярной литературы о тайных обществах, но сам факт участия Витте в составлении документа уже свидетельствует о его активности.

Являясь в «дружине» главным по Киевскому району, Витте числился «братом» под № 113 и возглавлял «пятерку

братьев». Сохранилась копия присяги с записями: «Воронцов – 110, мой – 113, Вяземский – 111, Зограф – 112. Моя пятерка № 146–150–5, последующая 311–355–25, 1136–1260–125». О своей агентурной деятельности в Киеве Витте доносил «наибольшему» «дружине» И. И. Воронцову-Дашкову, в частности, сообщал о своих неудачах в вербовке «дружинников» ввиду того, что существование тайного общества получило довольно широкую огласку и вызвало негативную реакцию, случился даже скандал, когда пытались завербовать в «дружину» киевского полицмейстера.

В «Дневнике» А. А. Суворина есть запись от 28 февраля 1893 года: «Витте принадлежит идея пресловутой дружины против нигилистов. Он приезжал сюда тогда из Киева и высказал это Воронцову-Дашкову. Идея иезуитская». «Взволнованными лоботрясами» назвал М. Е. Салтыков-Щедрин «дружинников». Их продолжателями считались впоследствии члены «Союза русского народа».

Несмотря на некоторые несовпадения деталей в разных источниках, общая картина ясна. Молодой Витте продемонстрировал не просто лояльность монарху и престолу, а энтузиазм, не задумавшись поначалу даже о моральных изъянах идеи: власть должна опуститься до методов террористов! Но хороши и сами представители власти, которые эту идею подхватили!

Что побудило Витте пойти на столь этически сомнительный шаг? Желание выслужиться и быть замеченным в верхах? А может быть, естественная, даже искренняя реакция человека, воспитанного в промонархических традициях? Попробуем разобраться.

УЛЬТРАДВОРЯНИН И МОНАРХИСТ

Нередко задают вопрос: кто же был Витте по происхождению, вероисповеданию и воспитанию? Это важно для понимания его психологии и мировоззрения. Сам Витте в «Воспоминаниях» (глава «О предках») рассказывает довольно пространно о материнской линии Фадеевых, имевшей древние корни от князей Долгоруких, и весьма скупо – об отцовской линии Витте.

«Относительно семейства Витте я знаю, что мой отец, приехавший в Самарскую губернию, был лютеранином; он был дворянин Псковской губернии, хотя и прибалтийского происхождения.

Предки его – голландцы, приехали в балтийские губернии, когда таковые еще принадлежали шведам. Но семья Фадеевых была столь архиправославная, не в смысле черносотенного православия, а в лучшем смысле этого слова – истинно православная, – что, конечно, несмотря на ни какую влюбленность моей матери в молодого Витте, эта свадьба не могла состояться до тех пор, пока мой отец не сделался православным».

Витте-мемуарист явно хотел убедить потомков, что и по линии отца он был «вполне православным» дворянином.

В историческом архиве хранится подлинник справки о дворянстве С. Ю. Витте, составленной в Пскове в 1896 году. В ней говорится: «1855 года декабря 21 дня по указу Его Императорско-

«Портретная» в особняке С. Ю. Витте на Каменноостровском проспекте

го Величества, в Псковском Дворянском Депутатском собрании слушали прошение надворного советника Федора Федоровича Витте, при коем прилагается формулярный список о службе отца своего Фридриха Федорова Витте».

Заявитель просит записать его с братьями, их женами и детьми «по Всемилостивейше пожалованному отцу их Фридриху

Витте в 1844 году ордену Св. Владимира 4-ой степени в надлежащую часть дворянской родословной книги и в том выдать ему грамоту на дворянство».

Глава рода Витте в России Иоган-Фридрих Вильгельм (Федор) Витте (1782–1846) в 1804 году начал службу лесным землемером в Лифляндской губернии, дослужился до титулярного советника и за 35-летнюю службу получил орден, дававший право на дворянство. У него было пять сыновей: Федор, Альберт, Александр, Эвальд и Юлий. Последний и стал отцом Сергея Витте.

Таким образом, С. Ю. Витте происходил по отцу из новоиспеченных дворян. Это явно расходится с данными статьи Н. Кутлера о С. Ю. Витте, помещенной в энциклопедическом словаре

*Екатерина Андреевна
Фадеева – мать С. Ю. Витте*

Брокгауза и Ефрона: «Витте – старинные курляндские дворяне». Историки предполагают, что курьезная для энциклопедии такого ранга информация попала туда не без участия самого Витте, с которым Кутлер имел тесные связи. Столь ревностное отношение Витте к своему дворянскому происхождению и преданность православию объясняются взглядами семьи Фадеевых, воспитавшей его, «где вечной занозой сидело и лютеранское прошлое, и родословная его отца».

Другое дело – линия происхождения матери, которую Витте всячески выставлял напоказ. Позднейшими генеалогическими розысками установлено, что среди предков его была дочь П. П. Шафирова, сподвижника Петра I, – Марфа Петровна. Она вышла замуж за Сергея Григорьевича Долгорукова, сына князя Григория Федоровича Долгорукова.

По старой традиции в каждом дворянском доме была «портретная», где вывешивались изображения предков. Было такое место и в особняке С. Ю. Витте на Каменноостровском проспекте в Петербурге.

Отец – Юлий Федорович Витте (Христофор-Генрих-Георг-Юлиус) – родился в 1814 году. По данным, содержащимся в той же справке о дворянстве Витте, он «по окончании в С.-Петербур-

*Юлий Федорович Витте –
отец С. Ю. Витте*

бургском Форст-институте курса наук, магистром финансов числен к 1-му разряду с пожалованием петлицы на воротнике. 1834 июня 14». В начале 40-х годов как специалист по сельскому хозяйству Юлий Федорович был направлен в Саратовскую губернию. В Саратове он знакомится с дочерью губернатора – Екатериной Андреевной Фадеевой и в 1844 году сочетается с ней браком. Два года спустя чета Витте вместе с семьей Фадеевых переезжает на Кавказ.

В семье Витте было пятеро детей: первенец Александр родился в 1846 году в Саратове, уже в Тбилиси родились Борис (в 1848 году) и Сергей (в 1849 году), позже на свет появились сестры – Ольга и Софья.

Психологи утверждают: если ребенок был обделен родительской любовью, то любовь к человечеству у него может сочетаться с пренебрежением к отдельным людям. Чтобы лучше понять Витте-политика, обратимся к его детским и юношеским годам. Прошли они на Кавказе, в большом барском доме Фадеевых, «где одной только дворни из крепостных Елены Павловны Долгорукой было 80 человек».

Дед Сергея – А. М. Фадеев был приглашен на службу в Тифлис наместником Кавказа князем М. С. Воронцовым. В 1856 году

*Елена Павловна Фадеева,
урожденная Долгорукова, –
бабушка С. Ю. Витте*

наместником стал князь А. И. Барятинский, который сохранил расположение к семье, а дядя Сергея – Ростислав Андреевич Фадеев состоял при князе адъютантом и был близким ему человеком. Все это не могло не способствовать карьере отца – Ю. Ф. Витте. Он служил сначала чиновником в канцелярии наместника, а затем – директором департамента государственных имуществ Кавказа, дослужившись до IV класса, до чина действительного статского советника. Неожиданная смерть оборвала карьеру.

Об отце и матери в «Воспоминаниях» Витте говорится мало, что дает основание предположить: отношения с ними не были

особенно теплыми и нежными. «Я был любимцем моего дедушки, и в семействе вообще относились ко мне любовно, но, в общем, довольно равнодушно, – пишет Витте. – Первоначальное воспитание и образование в детстве мы все три мальчика получили он нашей бабушки Елены Павловны Фадеевой, урожденной Долгорукой. Бабушка научила нас читать, писать и внедрила в нас основы религиозности и догматы нашей православной церкви. Мой дедушка Фадеев находился под ее нравственным обаянием, так что главой семейства всегда была Фадеева-Долгорукая».

Бабушка была человеком незаурядным. В двадцать четыре года княжна Елена против воли отца посмела влюбиться в Андрея Михайловича Фадеева, своего одноклассника, «великолепно образованного, порядочного и честолюбивого человека». Для их брака существовало только одно препятствие – жених был «из простых». В конечном счете князь Павел Васильевич Долгоруков поддался на уговоры дочери, и в 1813 году свадьба состоялась.

В Тифлисе Елена Павловна имела прекрасную репутацию и пользовалась уважением. «Невзирая на то, что сама ни у кого не бывала, весь город являлся к ней на поклон», – вспоминали ее современницы.

Елена Павловна Фадеева знала пять иностранных языков, прекрасно рисовала, интересовалась бабочками, а также растениями и минералами. Она была примерной женой, родила мужу четверых детей: Елену, Екатерину, Ростислава и Надежду (мать Витте). Не была чужда княгиня и светских удовольствий: любила чистокровных английских лошадей, крытые лаком экипажи, балы и званые обеды. Елена Павловна не раз встречалась с Пушкиным.

Особо следует остановиться на личности дяди, Ростислава Андреевича Фадеева, который, несомненно, оказал заметное влияние на формирование духовного мира юного Витте и которому не случайно посвящена отдельная глава «Воспоминаний». Генерал, участник покорения Кавказа, военный писатель, Ростислав Андреевич стал довольно известен в России после того, как выступил с программой преобразований, направленных против либеральных реформ 1860-х годов. Эту программу Фадеев развивал в книге, вышедшей в Петербурге в 1874 году «Русское общество в настоящем и будущем. Чем нам быть?». Признавая, что реформы Александра II способствовали активизации общественной жизни, Фадеев упрекал власти в отходе от принципа строгой сословной политики. В русском

дворянстве автор видел единственную силу («культурный слой»), способную противостоять наступлению нигилизма. Дворянство должно было стать полным хозяином и в системе местного управления, возглавив всесословную власть и взяв целиком в свои руки земство.

Современники понимали, что за консервативной программой Р. А. Фадеева стояли князь А. И. Барятинский и шеф жандармов граф П. А. Шувалов, представители «аристократической партии», которые агитировали за создание «русского лордовства» и негативно относились к бюрократии и реформам 60-х годов. Позже Фадеев сблизился со славянофилами.

Эти подробности важны для понимания происхождения взглядов молодого Витте. «Фадеев имел громадное влияние на

*Ростислав Андреевич Фадеев –
дядя С. Ю. Витте*

мое образование и на мою умственную психологию. Я к нему был очень близок, в особенности когда уже окончил курс в университете и потому жил уже вполне сознательною жизнью», – читаем в мемуарах.

Но вернемся к атмосфере детства и отрочества Витте. Одним из первых ярких впечатлений шестилетнего ребенка была картина, связанная с известием о кончине Николая I: «...вдруг в эту комнату вошла моя мать, которая рыдала, потом сюда же пришли мой дед, бабушка, тетка, и все они навзрыд рыдали. Это произвело на меня сильное впечатление, так рыдать можно было,

только потеряв чрезвычайно близкого человека. Вообще, вся моя семья была в высокой степени монархической семьей, и эта сторона характера осталась и у меня по наследству».

Воспитание и начальное образование Сергея, как и его братьев, было довольно типичным для дворянских семей. С младенчества он был отдан в руки кормилицы и няньки, дворовой крепостной, муж которой тоже служил в доме («был горчайшим пьяницей»), и при ребенке постоянно разыгрывались сцены между ними. Потом его опекал дядька, отставной солдат. О нравах можно судить по такому признанию Витте: «Дядька на наших детских глазах развратничал, гувернантка совратила с пути истинного моего старшего брата». Что касается родителей, они «неукоснительно не занимались» воспитанием детей.

Образование его также нельзя назвать блестящим. В гимназию Сергей и его средний брат Борис ходили в качестве вольнослушателей («ввиду того положения, которое занимали мои родители»). «Занимался я очень плохо, большей частью на уроки не ходил, учителя не обращали на нас никакого внимания, потому что они не были ответственны ни за наше учение, ни за наше поведение». Одновременно домой приходило множество различных учителей тифлисской гимназии, с помощью которых Сергею с братом с грехом пополам удалось получить аттестаты. Учебе отчасти мешало то обстоятельство, что оба брата чрезвычайно увлеклись музыкой. В Тифлисе была консерватория, где они обучались игре на духовых инструментах. «Вообще я и мой брат, – вспоминает Витте, – гораздо больше времени тратили на музыку, нежели на все остальные предметы; кроме того, мы постоянно занимались верховым спортом, затем упражнениями на рапирах и эспадронах, чему придавал особое значение наш дядя, генерал Фадеев...»

В «Воспоминаниях» Витте описывает случай, весьма наглядно характеризующий поведение барчуков: «Экзаменуя по французскому языку, учителя поставили братьям по три. Это меня и брата крайне удивило, а так как мы были большие шалуны, то, когда учителя вышли из гимназии, мы пошли вслед за ними по улицам и все время сыпали относительно их ругательства и бросали в них грязью. После такого инцидента хоть нам и выдали аттестаты и мы кончили курс гимназии, но за поведение нам поставили по единице».

С такими аттестатами братья отправились поступать в университет, но, несмотря даже на протекцию, не были сразу приняты.

Пришлось еще год проучиться в гимназии в Одессе, и лишь потом Сергей смог поступить на физико-математический, а Борис – на юридический факультет Новороссийского университета.

Таким образом, в 17 лет Сергей покинул родительский дом в Тифлисе и самостоятельно зажил вместе с братом в Одессе. Жизнь вне дома давала свободу, которая порождала опасности. Но постепенно Витте осознал: «...я никогда ничему не учился, а только баловался и... таким образом мы с братом пропадем. Тогда у меня явилось в первый раз сознание, и соответственно с этим проявился и собственный характер, который руководил мною всю мою жизнь»

Пробуждению ответственности способствовали также разорение и неожиданная кончина отца, Юлия Федоровича Витте, на-

Вид Тифлиса в середине XIX века

ступившая в 1868 году. Семья из Тифлиса переехала в Одессу, где окончательно и поселилась. В известной степени на плечи Сергея легла забота о матери и двух младших сестрах, которые были еще совсем девочками.

«В противоположность моим занятиям в гимназии, где я ровно ничего не делал, поступив в университет, я занимался и днем и

ночью, и поэтому за все время пребывания в университете я действительно был в смысле знаний самым лучшим студентом», – пишет Витте. По окончании курса в университете он написал диссертацию «О бесконечно малых величинах». Как первый по оценкам студент, Сергей мог бы получить золотую медаль, для чего требовалось написать еще одну работу по астрономии. «Но в это время я влюбился в актрису Соколову, а потому не желал больше писать диссертации». Тем не менее молодой человек имел планы остаться при университете на кафедре чистой математики.

Вполне вероятно, что, избрав профессорскую карьеру, Витте достиг бы успеха и реализовал себя творчески в науке. Но тогда Россия лишилась бы незаурядного министра финансов. Его отго-

Главное здание Новороссийского университета, г. Одесса

ворили родственники. Главный их довод заключался в том, что это «не дворянское дело». Такое мнение было тогда устойчивым в дворянской среде, и даже дядя, Р. А. Фадеев, которого Витте считал весьма культурным и образованным человеком, держался его.

Повторим, влияние дяди на формирование взглядов юного Витте было весьма значительным, вероятно даже во многом определяющим. Об этом свидетельствует и тот факт, что после кончины Р. А. Фадеева в 1883 году Витте обратился к министру двора с личным письмом, в котором излагалась просьба, «что-

бы немецкой фамилии нашей Витте было разрешено присоединить русскую фамилию Фадеевых, то есть наша фамилия Витте была переименована в фамилию Витте-Фадеевых». Правда, из этого ничего не вышло, и, получив холодный казенный ответ, Витте поостыл.

МАНУФАКТУРНОЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВО

В 1879 году Р. А. Фадеев вместе с И. И. Воронцовым-Дашковым подготовил книгу «Письма о современном состоянии России», в которой излагалась новая программа преобразований страны. Смысл ее заключался в укреплении самодержавия путем приискания ему надежной политической опоры. Такую опору авторы видели в развитии организованного земства, всецело отданного в руки дворянства и тесно связанного с правительством. Именно земство Фадеев считал силой, способной осуществить не только местное самоуправление, но и воплотить идею «единения царя с народом». Выход он видел в восстановлении допетровских государственных форм, в частности земских соборов.

Эти идеи сблизили Фадеева с Ю. Ф. Самариным, А. С. Хомяковым, братьями Аксаковыми и другими славянофилами. Через дядю к этому кругу примкнул и молодой Витте, тем более что еще совсем молодым он увлекся славянской идеей – идеей взятия Константинополя – и, будучи товарищем председателя Славянского общества в Одессе, усердно занимался отправкой добровольцев в Сербскую армию, воевавшую с турками.

Впоследствии Витте стремился представить свою государственную деятельность не чуждой славянофильских идеалов, отвергая обвинения в западничестве.

Весьма любопытна статья «Мануфактурное крепостничество», опубликованная в третьем номере «Руси» за 1885 год, где будущий капиталистический «индустриализатор» страны излагал свою позицию в отношении развития русской промышленности. Здесь уместно, хотя бы кратко, затронуть вопрос о том, как представители разных политических направлений в русском обществе XIX века относились к новой хозяйственной системе, к капитализму.

Западник А. И. Герцен пришел к выводу, что капитализм – это новая разновидность рабства, хотя и признавал, что переход от фе-

одального к буржуазному обществу является неоспоримым прогрессом. Он резко критиковал буржуазную политэкономия, считал, что преобразование России пойдет, минуя капиталистическую стадию, а революционной силой будет крестьянство. Чернышевский тоже критиковал крепостничество капитализма, выступая «за политэкономия трудящихся», крестьянскую общину.

Народники подвергали критике капитализм в целом, проповедовали социализм, зародышем которого считали крестьянскую общину. Утверждалось, что Россия – страна не капиталистическая и надежда на изменение ее экономического строя по западному образцу не оправдается.

Марксисты признавали капитализм как систему хозяйствования, считали ее необходимой стадией развития, после которой возникнет социалистическое общество. В целом можно говорить об антибуржуазном менталитете общества, что подтверждает и анализ русской литературы XIX века.

Витте в статье «Мануфактурное крепостничество» писал, что «Россия имеет перед собою ту стадию экономического развития, которую уже пережили или переживают западные государства. Из страны исключительно земледельческой она будет преобразовываться в страну земледелия и мануфактур. Задача государства должна заключаться в том, чтобы избегнуть или, по крайней мере, как можно более ослабить те ужасные последствия для народа, которые на Западе были вызваны этим превращением».

Господство учения А. Смита привело к усиленному развитию мануфактур. Общая сумма богатств увеличилась до размеров, о которых прежде не мечтали. Но одновременно еще в значительно большей степени увеличился пролетариат, оторванный совершенно от земли, подверженный всем капризам колебаний рыночных ценностей, «преющий и расслабленный от бессмысленной механической работы, где человек обращается в автомат». Личность человека и его скромное индивидуальное счастье пропадали в этой теории.

Неужели русский народ будет допущен до подобного испытания? Неужели необходимость увеличения отвлеченного богатства страны посредством развития русских мануфактур поведет и у нас к ломке нашего исконного строя? – задает вопросы Витте.

«Русский народ прежде всего земледелец и любит землю, – считает он. – Его духовная сущность тесно связана с прекрасным, возвышенным и облагораживающим земледельческим трудом».

Витте пересказывает статью английского автора, описывающего ужасное положение рабочих, особенно детей, на фабриках Манчестера. И делает вывод: «...чтобы убедиться во всех печальных последствиях такого положения вещей, достаточно сравнить быт сельскохозяйственных и фабричных рабочих. У первых все чисто, все дышит довольством. У вторых видна грязь, лохмотья и нищета, хотя бы вознаграждение фабричного рабочего в два раза выше рабочего землепашца.

Должны ли мы пережить ту же стадию экономического развития? К несчастью, начало сделано. Уже с понятием о фабричном поселении связывается и у нас представление о глубоком нравственном падении целых округов, о пьянстве, бедности, разврате. Уже мы видим, что наше падающее с каждым днем земледелие не в силах оказать прочный противовес фабрике, и гибнет, отдавая “станку” цвет населения.

Чтобы избежать в высшей степени печальных последствий, вызванных на Западе чрезмерным развитием мануфактур, чтобы не уродовать духовно и телесно русский народ, действительно необходимо, чтобы развитие русского мануфактурного дела шло под влиянием более ясного понятия о национальном богатстве, нежели то, которое царствовало на Западе под влиянием учения Манчестерской школы. Наш народ выстрадал терпеливо крепостное право, сохранивши его, однако, нравственно неприкосновенным, но устоит ли он в новом рабстве – это еще вопрос».

Какие же меры должны приниматься одновременно с развитием покровительственной системы во избежание этого мануфактурного крепостничества? – ставит вопрос Витте. Он считает, что необходимо скорейшее установление полных законов о рабочих и строгой инспекции и надзора за их исполнением. Законы должны регулировать рабочие часы, женский и детский труд и вообще ограждать рабочих от грозных случайностей. По его мнению, «государство должно в особенности настаивать на удовлетворении духовных потребностей рабочих. На это совсем не было обращено внимания на Западе, вследствие крайне материалистического направления, которое воцарилось там. Едва ли не в этом обстоятельстве заключается корень зла, проявляющегося в форме воинствующего социализма».

Мысли эти, весьма гуманные и цивилизованные, в то время в условиях России выглядели наивными, «прекраснодушны-

ми», оторванными от реальной жизни. Убедительнее всего это показали материалы судебного процесса над участниками знаменитой Морозовской стачки в 1885 году. Тогда достоянием общности стали ужасающие факты произвола хозяев Морозовских мануфактур. О каких «духовных потребностях» можно было говорить, когда рабочие жили хуже скотины, в условиях самой жесткой эксплуатации?!

Витте выражал взгляды, характерные для славянофилов, опасавшихся, что с нашествием промышленности погибнет исконная Русь. Жизнь покажет, в какой степени он сохранит эти взгляды. Да и сами славянофилы изменятся, поскольку изменятся их отношения с властью.

Император Александр III

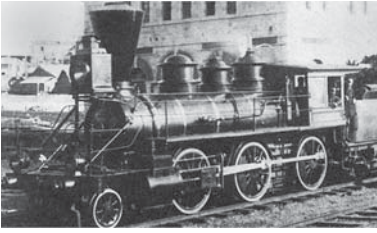
Вступив на престол, новый император Александр III провозгласил националистически окрашенный правительственный курс. Особая роль в его подготовке принадлежала К. П. Победоносцеву, воспитателю царя в бытность того наследником. Именно благодаря Победоносцеву великий князь Александр стал проявлять интерес к московским славянофилам и сблизился с ними.

Новый курс означал, что противники западного конституционализма взяли верх. Теория «народного самодержавия» как национальная идея, самобытная, присущая именно России форма госу-

дарственного управления означала единение царя с народом, а не с «землей» или земством, как учили братья Аксаковы. Тем не менее славянофил Катков приветствовал в «Московских ведомостях» появление рескрипта от 9 апреля 1881 года как «праздник». «Из долгих блужданий, – писал он, – мы наконец возвращаемся в нашу родную, православную, самодержавную Русь. Призраки бледнеют и исчезают. Мы чувствуем пробуждение».

Влияние Каткова и его единомышленников на Александра III и правительственную политику 1880-х годов было столь значительным, что в бюрократических кругах не без основания рассматривали их как второе правительство, существовавшее рядом с законным. Экономическая программа Каткова–Победоносцева предусматривала укрепление самодержавной власти с помощью развития национальной промышленности, протекционизм, строгий контроль над частным предпринимательством, использование государственной монополии и др. В деревне предполагалось укрепление общинного землевладения, в отношении к рабочим – жесткий курс. Победоносцев неизменно выступал противником социального законодательства.

Поиски национальной идеи обернулись в конечном итоге отходом от либерального курса, консервацией самодержавной системы. В складывающихся условиях формировалась потребность в государственных деятелях, связанных консервативной утопией, допускающей лишь внутренние изменения системы правления («Изменить так, чтобы все осталось как прежде»). Такой деятель в конце 80-х годов пришел с железной дороги и политикой ускоренной индустриализации вольно или невольно стал насаждать то мануфактурное крепостничество, против которого сам выступал.

ЧЕЛОВЕК С ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

На процесс формирования Витте-политика и будущего реформатора существенное воздействие оказало не только его происхождение и воспитание, но и те условия, в которых ему довелось начинать и делать карьеру. Жизненный путь молодого Витте складывался не совсем типично для дворянина. Семейные обстоятельства, в частности смерть отца, заставили Сергея сразу после университета думать о том, как самостоятельно зарабатывать на жизнь. В результате он начал карьеру «путейского» с низовых ступеней, дойдя до поста управляющего крупнейшей в тогдашней России сети Юго-Западных железных дорог. Вот откуда его знание жизни, глубокое понимание основ народного хозяйства, деловая хватка и прагматизм реформатора.

Проработав почти 20 лет на различных управленческих должностях железной дороги, Витте стал признанным специалистом с широким кругозором и навыками предпринимательской деятельности.

Эта деятельность так повлияла на личность Витте, что историк Б. А. Романов даже поставил вопрос: чего же больше было в министре финансов Витте – дворянина-помещика или буржуа, предпринимателя-дельца? Вопрос возник не случайно, и в тексте «Воспоминаний» Витте встречаются неожиданно резкие оценки собратьев по классу, к примеру: «...большинство же дворян, в смысле государственном, представляют собой кучку дегенератов, которые, кроме своих личных интересов и удовлетворения своих похотей, ничего не признают». Это говорил делец, прагматик. С другой стороны, и о представителях крупной буржуазии, с которыми он имел дело, Витте отзывался так же нелестно. В его мемуарах есть глава «О железнодорожных королях», в которой дается недвусмысленная характеристика крупных предпринимателей: «...в конце концов – вся сила этих господ заключалась в кармане». Налицо дворянско-чиновничье пренебрежение к буржуазии.

Успешная карьера железнодорожника стала для Витте платформой, с которой он взял старт в сферы высшей государственной бюрократии, чтобы реализовать себя на главном – общественном – поприще.

ВЫБОР ПУТИ, НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Кем быть, чем заняться выпускнику математического факультета университета? На ученой карьере был поставлен крест, поскольку дело это оказалось «недворянским». Витте, как и подобало «настоящему дворянину», поступил на государственную службу. В формулярном списке о службе С. Ю. Витте значится:

«1871 г. По окончании курса наук в императорском Новороссийском университете, со степенью кандидата, в службу вступил в Канцелярию Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, канцелярским чиновником – 5 июля.

1872 г. Указом Правительствующего Сената от 5 апреля 1872 г. утвержден в чине коллежского секретаря, со старшинством со дня определения на службу.

1873 г. Назначен помощником столоначальника – 1 мая.

1875 г. Указом Правительствующего Сената от 6 марта 1875 г. произведен за выслугу лет в титулярные советники, со старшинством, со дня определения на службу».

По обычаю дворяне в те времена не утруждали себя исполнением низовых чиновничьих обязанностей с мизерной зарплатой, в присутствии не ходили, а начальство смотрело на это сквозь пальцы. Но чины шли по законам бюрократии. Как признает в «Воспоминаниях» Витте, на самом деле никакой службы в канцелярии он не нес. Но и предаваться праздности не мог в силу материального положения семьи, лишившейся отца-кормильца.

Витте пошел служить на «чугунку», как тогда называли в простонародье железную дорогу. В период первого железнодорожного бума 70-х годов дело это считалось хлебным, перспективным и не требующим особых дарований. В вышедшей несколько позже, в 1883 году, книге «Тайны железнодорожного мира» излагалось мнение «некоего железнодорожного валаета»: «...инженер может быть круглый дурак, он может быть и сумасшедший... Для инженера открыты все пути на железнодорожной службе, для него,

если нет вакансии, создадут новое место с окладом в несколько тысяч и с поручением помогать другому инженеру, который тоже ничего не делает». Оценка, конечно, несколько утрированная, но некоторое представление о нравах того времени дает.

В кругу новороссийского губернатора, куда был вхож молодой Витте, он встретил графа Бобринского, назначенного тогда министром путей сообщения, и тот предложил ему начать службу в своем министерстве. «Бобринский несколько раз меня уговаривал, – пишет Витте. – Когда я на это согласился, то имел в виду поехать в Санкт-Петербург и выдержать там экзамен на инженера путей сообщения, что мне было очень легко сделать, так как я только что кончил курс в университете по математическому факультету, и мне следовало только немного заняться черчением и некоторыми специальными предметами. Но меня удивило, что граф Бобринский против этого моего намерения страшно восстал... он вообще считает большим злом эту касту инженеров путей сообщения. Граф считал, что в эксплуатации железных дорог есть такие отрасли, которые могут иметь будущность только тогда, когда во главе их не будут стоять узкие специалисты-инженеры. Например, вся коммерческая часть и вообще все, что называется эксплуатацией железных дорог в тесном смысле слова, кроме части технической».

Вместо того чтобы ехать в Петербург, Бобринский предложил Витте истратить те же полгода для изучения на практике железнодорожного дела. В конце концов тот на это согласился и начал службу в управлении Одесской железной дороги.

В 1870 году Одесская железная дорога была передана казной Российскому обществу пароходства и торговли, которое возглавлял Н. М. Чихачев. Под его началом и оказался молодой чиновник Витте. Особое положение семьи Фадеевых в Одессе, высокие связи и покровители, несомненно, способствовали его карьере. Известно письмо бывшего наместника Кавказа князя А. И. Барятинского от 28 января 1871 года, адресованное Н. М. Чихачеву: «На службе железных дорог, состоящих под Вашим управлением, находится кандидат математического факультета Сергей Витте, в судьбе которого я принимаю близкое участие. Дед его Фадеев и отец его были, один за другим, под моим начальством директорами Кавказского департамента государственных имуществ и оставили по себе прекрасную память в крае, дядя его Фадеев был при мне адъютантом, я знал его мать. Семейство это пользовалось

на Кавказе общим уважением. Я слышал, что молодой Витте вышел первым из университета, и считаю долгом относительно к его семейству обратить Ваше внимание на этого молодого человека и просить Вас дать ему ход по службе, если он оправдает доверие, как можно надеяться».

Чихачев ответил незамедлительно. Он выделил Витте как одного из самых способных, трудолюбивых и многообещающих молодых людей и готов был воспользоваться первым случаем, чтобы «улучшить его положение». Любопытно, что переписка А. И. Барятинского и Н. М. Чихачева не была секретом для Витте: копии писем оказались каким-то образом в личном архиве Витте, где их и нашли историки.

О начале карьеры Витте существует легенда, будто бы будущий граф начинал службу на дороге помощником машиниста, конторщика и в других низших должностях. Сам Витте пишет, что в действительности в течение полугода прошел все должности, касающиеся службы эксплуатации, сидел в станционных, грузовых и билетных кассах, изучал должности помощника, начальника станции, потом контролера и ревизора. Но жалование он получал 200 рублей в месяц, тогда как обычно на этих должностях получали несколько десятков рублей. По сути, это был скорее период ознакомительной практики и не более, однако Витте на всю жизнь сохранил уважительное отношение к путейским служащим.

Витте начал карьеру с должности начальника конторы движения Одесской железной дороги. Дела на этой дороге шли плохо, опыта эксплуатации тогда было еще очень мало. Покровитель, граф Бобринский, ушел из Министерства путей сообщения, и наступила такая полоса, когда вся сила сосредоточилась в руках инженеров. Перспективы у Витте складывались неблагоприятные: поскольку он не был инженером, то Министерство путей сообщения его никогда бы управляющим дорогой не утвердило. Действительно, Н. М. Чихачев ходатайствовал об этом, но получил отказ. Наверное, Витте тогда сожалел, что выбрал этот путь в жизни.

Так и застрять бы молодому путейцу на средних должностях, да началась Русско-турецкая война. Территория, по которой проходила Одесская дорога, стала прифронтовой. Непосредственный руководитель Витте адмирал Н. М. Чихачев был назначен начальником обороны Черного моря с расширенными полномочиями. Витте в такой обстановке, в сущности, сделался главой

Одесской железной дороги. И вот здесь ему представилась возможность отличиться при организации перевозок войск на театр военных действий.

Задача была не из простых, так как скверное техническое состояние путей, нехватка паровозов и вагонов, нечеткость мобилизационных и военных планов очень осложняли решение вопросов. Как начальник движения Витте проявил находчивость, пошел на нарушение прежних правил. В частности, рискнул самостоятельно внедрить так называемую «американскую» систему движения поездов, когда на паровозах стали менять машинистов, чтобы обеспечить круглосуточное их движение. Таким образом, пропускная способность дороги значительно возросла и задачи успешно решались.

Однако без происшествий не обошлось. Речь идет о «тилигульской катастрофе» в декабре 1876 года. Она произошла в местечке Тилигул в 186 верстах от Одессы, когда поезд с новобранцами, шедший вне расписания, свалился с высокой насыпи и загорелся. Число жертв превысило 100 человек. Следствие показало, что виноват был дорожный мастер, который демонтировал лопнувший рельс и ушел греться, не оставив, как положено, это место сигналами – красными флажками. Вьюга и плохая видимость помешали машинисту паровоза вовремя оценить ситуацию и остановить поезд.

Витте в это время был начальником движения Одесской дороги и за службу ремонта пути формально не отвечал. Тем не менее судебное следствие (по мнению Витте, явно тенденциозное) под напором общественного мнения привлекло к одинаковой ответственности дорожного мастера, его и адмирала Чихачева. Было очевидно, что последние никакого преступления не совершали, и все же судья, получивший после судебной реформы большую независимость, приговорил Витте и Чихачева к четырем месяцам заключения. Поскольку шла война, исполнение приговора было отложено. И только в 1880 году Витте отбыл наказание в стенах петербургской гауптвахты на Сенной площади, правда, в течение двух недель. Адмирал Чихачев провел две недели под домашним арестом. Такого рода послабление было сделано лично Александром II по ходатайству графа Э. Т. Баранова, в комиссии которого тогда активно работал Витте. Сказалось, очевидно, и то, что Витте за период войны получил две высочайшие благодарности «за содействие к успешной перевозке по железным дорогам войск и войсковых тяжестей, а также больных и раненых в минувшую

Турецкую войну». Поясняя причины ходатайства Баранова перед царем, Витте в «Воспоминаниях» утверждает: «Я ему был крайне необходим».

КОМИССИЯ БАРАНОВА

Комиссия, возглавляемая графом Э. Т. Барановым, была создана в 1876 году для исследования железнодорожного дела в России и выработки общего Устава железных дорог. Необходимость создания межведомственной комиссии была вызвана тем, что в первый период подъема строительства дорог частных предпринимателей заботили прежде всего большие барыши.

В России в 60-е годы утвердилась концессионная система, когда частные общества получали у правительства права на определенных условиях строить дороги. Однако правительство, заинтересованное в быстром развитии железнодорожной сети, всячески способствовало строительству и активно участвовало в нем. Для этого в 1867 году был создан специальный дорожный фонд. Его первоначальный капитал составили средства, полученные от продажи США Русской Аляски. Затем он пополнился за счет железнодорожных займов, гарантированных правительством. Они, как правило, производились на европейских рынках.

Помимо того, что казна обычно являлась гарантом капиталов железнодорожных обществ, она еще и оставляла за собой облигации обществ, которые не удавалось разместить на рынке. Частные по форме железнодорожные предприятия действовали, по сути, за счет казны. В условиях, когда правительственная гарантия обеспечивала прибыли и предотвращала убытки, когда благоволение госчиновников могло заменить концессионеру миллионные капиталы, фаворитизм и коррупция расцветали пышным цветом. Так, в период железнодорожного бума 70-х годов появились быстро разбогатевшие «короли»: П. Г. фон Дервиз, С. С. Поляков, В. А. Кокорев, К. К. фон Мекк, И. С. Блюх, Л. Л. Кроненберг, И. И. Мамонтов и др. Поскольку дороги строились путем выдачи концессий под правительственные гарантии, плохая их эксплуатация существенно отягощала государственный бюджет. Кроме того, работа частных дорог вызывала беспокойство деловых кругов. Несогласованность действий соседних дорог, отсутствие единых

норм и правил технической эксплуатации приводили к сбоям в движении поездов. Комиссия Баранова установила, что некоторые частные дороги построены без учета их экономического значения. Первоначальная «провозоспособность» многих линий оказалась слабой, ведь они строились однопутными, да и техническое обслуживание их было неудовлетворительным.

В «Воспоминаниях» Витте дает такую оценку работе комиссии, ее председателю и своей роли: «Граф Баранов был весьма почтенный человек. Он был очень доброжелательным, воспитанным человеком, по манерам крайне важным, а в действительности весьма простым и добрым, но, конечно, железнодорожного дела, да и вообще никакого серьезного дела он не знал». Положение себе граф составил тем, что «был другом императора Александра II, имел совершенно легкий доступ к нему».

Управляющий делами комиссии генерал Анненков, по словам Витте, «был типичным офицером Генерального штаба, большим болтуном и вообще был человеком, любившим умело уклоняться от истины. Конечно, железнодорожного дела он не знал». Среди других членов комиссии также «знающих железнодорожное дело не было». «Поэтому всю инициативу в дело вносил я», – без ложной скромности пишет Витте. Трудом, который оставила после себя комиссия, был «Устав железных дорог». Он «почти целиком был написан мною, а затем окончательно отредактирован, с точки зрения юридической, Неклюдовым», – утверждает Витте.

Действительно, этот документ, определивший правовые основы деятельности российских железных дорог, был, по существу, основным результатом работы комиссии Баранова. Просуществовав с 1876 по 1884 год, она так и не смогла установить всех причин плохой эксплуатации дорог. Да и не могла их установить – для этого пришлось бы раскрыть злоупотребления, в которых были замешаны высокопоставленные лица. В частности, Витте упоминает в мемуарах о морганатической жене Александра II княгине Долгорукой, «которая не брезговала различными крупными подношениями» при решении вопросов о предоставлении С. С. Полякову концессий на постройку Ростово-Владикавказской дороги.

Крупные чиновники Министерства путей сообщения не сочувствовали комиссии Баранова, так как полагали, что она займется «раскрытием неправильностей» действий министерства.

О том же свидетельствует и запись в дневнике генеральши А. В. Богданович 6 апреля 1879 года:

«Е. В. (муж Богданович. — С. М.) утром был у Посьета. Был Михневич. Условились втроем, что необходимо уничтожить самонадеянную барановскую комиссию, которая совсем не имеет *raison d'être* (смысла). Необходима комиссия при Министерстве путей сообщения и очень вредна вне его влияния, особенно в руках такого фокусника, как Анненков».

Злоупотреблений было множество. Наблюдательный Витте, несомненно, понимал причины явлений, но, связанный корпоративными интересами и мыслями о личной карьере, мог ли он их публично раскрывать? «Железнодорожные короли» вместе со своими высокопоставленными покровителями в министерстве без зазрения совести грабили казну.

Книга С. Ю. Витте
«Принципы железнодорожных
тарифов по перевозке грузов». 1883

Нужно было устранять причины злоупотреблений. Витте начинает выступать в печати. Его статьи в 80-е годы публикуются в «Московских ведомостях», в газете «Русь», в журнале «Инженер», в «Киевском слове». Публикации из «Инженера» Витте собрал в 1883 году в книгу «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов». Она стала первой значительной работой молодого путейского чиновника. Однако по содержанию, по характеру поставленных вопросов эта работа явно вышла за рамки ведомственных интересов, в ней рассматривались и вопросы экономической политики правительства.

Участие Витте в работе комиссии Баранова дало ему многое. Прежде всего, он познакомился с проблемами организации железнодорожного хозяйства России, разобрался в их причинах. Во-вторых, Витте приобрел известность, зарекомендовал себя в бюрократических кругах как квалифицированный специалист, что сыграло позже важную роль в его министерской карьере.

В УПРАВЛЕНИИ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ДОРОГ

Правление Общества Юго-Западных железных дорог в Петербурге располагалось в доме № 27 по Большой Конюшенной, третий дом от Невского, что было совсем недалеко от Троицкой улицы, где снимала квартиру чета Витте. В течение 1879–1880 годов Витте исправно посещал службу, где занимал кабинет заведующего эксплуатационным отделением правления Общества. Деятельная натура не позволяла Витте просто «справлять должность». По его почину осуществлялись разного рода новации, в частности, в 1880 году впервые была применена на практике выдача Юго-Западными дорогами ссуд под хлебные грузы.

Участвуя в работе комиссии Баранова, Витте заводит полезные связи с чиновниками Министерства путей сообщения и других ведомств, с руководством частных железных дорог, постепенно став известным деятелем в железнодорожном мире. В Петербурге Витте начал познавать и премудрости большой закулисной игры, на первых порах, конечно, в роли скромного статиста.

Между тем дела на Юго-Западных железных дорогах «не клеились», дороги продолжали оставаться убыточными, и администрация не могла никак наладить их работу. Правление решило послать Витте в Киев. «Я согласился принять место начальника эксплуатации железных дорог и переехал с женой в Киев», – пишет Витте. Правление общества прочило его на место управляющего Юго-Западных железных дорог, но Министерство путей сообщения не захотело утвердить Витте в этой должности, поскольку он не был инженером путей сообщения.

В Киеве Витте прожил довольно долго, около восьми лет, до момента своего возвращения в Петербург в марте 1889 года. Сведения об этом периоде его жизни весьма скупы. Хотя в «Вос-

поминаниях» есть отдельная глава «Моя служба в Киеве», но в ней содержатся в основном характеристики тех лиц, с которыми Витте довелось иметь знакомства. Именно в этот период у Витте постепенно сложились тесные отношения, «освещенные пониманием взаимной выгоды», с Иваном Алексеевичем Вышнеградским.

Личностью Вышнеградский был уникальной, в нем удивительно сочетались крупный ученый, делец-предприниматель и чиновник-администратор. Научная деятельность его была связана с Технологическим институтом в Петербурге, где он с 1872 года был профессором, а позже директором. Как известно, Вышнеградский является одним из основоположников теории автоматического регулирования, он сконструировал ряд машин и механизмов, создал

Здание Управления Юго-Западных железных дорог, г. Киев . 1889

свою научную школу. В конце 70-х годов ученый становится вице-директором Общества Юго-Западных железных дорог, а затем добирается до вершины бюрократической карьеры, став министром финансов, предшественником Витте на этом посту.

Номинально Общество Юго-Западных железных дорог возглавлял банкир И. С. Блиох, но он жил в Варшаве и делами систематически заниматься не мог. Поэтому главой всего дела стал Вышнеградский. «...Как человек чрезвычайно способный, с большим математическим образованием, сильным, хотя и резким

характером, конечно, он был совершенно на своем месте, но только не имел времени заниматься», – пишет Витте. Действительно, будучи председателем правления Юго-Западных железных дорог, он одновременно сохранял и пост директора Технологического института, был главным деятелем Петербургского водопроводного общества и многих других частных обществ. «Это создало ситуацию, когда в сущности все дело правления Юго-Западных дорог вели я и молодой инженер Кербедз» (впоследствии, на строительстве КВЖД, Витте поставит его во главе управления как «чрезвычайно талантливый инженер»).

Получив возможность действовать самостоятельно в области эксплуатационной и коммерческой, Витте проявлял свой-

*И. А. Вышнеградский,
председатель правления
Юго-Западных железных дорог,
министр финансов (1887–1892)*

ственную ему энергию и предприимчивость. В «Воспоминаниях» читаем: «...по моей инициативе, по моему плану было реорганизовано все управление Юго-Западными железными дорогами. Именно в смысле большей централизации власти, нежели то было прежде. Мне удалось во время моего пребывания управляющим Юго-Западными железными дорогами поставить эти дороги в совершенно твердое положение в финансовом отношении, акции этой дороги значительно повысились, и дорога в мое время начала давать регулярный дивиденд». Действительно, за годы его

управления дела наладились, и Юго-Западные дороги из убыточных превратились в весьма прибыльные.

Следует обратить внимание на одно свойство характера Витте, которое он часто подчеркивает в своих «Воспоминаниях», – независимость и даже фрондерство по отношению к начальству. «Так как я с молодости никогда ни перед кем спины не гнул, я говорил всегда всем прямо в глаза всю правду, хотя в то время я был человеком вполне зависящим, не имевшим состояния, то Блиох меня терпел, но не симпатизировал мне и всегда жаловался на мою резкость, или, как он выражался, “надменность”. И чуть ниже новое признание: «...меня всегда крайне поражало низкопоклонство перед Блиохом со стороны Вышнеградского. Все-таки в это время Вышнеградский был и тайным советником и более или менее известным профессором, а между тем он держал себя с Блиохом так, что я, будучи совсем молодым человеком, скорее пошел бы по миру, чем к Блиоху, и не потому, что он был еврей, а потому, что, в сущности, он ничего собою не представлял».

Закономерно возникает вопрос: мог ли чиновник, думающий о карьере, позволить себе публично выражать свои пристрастия? Вряд ли, скорее это было отражением внутреннего состояния, тайных мыслей, а внешне, конечно, демонстрировались лояльность и стремление оказать услуги. Такого же рода отношения складываются у Витте с И. А. Вышнеградским. «Примите уверение в совершенном уважении и преданности Вашему Превосходительству покорнейшего слуги С. Ю. Витте», – значилось в одной из записок Вышнеградскому. Нельзя сказать, что это было выражением какого-то особого подобира, нет, скорее, этическая норма того времени.

В середине 80-х годов в столичных верхах шла напряженная борьба вокруг министра финансов Н. Х. Бунге, который, будучи человеком либеральных взглядов, не устраивал партию славянофилов, имевшую в то время сильное влияние при дворе. В лице редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова и его единомышленников Бунге приобрел «врагов непримиримых и ожесточенных». Они не только критиковали его неспособность восстановить бюджетное равновесие и положить конец экономическому кризису, но и старались придать своим отношениям политический характер. Славянофилы собирались заменить Бунге Вышнеградским.

Весной 1886 года царь назначил Вышнеградского членом Государственного Совета по департаменту экономии. Сообщение об

этом «произвело сенсацию», поскольку репутация этого человека была подорвана сомнительными операциями в сфере акционерного учредительства. Тем не менее некоторые увидели в этом назначении более дальний прицел. Так, В. Н. Ламздорф, впоследствии министр иностранных дел, записал тогда в дневнике: «Вышнеградский, говорят, должен скоро сменить Бунге. Сообщение малоутешительное».

В полемике об этом назначении и судьбе министра финансов приняла участие не только столичная печать. 8 мая 1886 года киевская газета «Заря» опубликовала письмо в редакцию. Автор его, скрывший свое имя за литерой «Х», выступил в защиту Вышнеградского: «Если сын сельского священника, бедняк, еле добравшийся до Петербурга, после кровавого труда дела-

*М. Н. Катков, публицист,
издатель газеты «Московские
ведомости»*

ется одним из наиболее выдающихся профессоров, принимает участие в различных промышленных и финансовых частных обществах и играет в них первую роль, благодаря своим громадным познаниям, уму и характеру получает признание заграничных знаменитостей, то стоит ли удивляться, что молва останавливается на нем как на одном из кандидатов, который мог бы занять деятельный государственный пост».

Историк В. И. Лесин установил, что под «мистером Икс» скрывался наш Витте. Он же разыскал в архиве письмо Вышне-

градского, адресованное Витте: «Дорогой и многоуважаемый Сергей Юльевич, очень благодарен за письма, которые получил от Вас; в них, в особенности в ваших действиях по поводу нападок на меня, я вижу такое искреннее и доброе ко мне расположение, которое меня вполне утешает. Когда я прочел Вашу заметку, помещенную в “Заре”, я сказал себе сам, что все нападки на меня обратились мне же во благо; не ругай меня печать, и я лишен был бы возможности узнать Ваше обо мне мнение, которым я очень дорожу».

Словом, не было бы счастья, да несчастье помогло. Как приятно узнать, что о тебе хорошо думают подчиненные! И подобных взаимных реверансов было немало, что, очевидно, и породило спайку Вышнеградский–Витте, которая существенно помогла последнему в дальнейшей карьере.

Вышнеградский получил желанный пост министра финансов 1 января 1887 года, а Витте в тот же день был назначен управляющим Юго-Западными железными дорогами. Нетрудно догадаться, кто помог преодолеть сопротивление чиновников Министерства путей сообщения. Кроме того, вскоре после вступления на министерский пост Вышнеградский начал кампанию за передачу тарифного дела из ведения железнодорожного министерства в финансовое под тем предлогом, что неупорядоченность железнодорожных тарифов приносила ежегодно убыток казне в 56 миллионов рублей. Борьба с министром путей сообщения адмиралом К. Н. Посыетом по этому вопросу развернулась нешуточная, в нее оказались вовлечены многие влиятельные чиновники, и длилась она около трех лет. Принял в ней участие и Витте, как известный уже специалист по тарифному делу, но как бы со стороны.

Витте, по определению сенатора А. А. Половцева, был «возлюбленным соумышленником» Вышнеградского в железнодорожном вопросе. Он прекрасно понимал своего патрона и добросовестно выполнял все его поручения, направленные на дискредитацию путейского ведомства: подсчитывал убытки, составлял записки, писал рецензии, сочинял рапорты и пр. А интерес у Витте был непосредственный, поскольку он знал, что в случае успеха именно ему Вышнеградский предложит вести этот вопрос в своем ведомстве. Так и произошло. Однако этому предшествовало одно громкое событие, которое могло бы разрушить планы, но скорее способствовало достижению цели Витте.

Речь идет об известной катастрофе в Борках 17 октября 1888 года: при возвращении государя из Ялты в Петербург про-

изошло крушение царского поезда под Харьковом. Причиной крушения стало превышение поездом допустимой скорости. Тяжелый состав с царскими вагонами свалился с высокой насыпи, несколько человек погибло, еще больше было покалечено. Во время крушения государь со своей семьей находился в столовом вагоне; вся крыша столового вагона упала на императора, и только благодаря своей гигантской силе он удержал эту крышу на спине, и она никого не задавила, рассказывает Витте в мемуарах. Здесь же он излагает свою версию событий.

Мы узнаем, что еще за несколько месяцев до катастрофы в рапорте министру путей сообщения он предупреждал о недопустимости движения царского поезда со скоростью, превышающей

Крушение царского поезда в Борках

технические возможности дороги. Это вызвало недовольство придворных чиновников. Витте упрекнули в том, что на других дорогах никто не осмеливался требовать, чтобы государя везли с меньшей скоростью, на что он ответил министру путей сообщения: «Знаете, ваше высокопревосходительство, пускай делают другие, как хотят, а я государю голову ломать не хочу». «Импера-

тор Александр III слышал это мое замечание, конечно, был очень недоволен моей дерзостью, но ничего не сказал, потому что он был благодушный, спокойный и благородный человек».

После катастрофы была создана комиссия для расследования причин, и Витте вызвали как представителя Юго-Западных дорог, в числе других, в качестве свидетеля. И вот здесь он оказался перед выбором: как себя вести, чтобы не поставить под удар будущую карьеру? Свое замешательство Витте, конечно, не отразил в мемуарах, но об этом известно из «Отрывочных воспоминаний» известного юриста А. Ф. Кони, написанных в 1890-м, но опубликованных лишь в 1923 году.

Оказывается, прежде чем давать показания судебному следователю, Витте попросил аудиенции у Кони. Тот пишет: «Я вышел к Витте... между нами произошел разговор:

– Я вызван, конечно, затем, чтобы дать показания о тех объяснениях, которые я имел по поводу неправильности императорского поезда? – спросил Витте.

– Да, нам сообщено, что вы указывали министру и его приближенным на крайнюю опасность поезда и возможность его крушения.

– Это было так, но я прошу вас войти в мое положение. Мне предстоит очень важное назначение, зависящее от министров финансов и путей сообщения, которым определится вся моя будущая карьера. Мне не только крайне неудобно, но и совершенно невозможно восстановить против себя Вышнеградского или Посьета. Это может разрушить всю созревшую комбинацию. Я не знаю, что делать, прошу у вас дружеского совета. Скажите, как выйти из положения? Я решительно не могу рассказать всего, что мне известно.

При этом он чрезвычайно волновался, жестикулировал и старался не глядеть на меня своими умными глазами, – пишет Кони.

– Какой же совет могу я вам дать? Вы вызваны как свидетель по делу первостепенной важности и по закону и по совести обязаны дать вполне правдивые показания, ничего не утаивая.

– Но ведь это значит, что я должен говорить против Посьета и создать из него себе врага! – сказал Витте, тяжело дыша и меняясь в лице.

– Может быть, и даже весьма вероятно, а все-таки другого исхода нет.

– Ведь про меня могут сказать, что я явился доносчиком на Посыета».

Выход все же был найден. Кони, вспомнив дореформенную практику, предложил Витте просить следователя дать ему возможность ответить на вопросы письменно. Это давало больше времени для тщательного обдумывания каждого ответа, а кроме того, создавало видимость, что свидетель давал показания не по собственному почину, а был принужден к этому категоричностью поставленных вопросов. Перечитывая позже эти показания, Кони нашел их «весьма искусными».

Таким образом, очевидно, что Витте знал о предстоящем назначении и делал все от него зависящее, чтобы оно состоялось. Вероятно, Александр III после катастрофы оценил ответственность и добросовестность чиновника, и когда встал вопрос о том, кого поставить во главе вновь созданного в Министерстве финансов Департамента железнодорожных дел, то проблемы не возникло.

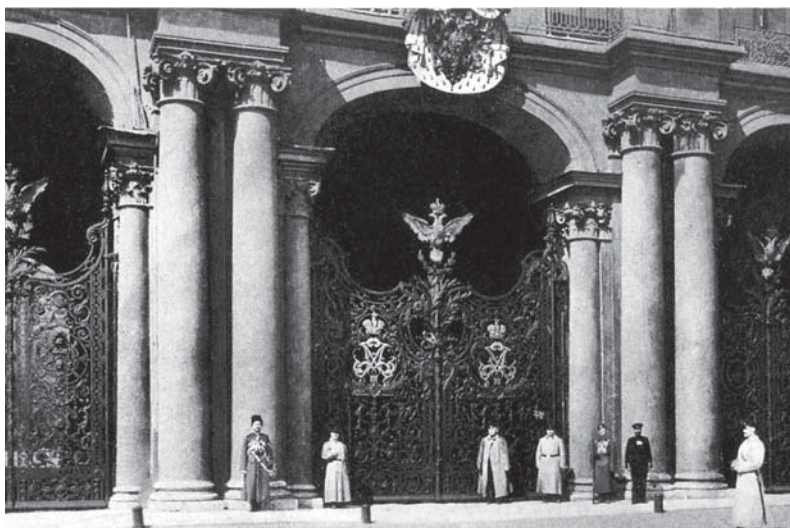
Правда, удивляет то, что в «Воспоминаниях» Витте изображает дело так, будто бы он вовсе и не желал этого назначения: «Я совсем не намеревался уйти из железнодорожного дела, на котором я получал громадное содержание, был совершенно свободным человеком, сам себе хозяин, и перейти на чиновничье место, хотя бы и высшего ранга». Далее Витте пишет, что, получив от Вышнеградского предложение занять это место, он, конечно, отказался. На что тот ответил письмом, что отказаться невозможно, так как этого желает император Александр III. Тогда Витте написал Вышнеградскому: «Вы, пожалуйста, доложите государю, – если государь прикажет, я, конечно, это сделаю, – но чтобы он имел в виду, что я никаких средств не имею. Жалование директора департамента 8–10 тысяч, а я в настоящее время получаю более 50 тысяч». Последовал ответ, что государь приказал добавить жалование, так что Витте было в итоге назначено 16 тысяч в год. «Таким образом, вопреки моему желанию я начал новую карьеру».

Явное лицемерие! Если Витте не имел желания делать «новую карьеру», то едва ли ему стоило прибегать к помощи «Московских ведомостей» для рекламы своего предстоящего назначения на пост директора Департамента железнодорожных дел. Между тем 16 декабря 1888 года газета поместила пространную заметку, в которой Витте был представлен читателю как знаток железнодорожного, «в особенности тарифного, дела» и автор «Общего устава российских железных дорог». «С. Ю. Витте пользуется репутацией человека

решительного, со вполне сложившимися убеждениями, и искренно преданного интересам России», – рекламировала газета. Далее говорилось, что И. А. Вышнеградский, без сомнения, найдет в С. Ю. Витте деятельного и опытного помощника в урегулировании столь трудного дела, каким является вопрос о железнодорожных тарифах, от которых зависит в значительной мере все экономическое благосостояние России.

Причастность Витте к появлению этой заметки не вызывает сомнений. Даже если Витте и не был ее автором, то она, по крайней мере, была написана с его слов, считают историки.

Если не знать предысторию вопроса, то написанное в «Воспоминаниях» Витте может восприниматься естественно. Дейс-

Парадные ворота Зимнего дворца

твительно, зачем менять свое вполне комфортное положение управляющего крупной процветающей компании на положение зависимого чиновника со значительным понижением доходов, да еще связанное с переездом?

«Переехал я в Петербург с моей женой, причем жене это было очень неприятно, так как, очевидно, в Петербурге мы не

могли жить так широко, как жили в Киеве; кроме того, климат петербургский не подходил ни ей, ни мне», – пишет Витте.

Можно предполагать, что здесь сыграли главную роль карьерные мотивы. Молодому, полному сил и честолюбивых планов Витте явно стали тесны рамки деятельности управляющего частного железнодорожного общества, и он искал выход своей энергии на государственном поприще. Но, склонный «держатъ позу», Витте вновь подчеркнул свою «независимость», сделав вид, что уступил лишь воле императора.

С новым назначением был связан и еще один эпизод из жизни чиновного мира. «Когда император спросил, в каком я чине, ему объяснили, что я всего титулярный советник и что нахожусь в отставке... – пишет Витте. – Из справки оказалось, что я нахожусь в отставке из-за дерзости».

Будучи управляющим Юго-Западными дорогами, Витте имел постоянные сношения с представителями немецких дорог, участвовал в их съездах. И вот совсем неожиданно – «потому что он никакой склонности и любви к декорации никогда в своей жизни не имел» – Витте был награжден орденом Прусской Короны. Российский министр путей сообщения, узнав про это, просил сообщить, за что император Вильгельм пожаловал ему этот орден. Витте пишет в «Воспоминаниях»: «Так как я на Министерство путей сообщения был постоянно зол за то, что оно меня несколько раз не утверждало управляющим дорогами, то я и ответил, что я очень удивлен, что меня об этом спрашивают, что орден дал ведь не я Вильгельму, а Вильгельм мне, а поэтому они должны были обратиться к Вильгельму, почему он дал мне орден? Я же объяснить этого не могу, так как никаких заслуг ни перед императором Вильгельмом, ни перед Пруссией за собой не чувствую и не знаю».

Ну кто же, скажите на милость, так отвечает министру? Конечно, чиновники министерства обиделись и отправили Витте в отставку с государственной службы, что, впрочем, никакого значения тогда не имело, так как он давно уже находился на службе в частной компании.

Александр III разъяснили ситуацию, но тем не менее император сказал, что он таких людей по характеру любит, и настоял, чтобы Витте назначили директором Департамента железнодорожных дел.

Поскольку должность эта была «генеральская», то Витте по законам бюрократии должен был иметь и чин соответствующий

щий, что и было сделано специальным указом императора. Таким образом, наш герой одним махом совершил скачок на пять ступеней вверх – из скромных титулярных советников (IX класс) в действительные статские советники (IV класс).

Случай это был небывалый, ведь обычно чиновники делали такую карьеру годами, ступенька за ступенькой, а здесь какой-то молодой, мало кому известный провинциал шагнул одним махом на пять классов вверх, словом – выскочка, парвеню! Это стало событием в жизни бюрократического Петербурга и оживленно обсуждалось во всех салонах.

ДИРЕКТОР ДЕПАРТАМЕНТА

Витте был назначен директором Департамента железнодорожных дел указом от 10 марта 1889 года. Департамент только создавался, и на плечи его руководителей легли многие организационные заботы: набор чиновников, оборудование помещений (места в огромном здании Министерства финансов на Мойке не хватало, для департамента выделили помещения на Большой Морской в доме №16).

Первостепенное внимание, как он сам подчеркивал, Витте уделял подбору своих помощников, руководителей подразделений. Именно тогда он пригласил Петра Михайловича Романова и Владимира Ивановича Ковалевского, с которыми успешно работал потом многие годы и в Министерстве финансов, сделав их соратниками в реформах. Нарушая бюрократические традиции, Витте основное внимание обращает не на чины и высокие рекомендации, а на профессиональные качества. При этом он подчас даже рискует заработать неприятности. Например, когда берет на службу В. И. Ковалевского, имевшего репутацию «красного» из-за того, что тот в молодости знал с анархистом Нечаевым. Как пишет Витте, «Ковалевский все время был под неблагоприятными взглядами высшего правительства как человек политически неблагонадежный. Тем не менее я взял Ковалевского потому, что это был человек замечательно талантливый».

Положение обязывало Витте стать «своим» среди петербургских сановников, завсегдаем светских приемов. Однако салон-

ный Петербург встретил Витте довольно прохладно, даже неприязненно. Многих задело, конечно, назначение «чужака» на столь высокий пост и скачок в чинах. Кроме того, даже внешне человек он был «несветский», провинциал. В мемуарах В. И. Ковалевского говорится: «На первых порах поражала прежде всего внешность Витте: высокая статура, грузная поступь, развалистая посадка, неуклюжесть, сипловатый голос; неправильное произношение с южно-русскими особенностями: ходат йство, верства, учёбный, плацформа, сельские хозяев – резали утонченное петербургское ухо. Не нравилась фамильярность или резкость в обращении».

Мало-помалу к нему стали привыкать, многие даже восхищались обаятельностью его ума и обходительностью, другие

*С. Ю. Витте –
директор Департамента
железнодорожных дел*

же не стали более снисходительными, но еще резче проявляли свою нетерпимость к этому «авантюристу», как его называли.

Освоению Петербурга способствовал тот же Вышнеградский, представляя Витте своим знакомым. Например, он ввел его в дом Богдановичей.

Александру Викторовну Богданович, жену генерала Е. В. Богдановича (член Совета министра внутренних дел), знал весь Петербург. В конце XIX века в их большом доме напротив

Исаакиевского собора собирались министры и губернаторы, митрополит и фрейлины, дипломаты и литераторы. Тридцать три года А. В. Богданович кропотливо вела дневник, где с большой долей достоверности сумела зафиксировать многие события 1879–1912 годов. Дневник был издан уже в советское время под названием «Три последних самодержца». Имя Витте в дневнике упоминается почти так же часто, как имя царя. Первая запись относится к 15 сентября 1889 года:

«Много обедало. Был Витте, который назначен директором Департамента железнодорожных дел и зараз получил чуть ли не 8 чинов, чтобы занять это место. Витте больше молчал, на вид он похож скорее на купца, чем на чиновника».

Запись 18 сентября того же года:

«Константин Скальковский, очень резкий, но очень добрый малый, очень остроумен, всегда умеет охарактеризовать каждого в разговоре и в печати. Сегодня он сказал про Витте, что он умен, но бездушный, холодный человек. У него страшное самолюбие, ему теперь хочется показать, что и раньше его слово было с весом».

К. А. Скальковский был из высших чиновников, работал в Министерстве финансов директором Горного департамента, слыл остроумцем, собрал и издал сборник цитат из произведений русских писателей и государственных деятелей, чем приобрел известность у современников. Позже Скальковский ближе познакомится с Витте и даже сыграет определенную роль в устройстве его семейной жизни.

Вышнеградский знакомит Витте и с князем В. П. Мещерским, редактором газеты «Гражданин», человеком очень влиятельным, имевшим доступ к царю. У Мещерского на Мойке по средам собирался весь сановный Петербург. В одну из таких сред в салоне Мещерского появился и Витте.

Он сразу привлек к себе общее внимание. Витте говорил о разнузданности путейцев, об оторванности Петербурга от России, о глупости и тупости тех, кто не верил в Россию. «Говорил он много и хорошо, – писал об этой первой встрече с Витте чиновник И. И. Колышко, – чуть в нос, с хрипотцой, с неуклюжими жестами, но с чарующей убежденностью и юным задором». Когда сановники разошлись, Колышко обменялся с Мещерским мнением о Витте. Оказалось, старик влюбился в него. «Его надо сделать министром», – изрек он.

Знакомство с князем Мещерским и его интимным другом Кольшко затем перешло у Витте в деловое сотрудничество. И тому и другому суждено было сыграть в карьере Витте весьма значительную роль. Кольшко станет его близким помощником, напишет в 1910 году пьесу «Большой человек», и Витте будет прототипом главного героя. Однако отношения их в конце концов расстроятся, и Кольшко оставит о Витте нелестные воспоминания.

С князем Мещерским у Витте впоследствии также сложатся непростые отношения. Мещерский, правда, несколько иначе описывает их первую встречу: «Я познакомился с ним в кабинете министра финансов Вышнеградского в конце 80-х годов. Витте мне сразу стал симпатичен своей естественностью, безыскусственностью в проявлении им своей личности. В черном сюртуке, развязанный и свободный в своей речи и в каждом своем действии, он напомнил мне наружностью английского государственного человека. Я также обратил внимание на тот замечательный внимательно-умный взгляд, с которым он слушал обращенные к нему слова. Ум его был живой, оригинальный, порой глубокий, порою тонкий и в то же время любознательный и пыливый».

Вместе с тем князь Мещерский отмечает, что эти «умственные прелести Витте исходили от ума, в котором слышался самородок», но в то же время в нем замечался недостаток государственного образования. «Он очень слабо владел французским языком, совсем не знал немецкого и с европейским ученым миром был знаком только посредством нескольких переводных отрывков. Литература всего образованного мира, мир искусств, знание истории – все это было для него чужое и очень малоизвестное», и если, невзирая на это, «люди образованные и умные испытывали удовольствие от беседы с ним, то это доказывало, как даровит был природный ум Витте», – замечает Мещерский.

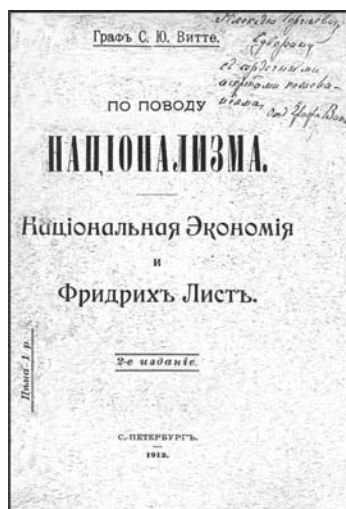
Однако эти крупные пробелы в образовании сказались, когда он занял высокое положение и должен был из технического специалиста превратиться в государственного человека.

Сознавая необходимость образования, Витте стал урывками заглядывать в книги, но служба оставляла для этого мало времени. Очевидно, именно с той поры Витте стал собирать личную библиотеку, которая после его кончины по завещанию была передана в Политехнический институт и хранится там поныне.

В этот период Витте много читал и размышлял. В 1889 году вышла в свет его книга «Национальная экономия и Фридрих Лист»,

рассматривающая вопросы экономической политики России. «Мы, русские, в области политэкономии шли на буксире Запада, не видя национального», – пишет Витте. Как раз в это время в печати шла дискуссия: какой государственной политики придерживаться? В развитых странах Европы сильны были сторонники фритредерства, то есть свободной торговли без вмешательства государства (от англ. *free trade* – свободная торговля). Как «националист» Витте в книге выступает противником фритредерства, ему явно импонируют идеи немецкого экономиста Фридриха Листа, до того практически неизвестного в России. Главная мысль, которая выделяется Витте, – это необходимость активной роли государства, политики протекционизма для преодоления экономической отсталости страны.

Книга С. Ю. Витте
«По поводу национализма.
Национальная экономика
и Фридрих Лист»

По сегодняшним меркам, эта книга – одна из самых значительных работ в период становления русской экономической школы в конце XIX века. Существенно, что идеи, выраженные в ней, стали как бы теоретическим фундаментом будущей «системы Витте». В 1912 году автор переиздал книгу под названием «По поводу национализма»

В практической деятельности директор Департамента железнодорожных дел сосредоточился прежде всего на вопросах тарифной политики правительства. Кипучая деятельность чиновников

департамента дала зримые результаты, постепенно был ликвидирован хаос, существовавший в железнодорожных тарифах. Новая тарифная политика встретила упорное сопротивление владельцев железнодорожных обществ, но энергичными действиями Витте оно было сломлено. При этом изобретались «хитрости».

Так, наиболее строптивыми оказались акционеры Курско-Киевской дороги, многие из которых были сановниками. Общее собрание акционеров этой дороги отказалось подчиниться решению тарифного комитета о хлебных вывозных тарифах, которым устанавливался порядок распределения платы за перевозки по нескольким дорогам. Тогда Витте решил отомстить этой дороге самым коварным образом: для нее было сделано исключение из нового порядка (тарифы оставили прежними), но на практике это вело к сокращению перевозок по линиям дороги и значительным потерям в доходах. Обо всем этом с издевкой над акционерами рассказывалось в статье «Московских ведомостей», набросок которой прислал редактору Витте.

Департамент железнодорожных дел занимал два этажа над рестораном Кюба на Большой Морской, возле Кирпичного переулка. Это место было кутежным центром Петербурга. Первый по гастрономии ресторан отныне соседствовал с Департаментом, который на какое-то время «затмил собою все остальные правительственные учреждения». С его созданием Вышнеградскому и Витте удалось сосредоточить в своих руках финансовые и тарифные дела всего железнодорожного хозяйства страны. Теперь от них зависело и предоставление новых концессий на железнодорожное строительство.

Один из лидеров делового мира России, В. В. Жуковский, оценивал результаты деятельности Витте во главе департамента как один из самых любопытных примеров в истории экономических отношений, когда человек, прежде возглавлявший частное общество, подчинил «влиятельную промышленную группу» государственным интересам. Это не означало, что Витте стал противником частных железнодорожных компаний, однако он поставил их в строгую зависимость от казны. Позже, на посту министра финансов, Витте будет активно проводить политику выкупа частных компаний государством и превратит железные дороги в одну из главных отраслей казенного хозяйства.

Одновременно Витте участвует в других крупных операциях, осуществленных Министерством финансов, например

активно содействует подготовке таможенного тарифа 1891 года, положившего начало новой таможенной политике России. Витте внимательно изучает страну. Так, в 1890 году вместе с Вышнеградским он совершает длительную поездку по Волге, Средней Азии и Кавказу.

Волей-неволей Витте содействовал и осуществлению общей экономической и финансовой политики Вышнеградского, которая выражалась в усилении вмешательства государства в экономическую жизнь страны, в поддержке консервативного начала аграрной политики, в ужесточении бюджетной и налоговой политики. Казалось, наметились положительные перемены: впервые за несколько десятилетий удалось составить бюджет 1891 года без дефицита, о чем давно мечтали. Однако меркантилистская политика Вышнеградского, сводившаяся к пополнению бюджета и скоплению возможно большего количества золота в казне, не выдержала серьезных испытаний.

В 1891–1892 годах Россию постигла большая беда: от засухи пострадали 29 губерний. Голод и сопутствующая ему холера унесли более 500 тысяч жизней. Вообще говоря, неурожайные годы периодически повторялись и не были явлением чрезвычайным. Но в этот раз необычные масштабы бедствия свидетельствовали о социальных причинах трагедии. Ее спровоцировала фискальная политика Вышнеградского, отличавшаяся предельной жестокостью. Если его предшественник Н. Х. Бунге пошел на отмену подушной подати с крестьян, то Вышнеградский сумел взыскать недоимки по уже не существующему налогу, увеличил косвенные налоги. В результате такой политики с 1888 по 1891 год перевыручка по бюджету достигла огромной суммы в 209 миллионов рублей. Однако в следующие, 1891 и 1892 годы правительство вынуждено было истратить на помощь голодающему населению 162 миллиона, но при этом еще и многие крестьянские хозяйства были разорены.

Голод 1891–1892 годов стал как бы выразительным итогом внутренней политики царствования Александра III. Это десятилетие историки назовут «эпохой контрреформ», поскольку консервативные начала взяли верх, а многие из либеральных достижений великих реформ были утеряны. Россию, по словам Победоносцева, «подморозили», полагая, что таким образом удастся остановить революционное движение и укрепить самодержавие.

Витте в этот период, конечно, не мог играть самостоятельной роли: директор департамента пока только присматривался

к большой политике, внимательно изучал бюрократический механизм империи и готовился занять министерский пост. Такая возможность вскоре открылась в связи с итогами борьбы глав двух ведомств – финансов и путей сообщения, Вышнеградского и А. Ю. Гюббенета.

Конфликт этих ведомств в какой-то мере можно считать традиционным для царской России. Уместно вспомнить о противоречиях между министрами эпохи Александра II – М. Х. Рейтерном и П. П. Мельниковым. Последний был сторонником сооружения и эксплуатации железных дорог государством на средства казны, а министр финансов Рейтерн стоял на прямо противоположных позициях – за частное предпринимательство в этой сфере. В период либеральных реформ взгляды последнего «взяли перевес», хотя это имело негативные последствия для экономики, выразившиеся в расцвете махинаций, коррупции, грюндерстве. Мельникову, много сделавшему для развития железнодорожного транспорта в России, пришлось уйти в отставку.

Конфликт по поводу тарифной политики, как уже отмечалось выше, имел место еще между Вышнеградским и предшественником Гюббенета – Посьетом, возглавлявшим Министерство путей сообщения до конца 1888 года и отправленного в отставку после катастрофы в Борках. Любопытная история адмирала Посьета содержится в «Воспоминаниях» Витте: «Посьет был очень честный, прямой, прямолинейный, но очень ограниченный человек» (любимая характеристика Витте). Он был назначен на пост министра потому, что был воспитателем и вместе с тем руководителем великого князя Алексея Александровича. Когда великий князь совершал кругосветное путешествие, то Посьет был командиром фрегата. Вообще Посьет обучал великого князя морскому делу, но однажды, командуя кораблем, столкнулся с другим судном.

Несмотря на высокое положение, его судили и признали в некоторой степени виновным, но карьера Посьета не пострадала, а лишь изменила направление. Александр II, очень его любивший, назначил моряка министром путей сообщения.

Кстати говоря, военные, особенно адмиралы, нередко ставились во главе гражданских ведомств, не имея на то никакой специальной подготовки. Другой пример: адмирал С. Грейг был назначен министром финансов в 1878 году после отставки М. Рейтерна. Он ненадолго задержался в кресле министра и был – конечно, с поче-

том – уволен, получив новый высокий пост. Так нередко решались вопросы назначений в высших эшелонах власти России!

В «Воспоминаниях» есть еще один штрих, который говорит скорее о личном отношении Витте к министру: «Когда Посьет ездил иногда по железным дорогам для ревизии, то я знаю, что когда он приезжал, то на Юго-Западных железных дорогах делалось распоряжение, чтобы были очищены и приведены в порядок особые места, которые существуют на станциях с надписью: “для мужчин”, “для женщин”. Если находил непорядок в них, то происходили большие истории, он требовал взысканий, а если эти места он находил в полном порядке, то на все остальное он обращал очень мало внимания (вероятно, потому что в остальном он

*К. Н. Посьет, министр путей
сообщения (1874–1888)*

ничего не понимал). Почему он считал себя специалистом именно по этой части – я не знаю», – с издевкой пишет Витте.

Конфликт Вышнеградского с преемником Посьета А. Я. Гюбенетом был связан, опять же внешне, с вопросом о железнодорожно-строительных проектах, а по сути – с экономической политикой. Гюбенет обвинял Вышнеградского и Витте в попытке «водворить железнодорожную вакханалию, чтобы затем в мутной воде ловить рыбу». Они обвиняли его в том же. Борьба вылилась на

страницы печати. В 1891 году конфликт обострился до крайности и взволновал весь чиновный Петербург. Баталия между министерствами финансов и путей сообщения завершилась окончательной победой Вышнеградского и Витте. Теперь в руках Минфина оказались все нити управления экономикой, финансами и транспортом. Исключение составляло сельское хозяйство, находившееся в ведении Министерства внутренних дел.

ЮСУПОВСКИЙ САД

Вопрос о том, кто займет освободившийся пост министра путей сообщения, был непростым: Витте наверняка надеялся, но уверенности у него не было. Вот как описывает момент получения сего известия редактор «Биржевых ведомостей» С. М. Проппер: «Я находился у Витте несколько минут, и мы собирались приступить к работе, когда в комнату ворвался дежурный служащий, высоко держа голубой конверт. Надпись большими буквами – “Его превосходительству управляющему Министерством путей сообщения Сергею Юльевичу Витте”, – которую можно было прочесть издалека, уже обозначила новый пост адресата. Факт назначения министром для Витте также был неожиданностью. Это превосходило его самые смелые ожидания, которые не шли дальше назначения товарищем министра.

Я видел, как Витте побледнел, он хотел подняться со своего места, его члены отказывались служить, и он должен был, глубоко вздохнув, опуститься на стул. Дрожащей рукой он взял письмо и долго не открывал конверт. Я хотел поздравить. Движением руки – говорить он еще не мог – он попросил меня подождать, подошел к иконе в углу комнаты, перекрестился с глубоким поклоном (Витте был очень религиозен), вновь приблизился к столу, перекрестил надпись на конверте, перед тем как вскрыть его, долго читал отношение министра двора с указом императора, прикрыл на некоторое время глаза рукой, и, вновь подняв их искрящимися от счастья, он сказал все еще дрожащим от волнения голосом:

– А сейчас вы можете меня поздравить. Я назначен управляющим Министерством путей сообщения.

По русскому обычаю мы трижды поцеловались».

«Был февраль 1892 года». Точнее, соответствующий указ был подписан так: «15 февраля в 10 3/4 час».

«Вечером следующего дня, – продолжает далее Проппер, – я был приглашен новым министром посетить его кабинет на Фонтанке. У министра путей сообщения была самая красивая служебная квартира по сравнению с квартирами его коллег. Это был дворец, который был пристроен к зданию министерства и имел собственный выход в великолепный Юсуповский сад».

По сложившейся в Петербурге традиции квартиры министров располагались в здании министерств. Юсуповский сад и дворец стали местом пребывания Витте в период министерства в железнодорожном ведомстве с середины февраля и до конца августа 1892 года. Это был важный этап карьеры, здесь стала налаживаться и новая семейная жизнь.

*С. Ю. Витте –
управляющий
Министерством путей
сообщения. 1892*

Проппер неточен, говоря о дворце, «пристроенном к зданию Министерства». Скорее наоборот, дворец, построенный знаменитым зодчим Дж. Кваренги в 1790 году, был частью большого поместья князей Юсуповых, расположенного между Фонтанкой и Садовой улицей. В 1810 году Юсуповы продали дворец и сад казне, и в нем было расположено ведомство путей сообщения. Позже ведомство было переведено в новое здание вдоль Московского тракта. Там же разместилось и образованное в 1865 году

Министерство путей сообщения. А здание Юсуповского дворца и часть пейзажного парка были отведены под апартаменты министра. Другая часть Юсуповского сада (со стороны Садовой улицы) была в 1863 году передана в общественное пользование. Этот городской сад в конце XIX века стал очень популярен у петербуржцев, он не раз упоминается в произведениях Достоевского.

В мемуарах Проппера содержится описание разговора с Витте на второй день после назначения: «Мы провели чуть не целую ночь в горячей беседе, ходя по огромной комнате со сводчатым потолком и роскошными фресками, вступали в длинные коридоры, странствовали по блестящим покоем, выходили в сад. Ночь была сухой, безветренной и, несмотря на февраль, почти теплой.

Юсуповский дворец

Все время Витте развивал свою программу преодоления железнодорожной нужды, помощи голодающему населению.

Уже смеркалось, когда наш разговор перешел на другие, более интимные темы: Витте сообщил мне о своем намерении жениться во второй раз. Прошел год после смерти его первой жены. Он тяжело переносил одиночество.

Я знал, – продолжает Проппер, – что говорили в петербургском обществе о предполагавшейся женитьбе Витте, и догадывал-

ся о его переживаниях в предвидении тех испытаний, которые ему предстоят в связи с этим браком. Я невольно покачал головой, и на моем лице, должно быть, ясно отразились мои мысли. Сергей Юльевич придвинул мне кресло и, сев напротив меня, стал говорить с необычной для него страстностью: «Прежде всего, я люблю эту женщину. Это мое личное дело, и я имею на это право. Сейчас, когда я достиг того, к чему стремился, когда я еще был начальником станции, я хочу, чтобы у меня была своя семья. С моим характером и известным вам моим отрицанием существующих в обществе условностей, мне ни одна женщина из высших сфер, к которым вынужден принадлежать министр, не может предложить того, что я ищу. Вы знаете, каким несчастливым был мой первый брак. Я представляю себе трудности, с которыми столкнусь, я их преодолею. Пока же мне нужны, – закончил Витте свою речь, – деньги для женитьбы»». Он назвал сумму в 30 тысяч рублей, которую потребовал муж его избранницы в качестве отступного за согласие на развод.

Но кто же была та волшебница, которой удалось вывести из равновесия этого хладнокровного и волевого человека? И что это были за трудности, которые предстояло преодолеть Витте?

В интерпретации С. М. Проппера, дело выглядело так. Во второй половине 70-х – начале 80-х годов большой популярностью в кругах петербургской интеллигентной молодежи пользовался трактир Нурока на углу Вознесенского и Екатерининского проспектов. Молодежь притягивали не только относительная дешевизна и хорошая кухня, но, главным образом, прелестные дочери хозяина, которые попеременно сидели в кассе и охотно болтали с гостями. Все три сестры сделали неплохую партию. Одна из них вышла замуж за молодого инженера Быховца, который руководил впоследствии строительством Сибирской железной дороги, другая – за сына богатого золотопромышленника Хотимского, а третья – Матильда – за чиновника Лисаневича, от которого имела дочь.

Госпожа Лисаневич привлекала внимание своей красотой, умом, обаянием и особым талантом вести беседу. Через десять–пятнадцать лет признанного владычества в мире веселящегося Петербурга Матильда Ивановна начала чувствовать, что настало время упрочить свое положение в обществе. Брак с мелким чиновником не удался, а молодость не совсем еще прошла.

В этот переломный для нее момент в петербургском чиновном мире всплыла новая интересная фигура – молодой вдовец,

провинциал по происхождению, который быстро делал карьеру. Такой не мог не привлечь внимания. Ее добрый друг, директор Горного департамента статский советник Скальковский, которого боялись все его знакомые за едкие шутки, взял на себя роль посредника. В один из субботних вечеров, когда светские дамы Петербурга демонстрировали свои новые туалеты в ложах Михайловского театра, Скальковский в антракте представил госпоже Лисаневич сорокадвухлетнего Витте. «Он увидел ее и покорился навсегда. Это впечатление определило всю его последующую жизнь», – пишет Проппер. Старания Витте приобрести благосклонность женщины, которая его околдовала, были напрасными. Матильда Ивановна дала понять Сергею Юльевичу, что путь в ее альков идет через алтарь; прошло немного времени, и Витте капитулировал.

Но до алтаря требовалось преодолеть определенные препятствия. Во-первых, нужно было осуществить развод избранницы. Процесс стоил денег, а их у Витте не было. Господин Лисаневич потребовал 30 тысяч и, кроме того, казенное место с содержанием по меньшей мере 3 тысячи рублей ежегодно. Последнее было для Витте с его связями не так сложно, но где взять столь крупную сумму? В конце концов кредит был найден через посредника у одного банкира, заинтересованного в установлении полезных связей с министром. После этого быстро прошел бракоразводный процесс, затем оформление нового брака. Хозяйкой в Юсуповском дворце стала госпожа Витте.

Возникли трудности и другого рода. Уж очень негативной была реакция высшего общества: жениться на еврейке, да еще разведенке! Это никак не вписывалось в условности среды, к которой по положению относился Витте. По Петербургу поползли слухи, что «Витте купил жену», сторонники «Лиги защиты добрых нравов» послали Александру III донос, обличавший Витте во взяточничестве и других грехах. Об атмосфере тех дней свидетельствуют следующие записи в дневнике генеральши А. В. Богданович:

«22 февраля 1892 г. Был Н. Л. Марков, возмущен назначением Витте министром. Прямо говорит, что это – темная личность, в полном смысле аферист. Витте – взяточник.

23 февраля 1892 г. Коломнин возмущен назначением Витте министром. Витте был за какое-то мошенничество под судом, пользуется грязной репутацией. На место Изнара Витте уже назначил из своего бывшего департамента какого-то поляка Шабун-

невича, взяточника – за данный ему обед можно получить тариф для какой хочешь дороги.

6 марта 1892 г. Витте – тоже сомнительная личность, уже одного достаточно, что он приятель Вышнеградского, вместе делали гешефты. Может, это и продлит их дружбу, если они будут заинтересованы, чтобы дела не всплыли наружу, но все-таки думаю, что скоро оба перегрызутся, что Вышнеградский недоволен в душе, что Витте – министр. Про Витте много темного рассказывают, хотя все единодушно говорят, что он умен и железнодорожное дело знает».

Было понятно, что женитьба – лишь повод, зацепка. Конфликт возник основательный, и казалось, что бюрократическая карьера Витте начала клониться к закату. На одном из «политических четвергов» в салоне сенатора А. А. Татищева на Малой Морской Витте публично заявил о предстоящей отставке и о полученном им от директора Петербургского Учетно-ссудного банка Я. И. Утина приглашении занять место председателя правления с фантастическим окладом в 200 тысяч рублей.

Однако недоброжелатели просчитались: Витте не утратил доверия Александра III, и когда дело было доложено царю, тот якобы сказал фразу: «Пусть жениться хоть на козе, лишь бы поезда ходили». Правда, не обошлось без ходатайства министра внутренних дел И. П. Дурново, к которому Витте обратился за поддержкой. Об этом говорится в «Воспоминаниях», там же описана реакция императора, когда Витте принес ему прошение об отставке. «Все это дело я знаю во всех его деталях, – ответил император, – и должен сказать, что вам нет никакого повода выходить в отставку, потому что если бы вы не женились при всех тех условиях, которые имели место, то я бы вас не уважал, а ваше намерение жениться указывает только на то, что вы честный человек: поэтому я усугубляю к вам мое доверие и мое уважение». Так ли именно сказал Александр III или нет, никто подтвердить не мог, но Витте старательно поддерживает образ Александра III как благородного царя.

По поводу последствий всей этой истории Витте пишет следующее: «Когда я женился, то сейчас же во всех высших дамских сферах поднялся страшный шум, всякие сплетни. И этот шум и сплетни преследовали не столько меня, так как я на них мало обращал внимания, сколько мою жену в продолжение всего времени, можно сказать, вплоть до самого 1905 года». Дело в том, что

великосветское общество отказалось принимать госпожу Витте. Двери не только Зимнего дворца, но и аристократических особняков были для нее закрыты, вплоть до получения Витте титула графа в сентябре 1905 года. На всех официальных приемах Витте вынужден был присутствовать без супруги, что болезненно задевало его самолюбие, поэтому он старался избегать их.

Так или иначе, история с женитьбой (вроде бы сугубо личное дело) была связана с карьерой, и Витте, конечно, рисковал, поступая наперекор мнению света. В какой степени риск был просчитан и уменьшен, сказать трудно. Действительно ли Витте готов был поступиться только что начавшейся карьерой ради любимой женщины?

*Матильда Ивановна –
жена С. Ю. Витте*

Очевидно одно: на этот раз он не ошибся при выборе супруги— Матильда Ивановна до конца дней служила надежным тылом в жизненной борьбе Витте-реформатора. В «Воспоминаниях» Витте о семейной жизни практически ничего не сказано, например, почти не упоминается имя Веры – приемной дочери, хотя известно, что Сергей Юльевич, у которого своих детей не было, нежно заботился о приемной дочери. Об этой, как и о мно-

гих других сторонах семейной жизни Витте мы знаем благодаря небольшой книжке, написанной и изданной на русском языке на средства В. С. Нарышкиной-Витте в 20-е годы в Германии. «Записки девочки» охватывают период жизни с 1892 по 1901 год, а начинаются с описания Юсуповского сада и дворца. Большой сад, тенистые аллеи, пруды и островки, где росла дикая малина, качели, которые устроил папа для девочки, – все это приводило ее в восторг. А вот было ли это временем восторга и упоения полученной властью для Витте?

Первые месяцы в должности управляющего Министерством путей сообщения оказались для него нелегкими не только из-за конфликта со средой. Приходилось осваивать новый, уже «политический», пост, решать многочисленные проблемы отрасли. Как отмечает С. М. Проппер, уже через несколько недель после своего назначения Витте был весьма разочарован. Власть, которую годами искало его воспаленное самолюбие, не доставляла ему радости. На каждом шагу он видел, что по рукам и ногам связан необходимостью во всех делах заручаться согласием министра финансов, который не хотел выходить за рамки бюджета и отказывал в каждом новом ассигновании.

Витте понимал, что в России основная власть принадлежала министру финансов, в руках которого была движущая сила всех министерств – злосчастные деньги. Намерение Витте включить департамент, который он прежде возглавлял, в Министерство путей сообщения Вышнеградский отклонил, однако без этого департамента, как наконец понял Витте, Министерство путей сообщения имело лишь видимость существования. Витте меньше интересовали технические вопросы, он был силен в тарифах, комбинациях вокруг железнодорожных обществ, разработке новых линий, во всех делах, которые требовали окончательного решения министра финансов. Естественно, что все его помыслы были направлены на этот пост.

Неожиданно открылись новые перспективы. Seriously заболел, видимо от напряженной работы, министр финансов Вышнеградский. В дневнике А. В. Богданович записано следующее:

«8 апреля 1892 г. Завтракал Самойлович. Вот что он рассказал про Вышнеградского. Когда он вошел в кабинет царя, то не узнал его. Возле стола в кабинете царя стоят два кресла, напротив друг друга. В одном сидит царь, второе – для министра-докладчика, который входит, низко кланяется царю и проходит

к другому креслу. Все это, войдя, проделал Вышнеградский, но поклонился пустому креслу, так как царь в эту минуту стоял у окна и удивленно на него смотрел. Вышнеградский начал читать доклад, но у него двоились строчки. Он все извинялся и, наконец, совсем спутался и начал говорить по-английски. Царь прервал его, сказав, что желает отложить доклад, что у него сегодня семейный праздник. Дурново говорил у Селифонтова, что Вышнеградский смотрит безучастно, не видит входящих в комнату и находится все время в полусне. Витте кому-то сказал, что уже два года он замечал, что Вышнеградский ненормален, а что уже полгода, как он совсем сумасшедший».

Во время болезни и отпуска Вышнеградского на Витте было возложено представление всеподданнейших докладов и по Министерству финансов. Доклады Витте нравились Александру III. Они были лишены звонких фраз, просты и хорошо понятны императору. Доверие к Витте заметно росло, перед ним замаячил, хотя еще в неопределенном отдалении, портфель министра финансов. По поручению царя летом 1892 года Витте отправляется на Волгу, в губернии, охваченные засухой и холерой. Благодаря его энергии удается добиться перелома ситуации. Там он узнает, что Вышнеградский выздоровел и намеревается вскоре приступить к работе. Витте спешит в Петербург, чтобы представить императору доклад о своей миссии.

В эти дни в «Московских ведомостях» появляется сенсационная корреспонденция из столицы: по мнению лиц, которые видели Вышнеградского в последнее время, тот неизлечимо болен и страдает явно выраженным параличом головного мозга. В связи с этим дальнейшее пребывание Вышнеградского во главе Министерства финансов невозможно. С. М. Проппер, описывая эту ситуацию в мемуарах, говорит, что инициатор корреспонденции – *cui prodest* (тот, кому выгодно).

В «Воспоминаниях» Витте ситуация с отставкой Вышнеградского описывается иначе. «Когда я сделался министром путей сообщения, то у меня с Вышнеградским сохранились самые лучшие отношения, хотя, по существу, мы с ним и не были вполне единомышленниками. Вышнеградский был более, чем я, деталист, пожалуй, он более изучал детали всякого дела, нежели я, но у него не было никакого полета мысли, никакого полета воображения, а без полета воображения дела, имеющие государственное значение, творить (большие вещи) невозможно». Эти осторожные фра-

зы свидетельствуют о нараставших противоречиях, которые стали проявляться особенно после того, как Витте вышел из-под опеки Вышнеградского и занял министерский пост. Выражением этих противоречий явилось и то, что заболевший Вышнеградский намечал себе в преемники Ф. Г. Тернера, а не Витте, считая, что «он будет неумеренно пользоваться кредитом».

Витте дает описание доклада у императора в Гатчине, когда он опередил Вышнеградского, чтобы сообщить Александру III о болезненном состоянии того. Сцена эта, похожая на донос, оставляет двойственное впечатление. Витте, видимо, и позже не вполне осознал, что такого рода сомнительное поведение было неприемлемо в отношении человека, которому он был столь многим обязан.

30 августа 1892 года вышел указ императора о назначении С. Ю. Витте управляющим Министерством финансов. Слово «управляющий» означало временное исполнение обязанностей, что обычно на несколько месяцев опережало утверждение министром. Витте был назначен министром финансов лишь через четыре месяца – с 1 января 1893 года. Он так и не стал формально министром путей сообщения, что подчеркивают историки железнодорожного дела в России. Тем не менее по традиции был сделан официальный портрет С. Ю. Витте, который и сегодня хранится в Музее железнодорожного транспорта. Так окончился непродолжительный период, связанный с Юсуповским садом.

И. И. Колышко, который к тому времени стал доверенным сотрудником Витте, описывает разговор, якобы имевший место: «Помните нашу беседу в этом дворце (Юсуповском. – С. М.), когда вы вернулись с “усмирения” холеры?

– Ломаю шею Вышнеградскому, – ребячески улыбнулись вы. – Предлагают портфель министра финансов. Принять?

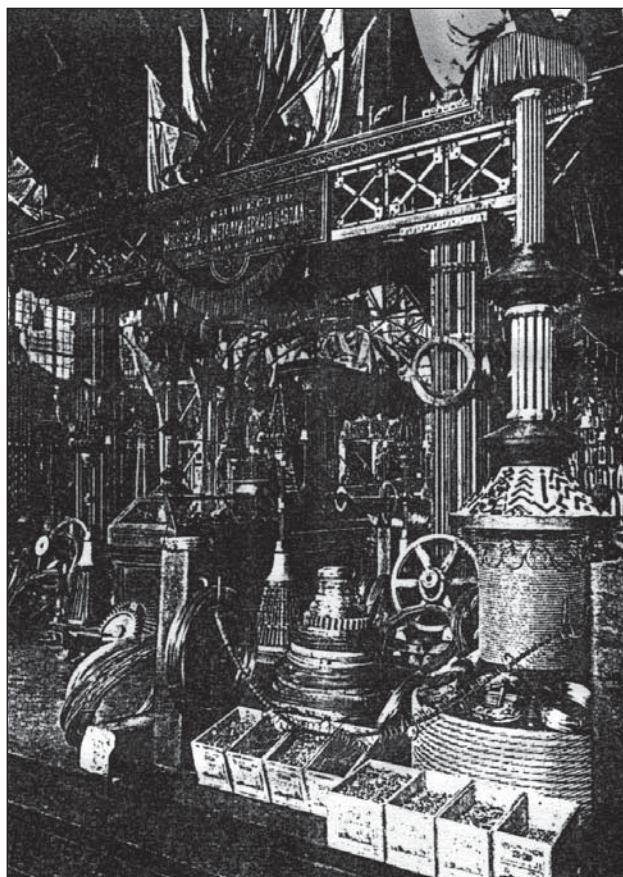
– Нет, сначала приведите в порядок пути сообщения.

– Я это отсюда успею. Финансы все. Подлинная власть только у министра финансов. Я приму, и вы мне поможете».

Таким образом, кресло министра финансов получил «человек с железной дороги», которому на новом посту открывались большие возможности для государственного творчества. И с этого момента начался новый этап не только в личной жизни нашего героя, но и в жизни государственной, вошедшей в дореволюционную историю России как «эпоха Витте».

Часть вторая

ВРЕМЯ РЕФОРМ, «ЭТАП ВЗЛЕТА»

Глава третья

РЕФОРМАТОР ЭПОХИ КОНТРЕФОРМ

Конец XIX века в России характеризуется в прессе как эпоха неоправдавшихся ожиданий, рухнувших надежд. Либеральные идеи не в чести, капитализм уродлив, давит полицейское государство, которое большинством воспринимается как враждебная сила.

Примечательны в этом плане взгляды Льва Толстого. Потрясенный картинами нищеты и бесправия, увиденными во время переписи населения в Москве в 80-х годах, писатель находит источники зла в общественном устройстве и, звено за звеном, разворачивает ужасающую цепь виновности: сначала богачи и проклятая зараза их роскоши, которая привлекает и развращает... и, наконец, государство – эта все убивающая машина, придуманная насильниками, чтобы грабить и поработить человечество. Церковь – его союзница; наука и искусство – соучастники. Как бороться с этими полчищами зла? Прежде всего, отказываясь присоединиться к ним, отказываясь от денег и земельной собственности, ни в чем не помогая этому государству.

В общественном мнении России преобладали те же настроения, что прекрасно отразили литература и искусство. Героями произведений становились «хмурые люди». О романе популярного писателя П. Д. Боборыкина «На ущербе» критики писали: «Сегодняшний день – это “свет на ущербе”, замирание умственных интересов, охлаждение нравственной температуры, скука, апатия». Дмитрий Иванович Менделеев вздыхал: «Скверное время, низкое время. Все чахлое какое-то, кроме молодежи». Воодушевления от предстоявшего вступления в новое столетие не было. Газеты отмечали странное качество интеллектуальной жизни: «все смотрят назад».

От «серых буден» настоящего и пугающе неясного будущего общественное сознание прячется в далеком и уютном прошлом – в темных аллеях дворянских усадеб и царскосельских дворцов. Неслучайно в конце века возникает объединение

художников «Мир искусства» с их ностальгией по прошлому. Газеты ежедневно сообщают о самоубийствах и убийствах, пугающих своей бессмысленностью. Вот в Варшаве молоденький корнет непонятно с чего убивает актрису местного театра и вдруг становится модным героем, воплотившим в себе тип *fin de si cle*; в Москве клинский мещанин и калужская мещанка, закусив, стреляются в номере гостиницы. А взять героев пьес Чехова: рефлексизирующие интеллигенты, хорошие добрые люди страдают из-за невозможности найти смысл жизни, реализовать себя.

Витте как-то сказал: «Я вступил в управление империей если не при ее помешательстве, то замешательстве». Очевидно, что его взгляды радикально отличались от распространенных в обществе. Для него, пришедшего во власть из делового мира, одинаково неприемлемы как пессимизм обывателей, так и анархические взгляды Толстого. Он ближе к позициям Достоевского, выраженным в «Дневнике писателя».

Витте, конечно, видит противоречия и несовершенство социально-экономической системы России, но стоит на позициях государственника. Не бороться с государством, а приспособлять его к нуждам большинства населения, не сразу, но постепенно – вот прагматический подход. Как дальновидный представитель правящей элиты он осознает необходимость модернизации страны путем реформ, но «сверху», по традиционной имперской модели. Менять монархический строй, отказываться от самодержавия, наиболее, по его мнению, подходящего для России строя, вовсе не обязательно. Экономические реформы будут способствовать укреплению самодержавия, повышению престижа страны.

В качестве экономической программы – формирование развитого капитализма. К началу 90-х годов экономическая мысль России уже вполне освоила идею эволюционного преобразования рыночного хозяйства по пути индустриализации. «Легальный марксист» П. Б. Струве в 1894 году издал критические заметки «К вопросу об экономическом развитии России», которые заканчивались на шумевшей фразой: «Признаем же нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму».

Почему именно к капитализму? Потому что экономическая свобода, на которой он зиждется, является также фундаментом свободы политической. «Русское общество потому нуждается в капиталистической выучке, – писал Струве, – что только она, развивая производительные силы страны, создает и будет создавать условия

культурного прогресса и предпосылки более высокой экономической формации».

Закономерен вопрос: как увязать внутреннюю политику Александра III, известную как «эпоха контрреформ», с реформами Витте? На наш взгляд, данная характеристика эпохи весьма условна. Вызывает возражения и попытка упрощенно трактовать историю реформ, как это делают, например, авторы книги «Реформы и контрреформы в России». Они дают оценку царствований в ключе: реформы Александра I, контрреформы Николая I; великие реформы Александра II, контрреформы Александра III; реформы Столыпина. Эти же авторы утверждают: «Николай I и Александр III – темнейшие, узколобейшие фигуры на троне». Так ли это?

Витте в «Воспоминаниях» дает свои оценки Александру III и его политике, отмечает ряд ошибок, в частности утверждение реакционного университетского устава 1884 года и Земского положения 1890 года, но в то же время пишет: «Я уверен, что император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма. Но император Александр III не успел этого сделать, потому что Бог призвал его к себе».

Политическая история России второй половины XIX века, воплотившаяся в весьма различных внешне правлениях Александра II и Александра III, отмечена интересным явлением. Правители осознанно предпринимают попытки совместить либеральные и консервативные характеристики в своем внутриполитическом курсе. Александр II держал при себе как либеральных бюрократов (Д. А. Милютин, М. Х. Рейтерн, М. Т. Лорис-Меликов), так и «шуваловскую партию» сторонников консервативной политики. Александр III наряду с ретроgrадами (Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев) опирается на личности таких реформаторов, как Н. Х. Бунге и С. Ю. Витте. Самодержавие стремилось использовать оба метода социальной стабилизации: реформаторство усилиями государственного аппарата и сдерживание обновленческих импульсов с помощью того же аппарата, но другими руками.

Следует учитывать, что правящая элита в России никогда не была монолитной, в ней всегда шла внутренняя борьба, и верх на определенных этапах брали прогрессивно настроенные деятели. И тогда происходили необходимые обществу реформы, как, например, в период министерства Витте.

Ближайший соратник Витте В. И. Ковалевский пишет в своих воспоминаниях, что болезнь Вышнеградского и собствен-

ные усилия открывают перед Витте блестящую карьеру министра финансов. С этого времени и до конца его активной государственной работы проходит почти двадцать лет. Этот период в истории административного управления Россией можно по справедливости назвать «эпохой Витте». Витте был главным руководителем и вдохновителем не только финансовой и экономической жизни государства, но и отчасти международной политики, образования, внутренних и военных дел. По общему характеру государственную деятельность С. Ю. Витте Ковалевский делит на три периода.

Первый – с 1892 по 1900 год – период смелой неустанной борьбы, обширных замыслов и больших реформ.

Второй – с 1900 по 1903 год – ослабление творческой энергии, поиск фарватера для безопасного прохода между подводными камнями.

Третий – с 1904 по 1906 год – возрождение духа борьбы, сильное напряжение ума и воли, опять широкие замыслы, закончившиеся Манифестом 17 октября 1905 года.

МОЙКА, У ПЕВЧЕСКОГО МОСТА

По этому адресу, как значится в справочнике «Весь Петербург» за 1892 год, располагалось Министерство финансов Российской империи. Но об этом до сих пор мало кто знает, единственное косвенное свидетельство – мемориальная доска, установленная на доме № 43 по Мойке: «Здесь, в бывшем здании народного комиссариата финансов, в ночь на 14 декабря 1917 года В. И. Ленин провел совещание по подготовке национализации частных банков, которая была осуществлена утром под его руководством».

Комиссариат финансов до переезда в 1918 году советского правительства в Москву наследовал помещение прежнего Министерства финансов, которое располагалось в нем с 1830 года. Когда архитектор Карл Росси закончил строительство огромного комплекса зданий Главного штаба, окаймлявших Дворцовую площадь с юга, туда въехали чиновники трех ведущих министерств: военного, иностранных дел и финансов.

Собственно Министерство финансов занимало площади, находившиеся в одном комплексе зданий, по трем адресам:

Дворцовая площадь, 2; Большая Морская улица, 2 и набережная Мойки, 43–47. Здесь же находилась и казенная квартира министра. Для чиновников этого ведомства империи, самого большого и непрерывно расширявшегося, постоянно не хватало помещений. Поэтому отдельные департаменты министерства время от времени перебирались в новые помещения.

Министерство финансов было, по сути, главным экономическим ведомством страны: в его компетенцию входили вопросы не только финансово-бюджетной политики, но и развития промышленности, торговли, транспорта, связи. Его структурными подразделениями были Госбанк, таможня и др. В условиях такой централизации экономическая политика правительства во многом зависела от личности человека, возглавлявшего это ведомство.

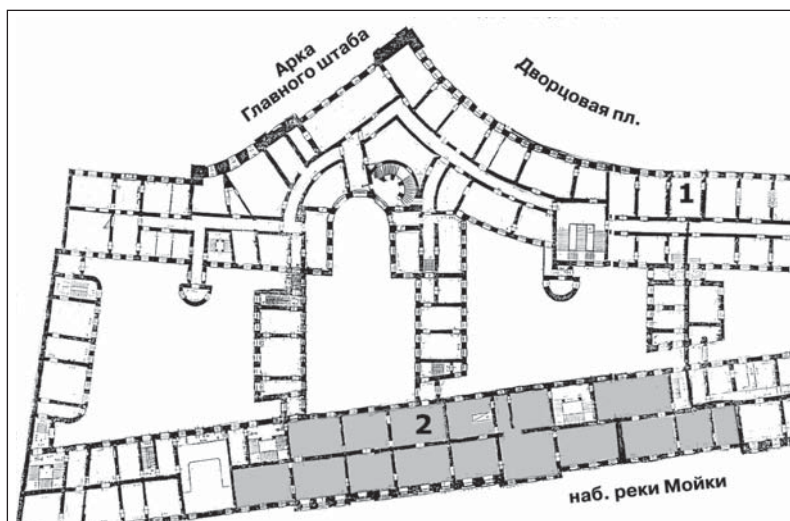
Здание Министерства финансов со стороны набережной Мойки

Первым хозяином кабинета в новом здании, выходившем окнами на Дворцовую площадь, был Егор Францевич Канкрин, возглавлявший министерство дольше всех – с 1823 по 1844 год. Приняв расстроенное финансовое хозяйство, он сумел к концу правления привести его в порядок, добился бездефицитно-

го бюджета. Этому способствовала денежная реформа 1839–1843 годов с установлением серебряного рубля в качестве основы денежной системы.

Убежденный протекционист, Канкрин новым таможенным тарифом 1826 года оградил отечественную промышленность от внешней конкуренции, способствовал развитию казенного хозяйства, золотодобычи. Через двадцать лет после его кончины другой министр финансов, Н. Бунге, напишет о нем: «Имя графа Канкрин пользуется доселе большим уважением: время его управления считается золотым веком русских финансов».

Примечательно, что Е. Ф. Канкрин родился и получил образование в Германии. Приехав в Россию, он поступил на службу и остался здесь навсегда, сделав блестящую карьеру. Немцы tradi-

План здания Министерства финансов:

1 – кабинет министра, 2 – казенная квартира министра

ционно занимали ведущие позиции в российских финансах, среди них можно назвать министров М. Рейтерна, Н. Бунге, С. Грейга, первого главу Государственного банка А. Штиглица.

Решать проблемы оздоровления финансовой системы страны и развития экономики досталось другому незаурядному го-

сударственному деятелю – Михаилу Христофоровичу Рейтерну, который возглавлял министерство в 1862–1878 годах. Это был период великих реформ Александра II, и Рейтерна, без сомнения, можно отнести к числу самых активных либералов-реформаторов этой эпохи. Его весьма драматичный опыт особенно интересен в связи с последующей деятельностью Витте.

Выходец из дворянского рода обрусевших немцев, выпускник Царскосельского лицея, Рейтерн начинал карьеру в Кредитной канцелярии Министерства финансов. В 50-х годах он был командирован на три года за границу, где изучал «финансовый строй» Пруссии, Франции, Англии, США. Этот опыт значительно повлиял на его последующую деятельность, и, вступив в

*Е. Ф. Канкрин,
министр финансов (1823–1844)*

1862 году на пост министра финансов, он стремился построить работу своего ведомства по западному образцу.

Несмотря на активное сопротивление других министров, Рейтерн добивался централизации финансовой политики и гласности бюджета. Он пытался провести денежную реформу, но потерпел провал. Тяжелое финансовое положение и неясность перспектив экономической политики, растущие противоречия и усиливающиеся со стороны бюрократии нападки заставляют Рейтерна подать в отставку. Однако Александр II не принял ее.

Пережив внутренний кризис, Рейтерн берется за составление обстоятельной программы экономической политики, которую представляет в октябре 1866 года. Главное внимание в ней уделяется становлению промышленности, проблеме ликвидации бюджетного дефицита, развитию кредитного дела. При этом Рейтерн делает ставку на широкое развитие частной инициативы и предпринимательства. Важное значение он придает железнодорожному строительству, которое стимулируется путем выдачи концессий, гарантирующих государственную поддержку и выгодные условия. Бум железнодорожного строительства частными компаниями продолжается до середины 70-х годов. За это время было построено около 18 тысяч верст путей, в 3,5 раза больше первоначальных планов правительства. Это дает толчок развитию тяжелой промышленности и машиностроения.

С особым вниманием министр финансов относится к проблеме кредитования, считая его главным рычагом для развития производительных сил страны. Созданный в 1860 году Государственный банк не мог решить проблему кредитов для промышленности и транспорта, и Рейтерн идет на всемерное поощрение частного предпринимательства в этой сфере. Первым коммерческим учреждением стало возникшее в 1863 году Петербургское общество взаимного кредита. В следующем, 1864 году при содействии правительства был утвержден первый акционерный банк – Петербургский частный коммерческий – с капиталом в 5 миллионов рублей. Затем в 1866 году – Московский купеческий банк, два банка возникли в 1868 году, три – в 1869-м, шесть – в 1870-м, десять – в 1871 году. Среди других важных мер в политике Рейтерна отметим стремление к прогрессивным изменениям промышленного законодательства, системы налогообложения, а также создание совещательных организаций с предпринимателями. Наиболее заметными событиями в этом плане стало проведение трех общероссийских торгово-промышленных съездов. Первый состоялся в Петербурге в 1870 году, и на нем прозвучали крамольные идеи об экономической свободе.

Либерализация дала импульс промышленному и транспортному развитию России – 70-е годы отмечены сравнительно высокими темпами роста, но выявились и перекосы, особенно в железнодорожном строительстве, развитие которого, казалось, составляло главную заслугу Рейтерна. Концессионная лихорадка вырождалась в спекулятивные сделки, грюндерство, сопровож-

давшееся массовым расхищением казенных средств и коррупцией. А какой нездоровый ажиотаж вокруг акций железнодорожных компаний в 60–70 годах вызвала игра на Петербургской фондовой бирже! В нее оказались вовлечены дворяне, священники, военные и даже дамы, которым это было запрещено.

В результате в 1869 году возник первый биржевой кризис («доигрались до чертиков», – писали тогда «Санкт-Петербургские ведомости»), сопровождавшийся разорением многих участников. То же происходило и в банковском секторе. В 1875 году вследствие авантюры лопнул один из крупных банков – Московский коммерческий ссудный банк, в следующие три года – еще семь банков. Пострадали многочисленные вкладчики, которые «с доверием относились к коммерческим банкам как к казенным».

Масштабы злоупотреблений напугали правительство и заставили Рейтерна откорректировать свою политику. Он соглашается на усиление государственного вмешательства и контроля, предлагает не форсировать более промышленное, железнодорожное и банковское учредительство, а «закреплять и упрочивать уже достигнутое».

Финал деятельности Рейтерна-реформатора на посту министра финансов был довольно печальным. В итоге его экономическая программа была свернута. К тому же началась Русско-турецкая война, которая, несмотря на военные победы, имела скверные последствия для финансов. Рейтерн заболел и вышел в отставку.

Несостоятельной в тогдашней России оказалась сама либеральная политика на фритредерских принципах. «Правительство ждало от частной инициативы все», – скажет Рейтерн в «Завещании». Он видел обновление России в пробуждении предприимчивости, но ставка на частный сектор оказалась не продуманным и рискованным шагом. Перенимая опыт Запада, Рейтерн не принял во внимание низкий уровень культуры отечественной буржуазии, неразвитость внутреннего рынка и отсутствие соответствующего законодательства. В России тогда доминировал спекулятивный капитал, предприниматели стремились обогатиться любой ценой.

Годы после отставки Рейтерна были особенно трудными для государственных финансов, преемники Рейтерна на посту министра – С. А. Грейг (1878–1880) и А. А. Абаза (1880–1881) – не смогли справиться с ситуацией. Решение задач оздоровления экономики и финансов выпало на долю другого незаурядного государ-

ственного деятеля, Николая Христиановича Бунге, занимавшего кресло министра в 1881–1886 годах.

Это была одна из интереснейших политических фигур в России XIX столетия: известный ученый-экономист, опытный практик-финансист, талантливый публицист. И вот на склоне лет (в 58 лет, когда Рейтерн уже покинул пост) судьба вознесла Бунге на вершину бюрократической пирамиды. Заметим, что он довольно упорно отказывался от высокого поста и уступил лишь настоянию Александра III.

Убежденный либерал-западник, Бунге тем не менее признавал самобытность российской государственности. По его мнению, русский народ, по свойствам своего характера мало способный к

*М. Х. Рейтерн,
министр финансов (1862–1878)*

систематической мелкой повседневной борьбе и усилиям, в минуты подъема духа может делать под руководством единой твердой власти такие шаги и успехи, которые граничат с чудесами.

Еще в период великих реформ Н. Х. Бунге предлагал обширную программу либеральных преобразований, которая носила комплексный характер и охватывала многие сферы. Приоритетное место в ней занимали вопросы социальной политики, касавшиеся правового и материального положения крестьян и рабочих. Он стоял за превращение крестьян в собственников-землевладельцев, а для решения проблемы малоземелья рекомен-

довал организовать массовое переселение крестьян в Сибирь и на окраины.

Чтобы решить рабочий вопрос, Бунге предлагал, на европейский манер, приступить к разработке фабрично-заводского законодательства об охране труда, разрешить создание рабочих организаций, допустить участие рабочих в прибылях предприятий. Много внимания в программе Бунге уделялось проблеме соотношения частного предпринимательства и казенного хозяйства. Первоначально он отстаивал фритредерские взгляды, но постепенно от них отошел.

Неудача Рейтерна убедила Бунге в целесообразности активного государственного воздействия на ход экономического развития, он признавал за протекционизмом «историческое значение»

*Н. Х. Бунге,
министр финансов (1881–1886)*

и отмечал необходимость защитить некоторые отрасли отечественной промышленности достаточным таможенным покровительством. Однако Бунге все же оставался сторонником частной инициативы, в ней видел он главный двигатель общественного прогресса и ограничивал государственное вмешательство определенными пределами.

В кабинет на Дворцовой площади Бунге пришел в кризисный период. Убийство Александра II и начало отхода от его реформаторского курса во внутренней политике усугублялись тя-

желыми финансовыми последствиями Русско-турецкой войны. Александр III при назначении Бунге выразил надежду, что тот «положит начало новой финансовой эры». В лице Бунге, который известен как «даровитый писатель и профессор, как безукоризненно честный человек, — отмечал в дневнике А. А. Половцев, — Петербург приобретает видное подкрепление личному составу правительства».

К назначению Бунге в обществе отнеслись с воодушевлением, «от него ждали нового слова, новой жизни», но он знал: один неверный шаг — и хвала перейдет в хулу. Поэтому Бунге с неохотой принял должность, сознавая трудность своей задачи. Нападки начались довольно скоро и нарастали по мере усиления влияния сторонников консервативного курса.

Министр Бунге был совершенно нетипичной фигурой для сановного Петербурга. Многие не верили, что этот внешне невзрачный профессор долго продержится на своем посту, слухи о скором его уходе возникли сразу же и не прекращались все годы его министерства. Сам он ясно понимал зыбкость своего положения. Вскоре после назначения он сказал знакомым: «Калоши и зонтик мои в порядке — я готов уйти отсюда в каждую минуту».

То, что Бунге не держался за кресло, было значительным его преимуществом. Это давало ему ту внутреннюю свободу, без которой невозможно творчески решать проблемы, осуществлять принципиальную политику, проявлять инициативу. Невзирая на сопротивление консерваторов, Бунге удалось провести ряд важных законопроектов: в декабре 1881 года были значительно понижены выкупные платежи крестьян, в последующем — отменены солевой налог и подушная подать. Это уменьшило налоговое бремя для крестьянства, но и доходы государственного бюджета заметно, почти на 100 миллионов рублей, сократились. Пришлось привлечь к платежам другие сословия, был увеличен гербовый сбор, налог на городскую недвижимость, установлен налог с наследства и на доходы с денежных капиталов. Бунге рассматривал эти меры как подготовительный этап для введения подоходного налога, но усилия по обложению «имущих слоев» не смогли дать быстрого эффекта и возместить потери казны, их результаты сказались позже.

Министр финансов понимает необходимость денежной реформы и деятельно к ней готовится. Он прилагает усилия для сокращения государственных расходов, поощряет миролюбивую

политику Александра III, неустанно повторяя, что русские финансы не выдержат новой войны. Однако уже в 1885 году вследствие англо-русского конфликта в Средней Азии военные расходы резко возросли. В итоге Бунге так и не смог избавиться от бюджетного дефицита. Это использовали как аргумент его противники, следствием их интриг и стала отставка Бунге в конце 1886 года. «Бунге был первым министром финансов, – писал В. И. Ковалевский, – исходившим из твердого и ясного сознания, что “узкий финансизм” – исключительная забота о государственных финансах, должен был быть заменен “экономизмом” – широкой экономической политикой, направленной к развитию народного труда и производительных сил страны, и что хотя бы только удовлетворительного финансового положения государства нельзя достигнуть при бедности, бесправности и темноте массы населения». Отсюда и значительное внимание в деятельности министерства к крестьянскому вопросу и социальным проблемам, которые отошли на второй план при его преемнике – И. А. Вышнеградском.

Вышнеградский занял пост министра благодаря поддержке консервативной партии Каткова–Победоносцева. Однако он не стал слепо поддерживать самобытную экономическую программу Каткова, а сосредоточил внимание на вопросах промышленного развития и торговли, накапливая золотой запас для проведения денежной реформы, проводя жесткую фискальную политику, которая привела к печальным для населения последствиям.

Именно при Вышнеградском произошел перелом и была сделана ставка на руководящую роль государства в экономическом развитии страны. Так, с 1889 года Вышнеградским установлена система государственного регулирования хлебных тарифов, при этом пришлось преодолеть сопротивление земельных собственников. Именно это побудило Н. Х. Бунге, который до своей кончины в 1894 году занимал пост председателя Комитета министров, с осуждением отозваться о политике чрезмерного государственного вмешательства в экономическую жизнь страны. Рассматривая эту политику в ретроспективе, Бунге писал: «Люди благомыслящие начали снова вопить о надзоре и контроле со стороны государства и даже о замене государственной деятельностью частной. В этом направлении мы продолжаем преуспевать и теперь, когда хотят чтобы государство занялось в обширных размерах торговлей хлебом и снабжением им стомиллионного населения. Кажется, невозможно идти далее, если не допустить, что государству следует пахать, се-

ять, жать, а затем издавать все газеты и журналы, писать повести и романы и подвизаться на поприще искусств и науки».

Пожалуй, наиболее откровенным выражением позиции Вышнеградского стали слова, сказанные царю в июле 1890 года: «Лишь государственной власти надлежит распоряжаться экономическими судьбами государства».

Резюмируя, можно сказать, что у С. Ю. Витте в Министерстве финансов были незаурядные предшественники, которые пытались с разных позиций решать накопившиеся проблемы экономического и социального развития России.

НОВЫЙ МИНИСТР ФИНАНСОВ

Итак, волею судеб в сентябре 1892 года Витте оказался хозяином кабинета в здании на Дворцовой площади, окнами на Зимний и Александровскую колонну. В. И. Ковалевский назвал это событие историческим явлением. «Этот *homo novus* сразу приковал к себе общее внимание». Понятие «новый человек» применительно к Витте можно трактовать в нескольких смыслах: по направленности личности, по кругозору, по стилю работы и степени подготовки.

Возглавив в сорок три года Министерство финансов, одно из ведущих ведомств в управлении империей, Витте достиг вершины возможной в то время бюрократической карьеры. Главный вопрос заключается в том, во имя чего стоило так добиваться этого поста, каковы были мотивы, какие цели он преследовал как политик.

Известный немецкий социолог Макс Вебер говорит о политике как о призвании и профессии. Призвание – это когда политика целиком захватывает и становится первоочередным делом жизни. «Есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить “для” политики и в каком-то внутреннем смысле творить свою жизнь из этого, либо открыто наслаждаться обладанием властью... При первом политик черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит “делу” и тем самым придает смысл своей жизни».

Дело, за которое брался Витте, было огромным. Как поднять Россию, страну поистине неограниченных возможностей, до уровня высокоразвитых стран Европы, обеспечить могущество и усиление влияния империи в мире?

Очевидные неудачи политики 80-х годов не обескуражили Витте. Он принял новое назначение восторженно, с энтузиазмом. Он верил в свою судьбу и свою удачу. «В России тот пан, у которого в руках финансы, – говорил Витте Колышко накануне своего назначения. – Этого до сих пор не понимали. Даже Вышнеградский. Но я их научу. Пути сообщения? И они будут в моей власти. Как и все. Кроме министра финансов в России есть еще только власть министра внутренних дел. Я бы не отказался и от нее. Но это еще рано. Надо дать в руки власти аппарат денег. С деньгами я прекращу любое революционное движение. Этого тоже не понимают. Тюрьмы, виселицы – ерунда. Тех, кто делает революцию в России, нашего разночинца, – надо купить. И я куплю его. У меня целый план. И я его проведу, хотя бы все лопнуло кругом». Очевидно, что Витте нашел тогда для себя ответ на вопросы: что делать, как решать накопившиеся проблемы, в чем суть национальной идеи. Быстрое экономическое развитие страны, рост благосостояния населения – не это ли лучшая национальная идея? И средства известны – индустриализация на капиталистических рельсах, подобно развитым странам.

А как же славянофильские идеи об особом пути России, «мануфактурное крепостничество»? Это все осталось далеко позади, хотя с момента написания известной статьи прошло не так уж много времени. Сегодня у него власть и большие возможности, открывающиеся в огромной богатой стране. Надо их использовать.

Заняв пост министра финансов, Витте не имел никакой специальной подготовки. Об этом, в частности, пишет в своих мемуарах В. И. Гурко: «Вступая в управление Министерством финансов, Витте имел лишь слабое представление о финансовой науке и практике. Это не помешало, однако, с присущей ему самоуверенностью наметить самые решительные реформы, круша все установившиеся в финансовом ведомстве приемы и традиции».

Не обошлось и без серьезных ошибок: первая из них состояла в попытке путем денежной эмиссии решать проблемы финансового обеспечения развития народного хозяйства. Тот же Гурко относительно денежной реформы пишет, что первоначально Витте имел в виду отнюдь не введение золотой валюты, а, наоборот, в целях оживления народного хозяйства – насыщение мельчайших каналов денежного обращения путем выпуска кредитных знаков. Систему эту поддерживал М. Н. Кат-

ков. Как вспоминает товарищ министра при Вышнеградском Ф. Г. Тернер, Витте «вполне предавался мысли развития нашей промышленности путем усиления бумажного обращения». Управляющий делами Комитета министров А. Н. Куломзин сообщает о планах Витте этим же путем покрыть расходы, связанные с постройкой Транссибирской магистрали. Своего увлечения идеей выпуска бумажных денег не отрицает и сам Витте в «Воспоминаниях».

Но была надежда на то, что новый министр быстро разберется с порученным делом. Известный финансист А. Г. Рафалович, успокаивая Куломзина, сказал ему: «Витте человек такого большого ума, что через шесть месяцев он все поймет и сделается великолепным министром финансов». Это предвидение оправда-

*С. Ю. Витте –
министр финансов (1892–1903)*

лось благодаря склонности Витте к самообразованию, а также – поначалу – большому влиянию Бунге.

По свидетельству современников, с приходом Витте в министерстве начал преобладать демократический, по меркам того времени, стиль руководства. Чиновники вместо мундиров стали носить сюртуки, а вместо того, чтобы обмениваться письменными отношениями, ограничивались самыми обыкновенными устными переговорами.

Подчиненные отмечают особый стиль управления Витте. В Министерстве финансов при Вышнеградском царили ужас-

ные порядки. Страдая бессоницей, он имел привычку будить подчиненных по ночам и давать им поручения, которые на поверку оказывались не такими срочными. И так продолжалось изо дня в день. Все это, конечно, исчезло при Витте, напряженность работы выражалась теперь в другом.

Новый министр произвел существенные изменения в составе руководящих чиновников министерства и даже оказал влияние на некоторые назначения вне своего ведомства, весьма полезные, как оказалось в будущем. Руководить Департаментом торговли и мануфактур было предложено В. И. Ковалевскому.

С первых дней пребывания на посту министра Витте развил активную деятельность, вовлекая в нее подчиненных. Уже осенью 1892 года началось уточнение экономической политики с акцентом на торгово-промышленную сферу. Прежде всего, была предпринята разработка обширной программы деятельности Министерства финансов. К сожалению, мы не знаем обстоятельств создания этого важного документа: ни Витте, ни Ковалевский об этом в своих мемуарах ничего не говорят. Однако можно предположить, что Витте намечал основные контуры политики, а непосредственная разработка программы велась под руководством Ковалевского. В процессе осмысления новых перспектив развития России принимал участие Д. И. Менделеев. Работа была закончена к осени 1893 года. Не имея конкретного названия, этот документ вошел в историю как «Программа 1893 года».

Главное, что усвоил Витте из опыта своих предшественников: финансового благополучия государство может достигнуть только на путях подъема народного хозяйства и индустриального развития страны. В начале 90-х годов Россия была страной с преимущественно аграрной экономикой, удельный вес промышленного производства, несмотря на рост в 70–80-е годы, продолжал оставаться невысоким. Известный фабрикант Савва Морозов так образно сформулировал основную проблему: «У нас много заботятся о хлебе, но мало о железе, а государство надо строить на железных балках. Наше соломенное царство не живуче».

Индустриализация страны, создание крупной промышленности в России было исторической необходимостью и для сохранения международного авторитета. Ф. Энгельс в письме Н. Ф. Даниэльсону от 18 июня 1892 года задался вопросом: «Могла бы Россия в 1890 году существовать и удерживать независимое положение в

мире как чисто сельскохозяйственная страна, живущая за счет экспорта своего зерна и покупающая за него заграничные промышленные изделия»? И отвечал: «Я думаю, что мы с уверенностью можем отметить – нет. Стомиллионный народ, играющий важную роль в мировой истории, не мог бы при современном состоянии экономики и промышленности оставаться в том состоянии, в каком Россия находилась до Крымской войны. В результате получилась бы Индия – страна, экономически подчиненная великой центральной мастерской – Англии». Отчетливое понимание этой ситуации Витте и его соратниками нашло отражение в «Программе 1893 года», но далеко не все в правящих верхах разделяли такие взгляды: сильно было влияние помещиков-агровладельцев.

Утверждая «Программу», Витте придумал ловкий тактический ход. Чтобы отвлечь внимание и упростить прохождение ее в Государственном Совете, где у него было немало противников, он подал «Программу» в виде обоснования для решения, казалось бы, частного вопроса – об увеличении штатов Департамента торговли и мануфактур. Очевидно, что тут обстоятельного обоснования («Программа» насчитывала более 200 страниц) не требовалось. Витте явно хотел получить одобрение «Программы» без риска поставить ее под удар критики консерваторов. И в этом он преуспел: формально «Программа» не встретила никаких возражений в Государственном Совете, а ведущее экономическое ведомство впервые за свою историю получило программный документ с изложением целей и приоритетов политики индустриализации.

Примечательно, что «Программа 1893 года» так и не была опубликована, не последовало даже никакого сообщения о ней на страницах официального еженедельника Министерства финансов. Лишь в нескольких газетах еще до начала обсуждения были помещены сообщения о проекте полной реорганизации Департамента торговли и мануфактур, но и в них речь шла об изменении структуры и штатов этого учреждения. И все. Так и лежал этот документ десятки лет в архиве Министерства финансов, пока его не обнаружили историки.

«Программа» начиналась характеристикой экономического положения страны до 90-х годов, затем в ней выявлялись различия путей развития России и стран Западной Европы и обосновывались цели и методы торгово-промышленной политики царского правительства. Давалась характеристика основных направлений и некоторых конкретных мер Министерства финансов. Наконец,

довольно подробно излагались задачи и обязанности Департамента торговли и мануфактур министерства «по отношению к главнейшим предметам его ведения».

Оценивая экономический потенциал страны, Витте отмечал, что Российская империя чрезвычайно богата природой, хотя значение этого богатства в довольно серьезной степени умаляется неумеренностью климата во многих ее частях. Она весьма слаба капиталами и накопленными ценностями главным образом потому, что создана непрерывными войнами, не говоря о других причинах. Но она может быть сильна своим человеческим потенциалом, «так как русский человек даровитый, здоровый и богобоязненный».

В «Программе» выделялась мысль о необходимости учитывать особые условия и обстоятельства прошлого и будущего развития промышленности России по сравнению со странами Запада. В западноевропейских государствах обрабатывающая промышленность развивалась медленно и постепенно, рука об руку с развитием техники, параллельно с общими изменениями бытовых и культурных условий жизни. Русская промышленность поставлена в гораздо более трудные условия: она в своем развитии должна пропустить несколько исторических ступеней; во многих случаях при самом своем возникновении она должна была удовлетворять всем требованиям усовершенствованной техники.

С учетом всего этого делался вывод: при необходимости быстрого приспособления обширного, еще недавно патриархального русского народного хозяйства к современным требованиям успешное завершение великой задачи постановки отечественного хозяйства на самостоятельный путь может произойти при широком и разностороннем руководстве со стороны правительства.

По сути, признавалось, что условия для развития предпринимательства в стране малоблагоприятные. Частный предприниматель, задумывающий новое дело в России, должен с самого начала и одновременно выполнить столько разнообразных и трудных задач, чтобы расчистить почву для своего предприятия, что это оказывается большей частью непосильным для отдельных лиц, – делал вывод Витте. Поэтому содействие промышленности со стороны государства должно выражаться не столько в регламентации, сколько в положительной помощи в каждом отдельном случае – там, где частный почин или невозможен, или

слишком слаб, чтобы привести к цели. Лишь при условии такой заботы о развитии каждой отдельной отрасли нашей промышленности и торговли центральное управление может разрабатывать и свои общие меры на пользу народного хозяйства.

В «Программе» давался обстоятельный обзор состояния торгово-промышленного законодательства в стране. Картина представлялась удручающей, ни по одному пункту положение не расценивалось как удовлетворительное, скорейший пересмотр устаревших законов еще дореформенной поры признавался настоятельно необходимым. Констатировалось и то, что министерство, а также Департамент торговли и мануфактур не располагают необходимыми сведениями о состоянии экономики. Задача создания системы статистического учета в народном хозяйстве была также признана остро актуальной.

Поскольку значительная нагрузка по реализации «Программы 1893 года» выпала на Департамент торговли и мануфактур, штаты его были заметно увеличены. Усилился и кадровый состав чиновников. Витте добился исключительного права принимать на службу в ведомство разного рода специалистов, не имевших необходимых чинов и даже прав на государственную службу. Он мотивировал это необходимостью для Министерства финансов подчинить своему влиянию все более широкую сферу частной хозяйственной деятельности, которая требовала и опыта практической работы. Государственный Совет уважил просьбу Витте, согласившись с его доводами. Расширение и укрепление аппарата способствовали тому, что «деятельность Департамента удесятилась, причем сам способ ведения дел, касающихся торговли и промышленности, совершенно изменился».

В повседневной работе Департамент начал шире консультироваться с предпринимателями, внимательно и даже сочувственно рассматривать их ходатайства. Интересы торговли и промышленности стали активно отстаиваться в правительственных сферах. Заметно усилилась законодательная деятельность. С 1893 года Министерство финансов приступило к изданию «Торгово-промышленной газеты», на страницах которой стали публиковаться материалы о важнейших событиях и проблемах экономической жизни.

Активизация деятельности Министерства финансов была по-разному отмечена современниками. Так, А. А. Половцев, член Государственного Совета, сам крупный предприниматель, писал

о том, что наблюдает «широко проводимые принципы безграничного вмешательства правительственных чиновников в мелочи частной промышленной деятельности и всякого рода предприимчивость». Иная, в основном позитивная, оценка содержится в высказываниях Д. И. Менделеева, который был не только всемирно известным ученым-химиком, но и крупным экономистом, сторонником индустриализации России.

Интересно, что такая широкая, по сути комплексная, «Программа 1893 года» обходит стороной ряд актуальных и острых вопросов. Среди них – проблема инвестиций в России и роль иностранных капиталов, вопросы казенной промышленности и государственного предпринимательства, политика в отношении монополий. Это мог быть преднамеренный обход сложных вопросов, продиктованный стремлением сохранить свободу действий в зависимости от будущих обстоятельств. Не входили в «Программу» и некоторые другие вопросы, весьма важные для развития экономики, например аграрный.

Что касается этой прежде ведущей отрасли, то Витте не склонен был видеть главное препятствие экономического роста в наличии полукрепостнических отношений в деревне. Напротив, он утверждает, что малая требовательность русского крестьянина и невысокая зарплата являются для русской предприимчивости счастливым даром, дополняющим богатство русской природы.

Витте оставался убежденным сторонником сельской общины и всецело поддержал закон 1894 года, запрещавший выход крестьян из общины без согласия двух третей домохозяев и ограничивший залог и продажу выделенных в собственность наделов. Лишь через пять лет он станет противником общины. Придет и осознание того, что крестьянский вопрос в России имеет огромное значение: Витте будет инициатором созыва в 1902 году Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое сам и возглавит.

Наличие стратегической программы было важно, поскольку она определяла основные направления деятельности Министерства финансов, но не только. Витте стал вторгаться и в чужие сферы, инициировать решение тех вопросов, которые формально входили в компетенцию других ведомств. Особенно расширилось влияние Министерства финансов на внешнюю политику, железнодорожное строительство, управление государственным имуществом. Используя свое особое положение главного финансиста,

Витте мог добиваться нужных действий руководителей этих ведомств в нужных направлениях. Кроме того, он влиял на назначения первых лиц и в других министерствах, поскольку наличие своих людей упрощало решение задач.

Витте внимательно следил за основными направлениями реализации своей программы и, когда возникала нужда, предпринимал дополнительные усилия, например направлял доклады и записки царю. Среди них надо выделить появившийся в начале 1899 года «всеподданнейший» доклад Николаю II «О необходимости установить, а затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи». Этот важный документ появился, когда противники Витте активизировали нападки на курс индустриализации и привлечения иностранного капитала в Россию. Царь проявлял «колебания», и Витте счел необходимым подготовить и официально обсудить доклад, излагающий экономическую политику правительства, а по существу, основы его «системы». Этот доклад, как и доклад 1900 года «О положении нашей промышленности», прямое продолжение первого, оценивается историками как развитие и уточнение «Программы 1893 года», то есть как ключевые документы.

Для достижения глобальных целей нужно было иметь мощный аппарат чиновников. Деятельность финансового ведомства при Витте вообще значительно активизировалось, его аппарат расширился, а «дисциплинированность и спаянность личного состава еще более возросли». Министерство финансов той поры иногда даже называли «империей Витте».

Очевидно, что такого рода активность Витте не могла не порождать противников в амбициозных бюрократических кругах. Кроме того, у Витте было немало идейных противников, которые не разделяли его взглядов. Прежде всего – представители помещиков-агров, которых никак не устраивал курс на индустриализацию страны за счет аграрного сектора.

Рупором помещиков-землевладельцев был известный публицист и редактор газет «Русское дело» и «Русский труд» С. Ф. Шарапов, который, имея покровителей в «верхах», выступал с резкой критикой политики Витте. Другим активным критиком был И. Ф. Цион, профессор Петербургского университета, сотрудник «Московских ведомостей». Врач, физиолог по профессии, он тем не менее вторгался в вопросы экономики, писал доносы и издал за

свой счет ряд брошюр, направленных против финансовой политики Витте, в частности «Куда временщик Витте ведет Россию?».

ПРАГМАТИЗМ РЕФОРМАТОРА

Содержание «Программы 1893 года» говорит о том, что Витте во многом придерживался политики своих предшественников. Закономерен вопрос: что же тогда отличало нового министра финансов? Думается, прежде всего стратегическое мышление, редкая целеустремленность, колоссальная энергия и «великое трудолюбие», а также отсутствие щепетильности при выборе средств.

Многие современники сходились на том, что как государственный деятель Витте на голову выше своих коллег. В. И. Ковалевский, более десяти лет проработавший под началом Витте и лучше других знавший его, дает такую характеристику: «Человек сильного ума, твердой воли, большой оригинальности во внешности, образе мыслей и действий. В нем все дышало страстностью, порывом, непосредственностью, нечеловеческой энергией. По натуре боец, сильный, даже дерзкий, он как бы искал поприща для состязания. На глазах у всех сказочной быстротою проявлялась могучая натура, которая постепенно всем овладела и всех вольно или невольно подчиняла себе. Ум и воля Витте импонировали, резкость, а иногда и грубость его выступлений обезоруживали противников, редко идейных, но большей частью сводивших личные с ним счеты». «Железная воля, ясный ум, способность управлять людьми и поразительная трудоспособность, — отмечает М. И. Туган-Барановский, — выдвинули бы Витте во всяком обществе и во всякой стране». Тем более бросались в глаза эти качества в России, столь бедной сильными характерами и яркими индивидуальностями.

При Витте Министерство финансов отодвинуло на задний план все остальные ведомства. И не только потому, что в его руках были деньги, без которых ничего не могли сделать другие министерства, но еще и потому, что «Министерство финансов под управлением Витте затмило все остальные необычайным блеском и размахом своей деятельности».

П. Б. Струве писал, что экономический гений Витте следует искать не в плохих трактатах по политической экономии, написанных чужими руками, а в государственном творчестве, свобод-

ном от пут доктрины и с какой-то державной легкостью разрешавшим трудности, перед которыми останавливались мудрецы и знатоки. Практически все сходятся на том, что доминирующей чертой Витте как деятеля был прагматизм, ориентация на дело и конечный результат. Причем нередко это был жесткий прагматизм, настолько жесткий, что даже один из поклонников Витте, князь А. Д. Оболенский, в письме от 27 сентября 1897 года после дифирамбов высказывает упрек: «Вы склонны придавать хозяйственной жизни государства чрезмерно преобладающее влияние, почти исключительное, считая многое другое пустыми фразами идеальничанья».

Здесь уместно отметить еще одну особенность нового министра: Витте не слишком затруднялся в выборе средств для достижения своих целей. Упреки в беспринципности звучали с разных сторон. Струве по этому поводу замечает: «Он был по своей натуре беспринципен и безыдеен. В деятельности Витте никогда не было идейного центра, к которому он морально тяготел бы. Витте не изменял в этом смысле взглядов и принципов, ибо их у него вовсе не было. Его стихией была область государственного строительства, политически и нравственно безразличного».

Этические вопросы, связанные с деятельностью Витте, возникают у исследователей его государственного творчества постоянно, их так или иначе касаются в воспоминаниях его современники. Тот же Ковалевский считал, что Витте – государственный деятель «с совершенно особым нравственным укладом». Коллеги по правительству не без оснований обвиняли его в игнорировании сложившегося бюрократического этикета, он не считался с пределами своей власти, допускал давление на других министров по делам их компетенции. Витте и сам признавал, что в некоторых случаях отказывался отпускать средства другим ведомствам, если не одобрял их политику.

Особая мораль Витте, далеко не всегда соответствующая принятым в обществе нравственным нормам, – интересное явление. Можно лишь предполагать, что ее формировало и поддерживало. Не исключено, что на Витте оказали воздействие идеи немецкого философа Ф. Ницше, чрезвычайно популярные в те времена в России. Например, идеи о сверхчеловеке – творце истории, который свободен по отношению к морали рабов, не знает иных законов, кроме велений своей свободной властной воли. Это идеал исключительности, находящийся по ту сторону обычных представлений

о добре и зле. Несомненно одно: самооценка Витте была чрезвычайно высокой, что демонстрируют его «Воспоминания». А сверхчеловеку все дозволено, у него нет моральных преград.

Для достижения своих целей Витте использовал все доступные средства. Чиновник В. И. Гурко пишет, что он, всегда хорошо осведомленный о том, какие лица имеют в данной среде или по данному вопросу преобладающее влияние, направлял именно на них все свое внимание, причем для того, чтобы заручиться их содействием, а в особенности освободиться от их противодействия, прибегал к разнообразным мерам, сводившимся, однако, в сущности, к одной – подкупу. Одних он подкупал лестью, других, и, увы, это было большинство, более реальными выгодами. Последнее для Витте было всегда доступно. Кроме большого числа хорошо оплачиваемых должностей (а у всякого есть если не сыновья, то племянники или вообще близкие, которых надо пристроить), в распоряжении министра финансов находился государственный кредит. В ведении Витте, кроме Государственного, были и Дворянский, и Крестьянский земельные банки, причем последний мог приобретать земельные имущества почти по любой цене.

С. М. Проппер приводит такие примеры. Витте был заинтересован в том, чтобы привлечь на свою сторону князя Мещерского, издателя газеты «Гражданин». Князь имел доступ к императору, часто посылал ему записки по различным вопросам. Привлечь Мещерского было не очень трудно: князь питал особую слабость к всевозможным субсидиям и доходам. Просьба князя о субсидии на открытие собственной типографии легко прошла в Министерстве финансов, министр путей сообщения издал распоряжение, по которому новой типографии должны были передаваться все печатные заказы казенных железных дорог, включая билеты. Работы оплачивались по фантастическим ценам.

Для установления добрых отношений с влиятельным членом Комитета финансов, государственным контролером Д. М. Сольским, министр финансов назначил его племянника директором Государственного банка.

Случалось, Витте нарывался на резкий отпор тех, кого он стремился таким образом привлечь на свою сторону. Так, например, вновь назначенный министром иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский на предложение об уравнивании его содержания с жалованием послов жестко ответил: «Разве вы слышали, что я об этом хлопочу? В таком случае ваша осведомленность плохая».

Лобанов-Ростовский был послом в Лондоне, Вене, Берлине, а в 1895 и 1896 годах, вплоть до кончины, возглавлял Министерство иностранных дел. Парадоксально, но, согласно штатному расписанию, жалование посла в крупной европейской стране составляло 50 тысяч рублей в год, тогда как министр получал лишь 26 тысяч. Именно эту разницу и пытался в особом порядке, персонально, ликвидировать Витте: для него было важно иметь князя в союзниках при осуществлении своих планов. Отпор, полученный от князя, весьма состоятельного человека, который не хотел быть ничем обязанным Витте, тем не менее не испортил их отношений – они тесно сотрудничали в осуществлении восточной политики Витте.

Отповеди, вроде полученной от Лобанова, были так редки, что не изменили обычной тактики Витте, и ему чаще всего удавалось тем или иным способом обезоружить хотя бы часть своих влиятельных противников.

Примечателен случай с Александром Агеевичем Абазой, подробно описанный самим Витте в «Воспоминаниях». Абаза был очень влиятельным человеком – до Бунге он полгода был министром финансов, потом много лет занимал важный пост председателя Департамента по экономии Государственного Совета. Вероятно, с Абазой у Витте сложились напряженные отношения, и он решил его устранить, воспользовавшись первой же возможностью. А такая представилась, когда Абаза, игрок по натуре, обладая по должности сугубо конфиденциальной информацией, использовал ее при биржевой игре на понижение рубля, чтобы сорвать большой куш. Витте, узнав об этом от банкира Рафаловича, нужным образом доложил дело Александру III, и тот отправил Абазу в отставку. Затем Витте рекомендовал на освободившееся место Д. М. Сольского, обеспечив лояльность того указанным выше способом.

Любопытно, что отношения Абазы и Витте после инцидента не стали враждебными, и Абаза даже оказал ему позже дружескую услугу в приобретении участка для дачи в Сочи.

По отношению к остальным, менее важным персонам, как отмечает Гурко, образ действий Витте и даже обращение резко менялись – он стремился «брать их нахрапом» и даже терроризировать.

Вот что рассказывает Гурко. В Государственном Совете обсуждался вопрос о дополнительном ассигновании 2 миллионов рублей на создание Петербургского политехнического института (любимого детища Витте). С отпуском нового ассигнования стоимость этого здания должна была достигнуть почти 10 миллионов.

Государственный контролер П. Л. Лобко находил эти суммы чрезмерными и резко выступил с критикой Министерства финансов. Витте, разумеется, с не меньшей резкостью отвечал. Задетый за живое, Лобко не выдержал и сказал, что о способе действий министерства можно судить по тому, что необходимый для института участок земли в Лесном был приобретен министерством за сумму свыше 200 тысяч рублей, в то время как продавец, некий Сегаль, купил его лишь за несколько месяцев перед тем за 30 тысяч.

Желая как-нибудь сгладить возникший инцидент, председательствующий заявил, что, собственно, Государственному Совету нет до этого дела, что время уже позднее (было уже около 6 часов вечера), и предложил перейти к голосованию.

Но не таков был Витте, чтобы пропустить брошенное ему обвинение без резкой отповеди. «Мы здесь до ночи просидим, – заявил он, полностью игнорируя права председателя, – но раз здесь занимаются инсинуациями, я не могу молчать». В блестящей импровизации Витте наголову разбил неосторожно расхорохорившегося Лобко, и вот результат: дополнительное ассигнование было принято единогласно, не исключая и возражавшего государственного контролера.

Характерен и другой инцидент, разыгравшийся на общем собрании Государственного Совета. Обсуждался вопрос обложения промысловым сбором епархиальных свечных заводов. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, разумеется, возражал. Речь его по этому поводу была выслушана с особым вниманием, поскольку говорил он убежденно, с пафосом, рисовал ужасы, которые ожидают государство, если будет принята оспариваемая им мера. Между прочим Победоносцев упомянул, что имеется особое высочайшее повеление, согласно которому епархиальные свечные заводы никаким сборам не подлежат.

Наступила очередь Витте, который привел аргументы за сборы, а относительно упомянутого Победоносцевым высочайшего повеления выразился так: «Не могу я откапывать все высочайшие повеления – на это у меня времени нет, да и какое имеют они значение». Такого заявления не только Совет, но и стены Мариинского дворца едва ли когда-либо слышали, но к высказываниям Витте уже настолько привыкли, что эти слова даже не вызвали изумления.

Здесь уместно, хотя бы кратко, затронуть вопрос о взаимоотношениях Витте с царем. По свидетельству многих современ-

ников, личность Витте весьма импонировала Александру III: грубоватая простота, несомненное знание дела, доходчивость рассуждений, отсутствие чиновного лоска, приверженность идеям патриотизма и монархизма. Привлекала царя и внешность Витте. Как пишет В. И. Ковалевский, «Александру III, самому непосредственному и сильному, пришлось по душе такие же черты у Витте». Но те же черты личности Витте оказались трудно совместимы с характером Николая II («человека воспитанного»), чем сам Витте объяснял сложность их отношений, но это было позже.

А начало министерской карьеры Витте совпало с последними двумя годами правления Александра III, который вполне доверял Витте, поэтому тот характеризует его в «Воспоминаниях» не иначе как «великий император».

В дневнике генеральши Богданович есть запись, датированная 22 января 1894 года: «Долго сидел Суворин. Рассказал, что царь так выразился про своих министров: когда Дурново мне докладывает, я все понимаю, а он ничего не понимает; когда Витте – я не понимаю, но зато он все понимает, а когда Кривошеин – ни он, ни я – мы ничего не понимаем».

СИСТЕМА ВИТТЕ

«Роль Витте в развитии русской промышленности общеизвестна, – пишет В. И. Гурко, – влияние мер, принятых Витте в этом направлении, было потому особенно сильно, что они в общей совокупности составляли целую систему, направленную к той же цели, что и создало ту атмосферу, в которой русская промышленность получила возможность быстро и пышно расцвести». Понятие «система Витте» встречается в научной литературе, в публицистике, но что это такое, толком нигде не разъясняется, и каждый автор волен трактовать по-своему. По нашему разумению, говоря о «системе Витте», следует рассматривать не только как совокупность практических дел реформатора, а прежде всего как систему взглядов государственного деятеля.

С точки зрения направленности личности (что психологи считают пусковым механизмом деятельности) Витте – патриот и государственный деятель, который смысл жизни видел в служении

великой России. Он ставил цель вывести Россию на уровень высокоразвитых стран мира.

В. Маклаков пишет, что Витте «был сильной индивидуальностью, убеждения которой складываются в его голове, а не постановлениями большинства. Он сам знал, что нужно России, и верил себе, занимал его один результат, и он предпочитал порядок, при котором конкретных результатов казалось легче всего достигнуть, хотя бы и с наименьшим личным успехом».

Витте всегда оставался сторонником самодержавия. Он верил в исключительную силу бюрократии, поддержанную неограниченной властью царя. И стремился «сверху», по традиционной для России «имперской» модели, провести реформы в экономике и социальной сфере.

Для Витте было очевидно, что единственный перспективный путь развития России – рыночный, капиталистическая индустриализация страны. По этому пути шли передовые страны Запада, демонстрируя очевидные успехи. И в этом Витте расходился во мнениях с многими представителями правящих верхов, что показала, в частности, полемика между ним и В. К. Плеве на Особом совещании о нуждах дворянского сословия, развернувшаяся в 1897 году. Витте предрекал неизбежный уход дворянства с политической сцены. «Не пройдет 50 лет, – заявил он, – как выступит у нас на первый план другой богатый класс, подобный тому, который вершит судьбы Франции, – буржуазия». Плеве же придерживался другого взгляда, он надеялся, что Россия будет избавлена от гнета капитала, буржуазии и борьбы сословий ввиду своей самобытности. То была консервативная утопия.

Некоторые историки усматривают глубокое противоречие экономической политики Витте в том, что для промышленного развития страны на рыночных рельсах он использовал средства и условия, порожденные феодальной природой существовавшей в России власти. Консерватизм «системы Витте», по их мнению, состоял в том, что она должна была способствовать укреплению экономического могущества отжившего самодержавного режима. А в глазах представителей леволиберальных кругов «система Витте» воспринималась как «грандиозная экономическая диверсия самодержавия», отвлекавшая внимание различных слоев населения от социально-экономических реформ.

На наш взгляд, данная «противоречивость» «системы» не очевидна. Конечно, для преобразований по рыночной модели

теоретически правильнее было бы изменить сначала сословную природу власти, передав ее в руки представителей класса предпринимателей. Но были ли тогда в России такие политические силы? В мировой практике известны подобные ситуации. Например, современные рыночные преобразования в Китае проходят в условиях сохранения прежней партийно-государственной системы, и «твердость» власти является важнейшим условием успеха экономических реформ.

Здесь необходимо учитывать специфику переходного периода. Конечно, в перспективе система управления должна соответствовать природе экономики. И Витте увидел в будущем у власти в России буржуазию, но как реалист, прагматик он понимал, что сохранение в тех условиях самодержавия было не самоцелью, а залогом модернизации экономики. Его стихией была область государственного строительства, и при своих дворянских корнях он смотрел вперед уже как представитель нового класса – буржуа.

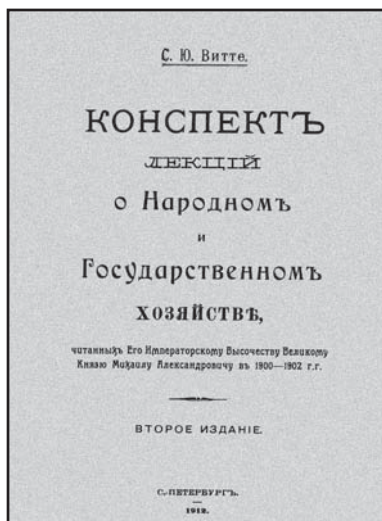
По мнению В. И. Гурко, Витте был в высшей степени государственным человеком, то есть человеком, стремившимся не столько «к насаждению довольствия и счастья среди граждан страны», сколько к обеспечению величия и силы государства как целого. В соответствии с этим на отдельные слои населения он смотрел преимущественно как на строительный материал государственной мощи. А было ли когда-нибудь в России иначе?

Изучение государственного творчества реформатора, несомненно, говорит о его системном мышлении. Только благодаря этому качеству, на наш взгляд, и стали возможны те огромные последовательные преобразования в экономике страны, которые произошли не только в годы его министерства, но и позже – вплоть до начала Первой мировой войны. Можно говорить и об определенном научном мировоззрении Витте, которому не была чужда теоретическая деятельность. Его можно отнести к редкому числу тех министров финансов (наряду с Ж. Б. Кольбером и А. Гамильтоном), которые оставили свой след в экономической литературе.

Уже упоминавшиеся работы Витте «Принципы железнодорожных тарифов» и «Национальная экономия и Фридрих Лист», которые П. Б. Струве в пылу полемики назвал «плохими трактатами по политической экономии, написанными чужими руками», не были, конечно, последним словом в экономической науке, однако в них одним из первых в России Витте акцентировал внимание на необходимости формирования

специфической национальной модели экономики. Наиболее интересной в этом плане работой Витте стал объемный труд с длинным-длинным названием: «Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг.». Дело в том, что в XIX веке сложилась традиция, по которой министры финансов привлекались к подготовке наследников престола по экономическим вопросам. Так, Е. Канкрин готовил будущего императора Александра II, Н. Бунге – Николая II, а Витте пришлось приватно читать лекции великому князю Михаилу, который (до рождения в 1904 году царевича Алексея) официально считался наследником.

*С. Ю. Витте «Конспект лекций
о народном и государственном
хозяйстве»*

В 1912 году Витте издает свои лекции отдельной книгой. По мнению М. И. Туган-Барановского, это более чем учебник, это результат исследований и обобщений автора по основным вопросам экономического развития страны. Следует сказать, что не все экономисты того времени считали эту работу оригинальной. А. Финн-Епотаевский в статье «Граф Витте как экономист», опубликованной во втором номере журнала «Современный мир» за 1912 год, доказывает на фактах, что в «Конспекте» использованы тексты других авторов, то есть, по сути, обвиняет Витте в плагиате.

Трудно спорить против фактов. Однако, на наш взгляд, критик не оценил главных достоинств работы: целостного, системного взгляда на народное хозяйство России с учетом природно-климатических, социально-демографических, культурных и других особенностей развития страны.

«Государство не столько созидает, сколько восполняет, – пишет Витте, – истинными же созидателями являются все граждане. Чем дальше идет процесс, тем сложнее становятся все отправления производственного процесса и тем труднее роль его участников – всех граждан, чтобы справиться с этой ролью, они должны обладать не только капиталами, но и личными качествами – предприимчивостью и энергией, развивающимися на основе самостоятельности. Не налагать руку на самостоятельность, а развивать ее и всячески помогать ей, создавая благоприятные для ее применения условия, – вот истинная задача государства в наше время все усложняющегося народного хозяйства». Как современно звучат и сейчас эти мысли!

Однако главной составляющей «системы Витте» являлась сама практическая деятельность министра, отличавшаяся исключительной многогранностью, так поражавшей современников. Вскоре после его кончины «Русские ведомости» писали: «Целая эпоха нашей финансовой и экономической истории связана с его именем. Эпоха эта столь богата мероприятиями, что, просматривая перечень их, удивляешься, как могло хватить инициативы и нервной силы одного руководящего человека для осуществления их».

Исследованию феномена крупных исторических личностей посвящены работы ряда современных психологов. Среди них наше внимание привлек труд Б. М. Теплова «Ум полководца», где автор пытается описать особенности мышления известных военачальников прошлого. Представляется, что государственного деятеля масштаба Витте и полководца можно в равной мере назвать гением организации – человеком, прежде всего обладающим высоким уровнем практического мышления.

Теплов пишет, что практическое мышление не может удовлетвориться решением «в принципе», блестящими находками в процессе поиска решения. Военачальник должен искать такие решения, которые являются наилучшими во всех отношениях.

Подчеркивая важность целостного решения, Теплов отмечает, что часто в проведении какой-либо операции, заслуживаю-

щей общее восхищение, нельзя выделить никаких идей, которые сами поражали бы своей новизной и оригинальностью. Так в чем же проявляется сила ума полководца? Ответ на этот вопрос звучит так: «Дело не в отдельной абстрактно взятой идее, а в целостном решении конкретного вопроса, и притом решении “ответственном”, то есть неотрывном от исполнения. Конкретность мышления – необходимое условие успеха. Подлинный военный гений – это всегда и “гений целого”, и “гений деталей”».

Но исполнение решения, чтобы быть осуществимым, неизбежно должно точно учитывать все звенья системы, посредством которой проходит само осуществление. Такая система может быть создана лишь при непосредственном участии самого «полководца».

О многогранной деятельности Витте говорит сам перечень основных направлений. Среди них прежде всего – финансово-бюджетная политика, обеспечившая благодаря финансовым ресурсам индустриализацию страны. Это и быстрый рост государственного бюджета, и денежная реформа, и развитие кредита, и привлечение иностранного капитала, и многое другое. Однако эти меры работали на главную цель – ускоренное развитие народного хозяйства России. Политика протекционизма, положительная поддержка предпринимательства путем огромных государственных заказов и щадящего налогообложения, развитие казенного хозяйства – все это обеспечило в итоге промышленный бум 90-х годов.

Особенно необходимо выделить крупномасштабное железнодорожное строительство – прокладку Транссибирской магистрали, ставшей «стальным хребтом России», великим путем к освоению богатств Сибири и Дальнего Востока. Одновременно это был и путь внешнеэкономической экспансии на Восток для завоевания новых рынков. Наконец, нельзя не оценить вклад Витте в государственное строительство, во внешнюю политику, в развитие профессионального образования и культуры. Он оставил свой яркий след и в политической истории России как автор Манифеста 17 октября 1905 года, открывшего путь к парламентаризму. «Политический век» реформатора не был продолжительным – всего пятнадцать лет, но масштабы деятельности и свершений таковы, что их хватило бы на несколько биографий.

Личная сторона жизни крупного политика, государственного деятеля обычно тщательно скрывается от посторонних глаз: слишком много любопытных. В то же время очевидно, что проникновение в бытовые стороны жизни героя значимо для понимания его личности, условий деятельности и многого другого. А ведь у каждого есть еще и свое «подполье», вход в которое тщательно оберегается.

Западные писатели со времен появления психоанализа З. Фрейда стремятся проникнуть и туда, в «подполье», считая, что без этого образ человека не будет раскрыт во всей полноте. Это, вообще говоря, не в традиции русской литературы, хотя известны отдельные попытки такого рода, например книжка А. Кашиной-Евреиновой «Подполье гения. Сексуальные источники творчества Достоевского», изданная в Петрограде в 1923 году. Тщательный анализ обстоятельств личной жизни и произведений писателя дает автору пищу для понимания истоков его творчества. Насколько это близко к истине, сказать трудно, однако небезынтересно как версия.

В отношении Витте подобная попытка вряд ли возможна, прежде всего из-за отсутствия информации, ведь его государственное творчество еще толком не проанализировано, а личная жизнь и подавно. Нельзя же строить серьезное исследование на отдельных фразах из «Воспоминаний», вроде: «Так как я был молод и неженат, то я знал всех более или менее выдающихся актрис в Одессе». Из того же источника известно, что влюбленность в актрису Соколову помешала Витте написать диссертацию по астрономии.

Поэтому ограничимся лишь семейной стороной жизни Витте. Что обычно является при этом источником информации? Конечно, мемуары человека, его близких и друзей. Однако «Воспоминания» С. Ю. Витте содержат крайне скудную информацию на этот счет, и во многом благодаря второй супруге. В предисловии И. В. Гессена говорится, что по желанию графини М. И. Витте были исключены некоторые отрывки, касающиеся семейной жизни графа. Поскольку сама графиня Витте не затруднилась написанием мемуаров, а интимных друзей у Сергея Юльевича не было, то практически единственным ис-

точником остаются воспоминания его приемной дочери – Веры Сергеевны Нарышкиной-Витте, написанные в эмиграции и изданные в Лейпциге в 1922 году под названием «Записки девочки». В них – детские воспоминания о родителях, «суровом великани и прекрасной женщине с задумчивыми глазами и загадочной улыбкой». Кроме того, в «Записках» содержится масса интересных наблюдений, характеристики посетителей дома и описание Петербурга конца XIX века, что и побудило их здесь отрывочно использовать. В «Воспоминаниях» самого Витте говорится: «Я женился и взял к себе малютку-дочь моей жены, Веру, которую я полюбил так, как свою собственную дочь. Эту дочь я усыновил со всеми правами, принадлежащими как единственной моей дочери. Дочь эту я воспитал, и всю жизнь, до замужества, она про-

*Вера Сергеевна Нарышкина-Витте – приемная дочь
С. Ю. Витте*

вела со мною. Таким образом, она считает меня своим отцом, так как собственного отца она почти что не знала».

В «Записках девочки» нет дат, но, судя по описываемым событиям, они охватывают период с 1892 по 1900 год (год открытия Всемирной выставки в Париже). В 1892 году девочке было 8 лет, и первые воспоминания ее связаны с Юсуповским дворцом и садом, а затем – зданием Министерства финансов.

В сентябре 1892 года, после назначения Витте управляющим Министерства финансов, семья заняла казенную квартиру министра, располагавшуюся в здании Министерства на третьем этаже со стороны Мойки (дома № 43–45). Сам Витте об этом пишет так: «Когда я был назначен министром финансов, я был готов немедленно переехать в новое помещение – в квартиру министра финансов на Мойку, но я не мог этого сделать, пока Вышнеградский не очистил свое помещение. С моей точки зрения, это новое помещение было несравненно хуже того, в котором мы жили, когда я был министром путей сообщения, – то один из бывших маленьких дворцов, тогда как помещение министра финансов – это обыкновенная квартира, которая более похожа на казарменное помещение. Лично я никогда не обращал никакого внимания на квартиры, так что этот переезд с точки зрения перемены квартиры мог быть только неприятен моей жене».

В «Записках девочки» это звучит так:

«Наконец, они переехали в Министерство финансов. Как казалось уныло после чудного дома с колоннами, где жилось как в усадьбе и где она могла бродить одна по аллеям! А здесь, среди этой анфилады зал с видом на мутную Мойку, она себя чувствовала потерянной. Гулять ее водили по набережной реки, где не было ни одного дерева».

Дом

Частное помещение Министерства финансов состояло, главным образом, из гостиных – жилых комнат почти не было. Тянулись анфиладами залы и гостиные: голубая, красная, бильярдная, зимний сад и много других.

Мебель была обыкновенная, мягкая, обитая штофом. Мама нашла на министерском чердаке множество великолепной старинной бронзы, которую привели в надлежащий вид, ею украсили голые громадные комнаты. Было уютно только там, где стояла собственная обстановка родителей. Отец был неумолим, когда дело касалось казны, он не позволил тратить деньги на украшение министерского помещения и урезал смету на ремонт до крайности.

Девочка очень любила столовую с дубовыми стульями петровских времен. На стенах висело много серебряных блюд, поднесенных отцу. Рядом была бесконечно голубая бальная зала. Чтобы попасть из спальни в кабинет, помещавшийся в самом конце квартиры, папе приходилось пройти чуть не всю Мойку.

Она очень любила гулять с отцом. Она старалась идти к ногу, но это было трудно. Бывало, идут они по Морской, вдруг заметят маму, папа схватит девочку за руку и давай бежать в обратную сторону. Мама спешит за ними и громко зовет: «Серезжа, вернись», а они уже на противоположном тротуаре, под конец мама их догоняет.

Папа как-то сказал, что в детстве играл на флейте, девочка к этому отнеслась довольно скептически и попросила отца на деле доказать свои умения. Приобрели флейту, выбрали вальс из «Продавца птиц», который папа отлично исполнил под ее аккомпанемент на рояле. Это так обоим понравилось, что они пользовались каждой свободной минутой для совместной игры.

Большая Морская улица. 1909. Рисунок А. Беггрова

Отец

«Неужели все люди так же много работают, как отец?» – часто спрашивала девочка себя. Вероятно, многие завидуют тому, что он живет в хоромах, окружен почетом и уважением. Но ведь он никогда не бывает свободен, не пользуется благами жизни.

А папа в половине девятого уже в столовой, еле успевает за кофе в какие-нибудь четверть часа пробежать вскользь газеты и уже должен идти заниматься делами. Он так равнодушен к внеш-

ней обстановке, что даже ничего не изменил в кабинете своего предшественника.

В кабинете шкапы с книгами или бумагами, кожаная мебель, придвинутая к стене, папа, когда работал, всегда ходил взад и вперед по комнате. Много места занимал громадный письменный стол, заваленный бумагами, вокруг него стояли кресла с деревянными спинками, для посетителей. На стене висели портреты царствующего и покойного государей.

Чиновники, приходившие с докладом, страшно его боялись. Девочка слышала от Дмитрия Алексеевича, служившего в министерстве, что один директор департамента всегда принимал валериановые капли, прежде чем идти к министру. Чиновников канцелярии министра приводил в отчаяние неразборчивый почерк папы: иногда собирался целый совет для разбора той или иной буквы. Но, несмотря на всю требовательность, служащие ценили его за уважение к чужому труду и за то, что он сам работал за троих.

Для него не существовало отдыха, единственно, что он себе позволял, и то ради здоровья, это ездить час утром в манеже верхом, вместо прогулок, от которых ему приходилось зимой отказываться из-за вечной простуды.

Время завтрака и обеда было сокращено до крайнего предела, на них уходило не больше двадцати минут, и папа еще умудрялся приглашать людей, которых он хотел видеть, но не успевал принять в течение дня. Когда подавали кофе после обеда, он шагал по комнате и беседовал с гостями об интересующих вопросах. Он в разговоре дорожил временем, говорил сжато и кратко. Вздорные слова выводили из терпения, он быстрыми доводами разбивал противника, всем становилось очевидно, что не о чем больше спорить. Мама всегда старалась смягчить его резкость.

Папа очень любил подшучивать над домашними, но и на это не хватало времени. Не успевал он кончить кофе, как уже докладывали, что его ждут, и он поспешно уходил.

Зато как он бывал доволен и радушен, когда в Петербург приезжали его старые университетские товарищи, служившие в провинции в скромных должностях. Папа вспоминал с ними старину: строгое выражение смягчалось, улыбка казалась почти детской.

Он был очень привязан к Кавказу, ко всем воспоминаниям детства и так ярко их рассказывал, что девочке все казалось знакомым и близким. Вообще вся его жизнь была заведена как часы и

проходила в работе на благо других; трудясь, он не щадил ни сил, ни здоровья.

Когда среди занятий по вечерам удавалось улучшить свободную минуту, он забегал к маме и иногда играл с ней партию в безик. Папа любил, чтобы она сидела дома. Ему приятно было чувствовать, что она тут же, неподалеку и что в любую минуту можно повидаться с нею; время, которое он с ней проводил, отдыхая от государственных забот, было единственной его отрадой.

Сосредоточенный в себе, он как будто не видел мелких подробностей повседневной жизни. Раз мама заново обила свою гостиную, а он и не заметил; маме приходилось заказывать ему костюмы, выбирать галстуки, он ничего не разбирал, лишь бы было удобно. Камердинер приходил часто плакаться, что барину, мол, нечего надеть, вещи уже износились. «Я изволил докладывать, – жаловался он, – их превосходительство сказали, хорошо, а ничего не сделали, чтобы поправить положение». Если бы не мама, папа, наверное, ходил бы в отрепанной одежде и в истоптанных сапогах.

Какой папа был громадный, он всегда казался великаном рядом с другими. Девочке казалось странным, что папу все боялись, ее же он никогда не бранил, наоборот, был гораздо менее строг, чем мама.

Обращение его с другими людьми отличалось крайнею простотою. Большая часть министров были важные, торжественные, а папа всегда одинаков и с рабочим, и с сановником, даже милее с рабочим.

Девочка помнила, как раз на какой-то станции по юго-западной дороге, на которой папа начинал службу, он гулял по платформе с должностными лицами. Вдруг он узнал какого-то машиниста, оба страшно обрадовались и долго жали друг другу руки, и, к ужасу подобострастных чиновников, рука министра сделалась от этого черною и грязною.

Девочка много раз была свидетельницей, как папа с горечью говорил маме, что его не понимают и представляют все его побуждения в превратном свете, совершенно искажая его замыслы и стремления. Какое у него часто бывало измученное и издерганное лицо, когда он приходил немного отдохнуть в уютную комнату мамы, где приятно жужжал маленький самовар на круглом столике и в углу, лежа на ковре, храпел старый Арапка. Здесь, у тихого очага, зарождались его мечты о величии родины, которую он любил больше всего на свете.

Мать

В воображении девочки отец представлял собою мозг, а мать – очарование. В ней воплотилась песнь дома, песнь очага, кроткое творчество семейной жизни. Сколько раз она своею обворожительной улыбкой сглаживала шероховатости, залечивая уколы самолюбия, причиненные резкостью папы, скольких врагов она превратила в друзей.

Она служила твердой опорой отцу во все тяжелые минуты его жизни. Без нее он чувствовал себя одиноким и потерянным среди интриг, чуждых его прямоте. Мама, с ее глубоким знанием и пониманием людей, чутко улавливала каждое содрогание в наболевшем сердце.

Часто, когда в приемные дни матери девочку призывали в гостиную, видела дам красивее и наряднее мамы, но она всех их затмевала каким-то необъяснимым обаянием, под которое все невольно попадали. Уходя, уносили с собой образ этой стройной женщины с серо-зелеными грустными глазами и загадочной улыбкой, которую скрадывала прозрачная тень розового абажура.

Во всех углах гостиной стояли темные пальмы. Много саксонских и северских фарфоровых статуэток пестрело на камине и на старинных столиках, рядом с фотографиями в эмалевых рамках. На стене среди картин висел небольшой портрет акварелью бабушки Фадеевой с ее тремя внуками Витте. Глядя на ее лицо, девочка узнавала будущие черты папы, которому здесь было лет шесть. Цвет мебели напоминал глаза мамы, вся комната носила какой-то спокойный оттенок, который подходил ко всему облику мамы.

Девочка была в восторге, когда ей удавалось уговорить маму спеть под ее аккомпанемент цыганские романсы. Мама не обладала большим голосом, но несколько низких грудных нот звучали превосходно, к этому присоединялась дивная дикция. Мама пела с увлечением, видимо, не сознавая, сколько таланта было в ее исполнении и сколько в ее душе таилось гибкого юмора, заразительного веселья. Когда она бывала в настроении посмеяться, девочка совершенно забывала, что это ее мать, и веселилась с ней, как с равной.

Девочка в ранние годы призадумалась, видя, как матери ее подруг выезжают веселиться, а мама – молодая, красивая – почему-то предпочитала сидеть дома. Она не хотела прямо задать этот вопрос матери, стараясь сама найти ответ. Она заметила, что папа скулал в отсутствие матери, и только когда стала

старше, поняла, что это был ключ к разгадке. Но мама так охотно отказывалась от развлечений, что, вероятно, отец никогда не узнал, какую жертву приносила ему жена.

Дома же Матильда Ивановна управляла всем, стремясь лишь к одному: смягчить уютом семьи все разочарования, все препятствия, с которыми отец сталкивался на своем государственном поприще, никто так не радовался его успехам, как она.

Путешествия

Семья Витте каждый год, как было принято в их кругу, ездила летом на европейские курорты, чаще всего в Германию и Францию. В «Записках девочки» содержатся некоторые описания этих событий.

Путешествие за границу, в Аббацию, где купались (Адриатика), оттуда поехали в Тироль, поселились в Грисе, близ Боцена. Гостиница стояла у подножия горы. С вершины открывался вид на Монте-Роза. Когда солнце садилось и озаряло ее снежный покров, она действительно казалась розовой.

Вскоре мама уехала в Париж, девочка осталась вдвоем с папой и мисс. Зажилось весело и привольно. Папа исполнял все ее прихоти, чего только он ни придумывал, чтобы развлечь.

Девочка заболела ангиной. Папа был в отчаянии, он часами просиживал около ее кровати, раскрашивал ей цветными карандашами картинку, и так хорошо, что нельзя было отличить от образца.

Встретились с мамой в Берлине. Она надеялась, что мама из Парижа придет такой красивой и нарядной, как картинки в модных журналах. Ведь недаром же папа сказал ей, что мама поехала «за тряпками». Конечно, он мужчина, оттого так и выражается о нарядах. А вместо этого на маме был темный костюм. Стоило ездить из-за этого в Париж!

Случай в дороге: мама везла с собой широкие модные абажуры, из газа и кружев; если их сомкнуть, они превратятся в тряпки. Она надеялась, что на таможене чиновники сквозь пальцы посмотрят на эти картонки, не раскроют их. В Вержболове папа потребовал ключи, передал их чиновнику для осмотра багажа. Злополучные картонки были замечены и отнесены в зал, для оплаты пошлины.

Мама была в отчаянии, зная, что абажурам смерть, если их начнут трепать, и даже расплакалась от досады. Чиновник, желая доказать министру свое рвение к службе, буквально все перерыл и заставил маму заплатить двойную пошлину за абажуры.

После Германии поехали в Крым. На этот раз поселились в самой Ялте в доме инженера, заведующего шоссе, Степана Ивановича Руденко, добродушного толстяка с сухой женой и веселой свояченицей.

Сезон был в полном разгаре. В Ливадии жил царь со своей семьей. Граф Ламздорф занимал дачу недалеко от них, устраивал роскошные завтраки и всегда приглашал свою любимицу Веру. Фредериксы поселились в гостинице «Россия», став средоточием придворного кружка.

Во время пребывания государя Ялта очень оживлялась, но теряла свою непосредственную прелесть; царские имения, самые красивые места побережья, бывали закрыты для посетителей. Вся жизнь вертелась вокруг гостиницы «Россия», кондитерской Верне, обычных петербургских сплетен и придворных интриг. В более простой обстановке все старались ближе подойти к государю и императрице, заручиться их благословением и подставить ножку своему врагу.

В другой раз жили на территории Никитского сада с прекрасным видом на море. Папа заявил, что они поедут в Сочи на два-три дня осмотреть участок, который предлагают ему купить.

Из Ялты в Сочи добирались морем. На пароходе страшно качало. Мама лежала и вдыхала кислород, а папа куда-то исчезал. Девочка же чувствовала себя прекрасно, с восторгом смотрела на бушующее море. Вдруг, запыхавшись, к ней подбегает служанка при каютах и с блаженным лицом, словно речь идет о величайшем счастье ее жизни, торжественно заявляет: «Министра укачало». Когда приближались к Сочи, появились папа и мама, мрачные и бледные после пережитой болезни.

К капитанскому мостику причалила лодка, на которую они пересели; гребцы были от пограничной стражи. На берегу был выстроен почетный караул от пограничной стражи, шефом которой состоял папа. По его лицу девочка видела, что он думал совсем о другом, он, к слову сказать, был плохой моряк.

У самой пристани или, вернее, на месте, носившем это название, стоял жалкий домишко. Это была гостиница, из которой выселили жильцов, чтобы устроить помещение для министра.

После завтрака поехали вместе с А. А. Абаза смотреть участок, который продавался. В экипаже девочке наконец удалось пристально рассмотреть Абаза, с которым папа был очень дру-

жен со времен комиссии графа Баранова. Маленький, худощавый, с острым лицом, он носил какую-то странную длинную накидку и соломенную шляпу. Он был пионером этого края, которым восторгался. Участок был действительно превосходный. Сплошная аллея роз и кипарисов вела к крошечной даче; с горы над нею открывался вид, величественный и живописный.

Вернулись в Сочи. Уставши, девочка заснула крепким сном на жесткой кровати. За утренним чаем, добрая и веселая, она спросила, как папа провел ночь. «Лучше не напоминай мне про это, — сказал он, — всю ночь напролет промучился в борьбе с клопами и тараканами! Кончилось тем, что я вытащил тюфяк на пол и так кое-как вздремнул полчаса, но они и туда добрались».

Глава четвертая

ФИНАНСОВЫЙ
ГЕНИЙ

Почему рубль – не талер? Этим вопросом озаботился Федор Михайлович Достоевский в конце жизни. В «Дневнике писателя», вышедшем в январе 1881 года, в первой главе, которая начинается с раздела «Финансы», он пишет: «Господи, неужели и я, после трех лет молчания, выступлю в возобновленном “Дневнике” моем со статьей экономической? Неужели и я экономист, финансист? Никогда таковым не был. Несмотря даже на теперешнее поветрие, не заразился экономизмом и вот туда же за всеми выступаю со статьей экономической. А что теперь поветрие на экономизм, в том сомнения нет. Теперь все экономисты».

Действительно, в просвещенном обществе того времени эта тема звучала очень отчетливо. «О, и прежде у нас рассуждали много о финансах, – продолжает Достоевский, – но во время войны (Русско-турецкой. – С. М.) и после войны все бросились в финансы по преимуществу, – и опять-таки натурально: рубль упал, займы на военные расходы и прочее. Есть кое-где и настоящая гражданская тревога, есть боль, есть болезненное сомнение за будущее, – не хочу душой кривить. Но, однако же, хоть и истинные гражданские боли, и почти везде на тему: “Зачем-де везде у нас не так, как в Европе? В Европе-де везде хорош талер, а у нас рубль дурен. Так как же это мы не Европа, так зачем же это мы не Европа?”».

Следует сказать, что финансовая тема всегда была болезненной в России, будь то эпоха Петра, Александровская или постсоветская эпоха, когда рубль иначе как «деревянным» не называли.

Однако бывали и периоды редких исключений, которые в истории финансов России можно пересчитать по пальцам. В XIX веке первый раз – в конце 30-х – начале 40-х годов, когда министром финансов был Егор Канкрин. Затеянная им денежная реформа и установленный серебряный рубль на значительное время – вплоть до Крымской войны – оздоровили российские фи-

нансы. Во второй раз – в «эпоху Витте», в результате его денежной реформы и появления золотого рубля. Но следует заметить, что достижение это было следствием всей финансовой политики реформатора, включая налоговые, бюджетные, кредитные и другие аспекты.

Как говорилось выше, предшественники Витте на посту министра финансов тоже были озабочены положением рубля и предпринимали усилия для его укрепления. Основным пороком денежной системы первых пореформенных десятилетий были избыток кредитно-бумажной массы, девальвация рубля и его крайняя неустойчивость. Кредитный рубль служил объектом беззастенчивых спекуляций финансистов. В Берлине существовала даже специальная «рублевая биржа». Попытки избавиться от излишков денежной массы путем изъятия из обращения крупных партий ассигнаций встречали шумные протесты помещиков-аграрников, особенно в пору реализации урожаев. Для решения проблемы необходимо было, как минимум, избавиться от хронического бюджетного дефицита и накопить золотой запас для обеспечения размена бумажной рублевой массы на металлический эквивалент. И Бунге, и Вышнеградский немало сделали в этом направлении, понимая, что без денежной реформы не обойтись. В ряду таких мер были и сдержанность в расходных статьях бюджета, и увеличение доходов от экспорта и импорта, и конверсия высших займов. Путем жесткой политики Вышнеградский добился наконец разработки бездефицитного бюджета на 1891 год, однако страшные неурожаи 1891 и 1892 годов торпедировали достигнутые результаты: правительство вынуждено было истратить огромные средства для помощи губерниям, пострадавшим от засухи и эпидемии холеры. Казна оказалась пуста. Именно в этот момент Витте занял кабинет министра финансов.

В «Воспоминаниях» он так описывает исходную ситуацию: «Когда я сделался управляющим министерством финансов и приближалось 20 сентября, то директор казначейства Голиндо доложил мне, что касса находится в таком положении, что не хватит денег, чтобы выплатить содержание служащим, т. е. всем чиновникам и войскам. "Что же делать? – ответил я. – Если окажется, что денег нет, чтобы платить жалованье, то другого средства нет, как только выпустить из экспедиции заготовления государственных бумаг миллионов на 20–30 кредитных билетов и таким образом покрыть все содержание, которое причитается служащим"».

Далее Витте пишет: «Когда эта мера была опубликована, то ко мне явился Н. Х. Бунге, почтеннейший во всех отношениях старец. Он сказал мне, что вот только что я занял пост министра финансов и уже встал на самый ужасный путь». В оправдание Витте объяснил ситуацию и заверил Бунге, что к этому средству больше прибегать не будет. В ответ Бунге образно сравнил молодого министра с француженкой, которая согрешила, а затем, когда к ней приходят и говорят о том, что вот как нехорошо, что она согрешила, она всегда будет уверять, что это только в первый раз в жизни она сделала и больше уже не будет. «Так, – говорит, – я такой француженке не поверю, также и такому министру финансов не поверю».

Витте здесь кое о чем умалчивает. Его сотрудник В. В. Максимов позже рассказал об увлечении Витте, правда довольно непродолжительном, бумажными деньгами. Витте составил записку о постройке Сибирской железной дороги на «сибирские рубли». По словам В. И. Гурко, вдохновителем финансовой политики Витте был его старый товарищ, профессор Киевского университета Антонович, который стоял за развитие торговли и промышленности посредством увеличения количества денежных знаков, обращающихся в стране. Но Витте сумел изменить свое отношение и к вопросу о денежном обращении, и к самому защитнику бумажных денег Антоновичу. Здесь проявилось его чутье финансиста. Он быстро разобрался в малознакомой ему области, и ему хватило решимости внести серьезные коррективы в свои политические планы. Советником по финансовым вопросам стал выписанный из Берлина и возглавивший Международный банк А. Ю. Ротштейн. При его ближайшем участии и была осуществлена денежная реформа.

Что касается заблуждений первого этапа, объяснить их можно тем, что Витте был назначен управлять Министерством финансов довольно поспешно, в связи с резким ухудшением здоровья Вышнеградского, а тот не готовил его заранее себе в преемники и не информировал о готовящейся реформе.

«Одной из самых крупнейших реформ, которую мне пришлось сделать во время нахождения моего у власти, была денежная реформа, окончательно упрочившая кредит России и поставившая Россию в финансовом отношении наряду с другими европейскими державами», – пишет в «Воспоминаниях» Витте.

Он довольно скоро преодолел колебания и уже в 1893 году активно продолжил подготовку реформы.

Важным шагом на этом пути стало утверждение в 1894 году нового устава Государственного банка, изменившего ряд его функций. Государственный банк стал эмиссионным, ему было предоставлено право регулирования выпуска денег. До того эмиссия осуществлялась специальными указами царя. Существенно то, что по новому уставу Государственный банк оставался в ведении министра финансов, и это позволяло Витте сконцентрировать всю денежно-кредитную политику в своих руках.

Благоприятная экономическая конъюнктура и жесткая бюджетная политика Витте, в частности ликвидация дефицита бюджета, способствовали обеспечению стабилизации рубля. Но дополнительно были предприняты и некоторые искусственные меры. В течение трех лет удалось добиться того, что курс рубля на уровне 66,5 копеек золотом мог, пользуясь словами Витте, «считаться обеспеченным от колебаний». Фактическая устойчивость укрепляла доверие к заграничному кредиту России. Но министр финансов не торопился. Лишь весной 1895 года он представил на обсуждение Государственного Совета законопроект о введении золотого обращения, увязав его с перспективами торгово-промышленного развития страны. Положение рубля представлялось многим столь прочным, что казалось возможным держать курс на стопроцентное золотое обеспечение. Но проект реформ предлагал девальвацию рубля, что вызывало протесты со стороны многих, в том числе и промышленников. Витте и его соратники считали достигнутую стабильность рубля хотя и прочной, но все же не окончательной, а возвышение курса кредитного рубля до равенства с рублем золотым – «неосуществимой и вредной» мерой.

Проект денежной реформы, предложенный Витте, встретил сильное сопротивление не только в Государственном Совете, но и в общественных кругах. «Против этой реформы была почти

вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке, и, в-третьих, по личному, хотя и мнимому, интересу некоторых классов населения», – пишет Витте в «Воспоминаниях».

Страна разделилась на сторонников и противников реформы, и число вторых явно преобладало. Здесь уместно подчеркнуть решающий личный вклад С. Ю. Витте в успех реформы, поскольку некоторые современники склонны были умалять его роль. Так, некто Г. М. Клейнов в 1906 году писал: «Действительно новых идей Витте, однако, не внес в финансовую систему; его заслуга заключается в том, что Витте умел пользоваться для своих целей людьми и их идеями. Денежная реформа – дело рук известного директора Петербургского международного банка Адольфа Ротштейна, который в значительной степени принимал участие в проведении такой реформы в Австрии».

Другой современник, который отнюдь не был ярким сторонником Витте и критиковал его, констатировал: «С. Ю. Витте принадлежит важная заслуга проведения проекта через дебри петербургских канцелярий и решимость взять всю реформу на свою личную ответственность после того, как стало очевидным, что Государственный Совет высказывается против нее. На этой стадии вопроса С. Ю. Витте выказал себя не только выдающимся дипломатом, но и человеком смелым, решительным и высокороботоспособным».

Закономерен вопрос: а почему, собственно, члены Государственного Совета были против варианта реформы, проводимой Витте? Дело в том, что и в Госсовете, и в высших бюрократических кругах были чрезвычайно влиятельны представители помещичьего дворянства. Проект Витте отвечал в первую очередь задачам развития промышленности: надежность валюты стимулировала иностранные инвестиции. Аграрному же сектору она не сулила в обозримом будущем никаких выгод, даже наоборот: стабилизация курса рубля, увеличение его стоимости неизбежно должны были привести к удорожанию экспорта зерна и другой сельхозпродукции и, следовательно, непосредственно ущемляли интересы землевладельцев.

Несомненно, что министр привлек к подготовке реформы знатоков финансов, таких как И. И. Кауфман, Б. Ф. Малешевский, А. Н. Гурьев и упомянутый А. Ю. Ротштейн, с которым он тесно сотрудничал многие годы. «Ротштейн – “второе я” царско-

го министра финансов Витте», – писала американская газета. Но роль Витте была не только организационной: он определял стратегию и тактику реформы, решал возникавшие проблемы.

Прежде всего предстояло окончательно решить для себя и доказать другим, в первую очередь царю, в каком направлении осуществлять реформу: на базе монометаллизма (золото) или биметаллизма (серебро и золото)? На золотую основу перешли тогда многие страны Европы. В пользу второго варианта выступали традиция российского денежного обращения и огромные запасы серебра, накопленного в стране. Но привязка кредитного рубля к биметаллическому эквиваленту таила в себе и большую опасность: при высокой конъюнктуре одного из паритетов неуклонное снижение стоимости другого могло усилить неустойчивость денежной единицы. Введение золотого обращения в этом отношении оказалось предпочтительней, но и здесь были скрыты финансовые рифы. Не произойдет ли массовый отток благородного металла из обращения в «кубышки» внутри страны и не уйдет ли золото за границу? Хватит ли накопленного золота для свободного обмена? Не начнется ли его обесценивание? Не приведет ли удорожание денежной единицы к падению жизненного уровня? Окончательные ответы на эти вопросы могла дать лишь сама жизнь. Но интуиция и видение исторических перспектив России сделали Витте убежденным сторонником золотого монометаллизма.

Искусство Витте-стратега заключалось в точном определении времени начала реформ. Отсрочку он считал опасной. Нужды развития торговли и промышленности выдвигали альтернативу: либо скорейший переход к металлическому обращению, либо новые выпуски кредитных билетов, вследствие чего, конечно, сложившийся курс рубля будет поколеблен. Опасность заключалась в том, что всякий внешний толчок, а не только крупный выпуск бумажных денег, тотчас повлияет на курс. А возобновление колебания курса грозило подорвать одно из важных условий промышленного развития страны. Многое зависело от правильно выбранных темпов осуществления реформы. Подъем курса до золотого паритета мог быть осуществлен либо постепенно, либо сразу. Сразу было опасно – это могло вызвать экономическое потрясение и нанести вред промышленности. Излишняя медлительность, неуверенность в конечном итоге запутали бы и предприимчивых, и осторожных. Поэтому избрали постепенный, но энергичный вариант. В самом общем виде цели денежной ре-

формы были сформулированы Витте следующим образом: «Закрепить достигнутые успехи в области финансового и народного хозяйства посредством подведения под них прочного фундамента металлического денежного обращения», причем реформа должна быть осуществлена так, чтобы не произвести ни малейших потрясений и каких бы то ни было искусственных изменений существующих условий, «ибо на денежной системе покоятся все оценки, все имущественные и трудовые интересы населения». Витте считал, что достичь этого можно введением золотого размена рубля по утвердившемуся курсу – 66,6 копеек золотом.

Введению золотого паритета рубля, его устойчивости, конвертируемости способствовали как общие политические условия в стране и мире, так и относительно благоприятное экономиче-

Золотая монета номиналом 10 рублей, 1898

ское положение: международная обстановка оставалась спокойной, а успехи торговой политики были очевидными – Россия уже несколько лет имела положительное торговое сальдо. Формировались и внушительные золотые авуары. За шесть лет, с 1887 по 1893 год, они возросли более чем вдвое и оценивались в 580 миллионов рублей.

Действия Витте можно сравнить с поведением полководца на поле брани, где в качестве противника выступала бюрократия, с которой можно было успешно сражаться ее же методами. Баталии за осуществление денежной реформы шли с 1895 по 1897 год. Витте

разработал принципы реформы и детальный план; подготовка шла в условиях строгой секретности. Он использовал тайну как бюрократический прием, поскольку рассчитывать на благожелательное отношение широких кругов не приходилось. Но он понимал: рано или поздно придется публично озвучить содержание проводимой реформы.

Первым решительным шагом стало вынесение законопроекта по утверждению золотого эквивалента в Государственный Совет в конце апреля 1895 года. Он прошел без особых затруднений и уже 8 мая был утвержден Николаем II. В нем было два основных положения: первое – всякие дозволенные законом письменные сделки могли заключаться на российскую золотую монету; второе – уплата по таким сделкам могла производиться либо золотой монетой, либо кредитными билетами по курсу золота в день платежа. В последующие месяцы Министерство финансов приняло дополнительные меры, направленные на введение золотого эквивалента.

Тем не менее золотая монета очень медленно утверждалась в качестве платежного средства. Это объяснялось и отсутствием привычки к ней у населения, и неудобством использования монеты при крупных платежах и пересылке. Не было соответствия между нарицательной и рыночной ценами. Полуимпериалы и империалы с обозначением «5 рублей» и «10 рублей» циркулировали по 7 рублей 50 копеек и 15 рублей, что вызывало недоумение населения и многочисленные злоупотребления при расчетах. Спрос на золотую монету сдерживался и опасениями, что Государственный банк понизит курс административным путем (упорные слухи об этом ходили летом 1895 г.), и это может привести к финансовым потерям. К концу 1895 года после всех разъяснений соотношение между золотым рублем и кредитным установилось в пропорции 1:1,5.

Следующий, 1896 год стал решающим. Для стабилизации рубля было признано целесообразным девальвировать кредитную денежную единицу на основе золотого монометаллизма, в соответствии с реальным курсом обращения.

Вот когда Витте испытал самое мощное давление, прежде всего со стороны консервативных кругов. В печати началась шумная кампания по дискредитации министра финансов и его начинаний. Русское общество, казалось совсем недавно равнодушное к экономическим проблемам, вдруг с невиданным жаром погрузилось в дискуссии о путях и методах финансовых рекон-

струкций. Трудно было найти газету или журнал, на страницах которых не дебатировалась бы эта проблема; лекции по этому вопросу собирали полные залы; тема проникала в закрытые клубы и аристократические салоны. Конкретных аргументов у противников золотого рубля было мало, их возражения носили в большей степени эмоциональный характер. Звучали утверждения о «разбазаривании национальных богатств», о превращении России в колонию – «вторую Индию» и т. п.

Об атмосфере тех дней свидетельствуют записи в дневнике генеральши А. В. Богданович за 1896 год:

«15 марта. Говорил Марков, что к Витте были вызваны два доктора, что у него вроде помешательства, что пункт его расстройств – валюта.

23 марта. Любимов говорил, что в четверг на Фоминой заседании Госсовета, на котором Витте будет предлагать пустить 10-рублевый золотой, но золота в нем будет мало, больше лигатуры, чтобы за границу его не вывозили. Пройдет ли эта глупость?»

Среди противников Витте оказались и составители знаменитых «Протоколов сионских мудрецов» – фальшивки, сфабрикованной царской охранкой в конце XIX века. В «Протоколах» содержалась информация, что якобы евреи готовят заговор, подрывающий основы российского общества и православия, а исполнителем избран реформатор Витте. «Протоколы» пытались направить царю, но Николай II «был первые годы мягкий» и не хотел мешать планам модернизации. (Это потом, в 1905 году, он приближил к себе черносотенцев как «патриотов».)

Современные европейские ученые Г. Роллин, Н. Кон высказали версию, что «Протоколы» – часть большой политической кампании ультраправых по дискредитации Витте и его либеральной политики. Одним из авторов «Протоколов» называют И. Ф. Циона, который в 1896 году издал в Париже (за свой счет!) брошюру «Куда временщик Витте ведет Россию?». Цион там писал, что не может оставаться безучастным зрителем систематического разорения России, столь удачно проводимого министром финансов, и что последняя затея Витте – монетная реформа.

Националистически настроенные элементы в России и сегодня упорно отстаивают версию причастности Витте к жидомасонскому заговору. Так, в московской газете «Знание – Власть» (1997, № 21) была напечатана статья «Тайна происхождения «Протоколов сионских мудрецов» – раскрыта». В статье, в част-

ности, говорилось, что денежная реформа с введением золотого рубля в России была только на руку еврейским банкирам. «Царь не сделал ничего для того, чтобы Россия вышла из золотой ростовщической удавки, которую он создал с подачи еврейского прихвостня С. Ю. Витте».

«Истинные патриоты», славянофилы и народники пугали себя и других кошмарными видениями скорого нашествия иностранных дельцов, которые «скупят Россию на корню». Это был страх и перед капитализмом вообще, и перед иностранным капиталом в частности.

Удивительную тенденциозность взглядов демонстрировали даже специалисты. Вот рассуждения одного из известных экономистов, профессора финансового права Петербургского университета Л. В. Ходского. Выступая на весьма многолюдном заседании Вольного экономического общества 16 марта 1896 года, он заявил: «Едва ли можно сомневаться в том, что как только золото появится у нас в достаточном количестве в обращении при одинаковой номинальной цене с бумажными деньгами, то все сбережения, которые теперь хранятся в кредитных рублях, будут обменены на золото, которое исчезнет из обращения». В заключение Ходский пожелал, чтобы подобные проекты никогда бы «не переходили в действительную жизнь», что вызвало бурные рукоплескания публики.

Невежество, отсутствие понимания сути сложных финансовых процессов характерны были для многих оппонентов Витте, поэтому критики вольно или невольно искажали замыслы реформатора. Так, например, введение золотого паритета вовсе не предполагало тождества бумажных и металлических денежных знаков. В основу реформы, как уже отмечалось, был положен принцип существенной девальвации. Расхожие слухи об утечке золота за границу базировались на плохом знании экономического потенциала и целей реформ. Витте неоднократно подчеркивал: если часть золота действительно уйдет за границу, то оно уйдет туда «не просто так», а как плата за кредит, товары и услуги, способствующие промышленному развитию.

Вся реформа денежного обращения была рассчитана на будущее индустриальное развитие России и служила этому. Но неизбежно встал вопрос о том, как девальвация и свободный размен рубля на золото отразятся на положении основной массы населения в ближайшее время. Витте считал – и это полностью оправдалось, – что ни к каким заметным общественным потрясениям это

не приведет. Конвертируемость рубля затрагивала главным образом внешнеэкономическую деятельность. Уклад жизни русского крестьянина, его материальное положение фактически не зависели от характера мировых денежных расчетов, а цены внутри страны контролировались со стороны государства.

Витте приходилось часто выступать перед многочисленными аудиториями, подавать записки и обоснования проектов законов, снова и снова повторять свои аргументы. Главной ареной его борьбы был Государственный Совет, где министр регулярно выступал, надеясь просветить сановников, но преодолеть оппозицию не удавалось.

Тем не менее реформа продолжалась. К 1 января 1896 года в наличии имелось 1123 миллионов кредитных рублей, а золотой запас оценивался в 659 миллионов рублей. Этот рубеж был достаточным для развертывания обмена и введения золотой монеты в широкое обращение. Тогда возникла необходимость чеканить новую монету с номиналом «15 рублей» на империале и «7 рублей 50 копеек» на полуимпериале, что упростило обращение.

14 марта 1896 года Витте представил в Государственный Совет законопроект «Об исправлении денежного обращения», где подробно обосновал цели и порядок осуществления реформы.

В первой половине апреля 1896 года представление рассматривалось Комитетом финансов, во второй половине к его обсуждению приступили департаменты. Возникло много вопросов и критических замечаний. 19 октября Витте представил в Госсовет дополнительные материалы по вопросам, подвергшимся критике. Поскольку и после этого сохранились колебания и продолжали поступать все новые замечания от «доброжелателей», и конца им не было видно, Витте понял, что «старцы» в Государственном Совете могут надолго затянуть процесс утверждения закона, а времени нет. Тогда он решил действовать в обход Совета и склонил Николая II к окончательному рассмотрению законопроекта в расширенном составе Комитета финансов, которое состоялось 2 января 1897 года. Утверждение решения царским указом произошло 27 февраля того же года. Таким образом, процедура рассмотрения заняла почти год, что нельзя назвать поспешным шагом.

В конце 1898 года Витте констатировал, что денежное обращение России приведено в порядок и поставлено так же твердо, как в тех государствах, где эта отрасль народного хозяйства издавна находится в образцовом состоянии. По его данным, к нача-

ду 1899 года уже 33% обращения приходилось на золотую и 10% на серебряную (вспомогательную, разменную) монету, в то время как к началу 1896 года в обороте находилось свыше 98% бумажных денег и менее 2% металлических.

Государственные кредитные билеты теперь выпускались Государственным банком в размере, ограниченном потребностями денежного обращения, но непременно под обеспечение золотом. Металлическое обеспечение устанавливалось в следующем соотношении: до 600 миллионов рублей билеты обеспечивались золотом наполовину, а сверх этого предела – рубль за рубль. Госбанк разменивал кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы.

Однако последующие потрясения – Русско-японская война и революция 1905 года – внесли существенные изменения: эмиссия кредитных рублей резко возросла, и в конце 1905 года, в условиях острейшего кризиса, встал вопрос даже об отказе от золотого обеспечения рубля. Витте как премьер-министр смог тогда спасти положение, добившись крупного займа за границей. Золотой паритет рубля сохранялся вплоть до 1914 года, до начала Первой мировой войны, когда он был отменен указом царя, после чего начался развал финансовой системы в целом.

Денежная реформа Витте оказалась весьма удачной. Укрепление денежной единицы имело большое значение для привлечения иностранного капитала, ускорения процессов индустриализации страны. В конце века темпы ежегодного прироста промышленного производства в России находились в пределах 12–15%.

Правда, затем последовал кризис 1900–1902 годов, который противники Витте использовали для новой волны нападок. Важнейшую причину хозяйственного застоя они увидели в золотой валюте, которая якобы «дала все иностранным миллионерам, а русскому народу ничего». Особенно усердствовал публицист-славянофил С. Ф. Шарапов: он и его единомышленники объявили настоящую войну и самому министру, и идее золотого рубля еще в начале реформы. В многочисленных публикациях глава финансового ведомства обвинялся во всех грехах и даже в уголовных преступлениях.

Отличительной чертой характера С. Ю. Витте, позволяющей говорить о нем как об исторической личности, реформаторе, была способность идти против общественного течения и действовать в

соответствии со своим представлением о благе государства, которому он служил. История проведения денежной реформы показывает, что у Витте талант стратега сочетался с мастерством тактического маневра, он был незаурядным знатоком общественной психологии и обладал интуицией финансиста, какой могли похвалиться далеко не все крупные политики.

Вспомним попытку министра финансов У. Черчилля провести аналогичную денежную реформу в Великобритании в 1925 году. Она с треском провалилась, и последствия были самыми неблагоприятными. «Почему, – спрашивал Дж. Кейнс в брошюре «Экономические последствия политики господина Черчилля», – Черчилль сделал такую глупую ошибку?» И отвечал: «Частично, вероятно, потому, что у него не было интуиции, которая не допустила бы совершения ошибок, частично потому, что, не имея этого внутреннего чувства, он поддавался шумным требованиям со стороны финансовых кругов».

В достижении намеченной цели Витте всегда был настойчив и последователен, что проявилось и в ходе денежной реформы. Ему было мало поддержки царя, который во всем доверял своему министру финансов, поскольку сам не разбирался в деталях дела. По мнению историка А. И. Боханова, обладая умом и чиновничьей интуицией, Витте прекрасно ориентировался в хитросплетениях сановного мира и вербовал сторонников не только словом, но и «делом».

Информированная хозяйка влиятельного петербургского салона А. В. Богданович в 1896 году записала в дневнике:

«А. Р. Никольский говорил насчет золотой валюты, что Витте подкупает своих противников в этом деле. Так уже теперь Верховский не против валюты и объясняет, что на нее нападал раньше только с целью выяснить всем непонимающим, что это за мера. Маркуса Витте купил, дав ему добавочных 6 тыс. рублей содержания».

Не только высокопоставленных чиновников Витте сумел «увлечь идеей», но и некоторых представителей прессы. Так, например, неожиданно в сторонника экономического переустройства финансов на базе монометаллизма превратился редактор газеты «Биржевые ведомости» С. М. Проппер.

Говоря об успехе денежной реформы Витте и о золотом рубле, все же следует заметить, что уже в начале XX века развитые страны Запада стали отходить от обеспечения национальных ва-

люют золотом. Экономисты пришли к выводу, что устойчивость валюты зависит от состояния экономики, объем денежной массы определяется в зависимости от объема произведенных товаров и услуг на внутреннем рынке. Золотой запас государства в основном стал играть роль резерва на случай войны или бедствий.

ФИНАНСЫ КАК ТОПЛИВО

Витте понимал: мало иметь твердую валюту и хорошо устроенную денежную систему, для развития страны необходимо наращивать финансовые ресурсы. «Сделавшись механиком современной машины, именуемой финансами Российской империи, нужно было быть дураком, чтобы не понять, что машина без топлива не пойдет и что, как ни устраивай сию машину, для того чтобы она долго действовала и увеличивала свои функции, необходимо подумать и о запасах топлива», – читаем в «Воспоминаниях».

Особенно остро стоял тогда вопрос об источниках развития народного хозяйства. Богатство и экономическая, а потому в значительной степени политическая мощь страны, полагал Витте, заключалась в трех факторах производства: природе – природных богатствах, капитале, как материальном, так и интеллектуальном, и труде. Российская империя чрезвычайно богата природой, но весьма слаба капиталами и накопленными ценностями (главным образом потому, что она создана непрерывными войнами). «Ясно, что надлежало обратить внимание на увеличение второго фактора – производства капитала, и в особенности на развитие третьего фактора – труда».

Поскольку финансовые ресурсы общества и государства определяются количеством произведенных товаров и услуг, то лишь быстрое развитие производства и предпринимательской деятельности могло двигать страну. Но для этого в России не хватало капиталов и предпринимательской инициативы. Получался замкнутый круг, который необходимо было разорвать.

Витте хорошо усвоил опыт М. Х. Рейтерна: делая ставку на частные предпринимательские силы, он не полагался только на них. Кроме того, для индустриализации страны он решил широко привлечь иностранный капитал и предпринимателей, а также использовать государственные финансы.

Американский историк А. Гершенкрон считает политику Витте характерной для отсталых стран, в которых предпосылки для индустриализации были недостаточны, но возможности для развития все же нашлись благодаря использованию «заменителей» – бюджетная политика правительства эффективно служила заменой недостающего рынка.

Витте решил, что государство изначально возьмет на себя роль «локомотива», правда, временно, на этапе «разгона» экономики. «На следующем этапе, в 1906–1914 годах, спонтанные экономические силы, которые развились в течение великого рывка, начали принимать функции, прежде выполняемые государством», – пишет Гершенкрон.

Становится ясно, что государственные финансы, бюджетная и кредитная политика правительства в «эпоху Витте» играли весьма важную роль. Для того чтобы иметь в своих руках большие финансовые ресурсы, министр финансов пошел на беспрецедентно быстрое наращивание государственного бюджета: в период с 1892 по 1903 год он более чем удвоил среднегодовые темпы роста – они составили 10,5%, в то время как в предшествующий аналогичный период – лишь 2,7%.

Как же этого удалось добиться? Конечно, сказался промышленный бум 90-х годов, который естественно увеличил объем налоговых поступлений с предприятий. Но не только это, поскольку Витте в то же время, по сути, осуществил налоговую реформу. Кроме того, быстрое развитие казенного хозяйства стало источником дополнительных доходов.

Интересен и вопрос сбалансированности государственного бюджета при Витте. Внешне был полный ажур: официальные источники говорили о бездефицитности бюджета, о превышении доходов над расходами, о накоплении свободной наличности и т. п. Это было необходимо прежде всего для демонстрации устойчивости финансов в глазах иностранных кредиторов. Однако здесь Сергей Юльевич нередко хитрил. Дело в том, что государственный бюджет состоял из двух бюджетов: обыкновенного и чрезвычайного. Если первый всегда имел положительный баланс, то второй чаще складывался отрицательно, о чем умалчивалось. Известный экономист того времени П. П. Мигулин подсчитал, что за десять лет министерства Витте в целом государственный бюджет России лишь четыре раза складывался бездефицитным. Манипуляции с бюджетом объяснить просто: самодержавная

власть, никакого вам парламента, никакой счетной палаты. Бюрократическая тайна покрывала все завесой. К слову, та же система повторится при советской власти.

Для обеспечения быстрого роста доходов бюджета Витте производит существенные изменения в налоговой политике, усиливает фискальную направленность системы, продолжая этим линию Вышнеградского. Составлять впервые бюджет Витте пришлось осенью 1892 года, после того как Россия тяжело пережила двухлетнюю засуху и эпидемию холеры. Казалось бы, нужно дать возможность населению пострадавших губерний оправиться от потерь, уменьшив налоговое бремя. Но где там! Министр финансов высказывается за то, чтобы «не останавливаться даже перед некоторым временным напряжением платежных сил страны ради развития промышленности». И это временное, как всегда, становится постоянным. Правда, сохраняя в качестве главного податного сословия крестьянство, Витте постепенно «нагружает» и другие слои, включая правящие классы.

Заметно увеличить доход казны помогла реформа промыслового обложения, проведенная Витте в 1898 году, когда уже проявлялись плоды промышленного подъема. Налоговая политика Витте была, можно сказать, селективной. Хотя налоги с имущих слоев и возросли, но – в силу сопротивления со стороны состоятельных людей – оставались умеренными, что же касается промышленников и предпринимателей, то они носили просто щадящий характер. Налог с капитала, например, был скорее номинальным, его ставки не зависели от размера капитала и составляли 15 копеек со 100 рублей, то есть 0,15%! Понятно, что таким образом министр финансов стремился создать для бизнеса благоприятный налоговый климат, что стимулировало рост промышленного производства в стране.

На кого же падало растущее налоговое бремя? В основном на крестьянство, пролетариат и простого обывателя, и достигалось это самым простым способом – увеличением косвенных налогов. Этим Витте занимался буквально с первых недель своего министерства. Правда, оппозиция в Государственном Совете не позволила ему добиться восстановления соляного налога, упраздненного Бунге, но 9 ноября 1892 года был повышен налог на пиво, 23 ноября – на хлеб, вина и фруктовые воды, 14 декабря – на табак. В последующие годы происходит то же самое в отношении других товаров повседневного спроса. Примечательно, что и публично Витте вы-

ступает откровенным защитником косвенного обложения. Он находит, что это не только представляет большее удобство для правительства – население уплачивает налоги незаметно для себя, но и «наиболее справедливо с точки зрения плательщиков: они ведь могут потреблять облагаемые предметы лишь постольку, поскольку допускает их собственный кошелек». Цинизм этой «теории» Витте был очевиден многим, против нее высказал свои возражения даже государственный контролер П. Х. Шванебах.

Экономисты, современники Витте, оценивая его налоговую политику, неизменно подчеркивали ее фискальный характер. Экономист М. И. Боголепов отмечал: «Наш бюджет всецело опирается на косвенные налоги, замаскированные различными монополиями, регалиями, пошлинами. Налоги существуют у нас на всякий предмет, который попадает в рот, покрывает тело или лежит под ногами: налоги на все, что принято видеть, чувствовать, нюхать или осязать». Несколько иначе выразился член Русского сельскохозяйственного комитета Зубрилин: «Не хочешь спать по 17 часов – плати акциз на спички и керосин, хочешь покурить – плати акциз на спички и табак, хочешь выпить рюмку водки – плати в 15 раз дороже действительной стоимости, а если водку желаешь заменить чаем, плати за чай, сахар втрое дороже, чем они стоят на самом деле; хочешь пахать плугом – плати таможенную пошлину на железо и т. д., и т. п. Вообще куда ни повернись сельский обыватель, везде он чувствует, что с него берут, берут, берут».

По мнению экономистов, вместо косвенных лучше вводить прямые налоги, в частности – подоходный. Идея о введении его возникла еще при Вышнеградском. Законопроект был подготовлен в 1892 году и разослан на заключение в бюрократические ведомства. Но после полученных отзывов Витте вынужден был надолго упрятать его «под сукно».

Да, налоговое бремя на русский народ было чрезвычайно велико, и Витте это прекрасно понимал. Но что было делать министру финансов, если правительству для индустриализации и модернизации хозяйства требовались огромные финансовые ресурсы?

Установленная при Витте система налогов не претерпела существенных изменений и при его преемниках. Интересную оценку бюджетной системе России начала XX века дал министр финансов Временного правительства А. И. Шингарев: «Доходы собирались с населения или получались от казенных имуществ,

казенных капиталов и предприятий. Налоги были несправедливыми, тяжелыми для малосостоятельных людей и очень льготными для богатых. Прямые налоги, то есть налоги на землю, на дома, на торговые и промышленные предприятия, на капиталы, были очень невелики».

Другим источником роста бюджета стало расширение государственного хозяйства. В 1903 году казна из 2210 миллионов рублей доходов 1125 миллионов рублей (то есть половину) получала из неналоговых источников. Статистика раскрывает эти источники: от винной монополии – 542 миллиона; от казенных железных дорог – 453 миллиона; от лесного дохода – 62 миллиона; от почт и телеграфа – 58 миллионов. Однако и расходы на ведение казенного хозяйства были велики. Так, огромное железнодорожное строительство, в частности сооружение и эксплуатация Транссибирской магистрали, требовало ежегодно сотен миллионов рублей. Большие доходы казне давала винная монополия, но о ней разговор впереди.

Самый интересный вопрос – это расходы бюджета. На какие цели шли огромные государственные средства? Пожалуй, лучшее представление о приоритетах дает анализ роста расходов обыкновенного бюджета по ведомственной классификации за период с 1892 по 1903 год. Абсолютным лидером являлось здесь Министерство путей сообщений – 577%. Затем шло Министерство финансов – 205%, далее Морское министерство – 136% (в те годы Россия модернизировала военно-морской флот). Что касается социальных статей расходов государственного бюджета при Витте, то они хотя и возросли (например, по Министерству народного просвещения за десять лет на 87%), но их удельный вес оставался мизерным, что, впрочем, было характерно в то время даже для европейских стран.

Значительная часть средств шла на производительные цели, прежде всего на огромное железнодорожное хозяйство. В то же время нельзя отрицать, что большие расходы были связаны с милитаризацией страны. Это, в известной мере, было продиктовано международной обстановкой. «Резкая политика Германии, руководимой железным канцлером Бисмарком, не могла не влиять на общее равновесие политических сил. Было провозглашено новое обоснование государственного права, которое опиралось на силу штыков. Эта политика получила название “мирной политики вооруженных сил”. На самом же деле, прикрываясь мирной политикой, каждая держава стремилась исключительно к поднятию

своего военного могущества», – писал М. М. Арцыбашев в книге «Грядущая гибель России» (СПб., 1908).

По подсчетам французского экономиста Тери, военные издержки Европы уже в 1891 году достигли чудовищной цифры – 4 миллиардов 612 миллионов франков, а в 1901 году составили более 6 миллиардов франков.

Автор книги «Военная мощь России» А. Морской в 1915 году приводит данные сравнительного увеличения расходов стран по военно-морской обороне. За период с 1892 по 1902 год они возросли: во Франции – на 9%; в Германии – на 35%; в Австро-Венгрии – на 31%; в России – на 43%, то есть больше, чем у всех!

В правительстве было немало сторонников поддержания военной мощи России как великой державы, включая царя. И Витте, противнику «военных комплектаций» и роста военных расходов, приходилось проводить соответствующую финансовую политику, изыскивая дополнительные ресурсы.

Так, Николай II, повелев высочайшим указом от 24 февраля 1898 года отпустить 80 миллионов рублей на потребности военного судостроения, в рескрипте на имя министра финансов соблаговолил указать, что «ассигнование столь значительной суммы оказалось возможным, не прибегая к заключению займа, лишь вследствие соблюдения необходимой бережливости в финансовом хозяйстве». Высочайше повелевалось «и впредь преследовать экономию в государственных расходах для всемерного охранения бюджетного равновесия, в коем заключается оплот могущества и благосостояния империи нашей».

Расширение казенного хозяйства шло в основном по линии железнодорожного строительства и выкупа в казну частных дорог, что особенно интенсивно проводилось в 90-е годы при Витте.

Эксплуатация железных дорог казне обходилась очень дорого. Если доходы за 1892–1903 годы возросли с 120 до 484 миллионов рублей, то расходы – с 142 до 566 миллионов рублей (по обыкновенному и чрезвычайному частям бюджета), то есть с убытком для казны.

Интерес представляют и расходы Министерства финансов, которые также значительно возросли. Анализ показывает, что половина расходов министерства в 1903 году приходилась на казенную продажу «питей». К ним, в частности, относились расходы по устройству винных складов и магазинов, по надзору за продажей вина, на финансирование мероприятий обществ трезвости и др.

Вопрос алкогольной политики особый и будет подробнее рассмотрен чуть ниже.

Значительных затрат потребовали и другие цели, в частности преобразование таможенной стражи в пограничную. Оно вызывалось недостаточной численностью и плохой организацией прежней стражи, а также ростом контрабанды вследствие повышения таможенного тарифа 1891 года. Пограничной страже была придана военная организация, что значительно увеличило расходы казны. Примечательно, что, сугубо штатский человек, Витте стал при этом шефом Пограничной стражи и получил генеральский мундир. Это дало основание в 1912 году генералу Куропаткину вызвать Витте на дуэль. Наконец, нельзя забывать, что и проведение денежной реформы, и преобразования в системе государственного кредита тоже требовали немалых вложений. Сюда можно отнести меры по накоплению золотого запаса и укреплению курса рубля, борьбе со спекуляцией и др.

Мероприятия по улучшению торгового мореплавания, сооружение портов также потребовали значительных трат Министерства финансов. Это и расходы по разведке Северного морского пути. Единственный в стране ледокол «Ермак» находился на балансе Министерства финансов. Нельзя не указать и на финансирование министерством мероприятий по развитию коммерческого и профессионального образования в России, активным проводником которых стал Витте. Вот насколько велики были заботы Витте и как далеко выходили они за формальные рамки функций Министерства финансов.

«ВИНОПОЛИЯ» И «ПЬЯНЫЙ» БЮДЖЕТ

Как уже отмечалось, значительные доходы и расходы бюджета России приходились на казенную продажу «питей». Этот вопрос тесно связан с одним из самых известных проектов, предпринятых Витте, – введением винной монополии государства, что имело не только финансово-экономическое, но и социально-нравственное значение.

Заглянем в энциклопедический словарь Брокгаузен и Ефрона: «Изменение косвенного обложения имело характер заурядных мер, в изобилии применявшихся в России как до Витте, так

и после него, и мало характеризуют его финансовое управление. Иное значение имеет осуществленная при Витте замена акцизной системы обложения спирта и вина казенной монополией торговли питьями: здесь Витте является новатором. Питейная реформа имела целью, с одной стороны, увеличивать доходы казны, обратив в ее пользу те прибыли, которые раньше поступали торговцам вином, с другой – дало правительству орудие для борьбы с вредными сторонами питейного дела в интересах поддержания доброй нравственности, предупреждения экономического упадка населения и охраны народного здоровья... Полные финансовые результаты видны очевидно, доходы от "винополии" повысились до 500 миллионов рублей в год и составляли в 1902 году почти четверть бюджета».

Итак, четвертую часть бюджета Российской империи в начале XX века составляли доходы от «винополии», как тогда сокращенно называли винную монополию казны. Это дало основание современникам назвать такой бюджет «пьяным».

История алкогольной политики в России насчитывает несколько веков. Многие государи стремились установить свою монополию на продажу «питей» как источника доходов. Первым это пытался сделать Иван III. В первой половине XIX века в стране действовала система откупов, когда частные лица, дворяне и купцы, откупали право на производство и реализацию вина, платя дань в казну. На откупах сделали огромный капитал многие известные предприниматели: Кокорев, Мамонтов, братья Поляковы, Гинцбурги и другие «откупщитские короли».

При либерале М. Х. Рейтерне в 1863 году была внедрена акцизная система, отменившая откупа, провозглашалась свобода производства всех спиртных напитков и торговля ими. Объемом обложения был объявлен объем выкуриваемого спирта, помимо этого ввели патентный сбор с торговых заведений. Это сразу прибавило средств казне. Сам размер акциза постоянно повышался: в 1863 году – 5 рублей с ведра, в 1892 году – 10 рублей, однако его доля в обыкновенных доходах бюджета снизилась.

Императора Александра III такое положение дел не устраивало еще и потому, что росло пьянство. Он стал требовать введения винной монополии казны, однако Н. Х. Бунге, будучи министром финансов, с недоверием отнесся к монополии. При И. А. Вышнеградском вопрос опять поднимался, но никаких практических действий не последовало. Исполнить

волю императора вскоре после вступления в должность взялся Витте.

При первом обсуждении вопроса в Государственном Совете в мае 1893 года Витте так характеризовал действовавшую акцизную систему: «Главные основания этой системы, как она была задумана и внедрена в 1863 году, заключаются в том, во-первых, что вино облагается акцизом до выхода его с завода, то есть что ближайшему правительственному надзору подчиняется лишь производство вина, и, во-вторых, что продажа вина составляет предмет вольного промысла и что число мест продажи не подлежит ограничению. Сила кабатчиков осталась непоколебимой. Они продолжают спаивать, обирать и развращать народ всеми средствами. Свобода кабацкого промысла несовместима со значением

*Нравоучительные открытки Санкт-Петербургского общества
«Попечительство о народной трезвости».*

Внизу надпись: «Трезвый – молодец, а пьяница – посмешище»

в государственном и народном хозяйстве вина, составляющего предмет сего промысла. Интересы фиска и народного здоровья требуют правильного развития потребления вина и уничтожения злоупотреблений».

Однако в Государственном Совете проект введения винной монополии встретил сильное противодействие, причем в качестве основных аргументов выдвигались следующие: неуверенность в финансовых результатах реформы; возможные злоупотребления среди чиновников при казенной продаже алкоголя; сомнения в благотворном влиянии реформы на население. В «Воспомина-

ниях» Витте отмечается, что при введении монополии, конечно, весьма значительно страдали интересы водочных заводов, вообще частных распивочных учреждений, вследствие чего «ватага заинтересованных лиц» нашла пути к великому князю Владимиру Александровичу. «Великого князя уверили, что в тот день, когда я введу монополию в Петербурге, произойдут в городе волнения, которые могут иметь кровавые последствия», а поскольку великий князь командовал войсками петербургского гарнизона, то «это до него касалось». Князь рассказал об этом императору, и его величество «высказал некоторое колебание». Однако Витте было уже не остановить, и после длительных прений Госсовет под натиском министра финансов выделил 739 тысяч рублей для подготовительных работ.

Установление винной монополии казны означало возвращение к «исконной» форме, которая господствовала в России со времен Ивана Грозного. Акцизная система воспринималась в России как новация, пришедшая с Запада во времена политики либерализма. Но главное, она не оправдала тех надежд, которые на нее возлагались. Оказалось, что экономическая свобода в этой сфере дает весьма печальные результаты: рост пьянства.

Введение винной монополии осуществлялось постепенно с 1894 по 1902 год по губерниям. Выкуривание спирта сохранялось у частных заводов, но заготовка и реализация сосредоточились в руках казны. Заводы получали задания на поставки (в виде госзаказа) по определенной цене, которая ежегодно уточнялась министром финансов. В государственном хозяйстве возникла, по сути, новая отрасль. В ней работало около 40 тысяч человек, имелось около 30 тысяч казенных лавок и магазинов. Отрасль располагала своим транспортом. Все это требовало немалых расходов, но экономически себя оправдывало многократно.

Питейная реформа ставила цель, с одной стороны, увеличить доходы казны, обратив в ее пользу те прибыли, которые раньше поступали торговцам вином, с другой стороны, становилась для правительства инструментом в борьбе с пьянством в интересах поддержания нравственности, предупреждения экономического упадка населения и охраны народного здоровья.

Чтобы повысить культуру потребления спиртного, одновременно с введением монополии были созданы общества «Попечительства народной трезвости», что вызвало в печати ироническую реакцию. Но это было, несомненно, важное и полезное начина-

ние. В то время только в России за казенный счет содержались учреждения, отвлекавшие народ от пьянства. Этой цели служило открытие библиотек и читален, поощрение художественной самостоятельности и занятий спортом.

Вероятно, противодействие введению винной монополии, особенно со стороны общественности, побудило Витте в 1896 году искать поддержку у Л. Н. Толстого, к которому он обратился через А. М. Кузьминского с просьбой о встрече. «Мы стоим на таких отдаленных друг от друга точках, и думаю, что и направления, по которым мы движемся, до такой степени противоположны, что ничего из этого свидания, кроме потери времени, выйти не может», – разъяснил Толстой Кузьминскому. Он просил его написать, что «не сочувствует вообще казенной продаже вина... и не думает, чтобы общества трезвости, ведомые правительственными чиновниками, могли повлиять на народ. Вообще же он, Толстой, такой крайний человек, что с ним лучше не водиться».

Экономические результаты реформы были впечатляющими, доходы казны после введения винной монополии росли из года в год: 1895 год – 296 миллионов; 1900 год – 436 миллионов; 1905 год – 641 миллионов; 1910 год – 808 миллионов рублей. Что же касается уровня потребления вина на душу населения, то сначала он стабилизировался, а затем, уже в начале XX века, стал заметно расти и значительно опередил европейские показатели. Вот такой косвенный факт: если в 1904 году в вытрезвителях Петербурга побывал один из 23 обывателей, то в Берлине – только один из 320.

Витте пытается объяснить такой поворот дела началом Русско-японской войны и правлением В. Н. Коковцова. «Не уменьшение пьянства ставилось и ставится акцизным чиновникам в особую заслугу, а увеличение питейного дохода», – писал он в «Воспоминаниях». В 1912 году, выступая в Госсовете, Витте уже прямо и резко критиковал Коковцова, обвиняя его «в спаивании народа». Скорее всего, эта критика была вызвана обвинениями в его собственный адрес. В 1911 году в Самаре вышла книга «Поощадите Россию», изданная членом Государственной Думы М. Д. Челышевым. Дело в том, что еще в 1908 году по решению Думы была создана особая комиссия по борьбе с пьянством, и Челышев как член комиссии получал письма с разных концов России. В книге приведено 150 обращений. Вот, например, письмо из Вологодской губернии: «Имеем честь покорнейше просить господ

членов Государственного Совета о прекращении продажи водки ввиду безвыходного положения крестьян, от которых требуется труд для прокормления их семей. При этих же плачевных обстоятельствах крестьяне совсем обнищали, выбились из последних сил – водка слишком много губит русского народа, и темный люд легко поддается этой пагубе, пьянство везде распространилось страшное». Среди подписавших обращение были священники, учителя, члены обществ трезвости.

В это время Витте уже несколько лет был не у власти, но также положение дел по-прежнему связывали с его именем, в левой прессе Витте как автора монополии называли «кабатчиком», а водку – «монополькой».

Известный юрист А. Ф. Кони пишет: «Много речей посвятил Витте страстной защите казенной продажи питей, практическое осуществление которой, чрезвычайно увеличив доход казны, однако не достигло той цели, которую, по его словам, имела эта реформа. Казенная лавка, с точки зрения вытрезвления населения, не исполнила своей главной обязанности: не упразднила старого питейного дома с его атрибутами – с продажей вина в долг и допущению к распитию малолетних и пьяных, покуда последние могут держаться на ногах. Этот питейный дом из явного стал тайным, то есть более опасным. Трудно даже сказать, какое впечатление было тяжелее: от старого грязного кабака, давно осужденного нравственным сознанием народа и терпимого как неизбежное зло, или от благообразной и горделивой своей чистотой винной лавки, у дверей которой в начале рабочего дня нетерпеливо толпились изможденные поставщики питейного дохода, выпивая свои "мерзавчики" на пустой желудок. Казенная лавка, понятно, не могла допустить распития водки в своих стенах, но это распитие переносилось на ближайшее укромное место улиц или семью, захватывая с собой даже малолетних.

Отдавая справедливость энергии Витте в узаконении, упрочении и защите им своего замечательно организованного детища, приходится, однако, признать, что детище это совершенно не оправдало возлагаемых на него надежд», – дает свою оценку Кони.

Находясь в отставке, Витте упорно продолжал защищать свое «детище», утверждая, что его политику извратили. В «Воспоминаниях», подчеркивая финансовый успех реформы, он отмечает преимущества самодержавия как «твердой» системы управления. Витте описывает разговор с французским чиновником,

который сопровождал французского президента Фора во время его визита в Петербург в 1897 году. Фор считал, что ту же самую реформу можно ввести и во Франции. Витте спросил, что он думает по поводу питейной монополии, и услышал «весьма умный» ответ: «Реформа эта с точки зрения государственной превосходна, но для того чтобы такую реформу ввести во Франции, необходимо, прежде всего, одно условие, чтобы та страна, в которой она вводится, имела монарха неограниченного. При парламентском режиме вообще, а при республиканском в особенности введение такой реформы немыслимо, так как она затрагивает столько интересов высших лиц и вообще лиц с достатком, что по нынешнему времени никакой парламент такой реформы не пропустит». Просуществовав до 1914 года в царской России, а затем при советской власти, винная монополия государства ушла в историю.

В 90-е годы XX века Чубайсом (когда он недолго был министром финансов) была сделана попытка восстановить государственную «винополию», но она провалилась.

В «Конспекте лекций» Витте отмечал: главным недостатком монопольной системы является стеснение частной собственности. «Однако по отношению к производству некоторых продуктов, а именно более или менее вредных для народного здоровья, многими отдается предпочтение монопольной системе. Преимущество монопольной системы заключается, во-первых, в большей продуктивности этой формы обложения; во-вторых, в возможности оказывать государственное воздействие на характер и размеры потребления продуктов; в-третьих, в возможности обеспечить доброкачественность продуктов».

Алкогольная политика, конечно, была существенной составляющей финансово-бюджетной политики царского правительства. Несомненная заслуга Витте заключалась в том, что он смог поставить доходы от алкоголя на службу интересам государства и впервые предложил комплексный подход к политике, включавший и борьбу за трезвый образ жизни народа.

Оценивая в целом финансово-бюджетную политику Витте, отметим: обеспечив высокие темпы роста государственного бюджета, он добился концентрации огромных финансовых средств в руках казны. Винная монополия стала одним из самых эффективных средств мобилизации капиталов. Другой источник – налоговая политика Витте, опирающаяся на жесткую, примитивно-фискальную налоговую философию: чем выше налоги, тем больше денег в

казне. Правда, эта политика носила неоднозначный характер: весьма падающее налогообложение помещиков и буржуазии сочеталось с налоговым бременем трудовых слоев, особенно крестьянства. Получается, что Витте игнорировал наличие верхних границ налоговых изъятий в аграрном обществе. Историки, начиная со времен Римской империи, неоднократно указывали, что при завышении нормы налогообложения начинается бегство от земли, растут бродяжничество, бандитизм, сокращается налоговая база, иногда противоречия обостряются вплоть до крестьянских восстаний. В России конца 90-х годов эта закономерность также проявляла себя в массовом обнищании крестьянства.

При использовании бюджетных средств, наряду с обычными расходами на военные цели и обеспечение порядка, значительно активизировалась хозяйственная функция государства. Огромное железнодорожное строительство способствовало индустриализации и промышленному подъему в 90-х годах. Абсолютный приоритет задач экономического развития и недооценка человеческого фактора, перенапряжение «податных сил» и обнищание крестьянства были главными причинами, вызвавшими политические потрясения в России в начале XX века.

БАНКИРСКИЙ ПРОМЫСЕЛ

Однако как ни велика была роль государственных финансов в России, но осуществлять капиталистические преобразования без частных капиталов, без хорошо поставленного кредита было никак невозможно, и Витте прекрасно понимал это.

Здесь уместно вспомнить историю становления банковского дела в России. Появление первых кредитных учреждений относится к середине XVIII века, но как явление типичный частный банкир не знаком русской экономической истории вплоть до второй половины XIX века. До реформ Александра II банковская система России имела государственно-патерналистскую общественную направленность.

Волна экономического либерализма, охватившая страну с конца 50-х годов, способствовала изменению системы. На месте старых кредитных учреждений возникли новые частные. К 1874 году в России уже насчитывалось 39 акционерных ком-

мерческих банков, основной капитал которых составлял более 100 миллионов рублей. Однако тяга к спекуляциям и сомнительным операциям вскоре обернулась банкротством некоторых банков. Первым потерпел крах в 1875 году Московский Коммерческий ссудный банк, что негативно сказалось на других. Потребовалась срочная государственная поддержка – правительство через Государственный банк пришло на помощь терпящим бедствие коммерческим банкам посредством учета векселей и кредитования по онкольным счетам на сумму примерно в 290 миллионов рублей. Благодаря такой значительной поддержке удалось предотвратить крах ряда столичных и провинциальных банков, тем не менее общее их число сократилось.

Здание Государственного банка со стороны Екатерининского канала

За авантюрами в банковской сфере последовали сомнительные операции и общественных земских, городских кредитных учреждений, которые нередко переставали отвечать своему прямому назначению – способствовать развитию местной промышленности, торговли и промыслов. За период с 1879 по 1883 год прекратили операции 52 городских банков и множество ссудно-сберегательных товариществ.

В целом западная модель, которую пропагандировали либералы, не оправдалась в России, и не случайно уже во второй половине 70-х годов XIX века стало усиливаться государственное вмешательство в финансовой сфере. Витте продолжил эту политику, и в результате возникла уникальная трехуровневая банковская система.

Верхний уровень составляли государственные кредитные учреждения, возглавляемые Государственным банком России. К этому уровню причислялись также государственные – Дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк и более 8 тысяч сберегательных касс по всей стране. Второй, средний, уровень включал коммерческие и городские общественные банки.

Третий же, нижний, уровень представляли организации мелкого кредита, что было чрезвычайно важно в условиях России, где появилось великое множество представителей малого предпринимательства – кустарей, кооператоров, ремесленников. К 1914 году этот уровень включал 9952 кредитных и 3528 ссудно-сберегательных товариществ, 203 земские кассы, 11 союзов учреждений мелкого кредита и др. Развитие этой системы происходило уже при Коковцове, но основы ее были заложены при правлении Витте.

И все же преобладающее развитие кредитных операций происходило на втором уровне банковской системы: на учреждения этого уровня приходилось более половины всех балансовых средств, 79% всех займов, 50% всех вкладов. При этом 45% всех учетно-ссудных операций было сосредоточено в акционерных коммерческих банках, составлявших менее 0,2% числа всех кредитных учреждений России.

Роль частных банков и характер их взаимоотношений с Министерством финансов представляют особый интерес, поскольку характеризуют степень либерализма экономических реформ Витте. В количественном отношении коммерческие банки росли незначительно, а расширение их деятельности шло за счет создания новых отделений. В 1895 году 38 банков имели 99 отделений; в 1905 году 39 банков – 280 отделений; в 1915 году 53 банка – 635 отделений.

В начальный период деятельности частных коммерческих банков, возникших в 60–70-х годах XIX века, преобладали спекулятивные операции с акциями железнодорожных обществ, приносившие огромные прибыли. После завершения «железнодорожной лихорадки» и краха ряда банков интересы банкиров

расширились. Постепенно в портфелях таких ведущих банков, как Петербургский частный, Петербургско-Азовский, Русский для внешней торговли, Сибирский торговый, Петербургский учетный и ссудный, стали преобладать акции крупных металлургических и машиностроительных предприятий.

Кредитная политика министра финансов Витте, направленная на индустриализацию страны, всячески стимулировала деятельность коммерческих банков в заданном направлении. При этом использовались различные средства – от строгого контроля и ограничений до установления личных доверительных отношений высших чиновников и банкиров.

Ведущая роль в реализации этой политики принадлежала Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов. Это учреждение с момента своего образования в 1824 году и вплоть до октября 1917 года было одним из главных рычагов управления финансовой системой империи в руках министров финансов.

При Витте функции Кредитной канцелярии расширились, и она превратилась в весьма своеобразное учреждение, совмещавшее в себе наряду с задачами государственного управления в области денежного хозяйства и определенную деятельность по выпуску займов, покупке валюты и заграничным расчетам не только правительства, но и многочисленных общественных учреждений. При этом объем операций превышал сотни миллионов рублей, то есть превосходил объем операций любого банка.

Через Кредитную канцелярию и Государственный банк коммерческие банки были тесно связаны с правительством и в трудные дни не раз обращались к нему за помощью. С другой стороны, коммерческие банки служили проводниками политики правительства в некоторых регионах. Так, Витте активно использовал Русско-Китайский и Санкт-Петербургский международный банки для осуществления экономической экспансии в Маньчжурии, а Банкирский дом Поляковых – для завоевания позиций в Персии. Правда, последний не оправдал надежд, и дело кончилось крахом, что поставило Витте в затруднительное положение.

По мере укрепления позиций частных банков банкиры стали вести себя все более независимо, но чиновники Министерства финансов не намерены были уступать в борьбе за сферы влияния. Они подозревали коммерческие банки в спекулятивных операциях с валютой, что якобы вызвало падение курса рубля.

По их мнению, интерес банков к промышленным делам таил в себе опасность подчинения предприятий банкирам и т. п. Все это давало основания требовать расширения правительственного надзора.

Сравнивая положение кредитных учреждений в России и в европейских странах в начале XX века, можно выделить ряд существенных отличий. Во всех странах Запада кредитные учреждения открывались явочным порядком, в то время как в России сохранялась разрешительная система. В Германии коммерческие банки не подвергались никаким ревизиям или контролю со стороны правительства, зато там значительную роль играл общественный надзор, осуществлявшийся центральным союзом банкиров. Во Франции господствовал принцип полного невмешательства власти в сферу деятельности частных кредитных учреждений, за исключением случаев, когда они пользовались ссудами, пособиями от казны или особыми привилегиями. В Англии правительственный контроль в слабой форме распространялся в основном на ипотечные банки. В России же широкий правительственный надзор сохранялся при Витте и при его преемниках. Объяснялось это экономической отсталостью, несовершенством законов, слабостью общественного контроля.

Другой особенностью российской финансовой системы являлись тесные личные отношения банкиров и высших чиновников Министерства финансов, не принятые столь явно на Западе. Особенно это было характерно для петербургских банков. В столице, финансовом центре страны, располагались конторы крупнейших акционерских банков и банкирских домов и закономерно складывалась олигархия, близкая к властным структурам.

Известно, например, об особых отношениях С. Ю. Витте с главой санкт-петербургского Международного коммерческого банка А. Ю. Ротштейном, который, по сути, был доверенным лицом министра и выполнял многие его поручения. Нетрудно предположить, что и интересы банка учитывались в министерстве. Подобные отношения связывали Витте с А. Ф. Рафаловичем, главой банкирского дома, и многими другими финансистами. Эти отношения трудно было скрыть от общественности, что, естественно, вызывало протесты. Так, экономист П. П. Мигулин, критикуя сохранение Государственного банка в структуре Министерства финансов, отмечал: «Банк мог поддерживать своим вексельным кредитом только тех, кто угоден Министерству финансов.» Казенный

сундук”, казенные достояния оказались открытыми для раздачи разным аферистам – вопреки закону, вопреки всякому порядку».

Еще более резко высказался экономист И. Х. Озеров: «У нас Государственный банк чуть ли не превратился в игорный дом, все желающие могли попробовать свое счастье, просить – авось повезет, и получить ссуду, то есть выиграть. И было из-за чего играть: выигрыши достигали десятков миллионов рублей!»

Но ссуды получали лишь избранные. Когда в 1901 году председатель правления Харьковского земельного банка А. К. Алчевский обратился к Витте за помощью, прося спасти его от краха, то получил отказ. После этого банкир покончил счеты с жизнью, бросившись под поезд.

Очевидно, что такого рода личные отношения создавали благоприятные возможности для коррупции и злоупотреблений со стороны чиновников. Хотя сам Витте не был замешан в подобных историях, но они случались в период его руководства министерством. То, что делалось в интересах народного хозяйства, переплеталось с действиями, продиктованными исключительно личными интересами действующих лиц.

Любопытные аналогии возникают при анализе финансовой ситуации в России во второй половине XIX века. В конце XX века банковская система страны тоже испытала давление либеральных экономических реформ на структуру и характер своей деятельности. Стремительно зарождается рынок частного кредита в форме акционерных коммерческих банков, в деятельности которых преобладают спекулятивные операции и невысок интерес к реальному сектору экономики. Растет спад производства, увеличивается безденежье и дорожает кредит, а коммерческие банки растут, как на дрожжах. В стране складывается финансовая олигархия, тесно связанная с властными структурами, процветают коррупция и казнокрадство. В 1998 году в России закономерно происходит обвал спекулятивной банковской системы, что еще больше углубляет общий экономический кризис. Либеральные подходы дискредитированы, и, как следствие, возникают идеи даже о национализации банковской сферы, что означало бы конец рыночных реформ.

В капиталистической России после провала политики М. Х. Рейтерна происходит отход от западного либерализма и складывается национальная банковская система с активным государственным контролем в финансовой сфере. В эпоху Витте частные и общественные кредитные учреждения работают «под

колпаком» у министра финансов, который контролирует и Государственный банк. Такого рода централизация кредитно-денежной политики, при всех издержках, позволила направить финансовые ресурсы на индустриализацию страны. Существенным дополнением к внутренним ресурсам стали иностранные капиталы, привлеченные политикой Витте. Следствием такой политики и стал промышленный бум 90-х годов XIX века, осуществление модернизации экономики.

Нужно отметить, что при Витте либерализм все же сохранялся, государственный контроль в кредитной сфере не носил тотального характера, частные интересы банкиров учитывались и охранялись. Витте активно привлекал коммерческие банки к осуществлению крупных проектов в стране, они играли важнейшую роль в экономической экспансии на Восток. Существенным элементом новой банковской системы стал третий уровень – мелкая кредитная кооперация, которая играла важную роль в развитии традиционных форм русского предпринимательства.

Представляется содержательной характеристика, данная историком И. Ф. Гиндиным кредитной политике Министерства финансов при Витте: «Как известно, ни в одной стране этот орган так близко и так активно не вмешивался в дела кредитных учреждений, как в России... С одной стороны, по-видимому, министерство в своих взглядах на кредит держалось "классической" точки зрения, и отсюда разные связывающие постановления, строгие банковские законы и т. п., на которые жалуются банки... С другой стороны, по ряду действий видно, что министерство весьма терпимо относилось к смешанной банковской системе, ибо в хорошее время банки беспрепятственно работали, не считаясь ни с какими уставами. В плохие времена министерство само шло банкам навстречу, ставя в их распоряжение необходимые резервы».

ИСКУССТВО БРАТЬ ВЗАЙМЫ

Одна из основ финансовой политики царского правительства конца XIX состояла в привлечении иностранных капиталов, особенно в ссудной форме. Расцвет этой политики, начатой в 60-х годах, приходится на конец 90-х годов и связан как с денежной реформой, так и в целом с политикой индустриализации страны. Осуществление

этой политики потребовало от Витте не только чутья финансиста, но и таланта дипломата.

Иностранные займы осуществлялись еще со времен Екатерины II, но они носили эпизодический характер, были связаны с войнами и другими крупными событиями. На капиталистической стадии развития заимствование приняло иной характер.

Взяв курс на подготовку денежной реформы, Вышнеградский приступил к конверсии русских займов. За первым займом в 1889 году последовала целая серия других займов во Франции, и финансы России оказались тесно связаны с парижской биржей. Основным результатом стал переход значительной части русских ценных бумаг с немецкого на французский денежный рынок, при самом активном участии французских банков, что вызвало энту-

Образец облигации золотого займа 1896 года

зиазм французских держателей. Так возник фундамент, на котором вскоре было построено и само здание франко-русского союза, оформленного в 1891 году.

Заступив на пост министра финансов в сентябре 1892 года, Витте застал готовность парижской биржи закрепить этот политический акт широкими финансовыми услугами русскому правитель-

ству. Перед Витте открывался мир парижских банкиров, суливший ему мощную финансовую опору, и он ее использовал вполне.

Вышнеградский не успел довести до конца план конверсии русских займов – помешали болезнь и последовавшая за ней отставка. В наследство Витте он оставил сделанный в 1891 году на парижской бирже, но так и не размещенный полностью трехпроцентный золотой заем в 125 миллионов рублей.

Только в 1893 году Витте с большим трудом удалось окончательно разместить этот заем. После этого, в условиях улучшения общей конъюнктуры денежных рынков и «дешевизны» денег в Европе, Витте смог беспрепятственно продолжить займы, разместив их в 1894 и 1896 годах опять же преимущественно на парижской бирже. Причем цена на русские ценные бумаги росла, отражая экономическую ситуацию и заключение франко-русского союза. Да и в самой России, переживавшей бурный промышленный рост, биржи характеризовались «повышательной кампанией».

Заем 1896 года позволил завершить подготовку денежной реформы и способствовал ее успеху. После этого в стратегии Витте наметились новые приоритеты, которые прозвучали явно в экономической программе 1899 года, сделавшей ставку на использование иностранного капитала для индустриализации России.

В это время ситуация изменилась, французское правительство стало довольно сдержанно относиться к размещению на парижской бирже новых русских займов и усложнило процедуру их допущения к котировке, ссылаясь на то, что рынок и так переполнен русскими ценными бумагами. Французская пресса начала предостерегать публику от «увлечения русскими фондами». Кампания эта усилилась после столкновения в 1895 году русского Минфина с заправками французской биржи. Это было связано с тем, что в 1895 году синдикат из крупнейших французских банков занялся спекуляциями на турецких фондах, которые провалились с большим убытком. Для спасения ситуации банкиры решили было пристегнуть российский Минфин к операции по ликвидации последствий этой авантюры. Министру иностранных дел Франции Ганоту удалось уговорить Николая II, воспользовавшись его пребыванием в 1896 году в Париже, участвовать в операции. Однако вмешался Витте, и затея, ущербная для России, провалилась. Это вызвало бурную реакцию французской прессы. Началась кампания про-

тив русского Министерства финансов и самого министра, с целью вообще закрыть России дверь на французский рынок кредитов. С трудом удалось провести во Франции заем 1896 года, и Витте понял, что надо искать другие рынки.

Период 1897–1899 годов характеризуется острой полемикой в самой России по вопросу об отношении к иностранным капиталам. Витте встретился с серьезной оппозицией. Экономическая политика, как пишет он в «Воспоминаниях», натолкнулась «на узко национальную точку зрения "гостинного ряда", встретившую сочувственное отношение со стороны самого Николая II».

И вот тогда, в начале 1899 года, появился на свет «всепопданнейший доклад» Витте Николаю II. О существовании доклада историкам стало известно из дневника статс-секретаря А. А. Половцева за 1899 год, где тот сообщил, что с середины 1898 года Николай II под влиянием своего окружения «сделался сторонником лженациональной финансовой политики» и стал на представляемых уставах иностранных компаний класть резолюции о нежелательности допущения в Россию иностранных капиталов. Резолюции будто бы сделались известны в России и за границей, и прилив иностранных капиталов «внезапно остановился». Это весьма тревожило Витте, поэтому и появился доклад.

Половцев называет следующих «советчиков» Николая II – его шурина, великого князя Александра Михайловича, и действовавших через него «квасных патриотов» – Хлопова, Шарапова и Белова.

Следует, однако, заметить: Половцев был неточен, сообщая о том, что прилив иностранного капитала якобы «внезапно остановился». Не исключено, что Половцев допустил ошибку с подачи самого Витте, который, вероятнее всего, спровоцировал обострение внимания к вопросу об иностранных капиталах, поскольку хотел пресечь наскоки царского окружения и «колебания» царя. Отсюда ультимативный характер концовки доклада Витте, требовавшего от царя либо подтвердить незыблемость проводимой торгово-промышленной политики, либо указать, какую иную политику должен проводить министр финансов. Эта закулисная борьба отражала серьезные разногласия внутри правящей верхушки по коренным вопросам экономической политики царского правительства. В результате напряженной борьбы Витте удалось тогда взять верх в вопросе о привлечении иностранных капиталов. Поскольку противники Витте никакой альтернативной политики сформулировать не смогли, царь вынужден был принять требо-

вания Витте. Однако победа не была полной: в принятом по докладу решении были сохранены упоминания о нежелательности в политическом отношении сосредоточения в руках иностранных компаний «обширных поземельных владений» и о правах местной администрации давать им разрешение на приобретение недвижимой собственности.

Противники привлечения иностранных капиталов не сложили оружия, острая полемика продолжалась, и Витте в феврале 1900 года вновь пришлось поставить вопрос о необходимости покончить с ограничительными мерами на пути капиталов. В докладе царю Витте подчеркивал, что бедность капиталами задерживает развитие промышленности и Россия «очень отстала». По его сведениям, в России «общий итог капиталов, привлеченных в частный и общественный сектор», составлял 11 миллиардов рублей, «из коих около половины притекли из-за границы», в то время как в Германии и Франции «итог движимых ценностей» превышал 30 миллиардов рублей, а в Англии – 60 миллиардов рублей.

Чтобы убедить царя, Витте ссылался на пример Англии и США, добившихся создания промышленности с помощью иностранных капиталов, доказывал, что прилив «чужих сбережений» не отразится на национальном характере русской промышленности, ибо Россия как страна, обладающая «громадной политической силой и могуществом», способна будет их «ассимилировать».

Несмотря на сильную оппозицию, Витте настойчиво проводил в жизнь намеченную программу. При этом он фактически далеко вышел за рамки деятельности министра финансов, поскольку от него во многом зависело определение не только внутренней, но и внешней политики. К тому времени Витте уже располагал разветвленной сетью постоянных представителей в столицах ведущих стран.

Институт коммерческих агентов Министерства финансов был реорганизован. Витте добился права определять необходимое число агентов, устанавливая их место пребывания и район деятельности. В дополнение к агентствам в Париже, Лондоне и Берлине было открыто агентство в Вашингтоне, затем в Константинополе, Брюсселе, Йокхаме, Рио-де-Жанейро и других городах мира. На должности агентов Витте назначал людей, пользовавшихся его полным доверием и имевших связи в промышленных и финансовых кругах тех стран, где им предстояло работать.

В 1898 году в Министерство финансов начала поступать регулярная информация не только о настроениях на всех крупнейших биржах, но и об основных событиях экономической и политической жизни ведущих стран мира. Но главная задача агентства министра финансов состояла в подготовке новых русских финансовых операций за границей, необходимых для реализации программы Витте. Речь, прежде всего, шла о привлечении иностранных займов для промышленности. Необходимы были крупные суммы, занимать предстояло много, и Витте был заинтересован в том, чтобы привлекать не только французский капитал. После осложнений с Францией Витте устремил взор на США и Англию.

В последующие годы настойчивые попытки Витте открыть для русских займов английский и американский денежные рын-

Парижская биржа. Начало XX века

ки дали некоторые результаты, но весьма скромные. А он так надеялся получить возможность пользоваться кредитом в международном масштабе и лавировать между биржами Парижа, Берлина, Лондона и Нью-Йорка, занимая, в зависимости от обстоятельств, то там, то здесь и не связывая свою судьбу только с парижской биржей! В конце 1900 года стало ясно, что надеяться на Лондон и Нью-Йорк не приходится, Берлин время от времени давал кре-

диты, но в ограниченном масштабе – из-за большого внутреннего спроса на капиталы. Следовательно, оставался опять-таки Париж. Поскольку успех экономической программы Витте зависел от постоянного притока иностранных капиталов, приостановка их могла иметь драматические последствия.

Что касается Парижа, то здесь сразу же встретились серьезные трудности: французское правительство поставило условием размещения четырехпроцентного русского займа проведение в России ряда мер, в которых были заинтересованы французские промышленники. Министр финансов Франции Кайо даже не считал нужным маскировать свое намерение использовать займы как средство давления для выколачивания экономических преимуществ из страны-союзника.

*Петербургская биржа.
Начало XX века*

Отражением ситуации был даже тон, в котором обратился французский посол в Петербурге к Витте в сентябре 1901 года: «Я настаиваю...». Витте, конечно, не сдержался и ответил в резкой форме, что, понятно, не способствовало укреплению франко-русского союза. В конце концов Витте все же пошел на встречу требованиям французов, что в Париже оценили. России удалось получить разрешение на размещение во Франции займа на

200 миллионов рублей в 1902–1904 годах, но это потребовало от министра финансов большого напряжения. Сыграло роль и благоприятное стечение обстоятельств, связанное с визитом во Францию Николая II осенью 1901 года, – это была демонстрация прочности франко-русского союза.

Очевидно, что результаты финансовой политики Витте в большей мере зависели от приливов и отливов в отношениях отдельных стран, что политические соображения, а не экономические интересы доминировали в этих отношениях и Витте вынужден был постоянно подстраиваться под них.

Приходилось оказывать постоянное «влияние» на французскую печать, формирующую общественное мнение страны-кредитора. Так, в октябре 1901 года агенту Министерства финансов в Париже Рафаловичу был открыт кредит в 60 тысяч франков, который к апрелю 1902 года почти целиком перекочевал в карманы торговцев французской прессой. Особых моральных проблем по этому поводу у Витте не возникало – с продажностью прессы и необходимостью ее подкупа сталкивался не только он, и ситуация позже повторилась не раз.

Угрозы русскому кредиту во Франции исходили даже от соотечественников. Так, генерал Е. В. Богданович, появившийся в Париже накануне визита царя, образовал настоящий кружок военных и журналистов из оппозиции, члены которого распространяли слухи, публиковали резкие статьи против Витте и русских финансистов. Витте по этому поводу даже направил записку царю, указав на недостойную роль генерала. Богданович принадлежал к партии столичной бюрократии, которая находилась в резкой оппозиции к Витте, и готов был пакостить противнику даже в ущерб интересам отечества.

А России требовались новые кредиты для продолжения железнодорожного строительства, в частности на завершение Китайской Восточной железной дороги. Поскольку французский кредитный рынок стал труднодоступен и не в полной мере удовлетворял потребности России, Витте одновременно действовал и в Германии. В результате секретных переговоров он смог добиться в марте 1902 года нового государственного займа на 200 миллионов рублей на берлинской бирже, что стало большой неожиданностью для многих. Кроме того, он задел французских буржуа, считавших, что Россия не сможет обойтись без их капиталов. Для получения кредитов Витте использовал заинтересованность германских по-

литических кругов в налаживании отношений с Россией, при этом ему удалось избежать значительных уступок.

Ситуация значительно изменилась с началом Русско-японской войны. Хотя Витте был принципиальным противником военной авантюры на Дальнем Востоке, тем не менее ему пришлось (несмотря на то, что он в 1903 году ушел с поста министра финансов) ликвидировать финансовый ущерб от огромных военных расходов, добывая новые займы.

В войну Россия вступила не подготовленной в финансовом отношении, что стало ясно уже на исходе первого месяца военных действий. Берлинский заем 1902 года не обеспечил финансовой устойчивости правительства, на что указывала иностранная, в

*Генерал Е. В. Богданович
с женой*

частности английская, пресса. Это имело существенное значение для общественного мнения Франции и США, у которых Россия надеялась брать кредиты. Когда новый министр финансов В. Н. Коковцов попытался прозондировать почву, то получил ответ от русского посла во Франции А. И. Нелидова: «Объявление о займе до какого-нибудь военного успеха заставит считать, что мы в отчаянном положении, и принесет неисчислимые бедствия нашему делу в целом. Для японцев это будет равносильно победе».

Тем не менее другого выхода не было, пришлось начать переговоры с французскими банкирами.

Хотя французские банкиры, сознавая явную выгоду, проявили готовность оказать новую услугу русскому правительству, предпочтение и на этот раз было отдано германскому капиталу, который предложил более выгодные условия. Официальным переговорам предшествовали секретные контакты банкира Мендельсона и Витте, после чего германская сторона намекнула о своем желании, «чтобы не кто иной, как Витте, возглавил делегацию на будущих переговорах». Это было связано с тем, что в 1904 году России предстояло заключить новый торговый договор с Германией, в котором немецкая сторона надеялась компенсировать уступки, сделанные в 1894 году.

На начавшихся переговорах велась сложная игра. По версии Витте, германский канцлер Бюлов пытался уклониться от каких-либо обязательств по русским займам в Германии, ссылаясь при этом на императора Вильгельма II, провозгласившего лозунг «немецкие деньги для немцев». Тогда Витте поставил подписание торгового договора в зависимость от предоставления германским правительством разрешения на русский займ, и только после этого Бюлов уступил. При самых неблагоприятных условиях Витте выиграл этот дипломатический поединок. По замечанию историка Е. В. Тарле, «в умственном отношении граф Бюлов был крупным человеком, но он был, конечно, очень мал, если его сравнить с Витте».

Русско-японская война и революция 1905 года имели катастрофические финансовые последствия для страны. В конце 1905 года на Совете министров, который возглавлял Витте, обсуждался вопрос об отказе от золотого обеспечения рубля, что грозило крушением «системы Витте». Спасти ситуацию мог только новый крупный заем за границей. Царскому правительству опять пришлось обратиться к Франции, но там этот вопрос был увязан с содействием России в решении франко-германского конфликта из-за Марокко. И вновь Витте пришлось проявить дипломатический талант, и только после успеха Алжезиракской мирной конференции в апреле 1906 года страна получила наконец спасительный заем, правда, на крайне невыгодных условиях.

Говоря о кредитно-финансовой политике Витте и его ведомства, нельзя не сказать о том, что Россия на мировом кредитном рынке выступала, как это ни парадоксально, в роли не только за-

емщика, но и кредитора. Вывоз капитала осуществлялся в рамках восточной политики Витте частными банками под негласным руководством Министерства финансов. Важную роль как агент Минфина играл Русско-Китайский банк в Маньчжурии и Монголии, о чем будет сказано ниже.

Преемником политики Витте стал В. Н. Коковцов, который, по собственному признанию, «не выступил новатором в деле управления русских финансов и не предложил новых путей для экономического развития страны». Но и тогда правительство не обходилось без заграничных кредитов. Правда, отказавшись от государственных займов, Коковцов стал прибегать к гарантированным правительством железнодорожным займам как наиболее удобной форме кредита, не требующей специального одобрения Думы и в меньшей степени зависящей от внешнеполитической конъюнктуры. Эти займы можно было делать не только в Париже, но и в Лондоне, и даже в Берлине, несмотря на ухудшение взаимоотношений. Французские держатели обладали самым большим количеством размещенных за границей не только разного рода русских займов, но и других ценных бумаг. На парижской бирже котирувалась 71 разновидность русских промышленных ценностей на сумму 642 миллионов рублей, в том числе акции 14 крупнейших русских металлургических заводов, 12 нефтяных и 15 каменноугольных предприятий, 5 банков.

Как можно оценить результаты кредитной политики Витте и его преемников?

Сам Витте в «Воспоминаниях» утверждает: «Благодаря установленному мною доверию заграничных сфер к русскому кредиту Россия получила несколько миллиардов (думаю, не менее трех) рублей иностранных капиталов». Действительно, политика Витте привела к огромному притоку иностранных капиталов в экономику России: если в 1890 году иностранцы вложили 214 миллионов рублей, то в 1900 году – 911 миллионов рублей, но это было меньше, чем рассчитывал Витте.

«Могут ли названные цифры иметь угрожающее значение для огромного русского народного хозяйства, за такую ли цену можно распродать его производительные силы? Это не более как возбуждающий фермент, имеющий серьезное значение не своими размерами, а той энергией, которую он развивает в малоподвижной нашей промышленной среде. Иностранный капитал в 5 раз меньше, нежели русский, тем не менее виднее его, бросается все в глаза

потому, что он несет с собой и лучшие знания, и более опытную предприимчивость. Но эти культурные силы он ведь оставляет в России, и не за это же ей на него быть недовольной, – пишет Витте. – Конечно, если бы не делалось массы затруднений иностранными капиталистами, то иностранные капиталы пришли бы в гораздо большем количестве».

Далее Витте пытается доказать, что занятые деньги пошли исключительно на цели производственные – они находятся в капиталах страны, хотя, противореча себе, говорит и об ужасающих потерях в период Русско-японской войны, которая поглотила значительную часть кредитов.

При оценке необходимо разделять средства, которые использовались на производительные и непроизводительные расходы. Первые шли на развитие народного хозяйства – прежде всего на огромное транспортное строительство. Только на «Великий путь» – Транссибирскую магистраль – было затрачено более одного миллиарда рублей казенных средств, а кроме нее при Витте построены Северная, Донецкая, Северо-Кавказская, Закаспийская... Протяженность российских железных дорог за 90-е годы удвоилась. Правда, часть дорог строилась на акционерный капитал. В те же годы продолжался активный процесс выкупа в казну частных дорог, что тоже требовало денег. Кроме того, за казенный счет сооружались крупные порты на Балтике (Любава) и Дальнем Востоке (Находка), а также другие важные объекты.

К непроизводительным расходам относятся, прежде всего, огромные затраты, связанные с «военными комплектациями». Так, общая сумма расходов во время Русско-японской войны составляет как минимум 2,3 миллиарда рублей. К этому надо добавить потери от беспорядков и забастовок в 1905 году, которые точно не оценены, но они тоже были велики и покрывались иностранными кредитами.

Политика займов вела к росту государственного долга России. К 1900 году он достиг 6275 миллионов рублей, из которых железнодорожные долги составляли 2500 миллионов. Остальная сумма была использована на покрытие бюджетного дефицита других отраслей. В результате войны и революции рос не только сам долг, но и затраты на его обслуживание, что поглощало все большую часть бюджета. Страна прочно «села на кредитную иглу»: Министерство финансов стало постоянно прибегать к такому традиционному способу погашения займов, как заключе-

ние новых. Но Витте к этому уже не имел отношения – в апреле 1906 года он окончательно ушел в отставку.

Вопрос об использовании иностранных займов для развития экономики отсталых стран, к числу которых относилась Россия, вставал неоднократно. По этому поводу шли жаркие дискуссии, которые продолжаются и сегодня. Витте и позже, уже отойдя от власти, придерживался прежних взглядов. Так, в памятной записке от 3 марта 1907 года по поводу финансовой политики Коковцова он указывал на необходимость внешних займов для производства заграничных платежей и общего развития страны. «Без внешних займов наша бедность становится еще более чувствительной: внешние займы и приток иностранных капиталов – своего рода мышьяк, под действием которого происходит наше экономическое и финансовое развитие. Печально, конечно, что мы не можем обходиться без такого лекарства. Но это все-таки лекарство из лучших. Это великолепное средство против бедности», – заключал Витте.

Овладев искусством брать займы, Витте тем не менее считал, что России не вечно жить с протянутой рукой, ее экономика, ликвидировав отсталость, скоро сможет сама обеспечивать себя капиталами для развития. Но войны и революции разрушили эти планы.

Что касается общей финансовой политики Витте, то она, конечно, была основой его «системы» и носила стратегический характер, связанный с программой индустриального развития России. Не имея специальной подготовки, быстро переболев «детской болезнью» финансиста, Витте благодаря мощному интеллекту, воле и интуиции смог совершить глубокие преобразования. Он не только оздоровил русские финансы, превратив рубль в твердую валюту, но главное, смог мобилизовать огромные финансовые ресурсы на модернизацию страны. Разве нельзя за это, даже при всех ошибках, назвать Витте финансовым гением?

Р. С. ДРАМА РУССКИХ ЗАЙМОВ

К началу Первой мировой войны (1914 г.) Россия пришла с огромным внешним долгом – свыше 9 миллиардов рублей. В годы войны он возрос еще более чем на 7 миллиардов рублей.

В октябре 1917 года большевики захватили власть, провели национализацию и отказались платить по царским долгам. С учетом стоимости конфискованных иностранных предприятий Октябрьская революция обошлась «мировому капиталу» примерно в 20 миллиардов рублей (15,5 тысяч тонн золота). Однако эксперты большевиков перед Генуэзской конференцией в 1922 году определяли сумму возможных претензий западных стран в 6,8 миллиардов рублей (без учета просроченных процентных платежей). Признание этих долгов означало бы полное государственное банкротство России – вот почему большевики отказались выплатить их, к тому же они всерьез надеялись на «мировую революцию».

В 20-е годы советское правительство согласилось за несколько десятилетий погасить часть долгов при условии получения новых крупных займов, но это не устроило западных кредиторов.

Царские долги на протяжении всех лет советской власти были главным препятствием для финансового взаимодействия с Западом. После распада СССР правительство Российской Федерации, став его правопреемником, взяло на себя обязательство решить этот вопрос. Как уже говорилось, самое большое количество русских ценных бумаг оказалось во Франции, многие из них за 70 лет пропали, но и в 90-х годах XX века число их владельцев насчитывало примерно 400 тысяч человек. После долгих и сложных переговоров в ноябре 1996 года в Париже В. С. Черномырдин подписал меморандум, по которому Россия обязалась выплатить Франции 400 миллионов долларов в течение четырех лет. Эта цифра была намного меньше тех сумм, на которые предъявлялись претензии (до 20 миллиардов долларов). Ранее вопросы задолженности были урегулированы с другими странами. Примечательно название статьи в газете «Известия» от 28 ноября 1996 года: «Честь России спасена. Царских долгов больше нет». В действительности окончательный расчет был завершен только в 2001 году.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

В «эпоху Витте» мировая экономическая теория уже обладала разнообразным спектром идей – от Адама Смита до Карла Маркса. Джон Кейнс был еще никому неизвестным экономистом, – это потом, в 30-е годы XX века, после Великой депрессии, кейнсианство получит широкое признание, постулаты классической концепции подвергнутся ревизии и на практике будут отработаны инструменты государственного регулирования экономики. А в конце XIX века в Европе господствовали идеи классиков: рыночная экономика – это самоорганизующаяся система, которая не нуждается в государственном вмешательстве; государству следует лишь обеспечить условия для действия принципа *«lassie faire»*, еще в XVII веке предложенного меркантилистами, суть которого выражена в лозунге: *«Laissez faire, laissez passer»*, что в переводе с французского означает: «Предоставьте (людям) делать свои дела, предоставьте (делам) идти своим ходом».

Витте, пожалуй, одним из первых в России еще в 1883 году в «Принципах железнодорожных тарифов» заявил себя «разумным оппортунистом» по отношению к классической политэкономии А. Смита. В 1889 году в работе «Национальная экономия и Фридрих Лист» он продолжил эту тему: «Мы, русские, в области политэкономии шли на буксире Запада, не видя национального». Витте выступил явным противником фритредерства, обосновывая необходимость активной роли государства для преодоления экономической отсталости страны. Эти мысли стали как бы теоретическим фундаментом будущей «системы Витте».

В начале 1895 года Витте писал Николаю II: «В России по условиям нашей жизни потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличало ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность.

В Англии класс чиновников должен только направлять частную деятельность, в России же, кроме направления частной деятельности, он должен принимать непосредственное участие во многих отраслях общественно-хозяйственной деятельности».

Позднее, в «Конспекте лекций», Витте даст широкое обоснование роли и функций государства в экономической жизни общества с рыночной экономикой, причем акцент будет сделан на необходимости учета национальных особенностей страны и стадии развития народного хозяйства.

В то время как на Западе мануфактуры и заводы вырастали на цеховых традициях, эволюционным путем, Витте предлагал своего рода «патронаж» для всех форм предпринимательства, но при этом старался завуалировать роль правительства. «Говорят, что для развития промышленности я принимал искусственные меры. Что значит эта глупая фраза? Все, что делают люди, это с известной точки зрения искусственно. Одни дикари живут и управляются безыскусственно. Везде и всюду промышленность развита искусственными мерами. Я же принимал меры искусственные, гораздо более слабые сравнительно с теми, которые для этой цели принимают многие иностранные государства. Этого, конечно, не знают наши салонные невежды», – писал Витте в «Воспоминаниях».

ИСТОЧНИКИ РАЗВИТИЯ

В «Программе 1893 года» Витте указывает на три силы, необходимые для развития хозяйства: капиталы, знания, предприимчивость. Только они могут ускорить процесс образования вполне независимой национальной промышленности. Эти три силы и стали предметом особой заботы министра финансов. Выделив приоритеты, Витте последовательно добивался реализации намеченной стратегии, проявляя незаурядную энергию и широкий кругозор государственного деятеля.

Казалось бы, почему глава финансового ведомства должен заботиться об открытии новых ремесленных школ, коммерческих училищ, политехнических институтов? А ведь Витте стал, по сути, одним из зачинателей системы профессионального образования в России. Самое пристальное внимание министра было

обращено на вопросы развития предпринимательства и привлечения капиталов.

Вместе с тем, будучи прагматиком, Витте прекрасно понимал, что не все силы поддаются искусственному насаждению. В самом деле, накопление капитала возможно только в той мере, в какой производительность хозяйства дает избытки над потреблением. «В России, где огромное большинство все еще занимается земледелием, это превышение дохода над расходами служит слишком скудным источником накопления новых капиталов», – пишет Витте, но при этом обходит стороной вопрос о причинах скудности земледелия.

А нет капиталов – нет и знаний, нет и предприимчивости. Как ни велико значение просвещения, тем не менее это путь слишком медленный и сам по себе не ведущий к экономическому процветанию. Истинной школой промышленности является прежде всего сама живая промышленность, а учебные заведения служат только ее пособием. С первым отложением сбережений пробуждается в человеке беспокойство предприимчивости, а с первым приложением к промышленности капитала зарождается под могучим влиянием личного интереса такая сила пытливости и любознательности, которая превращает неграмотного крестьянина в строителя железных дорог, а смелого промышленника – в финансового деятеля, рассуждал Витте.

Итак, все упирается в капитал. Что же делать? Ожидать естественного накопления капиталов в стране, большинство населения которой переживает трудное экономическое положение и значительную часть своих избытков отдает в казну в виде налогов, – занятие слишком тягостное. Вот здесь и появляется в политике Витте новый акцент, связанный с протекционизмом и привлечением иностранного капитала.

Слабость предпринимательских сил, недостаток капиталов, неспособность российского производителя выдержать внешнюю конкуренцию и прежде побуждали царское правительство проводить протекционистскую политику: с помощью высоких таможенных барьеров ограждать внутренний рынок от дешевого импорта. Эта мера активно использовалась в первой половине XIX века министрами финансов Гурьевым и Канкрином. Предшественник Витте Вышнеградский заметно усилил протекционизм, добившись принятия в 1891 году нового таможенного тарифа. Витте, имевший отношение к его разработке, безусловно, понимал значение этого вопроса.

Зная, что земледельческая страна обречена на неминуемый упадок, Витте делает ставку на быстрое развитие промышленности, осуществляет первую индустриализацию страны. Для подъема производительных сил привлекается иностранный капитал, которому отводится роль возбуждающего «фермента».

Приток иностранных капиталов является, по глубокому убеждению Витте, единственным способом ускоренного доведения отечественной промышленности до такого положения, при котором она будет в состоянии снабжать страну изобильными и дешевыми продуктами. Каждая новая волна капиталов, привлекаемых из-за границы, сбивает неумеренно высокий уровень прибыли, лишает российского монопольного предпринимателя сверхприбылей и побуждает его к техническим усовершенствованиям, а это ведет к удешевлению продукта.

С точки зрения движущих сил в развитии народного хозяйства, Витте постоянно ставит вопрос о всемерном поощрении капиталистического предпринимательства. У него нет сомнений, что в рыночной экономике частный бизнес – ведущая сила. В 90-е годы в России частный капитал не был еще способен осуществить индустриализацию страны, поэтому, всячески помогая предпринимателям, Витте в то же время использует государственное предпринимательство и финансы. Образно говоря, Витте как бы составляет поезд из частных вагонов, но в качестве локомотива ставит государство. Это был, конечно, временный маневр на этапе разгона экономики, а затем и роль локомотива предполагалось отдать частному бизнесу. Таким образом, к началу XX века возникла в России уникальная система государственного капитализма.

Однако торгово-промышленная политика Витте, несмотря на очевидные успехи, столкнулась с нарастающими трудностями. К ним относятся и «обостряющиеся нападки», которые исходили, с одной стороны, от потребителей промышленной продукции, недовольных высокими ценами, с другой – от промышленников, которым не по нраву пришелся рост конкуренции. Первые агитировали за отмену таможенного тарифа 1891 года и смягчение политики протекционизма, вторые требовали ограничения усилившегося в 90-х годах иностранного предпринимательства в России. Хотя интересы оппонентов реформ были различны, голоса их сливались в общей критике Министерства финансов и его главы.

Другой трудностью были кризисные явления, все резче проявлявшиеся в экономике в конце 90-х годов, требовавшие, по мнению Витте, еще более энергичного государственного регулирования. Наконец, рост масштабов народного хозяйства обуславливал усложнение процессов управления и кризис административных методов. Под предлогом того, что страна нуждается в объединении и твердом руководстве в области торгово-промышленной политики, в феврале 1900 года Витте предложил Николаю II сосредоточить в руках министра финансов все руководство экономикой страны.

К тому времени влияние министра финансов и без того простиралось далеко за отведенные ему сферы деятельности. Витте уверенно выдвинулся на первое место в российской бюрократической элите, он был «почти вице-царь», и от него во многом зависело определение не только экономической, но и внешней политики.

Еще в ноябре 1898 года Витте испросил разрешения Николая II на представление в Государственный Совет проекта коренной реорганизации учреждений, призванных руководить и направлять в значительной степени экономическую жизнь страны. Подготовка документа заняла около года.

В сентябре 1899 года было подписано представление министра финансов «О преобразовании Департамента торговли и мануфактур в Главное управление торговли и промышленности».

В документе отмечалось, что крайняя централизация власти в департаменте не способствует эффективной работе. «Многие дела замедляются за недостатком времени у меня и моих сотрудников», – признавался Витте. С другой стороны, руководители отделов оказывались безынициативными и безответственными исполнителями. Та же ситуация сложилась и в других министерствах, но прагматик Витте не хотел с этим мириться. Решено было, по примеру Военного министерства, вместо департамента создать более самостоятельное Главное управление.

Преобразование на ранг повышало правовой статус департамента и его подразделений, делало их более дееспособными. Предлагалось образовать в Главном управлении четыре отдела, почти равные по значению департаментам: торговли, промышленности, торгового мореплавания и учебный.

Необходимость реорганизации не вызвала принципиальных возражений у членов Государственного Совета, но многие из них считали, что лучше не создавать Главное управление, а повысить

статус отделов, подчинив их еще одному, третьему, заместителю министра. На заседании развернулась жаркая дискуссия, – судя по протоколу, Витте брал слово 29 раз! Решение было принято не совсем по его проекту, но в конечном итоге он все же добился своего: в министерстве появилась новая должность – особого товарища министра, которую занял соратник Витте В. И. Ковалевский.

В ходе обсуждения в Госсовете закономерно возник вопрос о целесообразности создания нового самостоятельного ведомства, отвечающего за вопросы торговли и промышленности.

Витте сделал все, чтобы замаять этот вопрос. В то время он хотел полностью сосредоточить руководство торгово-промышленной политикой в своих руках. Только спустя шесть лет, формируя первое объединенное правительство, премьер Витте сочтет необходимым сделать шаг по созданию Министерства промышленности и торговли.

В докладе царю в феврале 1900 года Витте пишет: «Торгово-промышленная политика, коей держалось русское правительство за последние 8 лет, есть последовательно продуманная система, все части коей неразрывно связаны одна с другой. Возможно, что другие лица выдумали бы лучшие системы мероприятий, которые успешнее, иными путями довели бы Россию до нужного ей экономического равновесия». Однако «других» не оказалось, противники Витте не смогли противопоставить никакой разумной программы, и Николай II вынужден был довериться министру финансов.

Как уже отмечалось, «система Витте» нигде полностью не изложена – видимо, он считал ее публикацию формальным актом. «Программа Сергея Юльевича была, бесспорно, прогрессивная, несмотря на все деривации под влиянием временных сопряжений. Она была очень широка и захватила многие десятилетия вперед. К сожалению, Витте постоянно приходилось урезывать, усекать, искажать собственные замыслы. Нередко в результате борьбы от первоначальной мысли оставались только остов и щуплый заморыш. Он часто дорожил только принципом, утешая себя тем, что будущее поправит недочеты при его осуществлении. Критикам его работы следовало бы знать, сколько тяжелых усилий, сколько порчи крови стоило ему все новое и плодотворное», – писал В. И. Ковалевский.

Видно, что ему импонировали стиль работы Витте и размах его деятельности, он понимал неизбежность ошибок и промахов:

«У этого крупного человека и ошибки были крупные. Он говорил: "Из-за стремления к совершенству не задерживайте роста жизни. Ошиблись – сознайтесь и управляйте. Россия страдает от избытка самокритики и стремления отыскать безошибочное решение, которое удовлетворяло бы даже глупых людей, нередко попадающих в межведомственные комиссии, и потому-то у нас происходит такая затяжка в насущных вопросах и продолжительность разрешения их измеряется кратным числом от двадцати лет"».

Здесь уместно вставить и запись из дневника А. С. Суворина от 26 января 1893 года: «Теории Витте правильны, но он не считывал хорошо и хочет рубить с плеча как Петр Великий».

Витте ставил цели и умел их добиваться, проявляя качества, нетипичные для чиновника-бюрократа, прагматизм финансиста сочетался в нем со страстной натурой государственного деятеля. Министр-предприниматель ощутимо и последовательно поддерживал частный бизнес – с помощью государственных заказов, щадящего налогообложения, правовых гарантий, неуставных ссуд и других мер. В то же время он способствовал развитию различных форм государственного предпринимательства, особенно в железнодорожном строительстве, оборонном производстве и кредитной сфере.

ЛОГИКА ПРОТЕКЦИОНИЗМА

Политика протекционизма как средства защиты национального производителя в развивающихся странах была обоснована в трудах немецкого экономиста Фридриха Листа, идейным последователем которого считал себя Витте. В то время в России эти идеи отстаивали ряд экономистов, в том числе и Д. И. Менделеев. В одном из его писем к Витте говорится: «Оставив педагогическую деятельность... я хотел все свое время отдать изданию газеты... Основной целью своей газеты я считал развитие начал протекционной политики, которую считал, как и до сих пор считаю, единственным способом спасения России от увлечения политическими бреднями и путем к верному прогрессу».

Витте в «Конспекте лекций» подробно рассмотрит все возможные виды протекционистских мер правительства, не скрывая того, что протекционизм – явление противоречивое. Высокий

таможенный тариф не только защищает национальную промышленность от внешней конкуренции, но и удорожает иностранные изделия, русский житель за многое, что покупает, платит значительно дороже, чем иностранный. Так, за пуд чугуна англичанин платит 26 копеек, американец – 32 копейки, а русский – 90 копеек. Высокие цены по причине монополизма преобладают и на отечественные продукты. Вследствие этого в стране повышаются издержки производства, возрастает стоимость жизни, напрягается до крайности платежная способность населения, сокращается потребление. По этой причине, опасается Витте, развитие промышленности может прекратиться.

Итак, дилемма: отказ от протекционной системы, равно как и ее сохранение приводят к одному результату – угрозе нарождающейся, но еще не окрепшей промышленности. Чтобы развить промышленность в России до уровня европейских стран, необходима национальная потребность. В Европе при малой земельной площади переизбыток населения требовал организации промысловых и промышленных предприятий, иначе страны просто не могли выжить. Для них развитие промышленности не идея, а материя, а в России таких обстоятельств нет. Население живет при малой плотности, расселяется на свободных землях, довольствуется скудным достатком от крестьянского труда и местного промысла. Вот и получается, что обрабатывающая промышленность нужна лишь правительству, а массам населения – нет. Оно и без нее прожить может, была бы потребность, будет и промышленность, найдутся и капиталы.

Логика развития западных стран очевидна. Однако, размышлял Витте, если национальная потребность составляет там мотив развития промышленности, то ее надо сформировать и в России. Пускай даже искусственно. В частности, путем огромнейшего по масштабам железнодорожного строительства за счет казны, которая будет давать заказы для частных предпринимателей. Но новая промышленность не может вырасти в короткий срок. Поэтому и покровительственные пошлины должны продолжаться годы, для того чтобы успеть привести к положительному результату.

За несколько лет Витте смог убедиться, что таможенный тариф 1891 года сам по себе был не столь эффективным средством развития промышленности в стране с крепостническими пережитками, как он предполагал раньше. Но, несмотря на все трудности, Витте и не помышляет об ослаблении протекционной

системы, поскольку ее альтернативой считает гибель молодой русской промышленности.

Интересен инцидент, который произошел в 1894 году и получил название «таможенной войны с Германией». Предстояло заключить торговый договор между странами на десять лет, готовил его и вел переговоры Витте. Немецкая сторона провела через рейхстаг таможенный тариф, по которому имелись двоякие ставки – минимальные и максимальные. Первые были применены к большинству иностранных государств. России было поставлено нечто вроде ультиматума: или примите наши условия, или мы будем брать с вас максимальные ставки (что было невозможно). Витте возмутился такой постановкой вопроса и прервал переговоры, после чего попросил у Александра III разрешения провести через Государственный Совет два тарифа: существующий с 1891 года, признававшийся минимальным, и другой – повышенный, таким образом сделав то же, что и Германия.

Позиция Витте вызвала переполох в Петербурге: многие боялись, как бы применение повышенного тарифа не повлекло за собой дипломатических, а затем и военных осложнений. Немцы были уверены, что Витте не решится на деле использовать повышенный тариф, но он проявил твердость. Возникла напряженная пауза, когда все экономические отношения с Германией прекратились.

Обратимся вновь к мемуарам Витте. Лето 1894 года, Петергоф. По случаю именин императрицы Марии Федоровны все сановники, министры, фрейлины и великие князья съехались в Большой Петергофский дворец, где была обедня, потом молебен и царский выход.

«Когда я вошел в залу, – пишет Витте, – то все от меня сторонились, как от чумы; повсюду шли толки о том, что вот я, с одной стороны, благодаря своему неуживчивому характеру, а с другой стороны – молодости и легкомыслию, втянул Россию чуть ли не в войну с Германией, что началось это с таможенной войны, а так как Германия не уступит, то все это, несомненно, кончится войной с Германией, а затем и общеевропейской, и я буду, если уже не есть, виновником этого бедствия».

Но Витте все просчитал. Он понял: «Германия, если мы покажем зубы, смирится и начнет вести переговоры совсем в другом тоне. Император Вильгельм II не желает разрыва с Россией, но так как почувствовал, что я не уступлю, а государь мне доверяет, то он начал вести примирительную политику. В конце концов

торговый договор состоялся, причем немцам пришлось сделать значительные уступки».

Это был дебют Витте на мировой сцене, который «очень всех в Европе удивил». При этом он заслужил похвалу Бисмарка, который хотя и был в отставке, но внимательно следил за происходящим. В «Воспоминаниях» говорится, что спустя некоторое время в Петербург приехал немецкий публицист Гарден, который находился в близких отношениях с бывшим германским канцлером, и что тот, мол, просил сказать, что «в последние десятилетия я первый раз встретил человека, который имеет силу характера, и волю, и знание, чего он хочет». В данном случае Бисмарк признал, что Витте «одержал полную победу над германской дипломатией». Насколько точно было это передано, сказать трудно, но Витте чрезвычайно гордился мнением выдающегося политика, которого он весьма почитал.

Под влиянием протекционистской, стимулирующей политики Витте в начале 90-х годов XIX века промышленность страны вступила в полосу невиданного ранее подъема. Он продолжался до 1900 года, когда сменился острым экономическим кризисом. Промышленный подъем был подкреплён рядом хороших урожаев (1893–1895 гг.). Большое значение для промышленности имело усиление железнодорожного строительства. Здесь новый бум (после 1860–1870-х гг.) привел к появлению еще 22 тысяч верст железных дорог, включая Транссибирский путь – крупнейшую в мире магистраль. Сооружение новых дорог способствовало экономическому развитию отсталых районов и расширению внутреннего рынка. За период 1891–1900 годов промышленное производство в стране удвоилось (с 1493 до 3083 миллионов руб.), при этом производство средств производства выросло вдвое, а выпуск предметов потребления – лишь на 40%. В 90-е годы особенно бурно развивалась тяжелая промышленность на юге страны. За счет усовершенствования техники производства производительность труда рабочих в обрабатывающей промышленности возросла на четверть. Объем промышленного производства сравнялся в денежном выражении с производством в сельском хозяйстве.

Экономический подъем был связан с возникновением многих новых предприятий и акционерных компаний. Пик учредительства приходится на 1899 год, когда начали действовать 156 русских и 37 иностранных фирм. В 90-е годы число действующих предприятий возросло в 2,5 раза, а их капитал – почти в 3 раза.

Так же быстро развивался банковский сектор, собственные капиталы коммерческих банков вместе с вкладами и текущими счетами выросли с 465 миллионов рублей в 1892 году до 813 миллионов рублей в 1900 году. Заметно увеличилась биржевая активность. «Веком акций, рент и облигаций» назовут это время.

Причины экономического бума 90-х годов, несомненно, были связаны с эффективной финансовой и промышленной политикой правительства. При почти запретительном таможенном тарифе 1891 года и установившемся твердом курсе рубля развитие крупной промышленности получило благоприятные условия. Кризис сельского хозяйства и расслоение деревни, ускоренное голодом 1891–1892 годов, выкинуло из деревни армию дешевых рабочих рук.

Русские крестьяне. Конец XIX века

Огромное железнодорожное строительство послужило базой для развития тяжелой индустрии. Наконец, продажа дворянских земель и введение винной монополии освободили значительный отечественный капитал. Благодаря низкому ссудному проценту на Западе и дешевизне рабочих рук в России сюда хлынул и поток иностранных капиталов. Казна, принявшая на себя высшее руководство народным хозяйством, казалось, создала наконец прочную базу, укреплявшую самодержавный строй.

Действительно, верхние слои общества – дворянство, крупная буржуазия, чиновничество – заметно повысили уровень благосостояния и не проявили никакой оппозиционности к правительству. Витте, искусно лавируя среди противоположных иногда интересов землевладельцев и буржуазии, оказывал существенную поддержку и тем и другим.

Покровительство помещикам носило многообразные формы: это и понижение поземельного налога в 1896 году, и создание благоприятных условий для сбыта зерна, удешевление кредитов для хлебных производителей и торговцев. Государственный банк широко практиковал выдачу ссуд под хлеб, снижались тарифы на железнодорожные перевозки сельхозпродукции.

Наконец, землевладельцы продолжали получать через Дворянский банк крупный ипотечный кредит, процентная ставка которого была снижена с 4% до 3,5%. Такая исключительная дешевизна создавалась за счет ежегодных приплат Дворянскому банку из госбюджета.

Стремясь создать благоприятные условия для отечественной промышленности, Витте в то же время считал необходимым усилить экономическое влияние самого правительства и заставить буржуазию почувствовать, «что ее счастье и несчастье неразрывно связано с самодержавным строем». Сам факт усиленного железнодорожного строительства отчасти был обусловлен стремлением влиять на промышленность, предоставляя ей выгодные заказы. И действительно, казна являлась самым крупным потребителем продукции тяжелой индустрии. В 1900 году, например, ее потребление составляло почти половину всей горнозаводской выработки.

Но, несмотря на все меры государственного регулирования, промышленный подъем сменился кризисом, который можно оценивать как кризис перепроизводства. Он начался в 1898 году как финансовый и биржевой, а в 1900 году превратился в промышленный. Падение производства с 1901 года приняло массовый характер. Тогда еще не была разработана антикризисная система регулирования, даже на Западе она появилась лишь после Великой депрессии 30-х годов. Перепроизводство прежде всего обнаружилось в тяжелой промышленности, особенно связанной с железнодорожным строительством, темпы которого заметно снизились. Следует заметить, что в том же 1901 году начался и промышленный кризис в Западной Европе.

Экономический кризис проявился в падении цен на промышленную продукцию. Правда, Министерство финансов изображало это как желательный результат развития промышленности, однако сознавалось, что главные причины все же были связаны с отставанием развития аграрного сектора и узостью внутреннего рынка, а также со спекуляциями и злоупотреблениями частного предпринимательства.

Кризис показал иллюзорность некоторых расчетов, недооценку отрицательных явлений в экономике. В августе 1899 года Витте опубликовал заявление, в котором говорилось, что в последнее время на русских биржах замечается резкое падение цен многих бумаг, преимущественно дивидендных. По поводу настоящего положения вещей Министерство финансов считает необходимым заметить, что Государственное казначейство и Государственный банк находятся в отличном состоянии. Общее положение промышленных предприятий вполне удовлетворительно, причем замечается чрезвычайный рост промышленности, обеспеченный непрерывно возрастающим спросом и таможенным ограждением от иностранной конкуренции. Урожай, являющийся одним из главных оснований платежной и покупательной силы населения, в общем удовлетворителен. «При указании благоприятных условий нашей внутренней экономической жизни не может быть и речи о возможности возникновения какого бы то ни было общего торгово-экономического кризиса», – утверждал Витте.

Что это, казенный оптимизм министра финансов? Скорее неточная оценка ситуации. Вскоре после этого заявления произошло крушение предприятий фон Дервиза и Мамонтова, за которым последовал целый ряд подобных крахов.

Для поддержки ведущих предприятий во время кризиса Министерство финансов прибегло к интервенции на бирже, к выдаче ссуд, но главное – к нормированию производства. При помощи казенных заказов правительство почти на 60% обеспечивало работу крупнейших предприятий металлургии и машиностроения. В связи с этим заметно усилился процесс монополизации промышленности. Особенное развитие получили сбытовые монополии, поскольку они способствовали нормированию производства и преодолению кризисных явлений. Тесное сращивание интересов монополий и государства привело к формированию уникальной системы государственного капитализма в России.

Это выражение используется нынче для отражения российской специфики бизнеса. Сравнительно недавно в журнале «Эксперт» была опубликована статья С. Воробьева «Защита от государства», посвященная проблеме отношений бизнеса и власти, которую автор назвал «центральной». Автор говорит о современных проблемах становления полноценных рыночных отношений, но, видимо, не подозревает, что аналогичные проблемы были и столетие назад.

«"Русские шахматы" – особо сложная игра. В нее увлеченно играет бизнес со своим основным противником – государством. В "русских шахматах" фигуры расставляет тот, кто играет "белыми", и так, как он хочет. Он же определяет и количество фигур. Очень трудно играть "черными", поскольку неизвестно, как расставлены фигуры и сколько их. Да и игра в основном ведется не на доске, а за кулисами или под столом».

Умение работать с государством – добывать заказы и льготы, строить схемы, перераспределять бюджетные средства и кредиты – позволяет выживать и даже расти. Наиболее успешны те предприниматели, которые имеют доступ к рынку привилегий. Среди них есть «ферзи» – разносторонние и мощные фигуры, и «слоны» – примитивно оперирующие средствами подкупа.

Конечно, и во всех странах Запада бизнес тесно связан с властью, идет лоббирование частных интересов, известна проблема коррупции, но масштабы явлений разные. Очевидно, что возможности многократно возрастают в стране с полуфеодалными отношениями, где ключевые позиции в экономике сохраняют государственные чиновники, играющие «белыми». Они распоряжаются общественной собственностью как своей и, что хуже всего, по ходу нередко меняют правила игры. В таких условиях нормальный бизнес проигрывает, в выигрыше остается лишь узкая группа так называемых олигархов. Но и их положение нестабильно, при переменах во властных структурах они могут потерять нажитое «непосильным личным трудом».

Менталитет российского чиновничества традиционно был антибуржуазным. Еще со Средних веков купечество относилось к «подлому» сословию, социально-политический статус предпринимателей был невысок, и такое положение сохранялось даже в

начале XX века, когда буржуазия стала играть ведущую роль в экономике. Однако русская буржуазия оставалась очень тонкой социальной прослойкой в обществе и к тому же как класс не была консолидирована.

Подчиненное положение предпринимателей, их зависимость от чиновников были естественной почвой для коррупции, взяточничества, что имеет в России богатую историю. Вот запись из дневника генеральши Богданович от 20 декабря 1897 года:

«Вишняков говорил, что в Министерстве финансов уже была комиссия для разбора дела о взятках в Департаменте мануфактур. Председательствовал Витте. Избрали двух лиц – Кобеко и Жуковского, чтобы они сделали расследование. Оказывается, что в этом департаменте: вице-директор, пять начальников отделений, у которых 5 помощников, – и все взяточники. Вот позор! Вишняков сказал, что он знает лиц, которые составляют целый синдикат для проведения дел в министерстве. Указавшему на дело лицу платится 10 тысяч рублей (т. е. тому, кто принес дело в синдикат), остальные, и это лицо в том числе, делят 90 тысяч рублей, которые уплачивает тот, кто желает получить дело. Бывают дела и подешевле».

К вопросу о коррупции в государственном аппарате и анализу причин мы еще вернемся. Витте и директор департамента Ковалевский не были замешаны во взяточничестве, в противном случае этим бы непременно воспользовался кто-то из многочисленных противников Витте, чтобы его устранить. Можно говорить о том, что Витте был озабочен этой проблемой и избавлялся даже от весьма ценных сотрудников, если на них падала тень подозрений, как это было, например, с директором Департамента железнодорожных дел В. В. Максимовым в деле Мамонтова, о котором пойдет речь ниже. Министр финансов также понимал, что среди главных средств борьбы с коррупцией необходимо создание более четкой правовой базы предпринимательской деятельности, сужающей возможности для бюрократического произвола.

Так, главное препятствие во времена Витте в открытии новых и расширении действующих предприятий состояло в необходимости «испрошения» на то предварительного разрешения местных администраций, а нередко и центральных учреждений. Причем все было сопряжено с большими проволочками и расходами, включая взятки. Ситуация усугублялась тем, что вопросы эти находились в ведении мало компетентных в экономике

чиновников Министерства внутренних дел, а законодательство очень различалось по губерниям.

Еще в конце 1892 года при Департаменте торговли и мануфактур была учреждена комиссия для рассмотрению вопроса «об устранении стеснений в учреждении промышленных предприятий». Подготовленный ею проект правил в 1894 году был передан в заинтересованные ведомства. Из-за обилия критических замечаний, в особенности со стороны Министерства внутренних дел, доработка проекта очень затянулась. Лишь через шесть лет Витте смог подписать представление в Государственный Совет «Об особых постановлениях, касающихся устройства и содержания промышленных заведений».

Основная идея заключалась в том, что руководство всеми делами этого рода передавалось созданному в 1899 году Главному присутствию по фабричным и горнозаводским делам, одноименным губернским присутствиям, а в некоторых случаях – чинам фабричных инспекций, находившимся под влиянием Министерства финансов. Представление это Госсовет рассматривал более трех лет, опять было много возражений, но, поскольку интересы промышленности настоятельно требовали этого, было решено ввести предлагаемый Минфином порядок во временном варианте – на пять лет – с 1 января 1905 года. Так медленно крутилась бюрократическая машина.

Одной из приоритетных задач Витте считал обновление законов, определяющих порядок акционерного учредительства и деятельности бирж. В конце 1894 года для этих целей тоже была создана особая комиссия под председательством видного специалиста в области финансового права П. П. Цитовича. Сложившуюся тогда практику рассмотрения и предварительного утверждения уставов акционерных обществ в Комитете министров Витте характеризовал как произвол, прежде всего имея в виду отсутствие четкой правовой основы и мелочную регламентацию. Министр финансов не раз поднимал вопрос о введении явочной системы при образовании акционерных обществ, но, как он пишет в «Воспоминаниях», «всегда встречал затруднение в Министерстве внутренних дел вообще и Плеве в частности и особенности».

Предварительный вариант нового закона комиссия Цитовича подготовила к началу 1896 года. В марте того же года Витте, выступая при обсуждении проекта, отметил, что акционерного законодательства в России «можно сказать, совсем не существу-

ет», и рекомендовал избегать крайностей в будущих рекомендациях комиссии», подчеркнув, что «излишние строгости принесли бы скорее вред, нежели пользу». Лишь в июле 1898 года Цитович наконец представил Витте проект нового Положения об акционерных предприятиях, однако дальнейшее продвижение проекта было задержано. Витте считал проведение его нежелательным, поскольку не было надежд на отмену ограничений для акционерных компаний. Было решено добиваться этой цели другим путем.

К апрелю 1901 года Минфин разработал новый законопроект – Временные правила «Об изменении и дополнении действующих постановлений об акционерных компаниях», по которым, в частности, уставы компаний могли утверждаться министром финансов (а не царем). Но и этот проект вызвал возражение ведомства, надежда преодолеть противодействие была ничтожна, и Витте вынужден был отказаться от проекта вообще.

В это время в практике акционерного учредительства было много злоупотреблений со стороны учредителей, крупных акционеров и директоров компаний. Поэтому в начале 1902 года в Государственном Совете при обсуждении проекта закона «Об упрочнении деятельности частных банков» выдвигалось требование «решительных ограничений в деле учредительства акционерных компаний», но Витте решительно отверг эти поправки. Такая же картина складывалась в отношении многочисленных торговых домов, деятельность которых регулировалась не законоположениями, а лишь практикой коммерческих судов и решениями Сената.

Что касается биржевого законодательства, то Министерством финансов признавалась его полная неудовлетворительность. Законоположение о биржах было принято еще в начале XIX века и с тех пор практически не менялось, отсюда его чрезвычайная неясность и неполнота, возможности для злоупотреблений и махинаций. Биржа в этих условиях не могла реализовать в полной мере такую важнейшую функцию, как правильное ценообразование. Было решено подготовить Биржевой устав, и в октябре 1895 года для этого создали комиссию. Витте объяснил, что он рассматривает будущий Биржевой устав прежде всего с позиций эффективности работы фондовой биржи, и указал на наличие на фондовом рынке «явлений, опасных для общества».

Комиссия работала над общим Биржевым уставом, предназначенным для всех бирж России и регламентировавшим опе-

рации как с фондами, так и с товарами. В 1896 году был подготовлен окончательный вариант проекта, в соответствии с которым биржам как предпринимательским организациям предоставлялась значительная самостоятельность, что было характерно для большинства бирж Запада.

Однако середина 90-х годов в России была периодом разгара биржевого ажиотажа и многих махинаций. В этих условиях Министерство финансов считало неуместным давать биржам большую свободу и, вслед за Германией, сочло необходимым подчинить их своему влиянию. Поскольку стало ясно, что быстро переделать и согласовать с многочисленными ведомствами устав не удастся, было решено переключить внимание на подготовку правил, специально регламентировавших фондовые операции, причем лишь на главной столичной бирже. Эти «Правила» удалось подготовить и утвердить только к лету 1900 года.

Фондовые операции были подчинены жесткому контролю Минфина, товарные же операции так и не получили современной правовой нормировки, не были приведены в систему «с целью придать коммерческим сделкам возможную ясность и определенность», как это признавалось необходимым изначально.

Стремление Витте цивилизованно облегчить и упорядочить деятельность предпринимательских структур наталкивалось на бюрократические препятствия, преодолеть которые удавалось далеко не всегда, несмотря на энергию и авторитет министра финансов. Единственное, что удавалось с помощью тех же правил, – блокировать усиление бюрократического пресса на предпринимателей. Но в целом картина оставалась печальной – правовые нормы крайне медленно входили в практику, оставляя простор для бюрократического произвола и бесконтрольности.

Успех в реализации «Программы 1893 года» в немалой степени зависел от тесноты связей с представителями торгово-промышленного мира. Поэтому Витте большое внимание уделяет созданию в центре и на местах системы совещательных организации – «ради достижения более полного согласования мероприятий правительства с потребностями практики». В стране и прежде существовали биржевые комитеты, съезды промышленников, но, как отмечал Витте, «громадное большинство лишь фиктивно». Все эти организации в период министерства Витте получили заметное развитие: с 1895 по 1904 год по стране образовалось 39 новых биржевых комитетов, а число отраслевых съездов удвоилось.

Кроме того, стали возникать и организации нового регионального типа – порайонные общества заводчиков и фабрикантов. Первым стало в 1897 году Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, в 1906 году переименованное в Петербургское общество заводчиков и фабрикантов. Окончательно сложилось известное размежевание их роли и функций.

Биржевые комитеты, кроме выполнения прямых задач – регулирования работы бирж, обычно защищали экономические интересы предпринимателей своих районов. Съезды промышленников выражали интересы отдельных отраслей промышленности как в местном, так и во всероссийском масштабе. Общества фабрикантов и заводчиков, являясь органами работодателей района, как бы своеобразным профсоюзом, главное внимание уделяли рабочему вопросу. При Витте их деятельность всячески стимулировалась – не случайно их быстрый рост и усиление влияния пришлись именно на этот период.

Любопытная деталь: Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 года собрался во время работы выставки-ярмарки в Нижнем Новгороде по инициативе самого министра финансов. Кроме представителей купечества и промышленников, «в его работе приняли участие ученые и государственные чиновники». Во время обсуждения экономической политики правительства прозвучала критика, связанная с отказом министра финансов удовлетворить ходатайство предпринимателей о расширении срока кредитов Государственного банка. Во время дискуссии слово взял Д. И. Менделеев и, отстаивая свою точку зрения, запальчиво сказал: «С моими взглядами не соглашается купечество, а вот царь солидарен, да!» Вдруг вышел Савва Морозов (известный меценат, «мятежный фабрикант») и отчетливо, с ядовитой вежливостью заявил: «Выводы ученого, подкрепленные именем царя, не только теряют свою убедительность, но даже компрометируют науку». Морозов, который, кстати, был председателем организационного комитета Нижегородской ярмарки, продиктовал текст телеграммы министру финансов. Она была резка, дерзка, но, к удивлению купечества, министр уже на другой день удовлетворил их ходатайство.

Процессы консолидации предпринимателей для отстаивания своих интересов оказались сложны и затянулись вплоть до 1917 года, но буржуазия отвергла бюрократические методы

решения своих проблем. Тем не менее вошло в практику постоянное участие предпринимателей в работе особых совещаний в правительстве, проводимых по инициативе Министерства финансов. Предприниматели все настойчивее требовали создать в России систему повсеместного и обязательного представительства предпринимательских интересов, аналогично той, которая существовала на Западе в виде торгово-промышленных палат. Для обсуждения проблемы Министерство финансов созвало специальное совещание представителей биржевых комитетов, комитетов торговли и мануфактур, купеческих управ, но никаких практических результатов это совещание не имело. Торгово-промышленные палаты так и не появились в дореволюционной России.

*Всероссийская промышленная
и художественная выставка-
ярмарка в Нижнем
Новгороде. 1896*

Поощряя и направляя деятельность предпринимательских организаций, Министерство финансов и его глава ограничивали круг проблем вопросами организационно-технического характера, социально-политические темы не обсуждались, формирование политических организаций буржуазии пресекалось в силу полной лояльности министра самодержавию.

Одной из актуальных тем взаимодействия правительства и предпринимателей в конце XIX – начале XX века был вопрос регулирования отношений труда и капитала. Здесь Витте проя-

Первые монополии возникли в металлопромышленности. В 1882 году был организован союз рельсовых фабрикантов, объединивший металлургические заводы. В те же годы происходит монополизация в нефтяной отрасли. Фирма братьев Нобель – «Бранобель» – сумела утвердиться на российском керосиновом рынке – сначала совместно с Каспийско-Черноморским нефтяным обществом, а в 90-е годы и с группой «Бакинский стандарт» во главе с А. И. Манташевым. Они прочно контролировали внутренний рынок, вытеснив из страны американский «Стандарт ойл» и других конкурентов. Позже «Бранобель» стал безусловным монополистом в России.

В 90-х годах монополистические союзы разной степени устойчивости складываются в цветной металлургии, угольной, химической, пищевой промышленности и в машиностроении. Историк В. И. Бовыкин насчитал в эти годы 34 монополистических объединения. В оптовой торговле господствовали региональные монополисты. В 1896 году в официальном «Очерке о Нижегородской ярмарке», например, утверждалось: «Дух монополии до такой степени распространен на Нижегородской ярмарке, что новому человеку, не принадлежавшему к обществу "Макарьевских торговцев", трудно и почти невозможно торговать там, если он не захочет или не сумеет войти в стачку с прочими».

После Витте в начале XX века процесс монополизации усилился. Овладев внутрироссийским рынком, монополии прибегли к самому легкому и быстрому способу получения прибылей – ограничению производства и взвинчиванию цен. В 1911 году заводы юга России сократили производство рельсов на 20%, повысив цены на 40%. Начиная с 1904 года, после образования синдиката «Продамет», в России не было построено ни одного крупного металлургического предприятия, напротив, закрывались действующие. С предприятий синдиката взымались штрафы за превышение квоты производимой продукции, а цены росли. То же и с нефтью: цена пуда нефти с 1902 по 1912 год возросла в 6 раз, а добыча значительно уменьшилась, результатом чего стал топливный и металлургический голод перед Первой мировой войной.

Укрепление позиций крупного капитала в начале XX века начинает изменять отношение промышленников к традиционным принципам вмешательства государства в экономическую жизнь: их все более тяготят сложившиеся в XIX веке формы государственной опеки и бюрократических регламентаций. Вмеша-

тельство государства магнаты старались откорректировать в соответствии со своими интересами, но их стремления сталкивались с собственными представлениями государственных чиновников, которые прочно усвоили мысль о решающей роли административных решений в хозяйственной жизни страны.

Почему же Витте не принимал мер к ограничению монополий? В 1890 году в США был принят антитрестовский закон Шермана, который предусматривал уголовное преследование за монополизацию рынка, а в России подобный закон появился лишь сто лет спустя, в 1991 году. Можно полагать, что Витте, с целью быстрого развития промышленности, делал ставку на крупные предприятия, которые были носителями передовых технологий, обладали большими капиталами и другими возможностями. В силу этих причин он не пытался бороться с монополизмом, закрывал глаза на неизбежные злоупотребления. Так в России в начале XX века складывается государственно-монополистический капитализм, который стал предвестником советской экономики.

Любопытна в этом плане мысль В. И. Ленина, высказанная в сентябре 1917 года: «Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо и неизбежно означает шаг к социализму».

Формы поддержки правительством отечественных предпринимателей при Витте были весьма разнообразны. Сосредоточив за счет быстрого роста бюджета в своих руках огромные финансовые ресурсы, Министерство финансов вело огромное железнодорожное и военное строительство, выдавая государственные заказы предприятиям различных отраслей. Причем казна оплачивала свои заказы гораздо щедрее, чем вольный рынок. Так, при строительстве Транссибирского пути при Министерстве финансов возник специальный комитет для распределения заказов на рельсы и подвижной состав дорог. По данным экономиста И. Х. Озерова, для 1897 года комитет установил цену за пуд рельсов в 1 рубль 18 копеек, а в 1903 году – 1 рубль 23 копейки, тогда как некоторые частные заводы изготавливали их за 89 и даже 77 копеек за пуд, а в Англии они стоили 50 копеек (при том, что отечественные рельсы не выдерживали более десяти лет, а английские требовали замены лишь через тридцать). Такая же картина наблюдалась при заказах военного и морского ведомств.

Как уже отмечалось, одной из самых эффективных форм поддержки предпринимателей была система налогообложения, которая носила щадящий для русского бизнеса характер, к тому же в трудные времена Министерство финансов спешило им на выручку.

Иллюстрацией может служить записка Витте 1901 года «По вопросу об оказании поддержки Обществу Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода». В ней говорилось: «Во время острого периода промышленного кризиса, с Высочайшего соизволения, последовавшего по всеподданнейшему докладу моему 12 ноября 1899 года, Государственному банку представлено, в отступление от его устава, принимать в залог, а равно и приобретать в собственность в условиях, утверждаемых в каждом отдельном случае Министерством финансов, облигационные выпуски таких акционерных предприятий, жизнеспособность которых не подлежит сомнению». В итоге Общество получило от Госбанка спасительную ссуду в 6 миллионов рублей.

Промышленники все более негативно оценивали правительственный фаворитизм по отношению к избранным, привилегированным предприятиям. Еще в 1902 году на съезде железнодорожников было высказано пожелание «не поддерживать искусственно нежизненные предприятия, чтобы не ставить их под стеклянный колпак казенных субсидий и заказов». Известный деятель А. А. Вольский утверждал тогда: «К сожалению, рост нашей обрабатывающей промышленности совершался, безусловно, уродливо. Западноевропейское промышленное покровительство на русской почве было превращено в промышленный непотизм. На первый план, по заведенному веками обычаю, выдвинулись лица – близкие или нужные люди, – а не дело».

Тем не менее правительство, используя ресурсы казны и рычаги государственной власти, продолжало оказывать помощь крупнейшим коммерческим банкам и отдельным промышленным предприятиям. Правда, делалось это, как принято в «русских шахматах», избирательно, очевидно, в зависимости от личных связей банкиров и промышленников с высшими чиновниками. О том, что не всякий, даже крупный, предприниматель получал поддержку, говорит и история краха С. И. Мамонтова.

Савва Иванович Мамонтов – крупный делец, промышленник и строитель железных дорог, известный меценат – в сентябре 1899 года был неожиданно для многих арестован и препровожден в тюрьму. Возник большой скандал, а судебное дело получило название «Мамонтовской Панамы». «Панама» – термин, ставший нарицательным для обозначения крупного политического и финансового мошенничества, когда подкупаются должностные лица. Название возникло после скандального дела 1888 года, связанного с деятельностью французской акционерной компании на сооружении Панамского канала. Основанием для ареста Мамонтова были непогашенные долги Петербургскому Международному банку. Министерство финансов назначило ревизию, вскрывшую нарушения в учете и расходе средств Московско-Ярославской железной дороги.

Витте лично хорошо знал Мамонтова и активно привлекал его к осуществлению крупных проектов. В частности, именно по рекомендации Витте Общество Московско-Ярославской железной дороги, которое возглавлял Мамонтов, строило в 90-х годах Северную дорогу до Архангельска.

А предыстория такова. Летом 1894 года Витте предпринял продолжительную поездку на Север, которая довольно подробно описана им в «Воспоминаниях». Цель поездки была связана с личным поручением по строительству главной военно-морской базы страны. Императору говорили, что на Мурманском побережье есть незамерзающая Екатерининская гавань, весьма пригодная для этих целей. Командируя министра финансов, царь высказал и «свою мечту» – чтобы на Север была проведена железная дорога для стабильного снабжения населения хлебом. Исходя из этих заданий, Витте подобрал себе спутников для путешествия, пригласил и Мамонтова, как уже известного железнодорожного строителя. Во время поездки Витте явно уговорил Мамонтова взяться за строительство, хотя были серьезные сомнения в экономической целесообразности проекта.

В печати тогда прозвучали насмешки и упреки: «Для чего строить дорогу – чтобы возить клюкву и морошку?» Но Мамонтов все же построил дорогу от Вологды до Архангельска, в сложных природно-климатических условиях и в рекордные сроки – около

трех лет. Эта железная дорога была необходима стране, она многое изменила в труднодоступном крае и особенно важную роль сыграла во время Первой и Второй мировых войн. С тех пор между министром и предпринимателем сложились тесные отношения, благодаря чему казна давала выгодные заказы и оказывала поддержку предприятиям Мамонтова.

Заметим, что Савва Иванович Мамонтов был нетипичным предпринимателем, его яркая артистическая натура и энергия находили применение во многих культурных начинаниях. В истории России он известен более как крупный меценат, поддерживавший многих художников и артистов. Его усадьба в Абрамцево под Москвой была в 80–90-е годы одним из главных центров русской культуры, а Мамонтов в художественных кругах получил

С. И. Мамонтов

имя «Саввы Великолепного», очевидно, по аналогии с известным флорентийским меценатом Лоренцо Медичи. Он пытался сочетать практические дела и искусство, что было трудно выполнимо. К середине 90-х годов относится письмо скульптора М. Антокольского к С. Мамонтову, которое прозвучало как предостережение: «Я думаю, что не Вы с Вашей чистой душой призваны быть деятелем железной дороги, в этом деле необходимо иметь кровь холодную как лед, камень на месте сердца и лопаты на месте рук».

Предприниматель такого масштаба непременно должен быть и политиком, хорошо ориентироваться в коридорах власти, знать и соблюдать правила «шахматной игры». Очевидно, этого и не хватило Савве Мамонтову, который не смог сопоставить свои возможности с требованиями дела.

Если проанализировать масштабы его деятельности в 90-е годы, то они просто поражают. Практически одновременно Мамонтов строит Северную дорогу до Архангельска, реконструирует Невский завод в Петербурге и Николаевский в Восточной Сибири, огромное внимание уделяет своей Частной опере, не говоря уж об активной художественной и общественной жизни, многочисленных поездках за границу! А ведь каждый большой деловой проект требует полного «погружения», личного участия, и внимания, с учетом факторов риска.

В начале 90-х годов Мамонтов выходит за рамки знакомых ему железнодорожных дел и берется за грандиозный проект, который закончится для него неудачей и приведет к краху. В 1890 году был арендован Невский судостроительный завод в Петербурге, на базе которого возникло «Московское товарищество Невского механического завода» с основным капиталом в полтора миллиона рублей. Смысл затеянного заключался в том, чтобы создать собственную производственную базу для железной дороги, начать выпуск паровозов и подвижного состава, которые тогда приходилось закупать в основном за рубежом по высоким ценам. Возникла идея создания концерна промышленных и транспортных предприятий. Это, по расчетам, могло сократить издержки на 12–17%, а также требовало постоянных заказов и крупных вложений на реконструкцию.

Дела шли туго. «Мне навязали Невский механический завод, а заказы дают, торгуясь, так что нельзя исполнить», – жаловался С. Мамонтов художнику К. Коровину. Сначала Мамонтов расходовал прибыль дороги, вкладывал личные средства, но их не хватало. Тогда он пошел на использование основных средств Общества Московско-Ярославской железной дороги, что было запрещено законом, но нередко происходило на практике.

В обвинительном заключении на суде утверждалось, что С. И. Мамонтов и другие члены прежнего правления Общества Московско-Ярославской железной дороги, поддерживая принадлежавшее им же «Товарищество Невского судостроительного и механического завода», совершенно произвольно субсиди-

ровали его деньгами Московско-Ярославской железной дороги и, таким образом, перевели из ее кассы заводу около 9 миллионов рублей.

Финансовые трудности усугубили провал с приобретением и реконструкцией Николаевского металлургического завода в Восточной Сибири. Строительство Транссибирской магистрали требовало много металла, и Савва Мамонов с сыном Всеволодом взяли на себя обязательства на поставки, получив под это от казны крупный кредит в 15 миллионов рублей. Они приложили много сил, но освоить намеченные мощности к 1897 году не смогли. Дело принимало критический оборот. Тогда Мамонов пошел по авантюрному пути: скупал уральское железо и, выдавая его за свое, продавал казне и частным лицам по повышенным ценам, что было чистой спекуляцией.

И все же финансовые ресурсы были истощены, а завод недостроен. Вместо прибыли появились новые долги. Коммерческий азарт подвел предпринимателя, который просто не справился с делом. Безвыходное положение заставило Мамонова пойти еще на один рискованный шаг: в августе 1898 года он продал Петербургскому международному коммерческому банку 1650 акций Московско-Ярославской железной дороги и одновременно получил ссуду под залог акций и векселей, принадлежавших семье. Таким образом, на карту было поставлено все.

Крах казался неминуемым, но Мамонову удалось добиться для Общества Московско-Ярославской дороги концессии на сооружение Северной железнодорожной линии Петербург–Вологда–Вятка, высокая доходность которой представлялась вне сомнений и должна была компенсировать недоборы Общества от Архангельской ветви.

Эта концессия была дана в законодательном порядке и утверждена Государственным Советом. Министры финансов и путей сообщения были хорошо осведомлены о переживаемых Обществом финансовых затруднениях и о том, как правление пыталось выйти из положения.

С получением концессии вроде все устраивалось, как вдруг над этим предприятием разразилась гроза, разметавшая в прах все надежды. То самое Министерство финансов, которое в лице Витте только что выступало в качестве инициатора передачи Обществу выгодной концессии, выступило, в лице того же Витте, с требованием отобрать ее. Это грозило финансовой гибелью железнодо-

рожному обществу. По инициативе Витте ветвь Петербург–Вятка предлагалось строить на средства казны. «Никаких новых данных, которые были бы в состоянии обусловить такой неожиданный поворот дела, в распоряжении министерства не было», – утверждал прокурор Московского окружного суда А. А. Лопухин. Он увидел в действиях Витте стремление покрыть неблагоприятные дела подчиненного чиновника и расчет, поскольку акции разорившегося Общества, в явное нарушение принципа неприкосновенности частной собственности, были принудительно отчуждены в казну по убыточной для акционеров цене.

«К репутации же С. Ю. Витте история так называемого мамонтовского дела, в глазах всех, кто знал его закулисную сторону, прибавила лишнее темное пятно обвинения в беззастенчивом выборе средств и в произволе», – пишет в мемуарах Лопухин.

Действительно, на суде выяснилось еще одно неблагоприятное дело Министерства финансов, которое сразу после ареста С. Мамонтова практически за бесценок (30% стоимости) выкупило в казну Невский завод. Если бы была дана настоящая цена, с учетом обновленного оборудования, то появилась бы возможность заметно поправить финансовое положение компании и, даже очевидно, избежать краха.

Можно только догадываться о мотивах такого поведения министра Витте. Есть версия, что тут сказались дворцовые интриги. Министр юстиции Н. В. Муравьев каким-то образом узнал о переводе денег из кассы железнодорожной компании в кассу Невского завода, что было юридически незаконно. И он решил уничтожить Мамонтова, подкосив этим и Витте. Узнав об этом, Витте якобы и принял свое решение. С другой стороны, Витте не мог не быть в курсе неблагоприятных дел Мамонтова, например операций с уральским железом. Может быть, он потерял доверие к предпринимателю и потому перестал его поддерживать.

Кроме того, лично за Мамонтовым числились огромные суммы: на суде фигурировали 766 тысяч рублей, по которым он не мог представить объяснений. Возможно, эти деньги были истрачены на какие-то благотворительные акции мецената, поскольку его личные расходы были относительно скромными. Правда, люди, хорошо знавшие его, имели на этот счет свое мнение. Поэт В. Брюсов так писал в своем дневнике: «Мамонтова все жалеют, говорят, что его недочеты – это взятки, которые он дал в высоких сферах».

Финансовое «вспомоществование» влиятельным чиновникам Мамонтов наверняка оказывал, и это было в порядке вещей. Ведь все проекты следовало утвердить в канцеляриях, а должностные лица без подобных «инъекций» могли похоронить любые начинания. Таковы были нравы.

Примечательно, что в обвинении на суде о даче взятки ничего не говорилось, поскольку это могло обнаружить коррупцию среди петербургской бюрократии.

«Воспоминания» не проливают свет на отношение Витте к Мамонтову. О нем сказано вскользь, в связи с упоминанием подчиненного Витте, директора Департамента железнодорожных дел: «Максимов человек способный, знающий, но любил различные аферы и запутался в деле постройки дороги, которое вел Мамонтов. Дело Мамонтова разбиралось в Московском суде, и Мамонтов должен был отсиживать под арестом, чуть ли не в тюрьме. Ввиду этого я вынужден был попросить Максимова оставить службу...»

Удивительная неосведомленность министра. Скорее всего, Витте только делал вид, что он не в курсе, ведь дело было очень громким, и Мамонтову пришлось пять месяцев отсидеть в тюрьме. Власти отнеслись к Мамонтову неоправданно строго: несмотря на резкое ухудшение здоровья, отказались принять крупный залог и перевести его под домашний арест.

Следственные органы проделали огромную работу, но документально доказать факты махинации в необходимой мере не смогли. Суд присяжных в итоге вынес по делу Мамонтова оправдательный приговор, что было с ликованием встречено общественностью. Однако «Савва Великолепный» был не только морально травмирован, но и финансово разорен, он вынужден был навсегда оставить предпринимательскую и меценатскую деятельность.

В истории краха Мамонтова до сих пор остаются темные места, но очевидно, что в его падении были заинтересованы конкуренты и некоторые крупные государственные чиновники.

Свидетель событий тех дней, П. А. Бурыйшкин, пишет в своих воспоминаниях: «Злоупотребления, несомненно, были, но с другой стороны, вся эта "Мамонтовская панاما", как тогда говорили, была одним из эпизодов борьбы казенного и частного железнодорожного хозяйства».

Вот где проявился фактор риска, который всегда сопутствует предпринимателю в России. Сработал бюрократический меха-

низм: в одних случаях глаза на нарушения закрываются, а в других спрашивается по всей строгости.

Есть косвенные подтверждения того, что Витте чувствовал свою вину в деле Мамонтова, но предпочел демонстрировать неосведомленность. Любопытная деталь. Повествуя в «Воспоминаниях» о своей поездке на Мурманское побережье, Витте довольно подробно говорит о попутчиках – о чиновниках Кази и Конкевиче, о художнике Борисове, но ни словом не упоминает Мамонтова, как будто того там и не было. Вряд ли это просто забывчивость, скорее нежелание вспоминать о деле, в котором он проявил себя не лучшим образом. Угрызения совести все-таки были знакомы Витте.

Так или иначе, но история краха С. И. Мамонтова – пример того, что даже крупные, известные предприниматели, тесно сотрудничавшие с министром финансов, могли и не получить необходимой поддержки. Непрочным, нестабильным было их положение – в силу отсутствия правовых гарантий и зависимости от изменчивости в отношениях с властными структурами.

ГОСУДАРСТВО КАК ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Государство в рыночном хозяйстве может играть две роли. Первая и главная, с точки зрения классической теории, заключается в создании необходимых условий для активной деятельности частных предпринимателей. Вторая состоит в том, что государство само становится предпринимателем и наряду с частным акционерным капиталом участвует в хозяйственной деятельности путем создания казенных предприятий и использования государственной собственности.

Государство при этом определяет и реализует общественные цели: развитие, структурную перестройку производства, смягчение отраслевых и территориальных диспропорций, стимулирование научно-технического прогресса. Это особенно оправданно в низкорентабельных отраслях, которые обычно не представляют интереса для частного капитала. Такая позиция государства в той или иной степени характерна для всех стран. В России же тогда сложилась специфическая ситуация, которая для преодоления отставания потребовала непосредственного активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь.

Казенное хозяйство в конце XIX – начале XX века играло чрезвычайно большую роль в экономической жизни России. Значение русской казны как хозяйственного организма особенно резко бросалось в глаза иностранцам. Американский экономист Джеконсон, издавший в Вашингтоне статистический обзор «Commercial Russian in 1904», так характеризовал экономическую роль российского правительства: «Никогда, может быть, в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была более широкой и всеобъемлющей, чем за последний период русской истории. Русское правительство с помощью центрального государственного банка контролирует финансовое положение страны: оно владеет и управляет 2/3 всей железнодорожной сети и 7/8 всех телеграфов. Почти 1/3 всей земли и 2/3 лесов еще в его непосредственном заведовании. Оно владеет наиболее ценными рудниками и обрабатывает на своих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продает все спиртные напитки, потребляемые свыше чем 120-миллионным населением, и скупает весь спирт, необходимый для народного потребления. Словом, русское правительство – самый крупный землевладелец, самый крупный капиталист, самый крупный строитель железных дорог и самый крупный предприниматель во всем мире».

Эти масштабы, так поразившие американского экономиста, не были чем-то исключительным в русской истории. Вспомним XVII век, когда казна московского царя была самой крупной торговой фирмой, монополизировавшей в своих руках винную, хлебную и соляную торговлю страны, а в области внешней торговли – целый ряд особо ценных товаров.

Так что Витте на посту министра финансов наследовал идеи своих предшественников, но если Н. Х. Бунге считал, что государство должно помогать частной инициативе и браться за предприятия, которые имеют общепользовательный характер, то И. А. Вышнеградский однозначно выразил суть позиции фразой: «Лишь государственной власти надлежит распоряжаться экономической судьбой России». Витте же практически реализовал эти идеи, создав за годы своего министерства многоотраслевое казенное хозяйство. Основой такого хозяйства служила государственная собственность, традиционно сохранявшая в России значительный удельный вес. Существовало специально Министерство земледелия и государственных имуществ, призванное управлять огромной собственностью, но не оно, а Министерство финансов при Витте

стало инициатором расширения этого хозяйства и повышения его роли в экономической жизни общества, развив государственное предпринимательство.

Установить в полной степени масштабы государственного предпринимательства при Витте непросто – нет сведений о важных отраслях казенного хозяйства, в частности о военной промышленности. Но можно говорить об изменении доли госсектора (неналоговых статей) в доходах бюджета. Если в 1885 году эта доля составляла около 10%, то в 1905 году – более 50%.

Из предприятий, находившихся в руках казны до Витте, более или менее существенный доход приносили чеканка монеты, почта и телеграф, отборочные статьи и казенные леса. За годы его министерства, вследствие общего оживления промышленности, все они усилили поступления в бюджет, но все равно эти поступления оставались невелики. Витте поставил целью сконцентрировать в руках государства такие отрасли народного хозяйства, которые бы существенно увеличили доходы.

В начале XX века государственный сектор в отраслях был представлен так: в промышленности – горными, военными, спиртоводочными и лесопильными заводами (около 700 предприятий обрабатывающей промышленности); в отраслях инфраструктуры – железными дорогами, речными судами, почтой, телеграфной и телефонной связью; в лесном хозяйстве – лесничествами, производящими заготовку и продажу леса; в сельском хозяйстве – конезаводами и элеваторами; в кредите – Госбанком, Дворянским и Крестьянским земельными банками.

В числе прочих казенных предприятий значились шесть курортов на Минеральных водах Кавказа. В 1900 году был открыт и Сестрорецкий курорт под Петербургом.

Ведущим направлением государственного предпринимательства в России было железнодорожное хозяйство. Управлению железных дорог из казны выделялись средства на эксплуатационные расходы, которые покрывались поступлениями от оплаты грузо- и пассажироперевозок. Оплата определялась тарифами Министерства финансов, которые устанавливались с участием представителей железных дорог и потребителей.

Расширение железнодорожного хозяйства, принадлежавшего казне, как путем строительства новых дорог, так и выкупа в казну частных, обеспечило увеличение доходов почти в четыре раза – со 120 миллионов рублей в 1893 году до 453 миллионов рублей в

1904-м. Но и расходы бюджета на железнодорожное хозяйство были тоже велики. Если учесть платежи по займам, эксплуатационные издержки казенных дорог, приплаты по гарантии доходности частных дорог, расходы по улучшению казенных дорог и приобретению подвижного состава, содержание контроля, то общая сумма расходов возросла тоже почти вчетверо. Поэтому можно признать, что за время министерства Витте железнодорожное хозяйство, значительно увеличив бюджет государства, не принесло крупной прибыли казне, наоборот, с 1900 года расходы стали превышать доходы.

Основной причиной возраставшего дефицита железнодорожного хозяйства являлось то, что Россия строила много дорог, в которых не было экономической необходимости. К их числу Витте относил стратегические ветви в Царстве Польском и Западном крае, Уссурийскую и Среднеазиатскую ветви, южную ветвь КВЖД, Оренбургско-Ташкентскую линию. Они строились по требованию Военного министерства, но впоследствии сыграли значительную роль в социально-экономическом развитии окраин России.

Другим важным источником доходов казны была реализация винной монополии. Как уже отмечалось, государство скупало у частных винокуренных заводов спирт. Его очисткой и изготовлением водки занимались как казенные, так и частные заводы, но под контролем чиновников Минфина, а продажа водки и вина осуществлялась казенными предприятиями – складами и винными лавками. Доходы бюджета от «винополии» при Витте также заметно выросли, но породили и проблемы, связанные с ростом потребления крепких напитков.

На третьем месте в формировании доходов казны находились предприятия связи: почта, телеграф и телефон. Здесь преобладала фискальная политика. Качество услуг было низкое, а цены росли. Получая возрастающую прибыль, государство вкладывало мало средств в развитие отрасли. По сравнению с другими странами уровень расходов в госбюджете на почту и телеграф был самым низким. Если во Франции эти расходы составляли 7%, а в Германии – 12%, то в России – 2%.

Существенный вклад в казну вносило лесное хозяйство. Государственные предприятия занимались заготовкой, распиловкой и сбытом лесоматериалов казенным и частным потребителям. Лесной департамент входил в состав Министерства земледелия и давал до 80% его доходов, которые потом частично шли в сельское хозяйство.

Казна считала необходимым содержать конезаводы для армейских нужд, хотя заметных доходов в бюджет они не приносили.

Доходы в бюджет от казенной промышленности были невелики – около 2%, но она все же играла существенную роль и была связана в основном с военным производством. Ряд крупных казенных заводов, такие как Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский и Обуховский в Петербурге, относились к Морскому министерству. Оружейные Тульский, Сестрорецкий и Ижевский заводы, Пермский оружейный завод, а также пороховые и патронные – к Военному министерству. Данные о деятельности военных заводов не публиковались из-за секретности производств, поэтому установить точное их число и объемы производства сложно.

Большое значение для казны имели горные заводы, которые давали больше прибыли, чем военные. Государство стремилось перевести казенные заводы на «коммерческие основания»: им предлагалось определить себестоимость выполнения заказа, а к ней добавлять 15% на прибыль. Из прибыли осуществлялась модернизация производства, 10% прибыли предназначалось на премии администрации. Это была попытка приспособления, но не рыночный режим хозяйствования.

Горным предприятиям под объемы производства давалась из казны ссуда в виде «операционного кредита», которую те должны были возвращать после реализации продукции. Целевым назначением выделялись средства на реконструкцию заводов, капитальный ремонт, приобретение оборудования. Эти капитальные вложения шли сверх прибыли предприятий. Горный департамент ставил в заслугу казенным заводам особое качество продукции и низкие, по сравнению с частными, цены. Однако они проигрывали из-за худшей организации и неэффективного управления производством, устаревших технологий. В документах ревизий указывалось на неполный учет расходов и плохую его организацию, огромные производственные запасы, хищения и пр.

На военно-морских заводах учет был поставлен еще хуже, что было связано с длительным циклом строительства судов (до 7 лет). При выполнении заказов денег, по сути, не считали, а стоимость определялась по фактическим затратам, которые администрация заводов обычно завышала, поскольку от этого зависел размер получаемых ею премий. Этот принцип «затратной экономики» был воспроизведен позже и в советской оборонной промышленности.

Бесхозяйственность на казенных заводах проявлялась многообразно, например в делопроизводстве. Вот как описывал порядки на заводах морского ведомства в начале века журнал «Морской сборник»: «О том, как ведется отчетность в казенных адмиралтействах, едва ли нужно говорить! Скорее можно удивляться, для чего она ведется? Всякий знает положенный в основу принцип: отчетность сама по себе, а постройка сама по себе. И вот казенная бухгалтерия выводит себе из всех этих бумаг, что ей хочется, а судно строится, можно сказать, как будто этой отчетности не существует, ибо никто из наших инженеров до сего времени ни одного отчета о постройке нашего военного судна никогда не видел». А между тем в европейских странах такие расчеты велись scrupulously. Так, по сведениям комиссии Государственного Совета, сравнительная стоимость одной тонны водоизмещения бронированного крейсера в Англии в 1900 году составляла 674 рубля, в Германии – 761 рубль, а в России эта стоимость фактически была неизвестна до тех пор, пока корабль не вступал в строй. «По приблизительно исчисляемой Морским министерством стоимости линейные корабли и крейсера обойдутся от 1000 до 1300 рублей за тонну водоизмещения», – гласит бумага, обнаруженная в Центральном архиве ВМФ.

Причины сохранения таких порядков в казенной промышленности были связаны и с интересами крупных чиновников в министерствах, также регулярно получавших премии от дутых прибылей. После Октябрьской революции положение, по сути, не изменилось. Казенные предприятия не было необходимости национализировать. На место прежних пришли красные директора, которые с помощью той же технической интеллигенции осуществляли производство, используя старые методы.

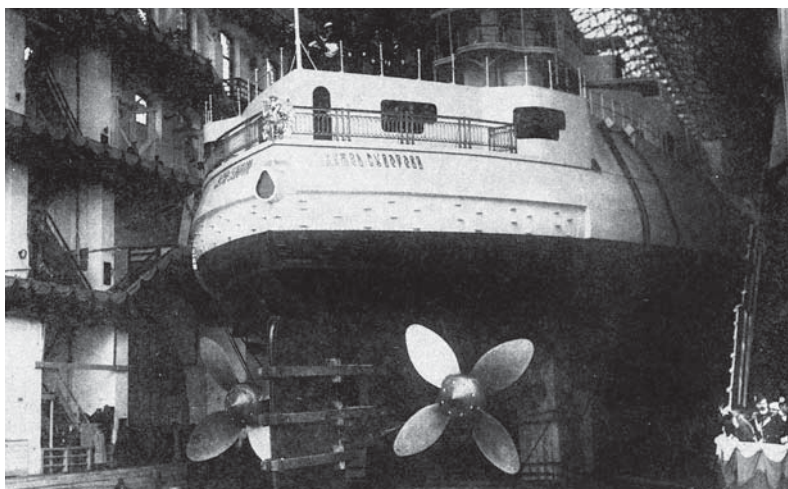
Сопоставление государственного и частного предпринимательства в разных отраслях народного хозяйства дает неоднозначные результаты. В некоторых случаях казенные предприятия работали не хуже, а то и лучше частных. Например, Балтийский завод в Петербурге славился сильными инженерными кадрами и техническими достижениями, именно здесь были впервые в России построены паровоз, самолет, собран первый автомобиль.

Однако, как правило, на казенных предприятиях было больше бесхозяйственности и потерь. Управляющие-чиновники, назначаемые сверху, не связывали себя, как это было у частных предпринимателей, с делом. Казенные предприятия, имея привилегии, не испытывали конкуренции и никогда не прогорали. Как позже заявил

в Думе министр торговли и промышленности С. И. Тимашев, «казенные заводы имеют одно преимущество перед частными – они не могут обанкротиться».

Это важное «преимущество» на деле стало одним из главных тормозов в росте эффективности казенного хозяйства: предприятия не имели сильных стимулов для совершенствования организации производства, снижения себестоимости продукции. Иногда казенные заводы продавались частным предпринимателям и из убыточных превращались в доходные. Так было, например, при возникновении Путиловского завода в Петербурге.

На сохранение и расширение казенной промышленности чиновников толкали разные причины, в том числе и чисто политические, антибуржуазные по духу соображения. Как отмечал на

Станель Балтийского судостроительного завода

заседании Думы один из правых депутатов, «невозможно надеяться на господ капиталистов, которые во всякую минуту могут поставить точки над *i* и совершенно могут разбить нашу промышленность». Раздавались призывы к национализации заводов и рудников.

Активная роль казны в развитии народного хозяйства объяснялась нехваткой предприимчивости, недостаточными масштаба-

ми накопления капитала, незрелостью частнокапиталистической промышленности и необходимостью государству брать на себя те функции, которые на Западе брал частный капитал. С другой стороны, расширение казенного хозяйства правительство рассматривало в качестве основного противовеса возрастающему всесилию монополий в экономической жизни страны. Интересы промышленников расходились с интересами казны, немало терявшей на переплатах монополистам, поставлявших казенным предприятиям, железным дорогам и флоту уголь, металл, нефть. Известное «сдерживание» монополистического капитала правительство проводило, опираясь в первую очередь на мощную финансовую систему, которую возглавлял Государственный банк.

Оценивая попытки расширения государственного вмешательства в экономическую жизнь России, нужно обратить внимание на то, что они имели не наступательный, а оборонительный характер и были нацелены преимущественно на пресечение последствий нежелательных для казны действий монополий. Правительство разными путями пыталось сдерживать укрепление позиций монополистических объединений, и в этом оно не было оригинально: правительство Германии на определенном этапе развития тоже насаждало казенные предприятия в промышленности, противопоставляя их картелям.

Антикартельные тенденции правящих кругов объективно способствовали сплочению руководителей различных монополистических объединений. Но процесс этот был очень противоречивый. Конкуренция и разногласия ослабляли воздействие крупного капитала на правительство, и оно иногда удачно лавировало, используя узкокорыстные интересы отдельных групп.

Расширение казенного хозяйства в новых отраслях, несомненно, тревожило промышленников. Так, например, в 1906 году появилось заявление: «Московское биржевое общество всегда отрицательно относилось ко всем промышленным предприятиям, которые ведет казна. Все казенные железные дороги, железодельательные заводы, судостроительные заводы, очистительные, ректификационные заводы работают хуже, чем частные заводы. Поэтому Московский биржевой комитет не может не высказаться против того, чтобы казна пускалась на новые коммерческие дела: мы полагаем, что самое лучшее, если дело останется, как было, чтобы казна не бралась за новое дело, так как в противном случае она может оказать вам, покупателям нефти, медвежью услугу».

Решительно против казенного хозяйства были настроены многие крупные предприниматели. Так, Ю. П. Гужон предлагал «распродать или закрыть казенные горные и механические заводы, ничего не приносящие кроме убытков для казны, вследствие их бесхозяйственности, передать в арендное содержание казенные дороги, дающие прибыль, с тем чтобы они были в кратчайший срок развиты и оборудованы до требуемого размера». Другие предлагали поставить казенное предприятие в условия нормальной конкуренции с частным, но и эти компромиссные предложения не были приняты во внимание правительством. И казенные железные дороги, и заводы продолжали действовать на прежних основаниях.

А торгово-промышленные круги упорно доказывали правительству, что развитие экономической жизни связано прежде всего с расцветом частного предпринимательства. Признавая за государством – в определенных пределах – роль регулирующего механизма народного хозяйства, они стремились направить активность правительства в сферы, важные для развития и процветания крупного капитала, но требующие больших капитальных вложений и не сулящие достаточно быстрой прибыли, – на строительство портов, шоссе, неодоходных железных дорог.

Недовольство вызывали те стороны активности государства, которые угрожали ограничить всеислие монополий и сократить их прибыли. Те же стороны «государственного капитализма», которые прямо или косвенно укрепляли их позиции, всячески поощряли. Так, в 1901 году XVI съезд бакинских нефтепромышленников признал, что только правительственное содействие в виде различных льгот может обеспечить решение этих задач. Поэтому нефтепромышленники в течение многих лет поддерживали тесные контакты с чиновниками Министерства финансов.

Можно говорить о том, что в развитии капиталистического хозяйства России сказывался определенный баланс интересов частного капитала и казны. Попытки правительства расширить казенное хозяйство, организовать добычу угля и нефти вызывали решительное противодействие в монополистических кругах. Давление финансовых и промышленных монополий росло и входило в противоречие с традиционным для российской монархии стремлением «опекать» финансы, промышленность, торговлю испытанными средствами административного надзора и мелких регламентаций. Некоторые из этих мер стали отпадать, но в целом сохранялись еще и в XX веке.

Оценивая роль государственного предпринимательства в России, надо признать: при всей противоречивости, оно имело важное значение в модернизации страны, где частный капитал не был достаточно развит, а эгоцентризм монополистов нередко входил в противоречие с интересами экономического развития страны, которые стремился выражать Витте.

Представляет интерес оценка известного экономиста М. И. Туган-Барановского, содержащаяся в его статье «Витте и Бунге как министры финансов»: «Никто до Витте и после него не умел так блестяще организовать сложное государственное хозяйство в различных областях народной жизни. Все его предприятия имели исключительный практический успех и технически были поставлены образцово».

Вместе с тем Витте отнюдь не был бюрократом, чуждым понимания важности частной предприимчивости и инициативы. Он не стремился замкнуть в канцелярию живой дух промышленности и торговли. Государство, по его представлениям, должно было не стеснять, а всячески поощрять и поддерживать частное предпринимательство, принимая на себя лишь те отрасли народного хозяйства, с которыми не в силах сладить частные лица. И эта система действительно реализовалась на практике. Одновременно с ростом государственного хозяйства в различных областях жизни, «эпоха Витте» отмечена и чрезвычайным подъемом частного предпринимательства. Так начался промышленный подъем 90-х годов. Правда, он закончился тяжелым кризисом, который многие ставили в вину Витте. «Но Витте так же мало был виновен в кризисе, как мало повинен министр земледелия в атмосферных явлениях, вызывающих неурожай», — писал Туган-Барановский.

Эта статья увидела свет в 1915 году, вскоре после кончины Витте, и потому носит черты некролога — в ней есть определенное преувеличение заслуг покойного. Это касается, например, утверждения: «Все его предприятия имели исключительный практический успех». Вообще государственный капитализм — сложное, противоречивое явление. Ведущей роли чиновничьего аппарата в хозяйстве всегда сопутствуют бюрократический произвол и коррупция, что наш современник образно назвал «русскими шахматами». Активное вмешательство государства в лице министра финансов в экономику препятствовало естественному развитию рыночных отношений, как это происходило на Западе.

Трудно также согласиться, что Витте «мало был виновен в кризисе». Конечно, экономический кризис начала XX века в России носил циклический характер и был связан с мировым, но можно назвать причины, порожденные противоречиями «системы Витте», в частности повышенным вниманием к промышленному развитию и недооценкой аграрного сектора, который во многом определял состояние внутреннего рынка. Сам Туган-Барановский признает, что «исключительное внимание к интересам крупной промышленности побудило Витте игнорировать потребности русской деревни, бедность которой составляла темное пятно на блестящей картине промышленного подъема конца девятых годов. Обнищание русской деревни шло бок о бок с ростом капиталистической промышленности».

Безусловно, кроме быстрого промышленного развития России, к достижениям эпохи Витте необходимо отнести и большой рывок в транспортном строительстве, особенно сооружение крупнейшей в мире Транссибирской магистрали.

Глава шестая

ВЕЛИКИЙ ПУТЬ, СИБИРСКАЯ ДОРОГА

Витте вошел в российскую историю прежде всего как первый индустриализатор страны. Но не меньший след он оставил в истории развития транспорта, и не только железнодорожного. В его компетенцию входили вопросы речных и морских путей, строительства портов, развития коммуникаций, иначе говоря, инфраструктуры, без которой модернизация страны на рыночных рельсах была просто немыслима.

Известная сентенция, что главной бедой России всегда были дураки и дороги, в XIX веке воспринималась по-особенному. Страна, при ее гигантских просторах, имела слабо развитую сеть шоссейных дорог между редко расположенными городами. Это было препятствием не только в хозяйственном освоении территории, но и в государственном управлении. Не случайно М. Е. Салтыков-Щедрин высказал мысль, что «власть кончается в ста верстах от столицы и в 30 верстах от губернского города».

Правительство вроде бы понимало важность проблемы дорог, но Министерство путей сообщения было образовано лишь в 1865 году, а до этого существовали разного рода канцелярии и комиссии, которые занимались постройкой трактов и сооружением мостов. Если по трактам в основном осуществлялись пассажирские перевозки, то в транспортировке массовых грузов главную роль играли водные коммуникации. Новая эра начиналась с появлением в России железных дорог.

Значение строительства железных дорог в России выходило за рамки технических и экономических новаций, это был определенный прорыв в цивилизованный мир, от которого долгое время Россия была отдалена бездорожьем. Первый рывок был сделан в период великих реформ. Железнодорожный бум 70-х годов позволил создать сеть железных дорог в европейской части России. В 80-х годах предпринимательская горячка в железнодорожном строительстве заметно спала.

Новый импульс развитию железнодорожного хозяйства страны придала экономическая политика Витте, который, в силу профессиональной подготовки и кругозора, лучше других понимал значение транспорта для создания рыночной экономики в огромной стране. С другой стороны, масштабное железнодорожное строительство с большими заказами для промышленности стало базисом для индустриализации России в 90-х годах.

Расширить сеть железных дорог, сосредоточить в руках казны наибольшую ее часть и подчинить частное железнодорожное хозяйство руководству государства – вот важнейшие задачи политики Витте. Железнодорожное строительство велось как за счет казны – из бюджета и путем займов, так и за счет частных железнодорожных обществ. Длина железнодорожной сети за время министерства Витте почти удвоилась – с 29,1 до 54,2 тысяч верст. Из 25 тысяч верст вновь построенных дорог 10,9 тысяч построено за счет казны, остальные – за счет частных средств.

Прежде всего, Министерство финансов прилагало усилия для привлечения к строительству представителей частного капитала. Выдавая концессии, государство гарантировало ряд льгот, чтобы заинтересовать и «железнодорожных королей», как Витте называл крупных предпринимателей в этой сфере. Всего при Витте на железнодорожное строительство казна истратила астрономическую сумму – 2400 миллионов рублей, из них 55% путем займов внутри страны и за границей.

Чтобы усилить влияние государства на отрасль, еще в 80-х годах приступили к выкупу частных железных дорог в казну, при этом 10 железнодорожных обществ из 41 прекратили свое существование. Витте продолжил и активизировал эту политику. Если при Бунге было выкуплено 1344, при Вышнеградском – 5858, то при Витте – 14116 верст (почти столько было построено за десять лет всеми частными предприятиями).

Правда, министр финансов делал исключение для тех частных обществ, которые отличались предприимчивостью. Он входил с ними в соглашение и отказывался от выкупа их в казну при условии, если они строили новые линии, причем гораздо более протяженные, чем старые. Так, Общество Рыбинско-Бологовской дороги, владевшее лишь 275 верстами рельсового пути, превратилось в Общество Московско-Виндавской дороги, линии которой к 1903 году составляли уже 2446 верст, малая Рязанско-Козловская дорога (199 верст) выросла в Рязанско-Уральскую – 1600 верст и т. д. В результате

число частных железных дорог при Витте сократилось до девяти, но каждая из них оказалась обладателем большой и сложной сети. Вот так Витте руками частных предпринимателей решал важнейшую стратегическую задачу. Он использовал скорее организаторский потенциал частников – капиталы на строительство в той или иной форме они получали от правительства.

Что касается подчинения частных дорог правительственному руководству, прочное основание этому было положено еще при Вышнеградском, когда Министерство финансов по идее Витте и при активном его участии взяло на себя выработку железнодорожных тарифов, по сути, лишив частные общества права автономного управления. Власть над тарифом делала экономическую политику правительства более ясной и предсказуемой. Это было важно и с позиций внешней торговли – увеличивались вывоз и ввоз товаров за границу, особенно хлеба, основного экспортного продукта. Решить эту задачу было невозможно также без развития сети дороги, введения в оборот новых территорий и строительства портов.

Не ограничиваясь товарными тарифами, Витте подверг переработке и пассажирский тариф, который он в 1894 году сильно понизил, в особенности на дальние расстояния. Добиться этого удалось путем замены равномерного поперстного тарифа поясным. Реформа пассажирского тарифа привела к быстрому развитию пассажирского движения и к уменьшению его убытков. С 1894 по 1900 год они сократились с 0,40 копеек до 0,18 копеек на пассажиро-версту. При этом по комфорту и дешевизне российские железные дороги были одними из лучших в Европе.

Совершенствование железнодорожного хозяйства осуществлялось одновременно с крупномасштабным железнодорожным строительством, в котором Министерство финансов играло «первую скрипку». Здесь необходимо подчеркнуть, что главную стройку века – Великий Сибирский путь – осуществляла сама казна.

СТАЛЬНОЙ ХРЕБЕТ РОССИИ

Проблема бездорожья, острая для всей страны, в азиатской части империи носила катастрофический характер. В 1890 году Антон Павлович Чехов совершил путешествие через Сибирь на Саха-

лин. Решение писателя казалось многим довольно странным, поскольку добровольно дорогой, по которой исстари гнали каторжников, никто не ездил.

Целью столь необычного путешествия было, конечно, желание познакомиться с жизнью народов империи, населявших огромные просторы Сибири и Дальнего Востока. Во время поездки и пребывания на Сахалине писатель вел дневник, который публиковался в 1893–1894 годах в журнале «Русская мысль», а в 1895 году вышли книга «Остров Сахалин», очерк «Из Сибири». Чехову удалось эмоционально передать «чувство первого впечатления» от увиденного, он делился с читателями не только эмоциями, но и пристальными наблюдениями социолога. Как сказал о книге известный юрист А. Ф. Кони, «в ней за строгой формой и деловитостью тона, за множеством фактических и цифровых данных чувствуется опечаленное и негодующее сердце писателя».

Благодаря Чехову и современный читатель получает представление об огромной части Российской империи за Уралом, куда вот-вот двинется армада строителей и предпринимателей, чтобы проложить в рекордные сроки «великий путь» – Транссибирскую магистраль.

В очерке «Из Сибири» Чехов писал: «Сибирский тракт – самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете. Тяжело ехать, очень тяжело, но становится еще тяжелее, как подумаешь, что это безобразная, рябая полоса земли, эта черная оспа, есть почти единственная жила, соединяющая Европу с Сибирью! И по такой жиле в Сибирь, говорят, течет цивилизация! Да, говорят много, и если бы нас подслушали ямщики, почтальоны или эти вот мокрые, грязные мужики, которые по колено вязнут в грязи около своего обоза, везущего в Европу чай, то какого бы мнения они были о Европе, об ее искренности!»

Кстати, посмотрите на обоз. Вozов сорок с чайными цибикиами тянется по самой насыпи, колеса наполовину спрятались в глубоких колеях, тощие лошаденки вытягивают шеи, около вozов идут возчики, вытаскивая ноги из грязи и помогая лошадям, они давно уже выбились из сил. Вот часть обоза остановилась. Что такое? У одного из вozов сломалось колесо. Нет, уж лучше не смотреть!

В продолжение всего года дорога остается невозможной: весной – грязь, летом – кочки, ямы и ремонт, зимою – ухабы. Сибирские чиновники на своем веку не видали ведь дороги луч-

ше: им и эта нравится, а жалобные книги, корреспонденции и критика проезжающих в Сибири приносят дорогам так же мало пользы, как и деньги, которые ассигнуются на их починку».

А как содержался сибирский тракт?

Вот яркая сцена, описанная Чеховым в том же очерке:

«Вошел сотский и доложил заседателю, что в таком-то месте дорога совсем испортилась и что дорожный подрядчик не хочет починять ее.

– Позови его сюда! – распорядился заседатель.

Немного погодя вошел маленький мужичонка, лохматый, с кривой физиономией. Заседатель сорвался со стула и бросился на него.

– Ты как же смеешь, подлец, не починять дорогу? – стал он кричать плачущим голосом. – По ней проехать нельзя, шеи ломают, губернатор пишет, исправник пишет, я выхожу у всех виноват, а ты, мерзавец, язви твою душу, анафема, окаянная твоя рожа, – что смотришь! А? Гадина ты этакая! Чтоб завтра же была починена дорога! Завтра буду ехать назад, и если увижу, что дорога не починена, то я тебе рожу раскровеню, искалечу разбойника! Пош-шел вон!

Интересно бы знать, что успел мужичонка сделать до завтра! И что можно сделать в такой короткий срок? Не знаю, к счастью или к несчастью для сибирского тракта, заседатели недолго сидят на одном месте; их часто меняют. Рассказывают, что один вновь назначенный заседатель, прибыв в свой участок, согнал крестьян и приказал им копать по сторонам дороги канавы; его преемник, не желая уступать ему в оригинальности, согнал крестьян и приказал им зарывать канавы. Третий распорядился в своем участке покрыть дорогу слоем глины в пол-аршина. Четвертый...»

Можно представить, какую реакцию у современников вызвали эти яркие описания. А вот мнение другого известного писателя, Н. Г. Гарина-Михайловского. Инженер-путеец, он принимал участие в строительстве Транссибирской магистрали: «Нам железные дороги необходимы как воздух, как вода. Восток гибнет оттого, что нет дорог».

К пониманию крайней важности строительства железных дорог в Сибири пришли в России не в 90-е годы XIX века, а гораздо раньше. Первую мысль о сибирской дороге принято относить к 1857 году и связывать с именем генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского. Тогда были

проведены первые изыскания, но за недостатком средств на том и остановились.

Вслед за тем появились проекты частных лиц, причем некоторые из них были не лишены известной смелости и оригинальности. Английский инженер Дуль, например, предлагал провести от Нижнего Новгорода через Казань и Пермь конно-железную дорогу до одного из тихоокеанских портов Сибири. Русский инженер Софронов представил проект железнодорожной линии от Саратова через Семипалатинск, Минусинск и далее на Амур и в Пекин. Известный предприниматель В. Кокорев предлагал соединить рельсовым путем системы Волги и Оби. Все эти проекты не имели практических последствий.

Тем не менее некоторые шаги в этом направлении все же принимались. В 1878 году закончена уральская горнозаводская дорога; в 1880 году открыт мост через Волгу у Сызрани, который связал железнодорожную сеть центра с Оренбургом; еще через пять лет открыто движение на линии Екатеринбург–Тюмень.

Идеей сибирского пути проникся взойшедший на престол Александр III. Еще в мае 1882 года он распорядился провести все необходимые для строительства дороги изыскания и поручил Комитету министров обсудить ее возможное направление. Проектов было много, в том числе и авантюрных. Большинство авторов предлагали строить не сплошной путь, а отдельные дороги, которые можно было бы соединять каналами, например между Обью и Енисеем.

Идея провести железную дорогу через всю Сибирь принадлежала генералу Е. В. Богдановичу, впоследствии одному из злейших врагов Витте. Закончив топографическое обследование Южного Урала, Богданович в специальном докладе убедительно обосновал необходимость проведения дороги до китайской границы. Большое значение имели стратегические соображения: военные не хотели, чтобы Владивосток разделил участь Севастополя. Иркутский и приамурский губернаторы подчеркивали, что дорога необходима для защиты русских владений на Дальнем Востоке.

Резолюция Александра III на докладе иркутского генерал-губернатора в 1886 году была красноречивой: «Должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения этого богатого, но запущенного края. А пора, давно пора!»

Именно в эти годы между мировыми державами началось соревнование за удобный выход к Тихому океану (его еще называли

Великим). В конце 80-х годов была введена самая протяженная тогда в мире Канадско-Тихоокеанская дорога. Английское правительство субсидировало паромные компании, действовавшие на тихоокеанских маршрутах.

В 1887 году были начаты изыскательские работы по трассе будущей дороги. Министр путей сообщения Посыет командировал технических агентов в США для изучения опыта строительства железных дорог большой протяженности и закупки необходимого оборудования. Его подготовительную работу продолжили преемники Г. Е. Паукер и А. Я. Гюббенет, и в конце 80-х годов проект Сибирской железной дороги принял реальные очертания.

17 марта 1891 года появился высочайший рескрипт царя на имя наследника – цесаревича Николая Александровича, как раз возвращавшегося из кругосветного путешествия и прибывавшего из Японии во Владивосток. Рескрипт гласил: «Повелев ныне приступить к постройке сплошной, через всю Сибирь, железной дороги, имеющей соединить обильные дарами природы сибирские области с сетью внутренних рельсов сообщений, Я поручаю Вам объявить таковую волю Мою, по вступлении Вами вновь на Русскую землю, после обозрения иноземных стран Востока. Вместе с тем возлагаю на Вас совершение во Владивостоке закладки разрешенного к сооружению, за счет казны и непосредственным распоряжением правительства, уссурийского участка великого сибирского рельсового пути».

Впрочем, при обнародовании рескрипта не было еще общего плана сооружения дороги, не были указаны сроки окончания и средства на ее исполнение. Лишь в мае 1892 года было утверждено окончательное направление западносибирской линии – от Челябинска на Петропавловск, Омск и далее, но на расходы было отпущено пока только 1 миллион 100 тысяч рублей. Тем не менее 19 мая 1891 года во Владивостоке состоялась торжественная закладка Сибирского пути. Наследник, впоследствии Николай II, собственноручно свез первую тачку земли на полотно будущей дороги. Тогда же были начаты работы в уссурийской тайге, но скоро они приостановились из-за отсутствия финансирования.

Из множества проблем, связанных с объективными трудностями и бюрократическими препонами, финансовая была самая сложная. Александр III жаловался, что он, самодержавный государь, не мог заставить своих министров приступить к реализации проекта. Наиболее упорное сопротивление оказали министры,

ответственные за финансы империи, – Н. Х. Бунге и особенно И. А. Вышнеградский, который постоянно подчеркивал, что строительство дороги в несколько тысяч верст будет разорительным для казны.

Дело в том, что в отличие от других дорог, к строительству которых привлекались частные капиталы, Транссибирскую магистраль по престижным и другим соображениям было решено строить за счет государственной казны.

Назначение Витте в Министерство финансов в корне изменило ситуацию, и, надо думать, Александр III как раз рассчитывал на это. Уже 25 сентября 1892 года, то есть меньше чем через месяц после назначения, новый глава финансового ведомства получил повеление государя изыскать источники для покрытия расходов на строительство. Данное повеление, видимо, и стало импульсом для активной деятельности Витте. Уже в ноябре того же года министр финансов представил в Особое совещание записку, которая показывает, что он подошел к вопросу широко и всесторонне. Отметив, что Сибирская железная дорога еще не скоро сможет стать источником доходов казны, Витте пишет о ее экономическом значении: «Рельсовый путь даст могущественный толчок экономическому развитию наших богатых, но запущенных азиатских владений, оживит и возбудит различные отрасли производства, откроются новые рынки сбыта продукции. Засим железная дорога, несомненно, должна способствовать процветанию как сибирской, так и уральской промышленности, являясь сама крупным потребителем и открывая новые рынки в соседних азиатских странах». При этом Витте подчеркивал важность рельсового пути для золотого промысла.

Он считал, что благодаря этому сооружению усилится роль России на мировом рынке. «Транссибирская магистраль откроет Европе ворота на азиатский Восток, и Россия, стоя на страже у этих ворот, воспользуется всеми преимуществами посредника». Витте называл строительство дороги событием, «каким начинаются новые эпохи в истории народов и которые вызывают нередко коренной переворот установившихся экономических отношений между государствами».

Одновременно с укладкой рельсов Витте планировал заложить десятки промышленных предприятий и рудников вблизи узловых станций. По сути, за короткий срок под руководством Витте была разработана целая комплексная программа освоения

Сибири. Американский историк Т. Лауэ, анализируя опыт строительства Транссибирской магистрали, писал: «Она задумана не только из политических и стратегических соображений, но представляет собой план экономического развития целой области».

В записке Витте предложил разделить постройку отдельных участков дороги на три очереди и представил расчеты стоимости первой очереди – от Челябинска до Иркутска, – которая составила 150 миллионов рублей.

Записка была рассмотрена на особом совещании статс-секретаря Д. М. Сольского 21 ноября 1892 года и «принята сочувственно». Одобрено и предложение о разделении постройки на три очереди и «о безотлагательном приступе к работам на первоочередных участках».

Витте немало сделал для развития идейного обоснования проекта, но настоящая его заслуга состояла в том, что он сумел воплотить этот проект в жизнь. Со свойственным ему прагматизмом он умело реализовал и собственные, и чужие идеи. Так, еще бывший министр путей сообщения Гюббенет предложил образовать межведомственный орган по примеру комитета, созданного в свое время для руководства строительством Николаевской железной дороги. Витте развил идею и придал ей размах, соответствующий масштабам задачи. В реорганизованный при его непосредственном участии Комитет Сибирской железной дороги вошли руководители всех ведущих министерств. По существу, можно говорить об использовании современного механизма целевых комплексных программ более чем за полвека до их появления.

В «Воспоминаниях» Витте утверждает, что именно он подал царю мысль назначить председателем комитета цесаревича Николая. Император Александр III был очень удивлен этим советом: «Да ведь он совсем мальчик; у него совсем детские рассуждения». Трудно сказать, насколько точно передал Витте свой разговор с царем, но главное было достигнуто – во главе дела, пусть номинально, был поставлен наследник, что придавало высокий статус решениям комитета. Вице-председателем стал авторитетный Н. Х. Бунге, убежденный сторонник активной переселенческой политики, считавший, что новая магистраль обеспечит условия для массового переселения крестьян в Сибирь. Сам Витте остался рядовым членом Комитета Сибирской железной дороги, но на деле практически возглавлял его.

Как член комитета и министр финансов Витте должен был обеспечить финансирование строительства. Следует сказать, что еще при Вышнеградском предпринимались попытки привлечь иностранных инвесторов. С Витте в комиссии Баранова работал генерал Э. Т. Анненский, который прославился благодаря быстрому строительству стратегической дороги в Закаспийской области, а еще больше – благодаря своим беззастенчивым хищениям. Ему удалось заручиться поддержкой Ротшильдов, богатейших еврейских банкиров, которые обещали 300 миллионов рублей. Анненков брался построить сибирскую дорогу за три года и сэкономить 20 миллионов в свою пользу. После массового выселения евреев из Москвы в марте 1891 года Ротшильды охладели к этому проекту. Анненский привлек другую финансовую группу, при этом, как записала в своем дневнике всегда хорошо осведомленная генеральша Богданович, «надул на 200 тысяч франков, обещал им выхлопотать постройку, если раньше они дадут ему эту сумму, чтобы дать взятки, кому надо будет». Видимо, после очередного скандала и было принято окончательное решение строить магистраль за счет казны.

Витте пришлось изрядно поломать голову, чтобы решить проблемы финансирования работ. Казна в конце 1892 года была почти пуста, бюджет на 1893 год формировался с дефицитом, вызванным засухой двух предыдущих лет. Именно тогда появилась идея выпуска «сибирских кредитных билетов» на необходимую для строительства сумму. Но скоро Витте с помощью Бунге осознал, что это ложный ход, и отказался от него. Сильной чертой Витте всегда была способность признавать и исправлять свои ошибки. Сложная задача – обеспечить устойчивое финансирование строительства – решалась постепенно, путем быстрого роста бюджета (за счет увеличения сбора налогов, введения винной монополии), а также привлечения иностранных займов. Не пришлось прибегать к каким-либо чрезвычайным мерам, что удивительно, поскольку казна в начале работ располагала всего-навсего одним миллионном рублей, а по предварительной смете требовалось 350 миллионов. Фактически же дорога обошлась казне в сумму больше одного миллиарда рублей.

За такое чудовищное превышение сметы Министерство финансов и лично Витте впоследствии резко критиковали. Причин перерасхода было несколько: и нереальность предварительных расчетов, и изменения в ходе строительства, вызывавшие удоро-

жание работ, и, конечно, злоупотребления и казнокрадство, без которых не обходилось ни одно крупное дело в России. Противники Витте особенно упирали на последнее, хотя по сравнению с другими крупными стройками века, например со строительством Панамского канала, ущерб был гораздо меньше.

Основная же причина удорожания работ состояла в неожиданных сложностях, с которыми столкнулись строители. Предварительное обследование трассы было проведено поспешно и небрежно. Впрочем, в случае более тщательных изысканий правительство, наверное, не решилось бы на столь грандиозное строительство. Витте проявил завидное хладнокровие, когда сумма издержек приблизилась к миллиарду, он философски заметил, что предоставляет оценку своих действий суду потомков: «Громад-

Байкальский тоннель

ность жертвы, принесенной Россией на дело сооружения Сибирского пути, которая в настоящее время очень живо чувствуется, заслоняет от глаз современников будущее значение сооружения и мешает правильной его оценке».

Первую очередь строительства планировалось завершить к 1900 году, но Витте стремился максимально ускорить темп, расширяя фронт работ. К их выполнению привлекались переселенцы из

центра России, более 15 тысяч иностранных рабочих (в основном китайцы и корейцы) и даже сибирские каторжники, которым обещали на треть сократить срок. В 1894 году железная дорога была доведена уже до Омска, а в 1898 году – до Иркутска.

Здесь неожиданно возникла серьезная проблема обхода озера Байкал. Южная часть озера, вокруг которой изгибается железная дорога, по праву считается одним из красивейших мест Сибири. Но для строителей этот участок дороги был настоящим проклятием. Горный рельеф заставлял тянуть рельсы по самой кромке озера – между бездонными холодными водами и нависшими над ними утесами. На один только участок в 70 верст от Иркутска до станции Култук предстояло прорубить в скалах 31 тоннель и построить несколько десятков виадуков! Все материалы можно было доставить только по озеру, известному внезапными и свирепыми бурями.

Стало очевидно, что строительство кругобайкальского участка растянется на несколько лет. Между тем незаконченная перемычка парализовала бы транзитное движение по всей магистрали. Требовалось нестандартное решение, и Витте первым подал мысль устроить паромную переправу через Байкал. Английской фирме «Арм Стронг» был заказан паром-ледокол. Металлические секции корпуса и паровой двигатель доставили к озеру по рекам, а кое-где и на лошадях. Уже летом 1899 года паром, нареченный «Байкалом», был собран на месте и спущен на воду. Он брал на борт целый железнодорожный состав из 25 вагонов. Вспомогательный паром «Ангара» предназначался для пассажиров.

Мощные паромы взламывали лед в метр толщиной и увеличивали срок навигации до девяти месяцев в году. В остальное время года, в суровые морозы, движение продолжалось по рельсам, уложенным по льду озера. На участке в 40 километров грузовые и пассажирские вагоны передвигались с помощью лошадей. Для этого мобилизовали крестьян из соседних деревень, которые получили хороший заработок.

Как и другие технически сложные сооружения Транссибирской магистрали, паромная переправа обошлась казне значительно дороже первоначальной сметы. Английские судостроители несколько раз вздували расценки, ссылаясь на уникальный характер заказа и сжатые сроки.

Специалистов удивляло, что дорогостоящие паромы и сложные операции по доставке их из Англии были сделаны с единственной целью: выиграть 3–4 года, пока не будет построена

кругобайкальская дорога. Но если рассматривать историю строительства в целом, можно найти логику в самых неожиданных решениях Комитета Сибирской дороги: все было подчинено задаче в максимально сжатые сроки обеспечить сквозной проезд от Петербурга до Владивостока.

Именно с этой задачей было связано и другое нестандартное решение – строительство Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). В первоначальном проекте строительства Транссибирской магистрали предполагалось вести восточно-сибирский участок дороги по территории России примерно так, как она проходит сегодня, то есть севернее Амура. Учитывая чрезвычайно сложные горно-геологические условия местности и мало обжитые районы, сооружение дороги здесь, вероятно, затянулось бы на многие годы. И Витте – именно он – принимает и проводит беспрецедентное решение – проложить дорогу по территории Маньчжурии (северной провинции соседнего Китая). Этот вариант значительно, почти на 1400 верст, сокращал путь до Владивостока, а следовательно, затраты и сроки строительства.

При этом у Витте были и другие цели, связанные с большой политикой. Очевидно, что прохождение пути по территории чужого государства потребовало сложных дипломатических маневров. О том, как осуществлялась восточная политика и экономическая экспансия в зоне строительства КВЖД, мы поговорим подробнее в следующей главе.

Здесь же добавим, что строители КВЖД столкнулись не только с естественными трудностями природного характера, но и с неожиданностями иного свойства. В 1899–1900 годах на территории, по которой проходила магистраль, произошло так называемое «Боксерское восстание», из-за чего пострадали многие строители, было уничтожено несколько построенных объектов и разобрано около 900 верст путей. Стоимость ущерба сказалась на общих затратах, не говоря уже о большой потере времени на восстановление.

Строительство Сибирской железной дороги велось форсированными темпами, поэтому не удивительно, что обычные нормы и правила нарушались. Дорога строилась однопутной, встречные поезда пропускали друг друга на разъездах. Земельная насыпь была уже, а толщина балластного слоя меньше, чем в европейской России. Допускались более крутые подъемы и спуски, использовались облегченные 18-фунтовые рельсы вместо обыч-

ных 24-фунтовых. Специалисты понимали, что это вынужденные отступления, которые потом предстоит устранять. Все делалось ради решения главной задачи – как можно скорее соединить стальной нитью столицу с Владивостоком.

И задача была решена за десять лет. 21 октября 1901 года у станции Менхудей на КВЖД произошла смычка главного пути, о чем Витте телеграфировал царю:

«19 мая 1891 года Ваше Императорское Величество собственноручно заложили во Владивостоке первое звено Великого сибирского пути. Сегодня, в высокаторжественный день вступления Вашего Величества на престол, путь этот сомкнулся на линии Китайской восточной железной дороги. Дерзаю от полного радости сердца принести Вам, Государь, верноподданническое поздравление с этим историческим событием».

На телеграмму последовал всемилостивейший ответ: «Искренне благодарю вас за радостное сообщение. Поздравляю вас с окончанием одного из крупнейших железнодорожных предприятий в мире в столь краткий срок и посреди неимоверных трудностей. Николай».

Дорога тогда еще не была достроена и оборудована, как говорилось в телеграмме Витте, он надеялся, что через два года все оставшиеся работы будут доведены до конца и дорога откроется «для постоянного правильного движения».

СИБИРЬ ПОД ВЛИЯНИЕМ РЕЛЬСОВОГО ПУТИ

Известная мысль великого Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью» – до строительства Транссибирской магистрали была только красивой фразой, поскольку использовать богатства края было практически невозможно. Современник писал: «Отсталость Сибири в культурном отношении весьма справедливо объясняется отсутствием в ней до последнего времени сколько-нибудь удовлетворительных путей сообщения. Правда, ее реки многоводны, и бассейны их простираются на значительные расстояния; но течение их нерегулярно, и едва ли не впервые о серьезных улучшениях судоходства по сибирским рекам подумали лишь при проведении сибирской железной дороги».

Но реки Сибири впадают в Северный Ледовитый океан, недоступный для мореплавания, и поэтому могли служить лишь для внутреннего сообщения. Чтобы достигнуть европейской России, транспортировку грузов по Сибири приходилось совершать частью по рекам, частью по колесным и выючным путям, соединявшим между собою бассейны различных рек.

При таких условиях перевозка грузов продолжалась долго и обходилась дорого, а главная продукция Сибири – хлеб, уголь, мясо – вообще не имела сбыта, и сибирскими путями пользовались лишь для перевозки более дорогих товаров – чая, пушнины, золота, металлических изделий. Большая часть сибирских путей сообщения возникла не по торговым, а по административным соображениям. Конечно, колесным путем воспользовалась отчасти и торговля. Проезжими эти дороги были лишь короткое время летом, а главным образом – в течение долгой зимы, когда устанавливаются санный дорога и переправа через реки по льду. Зимой и происходит все товарное движение Сибири. Осенью и весной по дорогам ездит только почта.

Было очевидно, что для хозяйственного освоения огромной территории и использования природных богатств пути сообщения имели решающее значение. Признавая правоту критиков в том, что в ближайшие десятилетия вряд ли удастся вернуть средства, затраченные на строительство магистрали, Витте подчеркивал ущербность узкомеркантильного подхода. Он писал, что сплошная, через всю Сибирь, железная дорога – это предприятие государственное в широком смысле слова, и с этой единственно правильной, в данном случае, точки зрения сооружение сибирской магистрали не только имеет полное оправдание, но должно быть признано задачей первостепенного значения.

Если даже не учитывать отдаленные местности, отмечал Витте, а считать, что экономическое оживление коснется стоверстной полосы по обе стороны дороги, то и в этом случае в хозяйственный оборот были бы вовлечены территории, равные тогдашним Австро-Венгрии, Бельгии, Германии, Голландии и Дании, вместе взятым. Поощряя развитие промышленности в европейской части, Витте не мог не обратить внимания на промышленный потенциал Сибири. Появление дороги вызвало спрос на продукцию металлургических и обрабатывающих заводов Сибири. По рельсам можно было доставлять на золотые прииски тяжелые механизмы, быстро и дешево вывозить местные товары.

По замыслу Витте, железнодорожная магистраль должна была превратиться в становой хребет сибирской промышленности. Витте уже настоял на строительстве дополнительной ветки на север к Екатеринбург, связавшей Транссиб с уральскими заводами. Мысленным взором он видел, как дорога обрастает сотнями «щупальцев» – узкоколейных веток, подъездных путей, шоссейных и грунтовых дорог.

Идеи Витте актуальны и сегодня. Американский экономист Линдон Ларуш говорил в 1996 году об уроке успешного исторического развития экономики Западной Европы и Северной Америки. Суть его заключается в том, что не следует осуществлять экономическое развитие сразу всех обширных пространств: «Овладение ими лучше проводить по направлениям "коридоров развития", ширина которых 50–100 километров в обе стороны от позвоночной транспортной артерии, которой может быть, например, судоходный внутренний водный путь, магистральная железная дорога или транспортная линия на основе магнитной левитации, вытесняющей ныне рельсовые дороги». Не исключено, что Ларуш использовал при обобщениях и опыт России, во всяком случае он упоминает имена Витте и Менделеева.

Действительно, сооружение магистрали способствовало быстрому развитию некогда отсталых, забытых богом районов Сибири и Дальнего Востока. Промышленность и сельское хозяйство получили мощный импульс к увеличению производства и расширению рынков сбыта. Города и деревни, через которые проходила дорога, преобразались. Так, в Челябинске, где она начиналась, за шесть лет строительства население удвоилось, в Сретенске только за 1897–1901 годы население увеличилось более чем в четыре раза.

Омск и прежде считался одним из промышленных центров, но после 1898 года число заводов и фабрик резко возросло, причем за три года объем производства увеличился более чем в пять раз. В Омском железнодорожном узле появились паровозное депо, ремонтные мастерские, переселенческий врачебно-продовольственный пункт на полторы тысячи человек, церковноприходская школа, двухклассное училище, церковь.

Строительство Южно-Уссурийской дороги в 1891–1897 годах неузнаваемо преобразило село Никольское у Владивостока, сожженное хунхузами. Железнодорожные строители вдохнули в Никольское новую жизнь, и в 1898 году на карте России появился еще один город – Никольск-Уссурийский. Здесь стоял гарнизон

казачьих войск, размещались депо, мастерские, возник кирпичный городок для семей железнодорожников.

Города и населенные пункты выросли и на некогда пустынных землях. Пример тому станция Тайга. В путеводителе по Великой Сибирской железной дороге, изданном в Петербурге в 1900 году, сказано, что на новом месте возникли железнодорожные мастерские, депо, больница, школа и действовал любительский театр. Своим названием Тайга обязана известному писателю Н. Г. Гарину-Михайловскому, который участвовал в строительстве магистрали. Инженеры-путейцы, горные и военные инженеры, студенты-практиканты Петербургского института путей сообщения стали носителями цивилизации в глухих местах Сибири.

Строители Транссиба

Кстати, история этого высшего учебного заведения начинается с 1809 года, когда царским указом был учрежден Институт Корпуса инженеров путей сообщения. Организатором и первым директором института стал известный впоследствии ученый и инженер Августин Бетанкур, приглашенный на русскую службу из Испании. В 1819–1822 годах он был главным управляющим ведомства путей

сообщения империи. Первоначально институт располагался в Юсуповском дворце на Фонтанке.

Напомним, что Витте полгода жил в Юсуповском дворце, когда был управляющим Министерства путей сообщения. Но с этим местом его связывает еще одно: в 1896/97 учебном году Витте был приглашен в институт преподавателем для практических занятий по строительной механике. Об этом свидетельствует хранящийся в музее института документ под названием «Личный состав, распределение учебных занятий и учебные пособия (1896/97 академ. год)». Поразительный факт, ведь именно на это время приходится пик деятельности министра Витте: денежная реформа, строительство Транссиба, восточная политика и многое, многое другое. Как на все хватило сил одного человека!

Станция Архиповка на Транссибирской магистрали

Оживляя территории Сибири, железная дорога сама нуждалась в трудовых ресурсах. Поэтому из Центральной России сюда переселялись тысячи квалифицированных рабочих и служащих. Правительство выделяло им земельные участки для постройки дворов на условиях 30-летней аренды, с оплатой от 2,5 до 10 рублей в год. Размер усадеб составлял около

трети гектара. С. Ю. Витте хлопотал об их увеличении вдвое и бесплатной раздаче.

Транссибирская магистраль способствовала массовому перемещению крестьян в соответствии с аграрной политикой Витте, а позже и Столыпина. Только в 1897–1900 годах в Сибирь переехали на постоянное место жительства 830 тысяч человек. В 1906–1910 годах миграция возросла – сюда ежегодно прибывало уже до полумиллиона человек. Министерство земледелия вело постоянную работу по отводу им земельных участков. На трассе создавались врачебно-продовольственные пункты, оказывалась необходимая помощь. Для переселенцев ввели льготные железнодорожные тарифы, они на несколько лет освобождались от налогов и податей.

Витте пришлось постоянно отстаивать идею переселения на восток. Если министры внутренних дел, начиная с И. Н. Дурново и кончая В. К. Плеве, по политическим мотивам тормозили переселенческое дело, то чиновники Министерства государственных имуществ исходили из неверной оценки плодородия сибирских земель. Например, в 1896 году они считали, что Сибирь может принять от силы 1 миллион 200 тысяч крестьян. Витте объяснял такие суждения результатом крайне поверхностного знакомства чиновников с сибирскими условиями. Он настоял, чтобы переселенцам передали в пользование 7 миллионов десятин казенных земель. Государство затратило большие средства на улучшение земледелия: в Ишимской степи выкопали больше тысячи колодезей, в Барабинской степи провели осушительные работы.

Думал Витте и о защите азиатских владений – вот почему особые льготы получили переселенцы с Дона и Кубани, из числа которых было образовано Заамурское казачье войско для охраны дальневосточных границ.

Воздействие магистрали на социальное и экономическое развитие Сибири, да и всей страны было огромным и многогранным: с 1897 по 1914 год население Сибири увеличилось с 4,6 до 7,6 миллионов, Дальнего Востока – с 0,9 до 1,6 миллионов человек. Изменилась схема заселения. Если раньше люди предпочитали жить поближе к воде и большим трактам, то теперь – вдоль магистрали и ее веток. На юге Сибири, рядом с железной дорогой, выросло 10 городов и 18 поселков: Ишим, Барабинск, Ялуторовск, Татарск, Тайга, Тайшет, Абакан и др.

До завершения строительства Сибирской дороги многие эксперты утверждали, что она никогда не будет полностью загружен-

ной: ни в Сибирь, ни из Сибири возить особенно нечего, хорошо, если за неделю наберется грузов и пассажиров на два-три состава. Витте, наоборот, рассчитывал на встречные потоки. Действительность превзошла самые смелые его ожидания. Грузооборот возрос настолько, что сразу же после открытия движения потребовалось добавить 31 железнодорожный разъезд и перебросить с других дорог 2,2 тысяч вагонов. И все равно пропускная способность магистрали отставала от потребностей, на станциях скапливались грузы. Быстро росло число пассажиров. Если в 1897 году дорога перевезла 350 тысяч, то в 1902 – 1,3 миллионов, в 1908 – 4,8 миллионов, в 1910 – 9,5 миллионов человек.

Транссибирская магистраль привела к быстрому развитию торговли на огромных пространствах. Дорога, проложенная с запада на восток, пересекала Обь, Иртыш и Енисей, которые текут в меридианном направлении. Таким образом, сибирские реки оказались связаны между собою и превратились в удобные водные пути для перевозки грузов. Наблюдатели отмечали, что с появлением железной дороги «цены на все предметы мануфактурной промышленности в сибирских городах значительно подешевели против прежних. И понятно: в былое время здешние торговцы закупали товары по ярмаркам, так сказать, из третьих рук, с открытием же поездов по рельсам они вступили в непосредственное сношением с московскими фирмами».

Не обошлось без торговых и тарифных войн. Парадоксально, что правительство, одной рукой улучшая пути сообщения, другой создавало искусственные преграды для сибирских товаров, в первую очередь для зерна. Причина, видимо, заключалась в том, что сибирский хлеб вызывал растущее беспокойство у помещиков-агровладельцев европейской России. Раньше вывоз хлеба был затруднен, но уже в 1893 году, после постройки всего 225 верст сибирской железной дороги, начался массовый выброс хлеба на рынки центра, и как следствие – падение цен. В 1896 году был введен тарифный «челябинский перелом». На запад от Челябинска сибирское зерно условно считалось новым грузом и соответственно оплачивалось. Таким образом, доставка одного пуда хлеба подорожала на 5–9 копеек.

Тарифный «перелом» был уступкой помещикам, желающим оградить себя от конкурентов из Сибири. Вместе с тем Витте просто поменял направление товарного потока. Как раз в это время началось регулярное движение на Пермь-Котласской железной

дороге, которая была оборудована за счет казны зернохранилищами. На эту линию не распространялись тарифные ухищрения с сибирским хлебом. Витте рассчитывал, что зерно из-за Урала пойдет на экспорт не через балтийские порты, а через Архангельск и Мурманск (Екатерининскую гавань). Эта идея была составной частью плана развития Русского Севера, который вынашивал Витте.

«Челябинский перелом» привел к структурным изменениям в сельском хозяйстве Сибири. Сократив вывоз зерна, крестьяне направили основные усилия на развитие молочного животноводства, иными словами, начали «превращать хлеб в масло». До появления железной дороги из Сибири вывозилось ничтожное количество топленого масла, а экспорт сливочного был просто невозможен. Магистраль открыла обширные рынки сбыта для этого продукта. В 1894 году в Тобольской губернии было построено 2 маслозавода, в 1897 году – уже 51, а в 1913 году – 3936! Вывоз сливочного масла за этот же период увеличился до 5,5 миллионов пудов, а доля сибирского масла в мировом экспорте достигла 16%. Даже датские фирмы охотно покупали сибирское масло и после некоторой доработки пускали в продажу под своей маркой. От экспорта масла перед Первой мировой войной Россия получала дохода больше, чем от всех золотых приисков.

Заметным, хотя и противоречивым, было воздействие сибирской дороги и на развитие местной промышленности. Не выдержали конкуренции с дешевым уральским железом и закрылись некоторые сибирские металлургические предприятия. В то же время строились новые заводы и рудники. Угольные шахты Кузнецкого бассейна, который тогда только начинал осваиваться, стали обеспечивать постоянно растущие нужды дороги в топливе. На узловых станциях появились механические и ремонтные мастерские. Россия явно «прирастала Сибирью».

ПУТЬ НА РУССКИЙ СЕВЕР

Само географическое расположение России в северной части евразийского континента исторически многое определяло в жизни страны и в политике правительства. Интерес был в значительной мере связан с развитием торговых путей, а позднее

и с освоением богатств Севера. Эти вопросы также привлекали внимание Витте.

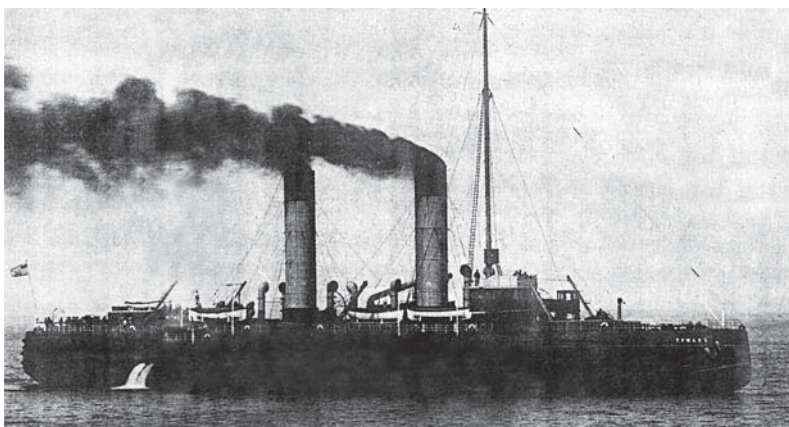
Северный путь в Сибирь известен давно: в конце XVI века русские плавали уже по Ледовитому океану к устьям реки Таза, был основан даже городок Мангазея, торговавший с самоедами. Вслед за русскими в начале XVII века в Мангазею устремились англичане и голландцы. Наплыв западных гостей вызвал опасения тобольского воеводы князя Куранина, который доносил царю Михаилу Федоровичу, что «немцы лезут в Русь и на этот раз через далекое Студеное море, через Сибирь, где стоять против многих людей некем». Московское правительство тотчас отозвалось на эту жалобу и особым указом запретило пропуск иностранных судов в Мангазею. Вслед за иностранцами перестали плавать и русские, и путь через Северный Ледовитый океан до второй половины XIX века совсем закрылся. Путь этот был так основательно позабыт, что его пришлось вновь открыть экспедициям англичанина Виггинса (в 1874 г.) и шведа Норденшельда (в 1875–1876 гг.), который пришел в устье Енисея с пароходом «Имерь».

Постепенно путь осваивался и другими мореплавателями, преимущественно иностранцами. В период с 1887 по 1896 год из 38 пароходов 35 благополучно достигли устьев Оби и Енисея. В последующие годы движение усилилось. В 1897 году уже 9 английских пароходов прибыли в устья сибирских рек с чаем, железом, консервами, каучуком. Отсюда английские суда увозили хлеб, лес, канаты, рогожи, кожи и другие изделия местной промышленности.

На следующий год морской министр адмирал Н. М. Чихачев предложил доставить рельсы для Транссиба из Англии через Карское море. Суда, груженные 6 тысячами рельсов, вошли в устье Енисея и разгрузились в Красноярске. Витте горячо поддержал этот эксперимент, его очень заинтересовала возможность плаванья вдоль побережья Ледовитого океана. По заказу Министерства финансов адмирал С. О. Макаров построил первый в стране ледокол «Ермак» – якобы для расчистки акватории петербургского порта. Но ледокол недаром носил имя покорителя Сибири. Витте писал, что у него была мысль разведать Северный морской путь из Балтики на Дальний Восток, что намного сократило бы время на дорогу к восточным землям империи.

Что касается мореплавания вдоль побережья Сибири, то оно продолжало развиваться, пока существовали таможенные

льготы. Однако, в соответствии с политикой протекционизма, на основании решения Комитета министров в 1898 году беспошлинный ввоз в Сибирь через Ледовитый океан был отменен. Исключение на десять лет делалось только для иностранных машин для сибирской и уральской золотопромышленности. Было это связано с тем, что к тому времени заработал уже западный участок сибирской железной дороги и явная необходимость в завозе через Север отпала. Да и погода на Севере была неустойчивой – суда через Карское море проходили не каждый год. Холодное лето 1899 года привело к тому, что одно английское судно погибло в борьбе со льдами. Посланный на помощь ледокол «Ермак» сам получил серьезные повреждения и вынужден был вернуться.

Ледокол «Ермак»

Северный морской путь, который начал осваиваться в конце века, стал конкурировать с Сибирской железной дорогой. Но поскольку магистраль не вполне справлялась с нагрузкой и возникли проблемы вывоза сибирского хлеба, это опять заставило вспомнить про морской путь. По инициативе Витте ведется проработка проекта Севморпути: необходимо уменьшить риск вынужденных зимовок во льдах, решить, где поставить маяки, провести телеграфные линии до портов в устьях рек и т. д. В «Воспоминаниях» Витте описывает одно из совещаний, на котором в качестве специалистов

присутствовали адмирал Макаров и Менделеев. Они долго спорили между собой, но так и не смогли ни о чем договориться, поскольку каждый отстаивал свою точку зрения.

Витте стремится решать и другие вопросы, связанные с освоением Русского Севера, в частности, направляет грузопотоки из России в Европу через Архангельск и Мурманск.

«Преобразование Архангельска в коммерческий порт Западной Сибири, – писал Витте в представлении Комитету Сибирской железной дороги, – даст могучий толчок оживлению всего нашего Севера и развитию отечественного флота, а установление прочных экономических связей между сибирскими губерниями и Архангельским краем с его энергичным и исконно-русским населением не останется без влияния на распространение частной предприимчивости в Сибири».

Большую заинтересованность проявляет Витте в мурманском проекте, особенно после поездки летом 1894 года вокруг Кольского полуострова. Познакомившись с Екатерининской гаванью, Витте представил царю доклад о целесообразности устройства здесь главной военно-морской базы и торгового порта, с прокладкой к ним железной дороги. В мемуарах довольно подробно описывается обсуждение этого вопроса с Александром III, который одобрял этот проект, и позже с Николаем II, который тоже обещал поддержку.

Но Николай не выполнил обещания, поддавшись давлению великих князей, лоббировавших строительство порта в Либаве, на Балтике. Так что планам Витте при жизни не суждено было сбыться – слишком могущественные силы при дворе и в правительстве проявляли заинтересованность в том, чтобы приоритет был отдан Балтике. Это была грубая ошибка, которая имела печальные последствия: военная база в Либаве была блокирована немцами. Строительство порта в Мурманске, на чем настаивал Витте, началось только в годы Первой мировой войны.

Хотя Витте прекрасно понимал значение освоения Русского Севера и строил грандиозные планы, но осуществить их смог лишь частично. Прокладка Северного морского пути относится уже к 1930-м годам – времени сталинских пятилеток.

В отношении Транссибирской магистрали оценки современников весьма расходились, организаторы и строители не избежали критики, прежде всего за ее неустроенность. У писателя В. В. Вересаева, проехавшего в начале XX века по Забайкалью, остались

самые мрачные впечатления об этом опасном пути. «Здесь подряд произошло три обвала. Почему не десять, не двадцать? Смотрел я на этот наскоро, кое-как пробитый в горах путь, сравнивал его с железными дорогами в Швейцарии, Тироле, Италии, и становилось понятным, что будут и десять, и двадцать обвалов. И вспоминались колоссальные цифры стоимости этой первобытно-убогой, как будто дикарями проложенной, дороги».

Жаль, что Вересаеву не довелось ездить по прежнему сибирскому тракту, так ярко описанному Чеховым. И бессмысленно сравнивать магистраль с итальянскими и швейцарскими железными дорогами – они просто несопоставимы ни по масштабам, ни по срокам и условиям сооружения.

Когда Великий Сибирский путь был достроен и сдан в эксплуатацию, то по своей протяженности – 9112 версты – дорога не знала равной в мире. Вспомним, что строительство велось в сложнейших геологических и климатических условиях, по почти безлюдной местности. В экстремальных условиях строители добились рекордной скорости укладки рельсов – 642 версты в год, что было в полтора раза быстрее, чем на Канадско-Тихоокеанской железной дороге, сооружавшейся в сходных условиях.

Достижение это было оценено на Всемирной выставке в Париже в 1900 году: Комитету Сибирской железной дороги и Министерству путей сообщения присудили «Гран-при». Обычно сдержанная английская пресса признавала: «...несмотря на все нападки на Сибирскую железную дорогу, несмотря на множество ее недостатков, все эти недочеты представляются ничтожными, сравнительно с гениальной предусмотрительностью, продемонстрированной в деле составления плана сооружения Сибирской железной дороги, сравнительно с поразительной энергией, настойчивостью и ловкостью, с которыми этот план был выполнен, и неисчислимыми последствиями, которые неминуемо повлечет за собой постройка этой линии».

Сооружение Транссибирской магистрали было продолжено, и современный вариант дороги с амурским участком появился лишь полтора десятилетия спустя. Тем не менее это строительство осталось непревзойденным рекордом и в истории России. В советский период, уже при другом, несравненно более высоком уровне техники, строительство Байкало-Амурской магистрали протяженностью в три раза меньше продолжалось более тридцати лет и осталось сегодня незавершенным.

Витте без ложной скромности писал: «...это великое предприятие было совершено благодаря моей энергии», добавляя при этом, что ему очень помогала поддержка императоров Александра III и Николая II.

Вместе с тем Витте и его единомышленники рассчитывали, что Великий Сибирский путь станет и транзитной дорогой для международных грузов. Преимущества регулярного железнодорожного сообщения перед морскими перевозками были очевидны. Время проезда из любой европейской столицы до Пекина сокращалось на две недели. Особенное беспокойство в связи с этим проявляли английские судовладельцы. Британская печать тревожно предвещала, что Транссибирская магистраль «сделает Россию самодовлеющим государством, для которого ни Дарданеллы, ни Суэц не будут играть никакой роли, и даст ей экономическую самостоятельность, благодаря чему она достигнет могущества, подобного которому не снилось еще ни одному государству».

Сибирский путь обеспечивал выход России к Тихому океану, на другом берегу которого господствовали США. Американская печать придавала глобальное значение этому обстоятельству: «...если вспомнить, что Тихий океан, соединяя два материка с 2/5 населения земного шара, приобретает в мировой торговле все возрастающее значение; если вспомнить, какие силы кроются в строящемся Панамском канале и в Великой Сибирской дороге; если вспомнить, что при современном приросте населения русские и англосаксы сделаются через столетие величайшими по своей численности национальностями, – то перед нами встает картина недалекого будущего, которая по своему величию превзойдет самое фантастическое воображение поэта».

Увы, этим предсказаниям не суждено было сбыться. В силу известных событий, связанных с Русско-японской войной и революцией, дорогу долго не могли достроить и ввести в рабочий ритм. Политические проблемы на Дальнем Востоке не позволили реализовать экономические расчеты. Не удалось наладить конкурентоспособные морские линии, которые являлись бы естественным продолжением Сибирской железной дороги. Дальневосточное пароходство с трудом обслуживало каботажные линии.

Грузовой поток в Азию шел в основном через Суэцкий, а после завершения постройки – через Панамский канал. Для сравнения: если с 1906 по 1911 год объем транзитных грузов Сибирской железной дороги увеличился с 2,3 миллионов пудов до 4,6 милли-

онов, то через Суэцкий канал за тот же период – с 837 миллионов пудов до 1143 миллионов. Таким образом, очевидно, что планы Витте по созданию сухопутного моста между Европой и Азией через Россию не удалось реализовать. Однако такая возможность сохраняется и сегодня.

Да, не все задуманное Витте удалось осуществить, но это не основание для критических оценок. Они и сегодня иногда звучат из уст зарубежных историков, которые называют Великий Сибирский путь «гигантским мыльным пузырем». Наиболее явно эта позиция изложена Стивеном Марксом в монографии, вышедшей в 1991 году и специально посвященной истории Транссибирской магистрали.

Американский историк утверждает, что Витте вовсе не являлся сторонником капиталистического развития, царский министр финансов не доверял частной инициативе и связывал свои надежды исключительно с государственным вмешательством. По мнению С. Маркса, Транссибирская магистраль была порождена державными амбициями и являлась экономически нецелесообразной. «Гаргантюанский размах» проекта, отсутствие контроля за расходованием средств, желание во что бы то ни стало ускорить работы, дозированная правда о строительстве – все это напоминало типичные черты второй советской индустриализации, начиная с Магнитогорска и кончая Байкало-Амурской магистралью.

Автор считает, что планы, которые Витте разрабатывал в Комитете Сибирской железной дороги, напоминали будущие пятилетки. Он обращает внимание на то, что многие из проектов – разработка Кузнецкого угольного бассейна, добыча золота в Северо-восточной Сибири, поиски Северного морского пути – были реализованы в сталинский период.

Наверное, некоторые аналогии возможны, но здесь они весьма поверхностны. Американский историк не учитывает различий характера и методов решения проблем социально-экономического развития страны. Общее для этих двух периодов истории России – стремление догнать страны Запада, и сделать это быстро, отсюда мобилизационный характер экономики, ущемление интересов населения. Государственное планирование, в особенности стратегическое, не дефект, оно признано необходимым сегодня в большинстве высокоразвитых стран, как и вообще государственное регулирование экономики. Весь вопрос – в методах и инструментах регулирования. Витте не использовал жесткое директив-

ное планирование, ставшее основой сталинских пятилеток, оно носило скорее индикативный, ориентирующий характер. Витте не использовал неэкономическое принуждение, когда с помощью миллионов заключенных ГУЛАГа осуществлялись великие стройки коммунизма. Привлечение каторжников Сибири к строительству Транссиба носило ограниченный характер, их было не больше 2 тысяч человек (менее 3% рабочих).

Общим является активная, ведущая роль государства, концентрация финансовых ресурсов в руках казны. Но при Витте не было и намека на абсолютный монополизм государства: экономика была рыночной, Министерство финансов всячески стимулировало развитие частного предпринимательства, включая и финансовую сферу. Отнюдь не державные амбиции, а назревшие естественные потребности диктовали необходимость строительства Транссибирской магистрали и освоение богатств Сибири и Дальнего Востока. Другое дело – строительство КВЖД и экономическая экспансия в Маньчжурии, о чем подробнее скажем в следующей главе.

Строительство Великого пути очень дорого обошлось стране, и любая частная корпорация или даже консорциум неминуемо бы обанкротились и бросили дело на полпути, столкнувшись с непредвиденными трудностями. В ином положении находилась государственная казна, не подотчетная общественному контролю, но в руках честного чиновника – государственного деятеля. Вопросы финансирования строительства решались с помощью бюджета, не пришлось прибегать к невыгодным займам, конфисковывать деньги у населения. Причины государственного банкротства России в начале XX века, на наш взгляд, связаны с войнами и политическими потрясениями.

Как показало строительство Сибирского пути, государство располагало весьма развитым аппаратом для хозяйственного управления и решения различных экономических вопросов. Однако оно не могло успешно функционировать без тесного взаимодействия с частным сектором, удельный вес которого постоянно возрастал. Казенное хозяйство имело определенные исторические перспективы лишь как составная часть общерыночного хозяйства.

В ознаменование завершения постройки магистрали Николай II повелел увековечить память своего отца – «Державного основателя Великого пути». В Петербурге и Владивостоке – на двух противоположных концах пути – было решено воздвигнуть памятники Александру III. Витте в «Воспоминаниях» утверждает, что инициатива сооружения памятника в Петербурге принадлежит исключительно ему. «Я представил его величеству императору Николаю II мою мысль, которую, конечно, император принял с радостью».

Витте предложил объявить анонимный конкурс на проект памятника. После выставки проектов в Зимнем дворце члены цар-

*Памятник Александру III
на Знаменской площади,
г. Санкт-Петербург*

ской семьи остановились на варианте, автором которого оказался молодой полуитальянец, малоизвестный скульптор Паоло Трубецкой. Царь поручил Витте руководить комиссией по созданию и установке памятника, и тот выполнял эту обязанность, даже уйдя в отставку. «В хозяйственную часть комиссии я вмешивался, но в художественную часть не вмешивался», – утверждает Витте. Он отмечает, что скульптор Трубецкой, «человек почти совсем необразованный и даже весьма мало воспитанный, но с громадным художественным талантом, не признавал никакого авторитета».

Работа по созданию памятника продолжалась долго, около десяти лет, и Витте пришлось нелегко, поскольку «Трубецкой обладал совершенно неуживчивым характером. Он решениям комиссии не подчинялся, постоянно обходил указания, которые ему давали как князь Голицын, так и я, которым было поручено полное руководство этим делом».

Тем не менее можно предполагать, что у Витте с Трубецким сложились неплохие личные отношения, поскольку скульптор в 1901 году сделал замечательный бронзовый скульптурный портрет в мелкой пластике «С. Ю. Витте с сеттером». А еще раньше, в 1897 году, исполнил скульптуру «Девочка с собакой (Друзья)», изобразив, по всей видимости, приемную дочь Витте Веру. В «Записках девочки» говорится, что в доме Витте все годы держали собаку – сначала это была Арапка, а когда ее не стало, «взяли щенка, тоже породы сеттер». У Трубецкого есть и еще одна работа, также в мелкой пластике, под названием «Собака (Сидящий сеттер)», датируемая 1898–1899 годами. Весьма вероятно, что Трубецкой нередко бывал в доме Витте, открытом для всех. Кстати говоря, все эти работы Трубецкого, как и памятник Александру III, находятся в Русском музее, к созданию которого Витте имеет непосредственное отношение.

А работа над памятником Александру III шла очень трудно, члены императорской фамилии, которые внимательно следили за ходом работы, делали много критических замечаний, приходилось переделывать. Так, великий князь Владимир Александрович говорил Витте, что «он никогда не позволит выставить памятник, вылитый по модели князя Трубецкого, так как это представляет собою карикатуру на его брата». В конце концов модель была вполне одобрена и императором, и императрицей-матерью, пора было приступать к отливке. И здесь, ради предосторожности, Витте распорядился выставить гипсовую модель на Знаменской площади – напротив Николаевского вокзала. «Я помню как теперь, – пишет Витте, – что я в 4 часа ночи, по рассвету, поехал туда. На меня произвел этот памятник угнетающее впечатление, до такой степени он был уродлив... Сам Трубецкой признал многие капитальные недостатки его и очень меня благодарил, что я сделал такую пробу. Затем он эту модель еще значительно переделал».

Памятник отливали итальянские мастера, и наконец в мае 1909 года настал день его открытия. Это стало событием в жизни Петербурга. Как пишет Витте, «в обществе начали относиться к

этому памятнику крайне критически. Все его критиковали. Поэтому у меня явилась дилемма: идти ли мне на открытие памятника или не идти». Это было связано с обидами, которые накопились у Витте, так как отношения с царем были вконец испорчены. Он все же пошел и был во главе комиссии по сооружению памятника.

«Памятник открыли при торжественной обстановке: его величество командовал войсками, которые проходили перед памятником. Государь сказал мне несколько слов, казалось, что государь это сделал по настоянию императрицы Марии Федоровны... Таким образом, все это неприятное дело свалилось с моих плеч, – пишет Витте. – Мне было, конечно, крайне неприятно то, что памятник этот при открытии заслужил общее хуление. Отчасти эта критика была связана с тем, что памятник императору

*П. П. Трубецкой.
С. Ю. Витте с сеттером.
Бронза. 1901.
Государственный Русский музей*

Александру III, императору весьма реакционному, был так скоро открыт благодаря моему содействию, моей энергии, в то время когда памятник Александру II и до настоящего времени отсутствует, а большинство критиковало потому, что этот памятник вообще представляет собой нечто несуразное».

Памятник Александру III всегда был предметом споров. Талантливому скульптору, без сомнений, удалось передать богатыр-

скую мощь и типично русский облик царя, что так импонировало Николаю II и царской семье. Но очевидно, что Трубецкой придал гротескные черты всей композиции, – это было связано с принципами работы скульптора, который заявлял: «Я не понимаю, как можно срисовывать портрет. Портрет не должен быть копией. В глине и на полотне я передаю идею данного человека, то общее, характерное, что я вижу в нем».

Памятник непочтительно называли «разжиревшим урядником», «конным будочником», а то и просто «пугалом». Втихомолку поговаривали, что Трубецкой «вылепил карикатуру на отца, а недалекий сын позволил выставить ее на всеобщее осмеяние». Витте попал в весьма щекотливое положение. Александр III был почитаемым им монархом, памятник строился под его наблюдением, а на свет появилось «нечто несуразное».

Но прошло время, и с этим памятником более или менее примирились, а некоторые, например Репин, даже находили его выдающимся в художественном отношении, – узнаем мы из мемуаров.

Любопытна дальнейшая судьба памятника. Вскоре после Октябрьской революции его как «символ тупого самодержавия» убрали со Знаменской площади, и он многие десятилетия стоял в «запасниках», во дворе Русского музея. В постсоветский период была идея вернуть его на прежнее место, но там уже возвышался монумент в честь города-героя Ленинграда. После долгих поисков памятнику Александру III нашли удачное место перед Мраморным дворцом, переданным под экспозиции Русскому музею. А в советское время в этом здании был музей В. И. Ленина и стоял броневик. Весьма символично, не так ли?

Итак, памятник «Державному основателю Великого пути» благодаря усилиям Витте все же появился. Имена многих строителей дороги увековечены в мемориальных досках на станциях, в названиях площадей и улиц. Но ничто не напоминает о Витте. Сам он в горячке работы не придавал этому значения, но, как говорили древние, справедливость состоит в воздаянии всем должного. Есть, на наш взгляд, достаточно оснований, чтобы считать всю Транссибирскую магистраль большим памятником государственному творчеству Сергея Юльевича Витте.

Глава седьмая

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА: РАСЧЕТЫ И ПРОСЧЕТЫ

«Мне до всего есть дело», – так можно сформулировать внутреннюю установку Витте, которая определяла его государственное творчество. Министр финансов в своей деятельности вторгся во многие сферы, казалось бы далекие от интересов экономического ведомства. Ну что общего, например, в делах Министерства иностранных дел и Министерства финансов? Разве что отдельные внешнеэкономические акции да какие-то хозяйственные вопросы, поскольку они были соседями – располагались в одном здании на Дворцовой площади. Но вот записи из дневника директора канцелярии МИДа В. Н. Ламздорфа от 11 мая 1895 года. Он цитирует письмо русского министра иностранных дел своему французскому коллеге: «В ответ на Ваше последнее послание я направил Вам письмо, согласованное с господином Витте...» Суббота, 27 мая 1895 года: «Посланник Китая и наш министр финансов долго совещаются с князем Лобановым». А. Б. Лобанов-Ростовский был в 1895–1896 годах министром иностранных дел и очень тесно сотрудничал с Витте, о чем свидетельствуют и «Воспоминания» последнего. Такое же сотрудничество сохранялось и при последующих министрах – М. Н. Муравьеве и В. Н. Ламздорфе.

Хотя Витте больше известен своей восточной политикой, но его первые шаги на международной арене были связаны с Европой. Как пишет академик Е. В. Тарле, «дипломатическая его деятельность началась блистательным успехом в Берлине в 1894 году при подписании торгового договора и закончилась блистательным успехом в Париже 1906 года, в год миллиардного займа». Иначе говоря, Европа также была объектом пристального внимания Витте, поскольку в то время здесь находился центр мировой политики, располагались страны, с которыми Россия стремилась тесно сотрудничать, прежде всего Германия и Франция, где делались займы. Определенные контакты поддерживал Витте с правительствами Великобритании и США, но менее успешно.

Международный дебют Витте состоялся в форме открытого конфликта с Германией, который получил даже название «таможенной войны». Молодой министр финансов взял тогда верх, добившись заключения торгового договора между странами на более справедливых условиях, чем сразу обратил на себя внимание в дипломатических кругах Европы.

В последующем Витте вырабатывает и свою европейскую позицию. Он так сформулировал ее в беседе с германским императором Вильгельмом II во время визита того в Петербург в 1897 году: «Вообразите себе, ваше величество, что вся Европа представляет собой одну империю, что Европа не тратит массу денег, средств, крови и труда на соперничество различных стран между собой, не содержит миллионы войск для войн этих стран между собой и что Европа не представляет собой того военного лагеря, каким она ныне в действительности является, так как каждая страна боится своего соседа: конечно, тогда Европа была бы и гораздо сильнее и гораздо культурнее; она действительно являлась бы хозяином всего мира, а не дряхлела под тяжестью взаимной вражды, соревнований и междоусобных войн. Для того чтобы этого достигнуть, нужно прежде всего стремиться, чтобы установить прочные союзы между Россией, Германией и Францией».

Возможно, Витте первым поставил вопрос об объединении государств Европы (правда, поначалу не в полном составе, это стало возможным только столетие спустя, после двух войн), но милитариста Вильгельма эта идея никак не увлекла. Более конкретно речь шла о создании оси: Петербург–Берлин–Париж. Витте считал, что континентальный союз трех великих военных держав – это гарантия мира в Европе, а поскольку в Азии к тому времени уже был союз с Китаем, то Россия может не бояться никаких внешних опасностей.

Академик Тарле утверждает: «Основой всех воззрений Витте на внешнюю политику является глубокое убеждение, что Россия не может и не должна воевать. Замечательно, что эта мысль является у него скорее интуицией, чем логической выкладкой. Политик-реалист до мозга костей, Витте вообще полагал главную задачу государственной деятельности в удовлетворении назревающих нужд и непосредственных запросов и с этой точки зрения – правильно или неправильно – ставил на очередь и разрешал колоссальные проблемы».

С точки зрения Витте, России требовалось только одно: не ввязываться ни в какую войну. Нет ни единой потребности рус-

ского государства, которую нельзя было бы вполне удовлетворить, не прибегая к войне. Причем России не только незачем, но и невозможно воевать. В этом он расходился с большинством сановников монархии и в этом был антиподом немецкому канцлеру Бисмарку, который превратил войну в инструмент политики.

Под определенным влиянием Витте Россия стала инициатором Гагской мирной конференции. В «Воспоминаниях» Витте пишет: «В беседе с графом Муравьевым (министром иностранных дел) я ему высказал и объяснил, какой вред принесет всему свету и специально Европе все увеличивающееся перевооружение, что такого рода затраты совершенно обессиливают население и лишают возможности безбедно жить, что от такого положения вещей рождаются социалистические учения, поэтому я со своей стороны считаю величайшим счастьем для Европы в частности и для всего мира вообще, если будет положен предел вооружению, если, наконец, люди и государство поймут, что от вооруженного мира народы страдают не менее, нежели от войны».

После согласования с царем 12 августа 1898 года последовало обращение России к представителям держав, в котором предлагалось созвать первую международную конференцию для обсуждения вопроса о разоружении. Она состоялась в мае 1899 года.

После Гагской конференции Витте пишет: «...я имел случай говорить по этому предмету с государем и выразил мнение, что не может быть никакого сомнения в том, что практических результатов от этой конференции ожидать нельзя, так как восстановить всеобщий мир и прекратить тот, можно сказать, разврат, внедрившийся в народах, который приводит их к разрешению всех недоразумений посредством пролития крови, так же трудно, как трудно проводить священные истины Сына Божия; потребуются столетия для того, чтобы идея о мирном разрешении вошла в практический обиход».

Политический реализм Сергея Юльевича проявлялся не раз: к примеру, в конце 1896 года он отказался поддержать авантюру графа Нелидова по захвату Босфора. Оппозицию «партии войны» он занял и в вопросе о Русско-японской войне.

Оценивая внешнеполитические взгляды Витте, можно сказать, что по многим вопросам он проявлял дальновидность, опережая свое время. Что касается понимания им геополитических интересов России, то тут Витте стал одним из первых, кто в конце XIX века начал поворот к реальному осмыслению роли России

как азиатской державы. Петр I, «прорубив окно в Европу», сделал крен в сторону утверждения России европейской, а Витте своей восточной политикой и строительством Транссибирской магистрали во многом уравнивал положение страны как Евразии. Однако Витте всегда боролся и с тенденцией преувеличить нашу «азиатскую программу», считал, что основной наш путь – европейский, общекультурный.

Витте не был милитаристом, но, действуя в русле имперской политики царской России, делал ставку на мирную экономическую экспансию на Востоке. Он, по-видимому, не думал, что это может усилить агрессивность русской внешней политики и привести к войне.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Такой крупный государственный деятель, каким был Витте, не мог не учитывать местоположение и роль России в мире, не разделять национальных идей и не стремиться реализовать стратегические интересы страны. Для раскрытия характера и направления деятельности Витте, особенно его восточной политики, необходимо прежде всего рассмотреть геополитические идеи, которые определяли имперскую политику России в предшествующий до него период, и понимание Витте природно-географических особенностей страны.

Уникальность геополитического положения России подчеркивают все исследователи. На географическом пространстве Земли страна занимает центральную позицию, по терминологии геополитики – Хартленд (сердцевинную Землю). Огромное пространство, ограниченное с севера арктическими морями и труднодоступными территориями – на юге и востоке, всегда привлекало внимание политиков. Историческая миссия России – удерживать равновесие между великими цивилизациями Запада и Востока, обеспечивать мировой баланс сил.

Зарождение геополитики как науки относится к началу XX века. А до того, еще со времен Платона и Аристотеля, известны были идеи географического детерминизма. Русская школа детерминизма складывалась в XIX веке, анализом природных и географических факторов занимались Б. Н. Чичерин, А. И. Гер-

цен, В. О. Ключевский, И. А. Солоневич и другие мыслители. Например, Солоневич, сопоставляя личные свободы в России, в США и Англии, прямо относит их на счет географического фактора. «Американская свобода, как и американское богатство, – пишет он, – определяется американской географией – наша свобода и наше богатство ограничены русской географией. Русский народ никогда не будет иметь такие свободы, какие имеют Англия и США, потому что безопасность последних гарантирована океанами и проливами, а наша может быть гарантирована только воинской повинностью. Из всех же “несвобод” воинская повинность является первой». Говоря же о бедности России, Солоневич считает, что она не имеет никакого отношения к политическому строю. Она обусловлена тем фактором, для которого евразийцы нашли очень яркое определение: «географическая обездоленность России».

Витте в «Конспекте лекций» тоже значительное внимание уделяет географическому фактору: «По условиям своей исторической жизни Россия долгое время была исключительно континентальным государством. Исконное Белое море не могло служить путем единения русского народа с Западной Европой... Петр I открыл своему народу “окно в Европу”, основав Петербург. С каждой новой волною Россия приближалась к морям и в настоящее время владеет берегами на двух океанах и шести морях. Однако наше положение относительно морей не вполне благоприятно, так как они находятся в разных климатических, географических, политических и торговых условиях».

На рубеже XX века, после завершения колонизации слабо-развитых стран, «уплотнения» мирового пространства, происходит новое осмысление геополитических реалий. Отец геополитики немецкий ученый Ф. Ратцель сформировал концепцию, согласно которой пространство страны не просто территория, занимаемая государством. Пространство само есть политическая сила, то есть нечто большее, чем физико-географическое понятие. Оно представляет собой те природные рамки, в которых происходит экспансия народов.

Интересна позиция английского геополитика Х. Маккин-дера. Впервые он изложил свои взгляды в 1904 году на лекции под названием «Географическая ось истории» в Британском королевском географическом обществе. Суть его идеи была в том, что роль осевого региона мировой политики и истории играет огром-

ное внутреннее пространство Евразии и что господство над этим пространством может явиться основой для мирового господства. «Окидывая беглым взглядом широкие потоки истории, – писал он, – нельзя избавиться от мысли об определенном давлении на нее географических реальностей. Обширные пространства Евро-Азии, недоступные морским судам, но в древности открытые для полчищ кочевников, покрываемые сегодня сетью железных дорог, – не являются ли именно они осевым регионом мировой политики? Здесь существовали и продолжают существовать условия для создания мобильной военной и экономической мощи. Россия заменила монгольскую империю. Место былых центробежных рейдов степных народов заняло ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию и Китай. В мире в целом она занимает центральную стратегическую позицию, сравнимую с позицией, занимаемой Германией в Европе. Она может наносить удары по всем направлениям, но и сама получать удары со всех направлений».

Однако русская философская мысль, увлеченная выяснением отношений православного Востока и латинского Запада, была недостаточно внимательна к азиатскому Востоку. Об этом напомнил Ф. М. Достоевский, заметив, что общественное сознание мало обеспокоено ясным пониманием миссии России в Азии. «Да и вообще вся наша русская Азия, включая Сибирь, – писал он, – для России все еще существует в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться». Такое пренебрежение недопустимо, считает писатель, потому что «Россия не только в одной Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход».

При Петре I Российская империя вошла в более тесные соприкосновения с европейскими государствами, чем это было раньше. Сам Петр умел разбираться в новых взаимоотношениях и направлять их в своих целях. Почти два столетия и после Петра наша дипломатия обращала внимание преимущественно на политику европейских держав. Этому способствовал и личный состав дипломатического корпуса, в котором чувствовалось преобладание иностранцев. Русские дипломаты искусно разбирались в тонкостях дипломатических отношений между европейскими державами, но часто бывали совершенно не осведомлены в отношении Востока. В подтверждение этого можно сослаться на

«Воспоминания» Витте, где дается такая характеристика министру иностранных дел князю Лобанову-Ростовскому: «Он знал все, что касается Запада... Дальний же Восток его не интересовал, и он ничего о нем не знал».

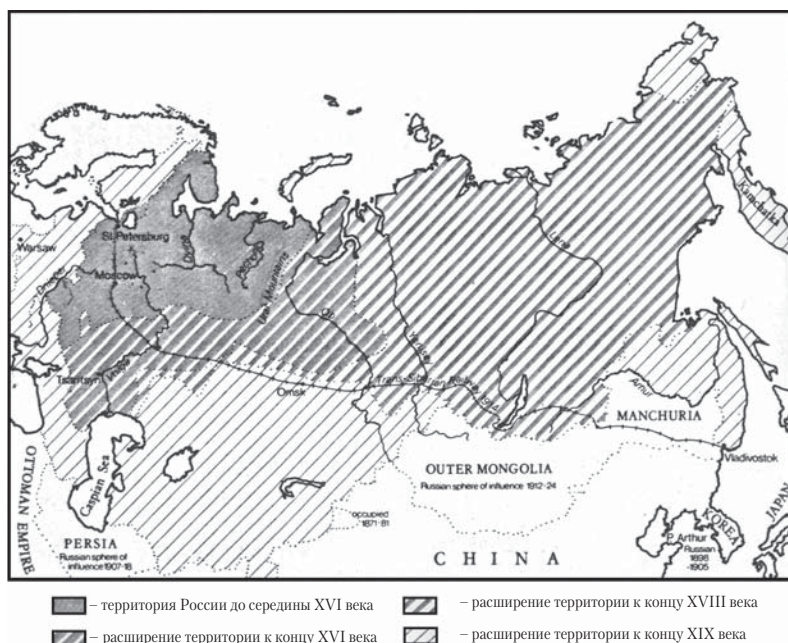
Внешняя политика России со времен Петра I была империалистической и не могла быть иной. Экспансия на юг и восток путем освоения «ничьих» территорий стала основой создания Российской империи, достигшей к концу XIX века максимальной территории.

Однако расширение государства загоняло Россию в имперскую ловушку: увеличивалась территория, которую надо было охранять, удерживать, осваивать. Это обессиливало метрополию. Россия стала заложницей военно-имперской системы, которая выступала перед коленопреклоненной страной как ее вечный благодетель и спаситель от внешней угрозы, как гарант существования нации. Монгольское иго сменилось игом бюрократическим. А чтобы протест населения, вечно платящего непосильную дань, не принимал слишком острых форм, постоянно культивировалось «оборонное сознание» – ксенофобия, великодержавный комплекс. Все, что касалось государства, объявлялось священным, патриотическим.

Время царствования императора Александра III считается сравнительно стабильным во внешнеполитическом плане. Победа в Русско-турецкой войне способствовала укреплению военного авторитета России на международной арене, патриотическому подъему и утверждению идеологии панславизма. Славянофилы усилили свое воздействие на внешнюю политику, они ставили задачу укрепить русское влияние на окраинах России и в Азии, но царь не склонен был поддерживать такого рода инициативы. Словом, к началу 90-х годов империя находилась в состоянии подъема и относительного спокойствия. Предшественники Витте в Министерстве финансов Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградский занимались своим непосредственным делом, мало касаясь внешнеполитических вопросов. Ситуация изменилась с приходом нового министра.

Начав государственную карьеру, Витте довольно быстро освободился от славянофильских взглядов на внутреннюю экономическую политику, но не на международные дела. Формируя свою «систему», он включает в нее и внешнеэкономические аспекты. Имперская внешняя политика, по мнению Сергея Юльевича, должна более тесно увязываться с экономической. Излагая свои

взгляды царю в 1900 году, Витте предсказал потерю Россией самостоятельности и положения великой державы, если в ближайшие десятилетия русская промышленность окажется не в состоянии своими продуктами покрыть не только внутренние потребности, но и потребности азиатских стран, которые находятся или должны находиться под влиянием России. «Ведь владычество метрополий над колониями, – писал в своем докладе Витте, – укрепляется ныне всего более силою не оружия, а торговли, и слуге Вашего величества неотрадно думать, что, может быть, медленный рост нашей промышленности затруднит выполнение великих политических задач монарха, что неполнота экономического развития может повлечь за собой политическую и культурную отсталость страны».

По Витте, для ускорения экономического развития России необходимо соединять свои финансовые возможности, поддержанные иностранным капиталом, с активной борьбой за рынки сбыта на восточных окраинах, чтобы за несколько лет занять там прочные позиции. Это дало бы возможность постепенно укрепить национальную экономику, а «проценты на капиталы, полученные в Европе, выплачивать из выручки от вывоза в Азию».

ЭТАПЫ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Дальний Восток в конце XIX века стал ареной борьбы крупнейших империалистических держав за влияние в этом важном регионе, в которую оказалась вовлечена и Россия. Как пример имперского мышления «поневоле» любопытны рассуждения П. П. Мигулина, который в 1905 году в оправдание восточной политики России пишет: «Мы в данный момент еще не нуждаемся в земельных территориях и могли бы обождать с движением к Тихому и Индийскому океанам, если бы это зависело от нас. Но ведь с империализмом надо считаться как с фактом. Пусть с точки зрения права и морали империализм явление нежелательное, как политика эгоизма, самоудовлетворения, как возрождение идей меркантилизма, что же можем сделать мы против этого мирового и грозного для нас движения? Только вооружиться таким же оружием».

Витте явился активным проводником имперской политики России на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии. На этом пути он встретил многочисленные препятствия и ловушки, усердно расставлявшиеся его противниками как вне, так и внутри страны. Борьба шла вокруг программы, которую выдвинул и настойчиво проводил Витте. Проводил же он ее тем настойчивее, чем больше вкладывал в осуществление ее, по собственному выражению, «труда и сердечных забот», чем больше входил в роль руководителя своего «треста», слагавшегося из целого ряда предприятий с Русско-Китайским банком во главе.

Это дальневосточное, по сердитому выражению Плеве, «государство Витте», костяком которого являлась Китайская Восточная железная дорога, протяженностью около 2400 верст, год от года все повелительнее ставило себе на службу внешнюю по-

литу Российской империи в 1895–1904 годах и неудержимо втягивало самого Витте в работу дипломатической кухни, где он временами играл решающую роль. «В то время вопросами Дальнего Востока занимался исключительно я, – пишет Витте. – Государь-император желал вообще распространить влияние России на Дальний Восток и увлекался этой идеей».

Как ни любил Витте подчеркивать, что он «не дипломат» в профессиональном смысле, на деле в течение восьми лет (1895–1903 гг.) ему пришлось не раз выступать на внешнеполитической сцене, не говоря уже о ее кулисах, – он не допускал, чтобы без него сделали хоть шаг. С лета же 1900 года, после назначения министром иностранных дел В. Н. Ламздорфа, он пользовался в Министерстве иностранных дел непрерываемым авторитетом по дальневосточным делам. Его властное и ревнивое отношение как к решению основных вопросов, так и к мелким, на первый взгляд, делам находит объяснение не только в личных чертах характера. Главным было то, что основы восточной политики империи закладывались им и связаны были с общим планом экономического развития страны, сложившимся у него в начале 90-х годов. Любой дипломатический ход, не им задуманный и с ним не согласованный, воспринимался Витте как опасное вмешательство и покушение на дело, ответственность за которое он взял на себя.

Можно условно выделить три этапа в восточной политике Витте: первый – 1892–1894 годы, по существу ознакомительный; второй – 1895–1897 годы – этап дипломатических маневров; третий – 1898–1903 годы – этап практических свершений.

Внимание к Китаю Витте стал проявлять гораздо раньше, чем взялся описывать в «Воспоминаниях» события на Дальнем Востоке. Он опустил ряд существенных моментов, в частности авантюру П. А. Бадмаева, к которой Сергей Юльевич имел непосредственное отношение. Уже в ноябре 1892 года в докладе, посвященном строительству Великого Сибирского пути, Витте высказал мысль, что предпринимаемый «переворот в направлении сообщений между Европой и азиатским Востоком последует в пользу России не только как посредника в торговом обмене, но и как крупного производителя и потребителя, ближе всего стоящего к народам азиатского Востока». В один только Китай ввозились тогда хлопчатобумажные и шерстяные изделия и металлы на сумму 80–90 миллионов рублей, между тем как весь ввоз из России туда не превышал 3 миллионов рублей. Если же взять не один Китай, а и Японию, и

Корею, то будет видно: располагая 460-миллионным населением и делая оборот в международной торговле в 500 миллионов рублей, эти страны далеко еще не развили своих торговых сношений с Европой до предела. И в Петербурге учитывали, что Россия с проведением сибирской магистрали получит в этом отношении важные преимущества перед всеми другими государствами Европы. Такими событиями начинаются «новые эпохи в истории народов, коренной переворот установившихся экономических соотношений между государствами», утверждал Витте.

«Коренной поворот» должен был коснуться интересов прежде всего Англии, которая владела вывозом 2/3 товаров, отправляемых из китайских портов. Сибирская магистраль «посредством ветви в китайские пределы передает России роль Англии в чайной торговле и откроет русскому капиталу непосредственный обмен с внутренними провинциями Китая». В докладе учитывался и военный аспект, а именно то, что железная дорога «обеспечит русскому военному флоту все необходимое и даст точку опоры в наших восточных портах. С открытием дороги этот флот может быть значительно усилен и в случае политических осложнений, как в Европе, так и азиатском Востоке, получит в высокой степени важное значение, господствуя над всем международным коммерческим движением в тихоокеанских водах».

Как видно, уже в 1892 году Витте строил стратегические планы, выражавшие геополитические интересы царского правительства на Дальнем Востоке. К этому времени относится появление плана Бадмаева, который в феврале 1893 года подготовил записку царю, переданную через Витте. Врач тибетской медицины, П. А. Бадмаев тогда уже был известен в высших кругах Петербурга, его чудодейственные лечебные средства пользовалась успехом у аристократии. Но Бадмаев был еще и крупным дельцом, его интересы вторгались в область внутренней и даже внешней политики. Он был образованным человеком, закончил Восточный факультет Петербургского университета. В 1871 году Бадмаев принял православие, и его крестным был будущий император Александр III, тогда еще наследник. Одно время Бадмаев служил в Министерстве иностранных дел. На политическую арену он вступил еще при Александре III, но звезда его засияла в конце правления Николая II, при Распутине.

Близко знавший Бадмаева Витте считал его «типичнейшим азиатом», но человеком весьма умным. И хотя «весь ум Бадмае-

ва, вся его энергия направлены были в сторону различных афер, нельзя не признать, что в самом размахе этих афер видна птица большого полета», – писал он в «Воспоминаниях».

В записке царю от 13 февраля 1893 года Бадмаев изложил феерический план присоединения Китая к России. При этом он делает приписку для Витте: «Мера, предлагаемая мною в записке, ясно обнаруживает возможность присоединения к России монголо-тибето-китайского Востока без кровопролития, при некоторой материальной поддержке. Почтейнейше прошу доложить государю императору обо все этом».

Докладывая Александру III об этом послании, Витте пишет, что Бадмаев высказывает «весьма серьезные взгляды по упомянутому предмету, во многом совершенно оригинальные, уста-

П. А. Бадмаев

навливающие новую точку зрения в практических вопросах политики, что особенно имеет значение в настоящее время». Суть предложений Бадмаева заключалась в том, что для обеспечения Сибирской железной дороге финансового процветания важно соединить ее ветвью с городом Лан-Чжоу-Фу (в китайской провинции Гань-Су), стоящим в 1800 верстах от русской границы. Эта ветвь привязала бы к Сибирской дороге западные провинции Китая. Но проведение ветви к Лан-Чжоу-Фу не может быть подготовлено дипломатическим путем. Маньчжурская династия в

Китае, по мнению Бадмаева, в скором будущем неминуемо должна пасть, так что на монголо-тибето-китайском Востоке назревают важные перемены, которые могут обратиться во вред России, если ходом событий на Востоке овладеет европейская политика, а могут, напротив, дать России неисчислимые выгоды, если опередить Западную Европу в делах азиатского Востока.

В самой записке Бадмаева содержался и план военных действий: «Идти на Лань-Чжоу-Фу и взять этот стратегический пункт без кровопролития. Из этого пункта весьма удобно распространить влияние на весь Китай, Тибет и Монголию. В период взятия Лань-Чжоу-Фу следует располагать военной силой не более как 20–30 тысяч конницы, вооруженной огнестрельным оружием».

Почему без кровопролития? А потому, что народы Азии, по Бадмаеву, тогда «искали покровительства, защиты, дружбы и подданства России. Они относились и ныне относятся с энтузиазмом к царствующему в России дому и беспредельно преданы Белому царю».

На этом докладе Витте Александр III наложил следующую резолюцию: «Все это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха. 27 февраля 1893 г.».

Витте, видимо, полагал, что если бы бадмаевский проект оказался успешным, геополитическое положение России стало бы неуязвимым. Овладев территориями между побережьями Тихого океана и высотами Гималаев, Россия заняла бы господствующее положение не только в Азии, но и в Европе. Здравый взгляд царя на явную авантюру остудил пыл министра финансов.

Бадмаев, предлагая свой проект, был прав в одном: позиции маньчжурской династии в Китае действительно были очень слабы (в итоге она была свергнута в 1911 году). А из этой ситуации можно было извлечь много выгоды, к чему и стремились великие державы, включая Россию. Строя планы на Востоке, царское правительство явно не учитывало, какой огромный потенциал политических и национальных сил, враждебных имперской России, скрывается за этим предприятием.

Постройка Транссибирской магистрали шла быстрыми темпами, но гроза разразилась на Дальнем Востоке раньше, нежели царское правительство успело закончить сибирскую дорогу и явиться во всеоружии к своим дальневосточным рубежам.

В августе 1894 года на юге Корейского полуострова поднялось восстание под лозунгом «долгой иностранцев», которое дало

повод ввести в Корею сначала китайские, а затем японские войска. Япония использовала возможность для начала войны против Китая, якобы в защиту независимости Кореи. В результате непродолжительной войны Япония одержала победу и оккупировала Южную Маньчжурию.

Подписание Симоносекского мирного договора было назначено на 8 апреля 1895 года. В Петербурге об этом узнали в марте, пришлось срочно принимать решения о будущей политике. Министр иностранных дел князь Лобанов-Ростовский так поставил вопрос перед Николаем: надо выбирать между Китаем и Японией как возможными союзниками России в будущем. По сути, он предложил отступить перед агрессором и приступить к дележу Китая вместе с Японией на основе полюбовного соглашения. И царь согласился.

Но скоро ситуация круто изменилась. Германия, заинтересованная закрепиться в Китае, заявила о своей готовности присоединиться к любому шагу России, чтобы заставить Японию уйти из Маньчжурии. Франция тоже вызвалась «сообразовать свои действия с нашими». В свете этих новых данных вопрос о дальнейших действиях России 30 марта 1895 года перешел на обсуждение особого совещания правительства. Решительным противником соглашения с Японией и уступки ей Южной Маньчжурии выступил Витте. Он заявил, что настоящая война направлена «прямо против России и что если мы теперь допустим японцев в Маньчжурию, то для охраны наших владений и Сибирской железной дороги потребуются сотни тысяч войск и значительное увеличение флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем в столкновение с японцами». Витте потребовал предъявления Японии ультиматума об очищении Южной Маньчжурии, так как «нам выгоднее решиться на войну теперь». И на совещании министров Витте настоял на своем, пригрозив, что «в случае неудачного решения этого вопроса мы рискуем потерять все, что с таким трудом сделано для упорядочивания наших финансов».

Столь решительную позицию Витте занял по совету Бадмаева, который незадолго перед этим побывал в Пекине и хорошо знал ситуацию. Витте понял, что Япония отступит, если сильно надавить. Как отмечает Е. В. Тарле, «в тех случаях, когда он был уверен, что дело до войны не дойдет, что всегда можно будет вовремя дать задний ход, Витте обнаруживал умение развить максимум энергии и произвести нужное впечатление на противника».

В крайнем случае Витте готов был уступить Японии Порт-Артур и даже южную часть Кореи, «но только не Маньчжурию». Он предложил, отказавшись пока от захватов («дабы не иметь против себя одновременно Китай и Японию»), «заявить решительно, что мы не можем допустить занятия Японией Южной Маньчжурии», выступая как бы гарантом целостности Китая.

Министр финансов не случайно так отчаянно боролся за Маньчжурию – у него явно были в этом районе свои цели, связанные с прокладкой Великого пути. «Явился вопрос, как направить дальше железную дорогу – по нашим владениям, делая большой круг по Амуру, или в том или другом направлении воспользоваться китайской территорией, т. е. северной частью Маньчжурии», – пишет Витте в «Воспоминаниях». А выбор был уже сделан.

Второй этап восточной политики Витте связан с активными дипломатическими усилиями по созданию политической платформы для строительства КВЖД. Тем более что приамурский генерал-губернатор Духовской и директор Азиатского департамента МИДа граф Капнист предупреждали Витте, «что он принимает неслыханный и связанный с громадным политическим риском опыт военно-этапной дороги по чужой территории, что дело никак не обойдется без военного занятия Маньчжурии и что, мол, русскому капиталу там делать нечего». Витте парировал эти соображения тем, что между главными европейскими державами и Японией идет напряженное соперничество и что Россия по необходимости должна следовать образу действий своих экономических соперников. И он начал основательную подготовку.

Прежде всего Россия заявила себя другом Китая и стала как бы гарантом сохранения независимости страны. Добившись от Японии отказа от оккупации территории Китая при заключении Симоносекского мирного договора, Россия подписала с Китаем оборонительный договор против Японии.

Японские публицисты и дипломаты, писавшие впоследствии о причинах Русско-японской войны, прямо связывали их именно с вмешательством России в Симоносекский договор. Россия грубо, ультимативно отняла у Японии плоды ее победы, что настроило Японию против соседа.

Министерство финансов России оказало китайскому правительству значительную услугу, договорившись с французскими банкирами о предоставлении кредита Китаю для уплаты контрибуции Японии.

Осенью 1895 года было принято решение о начале изыскательских работ по строительству железной дороги в Северной Маньчжурии. Но Пекин, несмотря ни на что, не желал давать России железнодорожных концессий. Переговоры русского посла в Пекине А. П. Кассини по этому вопросу оказались безуспешными.

Тогда, весной 1896 года, Витте организовал приезд в Петербург главного сановника Китая Ли Хун-Чжана, о чем он подробно пишет в «Воспоминаниях». Для встречи важного гостя был выслан в Суэцкий канал специальный пароход, на котором председатель правления Русско-Китайского банка князь Ухтомский доставил его в Россию. В Петербурге высокий китайский гость был окружен особым вниманием и заботой. Все было продумано до мелочей: почетный военный караул, экстренный поезд, роскошные апартаменты, многочисленные подарки. Витте присутствовал при туалете Ли Хун-Чжана и в почтительном молчании наблюдал, как слуги натирали его тело благовониями.

Видимо, в знак особого уважения к китайскому сановнику Витте устроил домашний прием, о чем рассказывается в «Записках девочки». При этом произошел такой забавный случай.

«Зная, что Ли Хун-Чжан терпеть не может собак, папа в тот день, когда китайский сановник должен был приехать с визитом, велел запереть Арапку (сеттера). Девочки не было дома, когда сделано было это распоряжение; вернувшись и услышав жалобный вой собаки, она выпустила ее из заточения.

За обедом папа, видимо недовольный, рассказывал, как он совершенно растерялся, когда во время бесконечных комплиментов и торжественных приветствий с обеих сторон Арапка, как шальная пуля, влетел и с лаем бросился на Ли Хун-Чжан. Девочка не произнесла ни слова, она боялась, что вдруг отец узнает, кто вызвал неприятное происшествие. На ее счастье, папу чем-то в эту минуту отвлекли.

Оказывается, Ли Хун-Чжан был такой важный, что сам не сморкался, стоило ему шевельнуть ноздрей, как немедленно вскакивали его секретари и утирали нос Великому Вице-королю. Он для папы привез от Богды-хана грамоту и эмблемы на звание “мандарина”, шапочку с коралловой шишкой и какую-то золотую вещь с изображением драконов».

Формально высший китайский чиновник был приглашен на коронацию Николая II, но главная цель была скрыта. В резуль-

тате переговоров в мае 1896 года было подписано секретное соглашение о строительстве по территории Маньчжурии железной дороги на Владивосток. Витте назвал договор актом чрезвычайной важности. Как ему удалось этого добиться, нетрудно угадать: для этой цели был создан специальный лихунчжанский фонд в несколько миллионов рублей. Е. В. Тарле называет и конкретную сумму: «...в марте 1897 года Ли Хун-Чжану через посредство князя Ухтомского была передана взятка в 1 миллион рублей за получение концессии на Восточно-Китайскую железную дорогу». «Старик очень истомился в ожидании», – писал Ухтомский Витте. Министр финансов по-купчески надул сановника, заплатив вместо обещанных трех миллионов всего один.

Для России подписание договора с Китаем стало началом ее активной дальневосточной политики. По условиям договора, китайское правительство доверяло постройку и эксплуатацию дороги Обществу Китайской восточной железной дороги, его председатель назначался Пекином, но правление контролировалось Петербургом. Через 80 лет после окончания строительства дорога должна была перейти китайскому правительству, но еще раньше, через 36 лет, Китай формально мог выкупить ее, хотя условия выкупа вряд ли позволили бы это сделать.

В дневнике А. С. Суворина есть запись, сделанная 5 августа 1896 года: «Сидел вчера вечером у С. Ю. Витте часа три. Говорили о разных разностях. Почти кончили дело с Китаем, сибирская дорога прямо пойдет на Владивосток и оттуда к Желтому морю. Остается только уладить вопросы о ширине рельсов. Китай просит, чтобы мы приняли ширину его рельсов на китайской территории. Мы не согласны».

К началу 1897 года была завершена дипломатическая, финансовая и организационная подготовка для дальнейшего ведения политики «мирного проникновения» не только в Маньчжурию, но и вообще в «страны Восточной Азии».

Торжественная церемония начала строительства КВЖД состоялась в августе 1897 года на пограничной реке Уше. Однако до фактического строительства произошли важные события, последствия которых никак не вписывались в планы Витте. Осенью 1897 года Германия в качестве компенсации за убийство немцев-миссионеров потребовала у Китая сдать ей в аренду для устройства базы бухту на побережье Восточно-китайского моря. Китайское правительство в соответствии с договором обратилось

за помощью к северному союзнику. Но министр иностранных дел М. Н. Муравьев предложил воспользоваться этим моментом, чтобы получить удобную бухту Порт-Артур на Ляодунском полуострове. Витте был против решения: «Прежде чем затевать новое дело, надлежало бы окончить то, за которое взялись, а именно сооружение дороги к Владивостоку через Маньчжурию». Однако граф Муравьев сумел убедить Николая II, и в начале декабря 1897 года русская эскадра вошла в Порт-Артур. Китайцы радостно приветствовали союзников и только через несколько дней поняли, что стали жертвами вероломного вторжения.

1 января 1898 года А. В. Суворин записал в дневнике: «Когда государь окружен глупцами или прохвостами, вроде графа Муравьева, которого Витте называет “сыном Ивана Александровича Хлестакова”, то не это еще будет – он воображает, что он сила, а на деле он очень маленькая величина без ума и дарований».

Витте был настолько возмущен поступком Муравьева, что прервал с ним все личные отношения, но сделать что-либо против военной авантюры был бессилён. А тут еще А. Н. Куропаткин, став военным министром, заявил о необходимости провести южную ветвь КВЖД, без этого он не считал возможным защищать захваченные пункты.

Китайское правительство под влиянием Англии и Японии не соглашалось на «мирную передачу» России всех этих чисто китайских земель. Тогда поневоле пришлось вмешаться Витте. Он телеграфировал своему агенту в Пекине Покотилову, прося «посоветовать Ли Хун-Чжану и другому влиятельному сановнику Чжан Инь-Хуаню оказать воздействие, чтобы соглашение было достигнуто, причем я пообещал как первому, так и второму сановнику значительные подарки, а именно: первому 500 тыс. рублей, второму 250 тыс. рублей. Это был единственный раз, когда в моих переговорах с китайцами я прибег к заинтересовыванию их посредством взяток», – пишет Витте. Здесь он явно лукавит.

Судя по мемуарам, Витте так и не понял, что он развращал не только старого сребролюбца Ли Хун-Чжана и других сановников Поднебесной империи, но прежде всего Николая II, Муравьева, Куропаткина и всех тех, с кем ему пришлось бороться. В самом деле, почему не попытаться захватить чужую территорию, коль риска-то нет. В случае чего выручит министр финансов и умаслит кого нужно посредством взятки. Что будет потом, это мало волнует царя и его двор.

Ли Хун-Чжан принял взятку и сейчас же уладил дело: Квантунский полуостров был отдан России в аренду. Николай II, которому Витте объяснил причину внезапной уступчивости Китая, ответил: «Это так хорошо, что даже не верится». Витте гордился данной похвалой, хотя понимал, что все это может иметь гибельные для России последствия.

Как отмечает Е. Тарле, в этом человеке «удивительным образом сочетались проницательный политик, видевший будущее, и со скорбью поэтому смотревший на захват чужих земель, и одновременно ловкий политический делец, техник, царедворец, который полагал своей честью исполнить задание своего повелителя, обнаружив при этом умение и находчивость, независимо от внутреннего смысла поручения».

Вдохновленные легкими успехами, царь и его окружение продолжали авантюрную политику. Однако Витте, по возможности противодействуя этому, прилагал все усилия к реализации плана строительства КВЖД и экономического освоения Маньчжурии, что составляло уже третий этап его восточной политики.

КВЖД И «ЖЕЛТОРОССИЯ»

В 1898 году в Северо-восточном Китае развернулась великая стройка. Одновременно по нескольким направлениям началась прокладка железнодорожной линии, основная длина которой составляла 2500 километров, а вместе с боковыми ветками – более 3000 километров. Одновременно сооружалось 107 железнодорожных станций, поселки, города, в том числе Харбин и Дальний, начатые почти на пустом месте. Строилось четыре тоннеля, один из которых длиной более 3 километров, железнодорожные мосты. Некоторым строительным объектам не было тогда равных в России. Активно развивалось судоходство по реке Сунгари, строились международный коммерческий порт Дальний, самая современная военно-морская база Порт-Артур.

Создается впечатление, что Витте, а вместе с ним и самодержавный Петербург руководствовались лозунгом: «Могущество России будет прирастать богатствами Китая». И это в то время, когда рядом находились не менее богатые земли востока России, нуждавшиеся в значительном вложении труда и капитала.

Возникла внешне парадоксальная ситуация: Россия, которая сама остро испытывала недостаток капиталов, в то же время вывозила его в соседнюю страну, развивая ее экономически и технически. Перед Россией не стояла проблема вывоза капитала, она нуждалась в его ввозе. Не было тогда в России и особого избытка товаров, по крайней мере для дальневосточного рынка.

Историк Б. А. Романов считает, что Витте отстаивал здесь превентивную политику, учитывавшую и предвосхищавшую будущие возможности и потребности русского капитала, тем более что у него уже был пример, внушавший надежду. Крупнейшие банки России показали способность мобилизовать капитал вслед строящемуся Сибирскому пути. Так, в мае 1895 года образовалось золотопромышленное общество с капиталом в 5 миллионов рублей, 60% акций – русских и 40% – из французских банкирских домов – для работы на всем протяжении Сибири. «Почему не пойдет русский капитал на дешевый желтый труд по пятам и Маньчжурской дороги?» – задавал вопрос Витте.

Русский капитал в силу особых отношений двух стран был тесно связан с французским, французские банки еще в 1894 году были вовлечены в создание Русско-Китайского банка, который должен был развернуть работу на всем пространстве к востоку от Урала и особенно в Китае. Именно через этот банк и оказалось возможным провести расчеты по сооружению КВЖД.

Русско-Китайский банк и образованное им Общество КВЖД, работая параллельно, должны были осуществить «экономическую аннексию» Маньчжурии.

Причем царское правительство выкупило у банка все акции общества (на 5 миллионов рублей) и в дальнейшем брало на себя все облигационные займы, выпускавшиеся Обществом для ведения строительства и эксплуатации дороги. До 1904 года казна выложила, таким образом, 400 миллионов рублей. В правлении Русско-Китайского банка, который формально оставался инвестором, сидели люди, назначенные министром финансов. Кроме того, в 1894–1897 годах были учреждены Русско-Корейский и Учетно-ссудный банк Персии, которые по своей природе были родственны, поскольку основным источником их кредитования было государство. Так, «мирными методами» банковской деятельности Россия пыталась осваивать Китай и другие страны Востока.

Интересно, что Русско-Китайский банк, который в 1910 году был преобразован в Русско-азиатский, стал крупнейшим в России

и имел 102 представительства в разных частях света и, конечно, в Харбине и Пекине. Правление располагалось в Петербурге, на Невском, 62, о чем и сегодня свидетельствует надпись на фасаде здания.

Помимо Русско-Китайского банка в финансовые комбинации в Маньчжурии был вовлечен и Санкт-Петербургский Международный банк с участием германского капитала, во главе с Адольфом Ротштейном. Именно Ротштейн был доверенным лицом Витте, ему поручались многие важные дела, например устройство займа Китаю в Париже в 1895 году, он же участвовал в делах Русско-Китайского банка как крупный акционер. Когда в 1897 году был создан синдикат для исследования рудных богатств Китая, в него, конечно, вошли названные банки, а в правление – Ротштейн.

Министр финансов С. Ю. Витте (в первом ряду, в центре) во время поездки в Маньчжурию. 1902

В это время в царском правительстве намечалось расхождение двух политических линий – «капиталистов» и «феодалов». Вторые устами военного министра А. Н. Куропаткина и министра иностранных дел М. Н. Муравьева никак не разделяли симпатий Витте.

Во всеподданнейшем докладе 1900 года Куропаткин строил предположение, что «в недалеком будущем русской армии при-

дется сражаться не за веру, царя и отечество, а в значительной степени за интересы крупных промышленных королей: ситцевых, сахарных, железнодорожных, мануфактурных и прочих». Муравьев язвительно называл Русско-Китайский банк «Французско-китайским».

В результате борьбы двух линий «капиталистическая» взяла верх, поскольку действовала в Маньчжурии в благоприятных условиях. Деньги на строительство и освоение территории щедрой рукой министра финансов выделялись огромные. На зависть всем «путейским» в России, чиновники и дельцы, хватая взятки, составляли огромные состояния. Поговаривали уже и о «Желтороссии», где не спрашивали ни о национальности, ни о происхождении, ни даже о политическом прошлом, а говорили – «маньчжурец».

Как писал другой «доброжелатель» Витте, В. И. Гурко, «Витте выкроил себе на Дальнем Востоке целое царство, имеющее все атрибуты самостоятельного государства, как-то: собственное войско, именовавшееся Заамурской пограничной стражей и прозванное обывателями, по имени жены Витте, Матильдиной гвардией, собственный флот, а главное, собственные финансы. Благодаря прикрепленной ко всем этим предприятиям маске частного дела Витте распоряжается государственными средствами без соблюдения сметных и иных правил расходования казенных сумм».

Для руководства этим «государством» Витте пользовался собственным центральным аппаратом (III отделением канцелярии министерства) и послушной, свободно им подбираемой агентурой общества КВЖД и Русско-Китайского банка на местах. Эта агентура поставляла Витте всестороннюю информацию, недаром он первым в Петербурге узнал о нападении японских миноносцев на русскую эскадру в Порт-Артуре. Он и передал это известие, «полученное от коммерческого агента», военному министру Куропаткину.

На территории Маньчжурии, вдоль трассы КВЖД, возникали большие русские колонии, негласной столицей русской Маньчжурии, или «Желтороссии», стал город Харбин.

В соответствии с договором, Общество КВЖД получило зону отчуждения вокруг магистрали, в которой действовали российские законы, а за их соблюдением следили наш суд и охранная стража. Русское население быстро росло, активно осваивало территорию. Общество «Русский транспорт» проложило дороги в самые отдаленные уголки Маньчжурии и даже в Монголию.

Русское общество судовладельцев изучало фарватеры рек, удобных для судоходства, и составило лоции для рек Сунгари, Понии и Уссури. «Русское трехречье», населенное 30 тысячами казаков-забайкальцев, было, по сути, этническим островом, китайцы составляли примерно один процент численности населения.

На реке Сунгари располагался и Харбин, который из небольшого китайского поселка буквально за несколько лет развился в крупный город, большинство улиц в нем носили русские названия: Новгородная, Казачья, Артиллерийская, Ямская, Аптекарская. Фешенебельный район под названием Пристань строился по образу и подобию Васильевского острова. Там был даже свой Большой проспект. Параллельно главной магистрали шли Садовая, Московская, Речная улицы, напоминающие Арбат. В ансамбль Соборной площади с Благовещенским православным храмом входили московские торговые ряды. Предпринимательство и коммерция расцвели в «Желтороссии» необыкновенно пышно. До сих пор как легенду вспоминают купца Чурина и его универмаг на Китайской улице, — именно он ввел моду на большие универмаги в Китае, где прежде торговали в лавках.

В Харбине располагалось управление КВЖД (кроме большого комплекса административных зданий), строились каменные дома для служащих — каждому было обеспечено казенное жилье. Это мог быть особняк или дом из нескольких квартир. И уклад жизни складывался особый. Таких социальных привилегий, как здесь, служащие и рабочие в России не знали: бесплатное медицинское обслуживание, бесплатный проезд по железной дороге, возможность раз в четыре года съездить со всей семьей в любой конец России. Общество КВЖД содержало школы, детские сады, театр и другие культурные учреждения.

Вслед за строителями в Харбин потянулись артисты, музыканты, художники. Таким обилием концертов, спектаклей и выставок в начале XX века не мог похвастаться ни один провинциальный город России. Почти все звезды первой величины побывали здесь на гастролях. В Харбине издавалось 24 русских журнала и газеты, было открыто несколько высших учебных заведений, в их числе известный Политехнический институт, вероятно, по аналогии с петербургским. В общем, Харбин стал крупнейшим не только транспортным, промышленным, но и культурным центром, который оказал заметное влияние на последующую историю Маньчжурии и Китая.

К этому периоду относится появление «безобразовской шайки», с которой постоянно конфликтовал Витте. Эта группа придворных, имевших сильное влияние на царя, составила в начале 1898 года. Объединил их проект устройства акционерной компании для эксплуатации богатств Кореи (концессия на реке Ялу).

В состав «шайки» вошли: великий князь Александр Михайлович, граф Воронцов-Дашков, князь Юсупов, бывший полковник, помещик Вонлярский, адмирал Абаза и, наконец, сам Безобразов, идеолог этой компании. Он был говорун, часами способный улаживать безудержным ура-патриотическим красноречием своего хозяина, как запросто называли в «шайке» царя. По характеристике историка Б. А. Романова, Безобразов – это прототип черносотенца, он даже у своих слыл за полупомешанного, но себя оценивал высоко, считая специалистом в любой сфере, в том числе и международной политике.

Неспособный как предприниматель создать крупное дело, Безобразов искал в условиях маньчжурской капиталистической стихии свои интересы, но, не удовлетворив их, обратил гнев на конкурентов. Он грозил им «ответственностью в административном порядке», прикрываясь именем царя.

Лютой была ненависть Безобразова к Витте, инородцу и представителю враждебной системы. Правда, после аренды Порт-Артура и формального отказа (по договору 15 апреля 1898 г.) от каких бы то ни было политических преимуществ в Корее проект «безобразовцев» потерял основу, и Витте с помощью служебной эквилибристики смог отбить их претензии. Но это не стало концом «шайки». Главари ее штаба открыли во дворце бешеную травлю «господина Витте и его системы».

А Витте упорно продолжал гнуть свою линию. Быстрыми темпами строилась железная дорога, росли поселки и города, как грибы после дождя, возникали новые предприятия, рудники, торговые заведения. К 1900 году Россия вложила в Китай 144 миллиона рублей. Возмещение их, не говоря уже о чистом доходе, было делом дальней перспективы и всецело зависело от эффективности эксплуатации КВЖД. И это, заметьте, при сложной международной обстановке в восточном регионе.

Никогда прежде международный империализм не вторгался на китайскую территорию с такой настойчивостью и наглым пренебрежением к национальным интересам страны. Сотни тысяч квадратных километров отхватывались и попадали в новую зависимость к

иностранцам под предлогами дружбы и компенсаций, на началах «аренды». Немудрено, что этот натиск «иностранных чертей» порождал панику и озлобление феодальной верхушки маньчжурской династии, формировал национально-либеральное движение, поднимал грозное брожение в народных массах. К 1900 году это брожение от спорадических вспышек переросло в подлинно народное восстание. Разжиганию страстей способствовала и японская сторона, которая пропагандировала идею «о соединенной самозащите желтой расы» от европейской опасности. Япония предлагала помощь Китаю в проведении военной и финансовой реформ.

В эти годы росло и английское влияние в Пекине. Бесцеремонность с арендой Порт-Артура, требования концессий на железную дорогу к Пекину и другие подобные «достижения» русской дипломатии, возмущавшие китайцев, «стали гириями на английскую чашу весов». С уходом из состава центрального правительства в 1898 году Ли-Хун-Чжана, поплатившегося за взятки, для России исчезла единственная точка опоры в Пекине, была утрачена связь с императрицей Цы-Си, которая поддавалась теперь все большему японскому влиянию.

Наконец, активизировалась и политика США в Китае. Американская доктрина «открытой двери» имела целью в первую очередь изгнание России из Северного Китая с помощью японской военной машины.

Учитывая эти неблагоприятные факторы, Витте в частном разговоре с Половцевым 6 апреля 1900 года сказал, что «силы японцев сегодня таковы, что в случае объявления нам войны мы не могли бы удержать Порт-Артур».

В этот период восточная политика Витте подверглась тяжелейшим испытаниям, которые усугублялись экономическим кризисом в России. Ведь все расчеты делались на вывоз в Маньчжурию капиталов и требовали бесперебойного финансирования для завершения строительства КВЖД в срок. А тут еще народное восстание «Ихэ-туань», охватившее провинции Северного Китая и непосредственно зону строительства КВЖД. Первоначальное значение слова «туань» – кулак, поэтому европейцы называли повстанцев боксерами, откуда и пошло название «Боксерское восстание», которое использовал Витте в мемуарах. Он считал, что причина восстания – в захвате Квантунского полуострова и других агрессивных действиях России в Китае, и обвинял в этом Муравьева и Куропаткина. На самом деле причина была не только в этом.

«Для китайского населения русские в Маньчжурии оказались незваными гостями, которые к тому же вели себя довольно бесцеремонно. Огромная стройка разрушала привычный уклад жизни китайцев, большие деньги притягивали в этот край жуликов, авантюристов, хунхузов. Русские не знали страны и, похоже, не желали узнать ее», – пишет историк В. Г. Дацышен. Не пытались они и как-то воздействовать на общественное мнение китайского населения. Не издавалось ни одной газеты для китайцев, не строили школ, больниц, не проводили миссионерской работы. Впереди западно-европейских завоевателей, как правило, шел священник, за ним купец, русский же инженер шел не со священником, а с казаком и китайцем-переводчиком, от которого многое зависело в установлении контактов с населением. Генерал А. И. Деникин, служивший в охране КВЖД, характеризовал строителей как авантюристов: «В их руках находилась фактически полная власть в отношении туземного населения. Особую неприязнь у местного населения вызывали казаки и солдаты охранной стражи КВЖД. Они видели себя здесь в роли победителей-завоевателей и вели себя подобным образом».

По договору 1896 года о строительстве КВЖД запрещался ввод русских войск в пределы Китая, но пункт 5 разрешал Обществу КВЖД нанимать иностранцев для охраны. Охранная стража была сформирована в основном из казаков европейской России. В 1898–1899 годах вдоль строящейся дороги было размещено восемь рот охранной стражи численностью 2000 человек, затем их число заметно выросло. Казак-охранник стал важнейшим действующим лицом на КВЖД. Казаки охраняли важные объекты, несли почтовую службу, выполняли мелкие вспомогательные работы.

Уже в 1898 году Россия стала реальной силой в Маньчжурии, русский чувствовал себя здесь «цивилизатором-благотелем», но в глазах китайцев пришельцы из России оставались «варварами, опиравшимися на силу».

Выступление против русских началось почти сразу после начала строительства КВЖД. «С 1898 года, – пишет Витте, – недоразумения между русскими и китайцами постепенно стали учащаться». Активная, но слабо подготовленная дальневосточная политика Российской империи, особенно в отношении Маньчжурии, привела к ухудшению русско-китайских отношений. Вызревание конфликта и породило восстание «Ихе-туань».

Драматические события восстания и небывало жестокое подавление его европейскими державами с участием России, которая ввела войска на территорию Маньчжурии, нанесли не только большой политический ущерб, но и огромные материальные потери строительству КВЖД. Восставшие разрушили 900 километров построенных путей и уничтожили многие важные объекты.

После поражения восстания 7 сентября 1901 года в Пекине был подписан договор с правительством Китая, по которому китайская сторона обязалась заплатить странам-победителям 500 миллионов рублей в возмещение «убытков». На долю России пришлось 184 миллиона рублей (тут были убытки КВЖД – 70 миллионов рублей, прямые военные расходы – 100 миллионов рублей и проценты на эту сумму). Министр иностранных дел Ламздорф хвастал, что «это был редкий пример вполне оплаченной войны». На деле сумма была рассредоточена на длительный срок, уплаты поступали неаккуратно, и Витте пришлось искать займы, чтобы немедленно покрывать издержки.

В конце концов КВЖД, вопреки всем препятствиям, была достроена. Значительно – на 1300 верст – сократился путь до Владивостока, что давало выигрыш в средствах и во времени.

Смысл восточной политики Витте заключается в том, что Россия боролась за плацдарм и за мировые транзитные пути, обладание которыми само по себе дает большие доходы и политическую силу. КВЖД – это своеобразный «Великий шелковый путь» нового времени, за который боролись не для того, чтобы продавать свои товары, а чтобы покупать без посредников и получать торговую ренту. Это понимал даже военный министр А. Н. Куропаткин, который во всеподданнейшем докладе царю в марте 1900 года, объясняя причины русской экспансии на Востоке, писал, что в отличие от Англии и Германии, которые «не могут существовать без захватов новых рынков для настоящих поколений, Россия “втягивается” в борьбу за рынки лишь для будущих поколений, расходуя силы и средства поколения живущего».

Витте явно выражал геополитические интересы правящих кругов России: КВЖД в будущем обещала развитие востока России и усиление позиций империи на Тихом океане. Однако этот путь был очень сложным и опасным, он требовал огромных затрат, и экономических, и интеллектуальных, и грозил кровавыми последствиями. Но в конце XIX века и экономическая ситуация в

России, и политическая – на Дальнем Востоке благоприятствовали этой восточной политике. Петербург бросил все свои силы на колонизацию Маньчжурии. Путем мирной экономической экспансии Витте надеялся достичь поставленных целей, но дело обернулось Русско-японской войной и позорным поражением России.

ПРОЛОГ ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Поражение в войне вызвало чувство национального позора и унижения, стало детонатором первой русской революции. Огромные военные затраты разрушили планы экономического развития, подорвали финансы страны. Анализу причин Русско-японской войны посвящено немало исследований. Сам Витте в «Воспоминаниях» довольно подробно описывает эти события.

Как убедительно показывают историки, версия событий, изложенная Витте в мемуарах и усиленно распространявшаяся им, является в ряде случаев искаженной и требует разъяснений. Установить истинную роль Витте в войне с Японией и в заключении мирного договора в Портсмуте оказалась непросто. Для этого необходимо рассмотреть события, предшествовавшие началу войны в 1904 году.

Положение Витте в царском правительстве до конца 90-х годов было довольно устойчивым. Успехи его экономической политики, особенно укрепление финансовой системы и завоевание международного авторитета рядом внешнеполитических акций, обеспечили ему особое, ведущее положение среди министров. Говорили даже, что он по своему влиянию на государственные дела не уступал самому царю. Видимо, это послужило позднее основанием для немецкого историка Г. Хальгартена сказать, что Витте был «почти вице-царем». Точнее будет сказать – великим визи-рем при шахе. Особое значение имел тот факт, что царь долгое время почти безоговорочно поддерживал его программу. Николай II видел в «системе Витте» единственное средство поддержания организма самодержавия.

Личные отношения царя и министра были непростыми, но как бы то ни было, Николаю II приходилось дорожить услугами Витте – другого такого не было. И хотя у министра финансов

всегда хватало недоброжелателей, которые пытались настроить против него монарха, долгое время им это не удавалось. Ситуация стала меняться, когда разразился экономический кризис, вину за который многие возлагали на Витте. Видимо, и Николай II понял, что министр не так всемогущ, как ему казалось.

В 1900 году произошли выгодные для Витте изменения в составе правительства: место скончавшегося министра иностранных дел М. Н. Муравьева занял В. Н. Ламздорф, а пост министра внутренних дел вместо И. Л. Горемыкина получил Д. С. Сипягин. Это близкие Витте люди, их сторонником был и военный министр А. Н. Куропаткин. Сложилась целая коалиция. Таким образом, Витте удалось создать нечто вроде объединенного кабинета, к чему он давно стремился и что на время поддержало его позиции.

*В. Н. Ламздорф,
министр иностранных дел
(1900–1906)*

Упорная борьба Витте с Безобразовым и компанией длилась, не прекращаясь, с 1898 года, и хотя у Безобразова, в сущности, не было поддержки в Комитете министров, тем не менее министры боялись явно встать на сторону Витте – слишком велико было влияние «шайки» при дворе. Когда в начале 1902 года Безобразов попробовал в очередной раз найти соглашение с Витте, то вполне убедился в совершенной невозможности какого-либо компромисса и «сильно пал духом».

Убийство Сипягина 2 апреля 1902 года разрушило коалицию, важный пост министра внутренних дел занял В. К. Плеве, с которым у Витте всегда были натянутые отношения. Витте пытался привлечь Плеве на свою сторону, но тот предпочел присоединиться к его противникам. Вот тут всевластию Витте наступил конец. В условиях экономической депрессии и сомнительного положения на Дальнем Востоке продолжать и дальше наводнять Маньчжурию капиталами было нереально, и процесс застоялся.

Но политическая борьба продолжалась. Витте твердо стоял на мысли, что Япония должна считать для себя Маньчжурию «безусловно и навсегда потерянной», но вполне можно (временно или даже совсем) поступиться Кореей, если, конечно, Япония представит за это соответствующую компенсацию. В отношении английской позиции он столь же твердо стоял на мысли, что эвакуация русских войск из Маньчжурии может быть проведена не иначе как при гарантии, что интересы русского капитала здесь будут «ограждены», то есть иностранный капитал, никак не связанный организацией с русским, в Маньчжурию допущен не будет.

Побывав осенью 1902 года в Маньчжурии, Витте поднял вопрос о необходимости новой концессии на железнодорожную линию до Гирина, с тем чтобы до отвода наших полевых войск «занять» войсками охранной стражи все главные города Маньчжурии. Одновременно он предложил заселять полосы отчуждения КВЖД русскими и даже образовывать целые поселки из нижних чинов, увольняемых в запас. После поездки Витте во французском посольстве в Петербурге заговорили о «резкой перемене взглядов». Дальневосточная политика явно приобретала новые черты, имперские аппетиты России росли.

Витте и его сторонники выдержали эти установки во всех своих официальных выступлениях на дипломатической почве. Однако они плохо увязывались с событиями на местах. В августе 1902 года Англия заключила соглашение с Китаем, по которому в ближайшем будущем на Маньчжурию должна была распространяться компетенция ведомства китайских морских таможен, находившихся в руках англичан. Япония предложила признать за Россией только «железнодорожные интересы» в Маньчжурии. Наконец, шли тревожные вести с мест о том, что иностранцы имеют маньчжурские концессии, купленные ими у китайцев. Витте пришлось маневрировать. А Плеве откровенно поощрял экспансию на Дальнем Востоке. Он поддерживал «безобразовцев»,

действовавших в обход правительства. Линия Витте подверглась резкой критике.

Для Японии наступил благоприятный момент, чтобы вытеснить из Маньчжурии Россию, против которой обернулись также интересы Англии и США. Война «стала стучаться в окно», Япония вела интенсивные военные приготовления, в то время как русская дипломатия в борьбе за укрепление своего влияния в Маньчжурии терпела поражение за поражением.

В конце концов это ослабило позиции Витте и стало причиной появления «нового курса» в политике царя. Первым звонком стало назначение внештатного советника царя Безобразова статс-секретарем. 17 мая 1903 года Николай II собрал совещание министров, где представил нового статс-секретаря (такое же звание имел и Витте) и огласил содержание «нового курса». Позиция России в отстаивании исключительного права на Маньчжурию ужесточалась: необходимо было в минимальный срок, не считаясь с расходами, поставить нашу боевую готовность на Дальнем Востоке в полное равновесие с нашими политико-экономическими задачами.

На том совещании Витте и министр иностранных дел Ламздорф не приняли «нового курса». Витте утверждал, что новые ассигнования казны на военную подготовку «нанесут тяжелые удары по экономическому положению русского народа».

Чувствуя сопротивление, «безобразовская шайка» придумала «гениальный» ход – наместником на Дальний Восток был назначен адмирал Е. И. Алексеев, ставленник «безобразовцев». В его руках сосредоточилась вся внешняя и внутренняя политика России на Дальнем Востоке, а Витте оказался не у дел. Причем сделано это было так, что Витте, Ламздорф и другие министры узнали об этом из газет. С этого момента бороться стало невозможно. Проигрыш был налицо.

В августе 1903 годы Витте получил отставку с поста министра финансов и был назначен на пост председателя Комитета министров. Он потерял возможность влиять на восточную политику России и лишь с тревогой наблюдал за развитием событий.

Оптимизм царил в Петербурге. «Государь в отличном настроении духа», – передавал министр двора барон Фредерикс. Наместник Алексеев вел провокационную политику, возмущаясь «нахальством Японии» и постоянно советуя начать военные действия. Николай II заявлял, что «войны не желает, но если Япония

и Китай не подчинятся, то это потому, что мы с ними церемонились», с ними можно действовать, только внушая страх и не делая уступок, если же и сделать какую-либо уступку, то «как милость белого царя». Витте так сформулировал строй царских мыслей: «Одним словом, я войны ни за что не начну, а они не посмеют, — значит, войны не будет». Когда Вильгельм II предупредил Николая о грандиозных военных приготовлениях, ведущихся в Японии, тот ответил в том же духе: «Войны не будет, так как я ее не хочу».

Когда осенью 1903 года Витте вернулся в Петербург, его посетил японский посол Курино, не желавший войны. Он жаловался, что на японские ноты ответы даются спустя месяцы, что Алексеев ведет дело к войне, что Япония раздражена. В январе 1904 года, за несколько дней до нападения японцев на русские броненосцы, Курино предупреждал Витте, что война вспыхнет через несколько дней, если Россия не даст ответа. Но что мог сделать бессильный теперь Витте? Лишь сообщить об этом столь же бессильному министру иностранных дел Ламздорфу. И война началась.

Несмотря на все заявления царя, что он войны не хочет, «маленькая победоносная война» ему была необходима для укрепления падающего авторитета самодержавной власти. В России назревала революция, участились выступления крестьян, нарастало забастовочное движение. В поисках выхода царь и его окружение сделали ставку на «партию войны», приблизив к трону Безобразова и компанию. К тому же существовали иллюзии, порожденные легкими победами русской армии во время военных действий в Маньчжурии в 1900–1901 годах. Явно недооценивался военный потенциал противника. Японцев Николай II называл не иначе как «макаками» и рассчитывал на быструю победу.

В российском обществе отношение к начавшейся войне было далеко не однозначным: ультрапатриоты всячески подогревали шовинистические настроения, но не все им поддались. Вот как описывает обстановку тех дней непосредственный участник событий В. В. Вересаев в очерке «На Японской войне»: «Патриотический подъем, манифестации с царскими портретами, пением “Боже, царя храни!”. Но кругом, в интеллигенции, было враждебное раздражение отнюдь не против японцев, что теперь с особой яркостью бросалось в глаза, — эта невиданно-глубокая, всеобщая вражда, которая была к начавшим войну правителям страны: они вели не борьбу с врагом, а сами были... самыми ненавистными врагами».

Если судить по мемуарам Витте, то он с первого дня не питал ни малейших иллюзий относительно исхода войны. Правда, его переписка с главнокомандующим А. Н. Куропатным дает несколько иную картину. В самом начале войны, видимо под воздействием патриотического психоза, Витте надеялся на победу русского оружия. Он даже высказал опасения, как бы эта победа не оказалась слишком быстрой и решительной. «Покуда мы будем бить японцев на суше, – писал Витте Куропаткину 19 апреля 1904 года, – никто в Европе в дело не вмешается. Но если мы пожелаем иметь преобладающее влияние в Тихом океане, то есть уничтожить Японию у себя – ее флот, – то мне чужется, что без вмешательства не обойдется». Впрочем, Витте быстро вернулся к прежнему скепсису, изменился тон его посланий, они запестрели

*А. Н. Куропаткин,
военный министр (1898–1904)*

такими фразами: «бесцельная, ненужная война», «теперь дай бог уйти без срама», что составляло контраст с официальным оптимизмом.

В «Воспоминаниях» главными виновниками Русско-японской войны и поражения Витте изобразил Безобразова и его «шайку». Трудami историка Б. А. Романова доказано, что разница между Витте и Безобразовым была на самом деле не так уж велика, а большой драме способствовала экономическая экспансия на Востоке.

Некоторые историки считают восточную политику Витте проявлением русского колониализма (так называемый «российский экономический колониализм»). Если говорить о том, чего Витте хотел и что получилось, то деятельность его можно оценить скорее со знаком минус, чем со знаком плюс, считает историк И. В. Лукоянов.

С экономической точки зрения, то есть при сопоставлении расходов и доходов, баланс будет тоже сугубо отрицательным. Первоначальная стоимость проекта Транссибирской магистрали оценивалась в 350 миллионов рублей, фактически же, вместе с КВЖД, составила около 1,5 миллиардов. Вложенные средства необходимо было возвращать. Но у России было много и других нужд, более острых. Да и была ли страна готова к использованию Транссиба? В 1910-х годах загрузка магистрали была неполной, а деятельность нерентабельной, дорога себя экономически не оправдывала, следовательно, строительство носило стратегический характер и преследовало геополитические цели.

Цели эти, на наш взгляд, были достигнуты лишь отчасти. Позитивным моментом, безусловно, следует считать то, что магистраль дала мощный импульс в развитии восточных территорий страны, Сибири и Дальнего Востока.

Замыслы и расчеты были, возможно, правильными, но в российских условиях восточная политика Витте была деформирована, не реализована полностью и дала противоположные результаты. Витте, скорее всего, не мог предвидеть всех препятствий и тяжелых последствий. Россия, видимо, не могла осуществить столь грандиозный геополитический план, на что указывали многие оппоненты Витте, обвиняя его в авантюризме.

Что касается КВЖД как части Транссиба, то эта дорога обошлась очень дорого. Стоимость одной версты почти в три раза превышала средние показатели по Транссибу, что было связано как с военными действиями, так и с массой хищений и злоупотреблений. Например, главный инженер строительства КВЖД А. И. Югович в 1900 году не смог отчитаться перед Министерством финансов за 30 миллионов рублей. На дороге значительное время отсутствовало регулярное расписание, невысока была сохранность грузов да и эффективность работы в целом. Но самое главное, огромные затраченные средства ушли безвозвратно. Дорога проходила по территории другого государства и стала, по сути, даром для Китая, которому она досталась гораздо раньше намеченного

срока. Поражение России в войне с Японией привело к отторжению южной части КВЖД. Возникла необходимость вернуться к идее Амурской линии. Она строилась с 1906 года, и лишь в октябре 1916 года рельсовый путь до Владивостока по территории России стал непрерывным.

Упрекая Витте за его просчеты в восточной политике, его оппоненты нередко забывали, что ему пришлось действовать в обстановке сплошных противоречий как во внутренней, так и во внешней политике, его возможности были ограничены самой самодержавной системой, зависимостью от «венценосного флюгера».

Необходимо иметь в виду, что и сам Николай II был заинтересованным участником и несет ответственность за осуществление восточной политики. Об этом пишет, в частности, монархист

Отчет о строительстве КВЖД

В. Кобылин: «С самого начала царствования государь уделял особое внимание вопросам Дальнего Востока, или так называемой “большой азиатской программе”. Государь понимал, что такая великая держава не может быть запертой на континенте и не иметь выхода к Тихому океану».

Царский биограф историк Ольденбург писал позже: «Примечательно и трагично — что “большая азиатская программа”,

оцененная по достоинству иностранной дипломатией, встретила непонимание в русском обществе, которое лепетало что-то о “маньчжурской авантюре”».

Р. S. СУДЬБА РУССКОЙ МАНЬЧЖУРИИ

Драматично складывалась в XX веке судьба русского населения Маньчжурии. В годы Русско-японской войны КВЖД и Харбин были ближайшим тылом русской армии; в городе размещались три штаба и множество интендантских учреждений. Здесь проходили службу многие военные, которые потом возглавили белое движение: адмирал А. Колчак, генералы Л. Корнилов, А. Деникин и др. В результате поражения в войне Россия потеряла здесь многое, но сохранила главное – КВЖД. С 1903 по 1919 год управляющим дороги был генерал Д. Л. Хорват, который в сложных условиях сумел завершить достройку и обеспечить эксплуатацию магистрали. В зоне дороги продолжали строиться новые предприятия, быстро рос и благоустраивался Харбин.

Февральскую революцию 1917 года русские маньчжурцы встретили, как и вся Россия, брожением умов, бесчисленными митингами, но Октябрьский переворот восприняли враждебно. Советскую власть здесь не признали, а генерал Хорват, поддержанный китайскими властями, воспрепятствовал установлению большевистской власти, чем вызвал неописуемый гнев Троцкого. В мае 1918 года большевистская Россия лишила контрреволюционный Харбин почтового сообщения с Россией, на большее не было сил. А над особняком, где прежде размещалось русское консульство, был поднят Андреевский флаг.

В декабре 1917 года, после национализации банков, был закрыт Русско-азиатский банк и ликвидировано Общество КВЖД в Петрограде. Председатель правления банка А. И. Путилов переехал в Харбин и вместе с генералом Хорватом воссоздал правление Общества. В годы Гражданской войны на территорию Маньчжурии хлынули десятки тысяч беженцев из России, спасавшихся от красного террора, – население Харбина удвоилось. Здесь же формировались силы белых, отсюда адмирал Колчак, возглавлявший охранную стражу дороги, ушел воевать в Сибирь. Многое пережило тогда русское население, в том числе эпидемии холеры, чумы.

В 1919 году китайские власти ликвидировали прежнюю администрацию и суды в зоне отчуждения дороги, КВЖД возглавил представитель Китая. Русское население создало органы общественного управления, земской собор избрал правителя и воеводу, в Харбине появилась городская управа. Связь с Россией практически прервалась, дорога заканчивалась у границы. Русская Маньчжурия превратилась в осколок Российской империи, один из центров эмиграции.

После Мукденского соглашения советской России с Китаем, в 1924 году, у КВЖД появился статус совместного предприятия, в Харбин прибыла советская администрация, права которой ограничивались вопросами эксплуатации дороги. Население противится советской системе, не принимает, например, атеистическую марксистскую идеологию. В противовес русская общественность создает в Харбине около 30 православных учебных заведений.

В 1931 году в условиях гражданской войны в Китае японцы на территории Маньчжурии создали самостоятельные марионеточное государство – Маньчжоу Го, власти которого проводили политику выдавливания из края русских. Усиливающийся военно-полицейский террор вынудил часть русских маньчжурцев двинуться на юг Китая, в Шанхай. Но там русские эмигранты уже не чувствовали себя так комфортно, как в Харбине, поскольку они составляли лишь малую часть огромного многонационального города. Другая часть русского населения, поверив советской агитации, решила вернуться на историческую родину, где большинство было репрессировано, пропало в лагерях ГУЛАГа.

В современном Китае потомков русских маньчжурцев почти не осталось. Сегодня в Харбине около четырех миллионов жителей, и он быстро растет как центр провинции Хэйлунцзян. Еще остались некоторые здания, но нет уже русских улиц и кладбищ, которые превращены в парки. Оправдалось печальное предвидение поэта Арсена Несмелова о судьбе Харбина: «Милый город, горд и строен, будет день такой, что не вспомнят, что построен, русской ты рукой».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И НОВАЯ БЮРОКРАТИЯ

Витте, в силу его широкого системного мышления, не мог не затрагивать вопросы государственного устройства и управления. Историк Б. Б. Глинский писал: «...необыкновенная энергия, работоспособность и смелая инициатива ставили его на целую голову выше прочих современных ему министров и создали из него тот центр, к которому стягивались нити управления большинством отраслей отечественной жизни. Отсюда не удивительно, что его личность находила себе отражение в большинстве тех явлений государственной жизни, какими была наполнена Россия в конце XIX и в начале нынешнего века. Отсюда является необходимость в постановке вопроса: “Каково же было государственное *credo* всевластного министра?”»

Императорская Россия накануне XX века управлялась на основах, заложенных Петром: те же незыблемость самодержавия, господство бюрократии, Табель о рангах, централизация управления. Некоторые изменения произошли в XIX веке. При Александре I возникли министерства, Государственный Совет. Реформы Александра II затронули многие стороны русской жизни, но практически не изменили сути самодержавного правления: в преобразованиях нуждалась вся система управления страной – снизу доверху. В России не было конституции, парламента и объединенного правительства европейского типа. Земская и городская реформы дали импульс внедрению демократических начал в управление, однако деятельность органов местного самоуправления всюду наталкивалась на бюрократические препоны. Многие считали, что вмешательство государства в общественную сферу представляет собой весьма нездоровое явление. Считалось естественным, что те проблемы, которые возникают в жизни общества, и решаться должны силами общества, а не бюрократией.

Редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков писал: «Жизнь наша полна была гнилых плодов и злоупотреблений. При-

чиной тому был, конечно, не излишек самостоятельного развития различных жизненных сил, а наоборот – подавление их всех одной – единственной. Наука? – Не было науки, на ее месте была бюрократия. Право частной собственности? – Его не было, на месте его господствовала бюрократия. Закон и суд? – Суда не было, на месте его была бюрократия. Даже церковь была бюрократизирована. Бюрократия имеет свою сферу, в которой она, бесспорно, может действовать, принося большую пользу. Но там, где она становится на место других сил, она не создает ничего, кроме призраков и вредных явлений».

Гнет государства, его ведущая роль в жизни общества и бюрократические традиции имели вековые корни и были связаны с драматическими особенностями исторического развития страны, расположенной между Западом и Востоком. Если в культурном отношении в XIX веке превалировало влияние Запада, то экономические и политические структуры в значительной мере могут быть отнесены к разряду восточных обществ.

Отлаживание государственной машины в предшествующей истории, на что в основном шли усилия монархов, привело к расцвету бюрократического государства. Сила и влияние чиновников чрезвычайно возросли при Николае I, ибо монарх видел в них для себя надежную опору.

Известный французский путешественник А. де Кюстин, побывав в России в первой половине XIX века, писал о том, что в стране управляет «класс чиновников». Из недр своих канцелярий эти «невидимые деспоты», эти «пигмеи-тираны» безраздельно властвуют над страной. «И как это ни звучит парадоксально, самодержец всероссийский часто замечает, что он вовсе не так всесилен, как говорят, и с удивлением, в котором он боится сам себе признаться, видит, что власть его имеет предел. Этот предел положен ему бюрократией, силой страшной повсюду, потому что злоупотребления ею называются любовью к порядку».

А вот мнение монархиста В. Кобылина: «Государь-Император Николай Второй был, несомненно, выдающимся человеком, но самодержавным он, конечно, не был. Он был в плену. Его возможности были весьма ограниченными – несмотря на его “неограниченную” власть, и если при Императоре Николае Первом Россией правили сто тысяч столоначальников, то при Николае Втором их было триста тысяч, правили, по существу, они».

Всевластие бюрократии проявлялось многообразно: сановник не только на службе, но и в частной жизни чувствовал себя

начальником над теми, кто был ниже его чином. Более того, многие ощущали себя подчиненными, даже гуляя в саду или находясь в театре. Например, почтенный генерал во время оперного спектакля мог в бешенстве вскочить с места и крикнуть из ложи сидящим в партере молодым людям, которые вслух выразили восхищение арией итальянской примадонны: «Молчите, ослы!»

Высокопоставленный царский чиновник В. И. Гурко, описывая существующую систему, ставит вопрос: «Значит ли, что все дела вершились у нас в соответствии с народными потребностями?» И отвечает: «Разумеется – нет». «Но зависело это не от свойств преобладающего числа лиц, составлявших в совокупности государственный и правительственный аппарат, а от многих других весьма сложных и разнообразных причин. Справиться со всеми навалившимися задачами ни одна власть была бы не в состоянии. Перестройка всего государственного здания была неизбежна, но для этого нужен был гений, размах и воля титана, которого в нужный момент Россия, увы, не выставила».

МИНИСТР И ЦАРЬ

Витте, похоже, разделял взгляды современников на самодержавную монархию и понимал слабость системы управления, в которой слишком многое зависело от субъективного фактора. Но как прагматик он приспосабливается и максимально использует возможности системы для проведения необходимых реформ.

Как известно, министерская деятельность Витте была связана с правлением двух монархов. Начальный этап пришелся на три последних года жизни Александра III, с которым у Витте отношения сложились. В его «Воспоминаниях» содержится немало слов «о замечательной и благороднейшей личности императора Александра III», о том, что он был простой, прямой, честный человек. «Я не стану спорить о том, что Александр III был человеком сравнительно небольшого образования, можно сказать – он был человеком ординарного образования, – пишет Витте. – Но вот с чем я не могу согласиться и что мне часто приходилось слышать, это с тем, что император Александр III не был умным». Правда, здесь Витте прибегает к теории о двух умах: уме рассудка и уме сердца, из коих Александр III был силен вторым, а первый ум был у него

небольшой. Он не мог написать иначе: слишком известны были эти особенности царя. Но Витте, видимо, питал к Александру III искренние чувства. Сильная и властная личность, демонстрировавшая уверенность самодержца, явно импонировала ему: за Александром Витте был как за каменной стеной. «Как начальник и хозяин – это был образцовый начальник, образцовый хозяин. У него никогда слово не расходилось с делом». Главное, что подчеркивает Витте, это то доверие и поддержка, которые он получал от императора в своей деятельности.

Академик Е. В. Тарле замечает, что как человек, подвластный в условиях самодержавия, зависящий от «венценосного флюгера», Витте хвалит Александра III за твердость. Но эта твердость только потому ему нравится, что Александр III неуклонно утверждал все то, что ему подносил Витте. Он не сознавал, что хвалит твердость штампея, который прикладывался в нужном месте к нужным бумагам, – больше ему ничего и не требовалось от царской власти. Александр III играл эту роль без отказа, и поэтому, конечно, он был «великий император».

Запись в дневнике А. С. Суворина, сделанная в 1885 году: «Бисмарк об Александре III: “Нельзя сказать, знает ли он, чего хочет, но если он чего-то хочет, то хочет сильно”».

Понятно, почему Витте при оценке Александра III использует комплиментарный стиль, но важно почувствовать действительный масштаб человека, который стоял тогда во главе огромной империи. Одностороннее, упрощенное представление, сформированное, видимо, еще революционерами-народниками, оказалось довольно стойким и сохраняется до сих пор. Пример тому – характеристика Александра III «как темнейшей, узколобейшей фигуры на троне», приведенная в книге «Реформы и контрреформы в России» (М., 1994).

Несомненно, время правления Александра III – это противоречивый период отечественной истории и в то же время относительно спокойный, без войн и социальных потрясений. Информативна оценка периода, содержащаяся в мемуарах В. И. Гурко: «Царствование это представляло разительный пример того огромного значения, которое представляет для государства определенная, не подверженная никаким уклонениям политическая линия. Именно этими свойствами отличалась политика Александра III, и только благодаря им, невзирая на то, что она не соответствовала многим вождениям передовых кругов обще-

ственности, она тем не менее не вызывала ни резких протестов, ни открытых выступлений. Под главенством твердой, свыше направляющей воли такими же свойствами твердости и последовательности обладали и поставленные во главе различных отраслей управления отдельные лица».

«Миролюбивая внешняя политика Александра III, – продолжает Гурко, – чуждая всяких фантастических планов и авантюр, но преисполненная достоинства и стойко отстаивающая основные государственные интересы, подняла престиж России. Можно без преувеличения сказать, что к началу 90-х годов прошлого века Александр III был общепризнанным суперарбитром Европы. К редко, но веско высказываемым им мнениям прислушивались все государства мира».

Да, внутренняя и внешняя политика России казались тогда успешными, но правы были и те, кто характеризовал внутреннее спокойствие страны как римский мир, о котором Тацит говорил: «Водворяют молчание и признают это умиротворением». Общественная мысль была определенно сдавлена как политическими, так и цензурными рамками.

Здесь уместно коснуться вопроса о возможности проведения в стране одновременно политических и экономических реформ. Мировой опыт говорит о том, что экономические преобразования оказываются наиболее успешными в условиях политической стабильности. Представляется, что успех реформ Витте во многом связан с относительной стабильностью власти в период правления Александра III, что по инерции сохранялось в первые годы правления Николая II. Затем постепенно политическая ситуация обострилась до революции, которая вкупе с войнами наконец свела на нет достижения «эпохи Витте» и привела к краху систему самодержавия.

Необходимо, хотя бы кратко, рассмотреть начало царствования Николая II. Практически все современники отмечают, что он вступил на престол молодым и неподготовленным, «неопытным юношей, не имевшим до тех пор никакого касательства к государственной политике». В. И. Гурко в мемуарах передает свой разговор с морским министром Н. М. Чихачевым в день кончины Александра III: «Наследник – совершенный ребенок, не имеющий ни опыта, ни знаний, ни даже склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности его продолжают быть определенно детскими, и во что они превратятся, сказать

невозможно. Военная строевая служба – вот пока единственное, что его интересует. Руль государственного корабля выпал из твердых рук опытного кормчего, и ничьи другие руки, по всей вероятности, продолжительное время им не овладеют. Куда при таких условиях направит свой курс государственный корабль, – Бог весть».

Совершенно не разбирающийся в государственных вопросах, Николай, особенно в первое время, находился под влиянием матушки, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и своих дядей – великих князей. Позже значительное воздействие на решения монарха будет оказывать супруга. Молва об этом распространится по петербургским салонам.

Вот записи в дневнике генеральши Богданович:

«6 июня 1896 года. Княжевич говорил, что положение

С. Ю. Бумме

России становится отчаянно, что царь слушается всех родственников, которые ему доброго совета дать не могут. Вел. кн. Павел говорил своим офицерам-конногвардейцам, что в царской семье не перестают все ссориться, никто царя не боится. Вел. кн. Владимир со всеми дерзок и нахален. Царь выглядит больным. Во время коронации он был не только бледным, но зеленым. Молодую царицу считают *porte-malheur* (человеком, приносящим несчастье), что всегда с ней рядом идет горе».

30 сентября 1900 года, Берлин. Про царя везде – и в Германии, и во Франции, и в России, – везде говорят одно и то же, что у него нет никакого характера, что он соглашается с каждым из своих министров, несмотря на то, что все они докладывают ему противоположное один другому».

Поначалу отношения Витте с Николаем II складываются нормально, поскольку молодой царь полностью доверяет министрам, которых назначил его отец. Энергичный и честолюбивый Витте использует ситуацию для реализации своих планов, нередко вопреки воле членов Государственного Совета, как это было с денежной реформой, прямым указом царя. В то же время под влиянием других сановников и великих князей Николай мог неожиданно изменить свое решение, что вызывало справедливое

*Император Николай II.
«Гвардейский полковник
хорошего семейства»
(С. Ю. Витте. «Воспоминания»)*

возмущение Витте. «Колебания» царя в вопросах привлечения иностранных капиталов, восточной политики и других были головной болью Витте, по сути – выражением борьбы в верхах.

Хуже всего, что с первых месяцев царствования Николай II сумел спровоцировать конфликт с общественностью. Принимая 17 января 1895 года депутацию представителей дворянства, земств и городов, монарх произнес речь, в которой дал отрицательный ответ на ожидания земств: «Известно, что в последнее время слыша-

лись в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Это текст, который был напечатан на следующий день в «Правительственном вестнике», а вот впечатление от этой речи депутата из глубинки: «Вышел офицерик, в шапке у него была бумажка; начал он что-то бормотать, поглядывая на эту бумажку, да вдруг вскрикнул: “Бессмысленными мечтаниями!” – тут мы поняли, что нас за что-то бранят, ну, к чему же лаяться?»

По всему видно, что депутат просто не расслышал всей речи, ведь микрофонов тогда еще не было. Не будем забывать и то, что молодому царю приходилось преодолевать невыносимую застенчивость. Каждое публичное выступление, каждый выход стоили ему больших усилий. Так, в тот же день Николай записал в дневнике: «Был в страшных эмоциях перед тем, чтоб войти в Николаевскую залу, к депутациям от дворянств, земств и городских обществ, которым я сказал речь». Позже он постепенно избавится от этого недостатка, но в первое время, по воспоминаниям современников, такое поведение производило тягостное впечатление: так не должен был выступать великий самодержец.

По мнению Гурко, слова «бессмысленные мечтания» были чрезвычайно неудачными. «Получив широкое распространение, они тотчас стали предметом столь же злобной, сколь и насмешливой критики. Они действительно неопровержимо свидетельствовали как о наивности политического горизонта, так и об отсутствии политического такта. Николай II явно не учел надежд общественности на либерализацию режима и дал понять, что неограниченное самодержавие в России будет неизбежным. Власть над огромной страной доверена ему Богом, и он обязан сохранить ее такой, какой получил, – эта мысль внушалась ему с детства его воспитателем К. П. Победоносцевым». «Хозяин земли русской» – так ответил застенчивый Николай Александрович Романов в графе о роде занятий во время переписи населения 1897 года.

По словам камергера И. Тхоржевского, Николай II был «человек сложный, полный и тайной внутренней обреченности, и тихого нравственного упрямства».

Другим событием, которое нанесло большой ущерб авторитету Николая II в глазах общественности, была кровавая драма на Ходынском поле во время коронационных торжеств в Москве. Тогда из-за давки погибли и были покалечены несколько сотен человек. Но император не счел необходимым даже отменить продолжение торжеств, что было воспринято в обществе как проявление нравственной тупости.

Вот записи в дневнике А. В. Богданович, описывающие случившееся:

«29 мая 1896 г. Стеблин-Каменский говорил, что во время народного гуляния не успели убрать все трупы задавленных с Ходынского поля. Вследствие этого, так как публика

*К. П. Победоносцев,
ober-прокурор Синода*

наезжала, не зная о случившемся, на виду у всех запикивали умерших под лавки балаганов, на которых сидел народ, смотревший на представления клоунов и другие зрелища. Многие, проходя на места, наступали на торчавшие из-под лавок руки и ноги.

5 июня. Когда царь ехал на обед к Радолину, народ ему кричал, что не на обеды он должен ездить, а “поезжай на похороны”. Возгласы “разыщи виновных” многократно раздавались из толпы при проезде царя. Народ, видимо, озлоблен».

Кровавый след Ходынки продолжился «кровавым воскресеньем» – 9 января 1905 года. «Под знаком взаимной борьбы между

правительством и общественностью прошла большая часть царствования Николая II», – пишет Гурко.

Что касается личных отношений между царем и министром Витте, то они начали заметно портиться, и одним из поворотных моментов, вероятно, стали события, подробно описанные в «Воспоминаниях». В ноябре 1900 года Николай II, будучи в Крыму, заболел брюшным тифом, возникли серьезные опасения за его жизнь. По этому поводу состоялось совещание находившихся там министров, на котором встал вопрос о престолонаследнике.

Витте высказал мнение, что им должен стать великий князь Михаил Александрович, который после кончины в 1899 году цесаревича Георгия был объявлен таковым, правда неофициально.

Императорская чета

На это возникли возражения: а что, если императрица, которая была «в интересном положении», разрешится от бремени сыном-наследником. Витте отвечал, что «едва ли возможно на это дать определенный ответ», но «невозможно поставить империю в такое положение, чтобы в течение, может быть, многих месяцев страна самодержавная оставалась без самодержца, что из этого

совершенно незаконного положения могут произойти только большие смуты».

Запись в дневнике А. В. Богданович:

«15 декабря 1900 г. Царь болел брюшным тифом в Ливадии и был при смерти. Александра Федоровна к нему никого не допускала, даже министров для докладов, принимая их сама. Тогда Витте предложил назначить преемника, но после этого стал врагом царицы».

А позиция Витте была проявлением ответственности государственного человека, а не царедворца. «Я тогда понял, — пишет Витте, — что, вероятно, благороднейший и честнейший барон Фредерикс, министр двора, но не обладающий гениальным умом, что-либо сбрыкнул императрице, и с тех пор получила основание легенда, которая многим была на руку, а потому весьма распространилась, а именно, что я ненавижу императора Николая II. Этой легендой, муссированной во всех случаях, когда я был не нужен, легендой, которая могла приниматься всерьез только такими прекрасными, но с болезненной волею или ненормальной психикой людьми, как император Николай II и императрица Александра Федоровна, и объясняются мои отношения к его величеству и моя государственная деятельность».

После событий 1900 года было еще много разного в отношениях царя и министра, но можно определенно сказать, что они радикально изменились. Почувствовав себя более уверенно, Николай II перестал доверять Витте, как прежде. Приблизив к себе его противников, в частности Плеве и Безобразова, царь действует подчас так, что складывается мнение, будто он хочет создать трудности министру и ограничить его влияние.

Витте в общении с царем выбрал психологически неверную линию поведения, объяснявшуюся, видимо, тем, что для него Николай II навсегда оставался юным наследником, которого надо постоянно контролировать и направлять. С каждым годом император все более тяготился этой опекой. Менторский тон министра финансов, его самостоятельность и неуступчивость, постоянные ссылки на великое царствование Александра III резко контрастировали с льстивыми речами придворных. Николаю казалось, что самомнение и честолюбие Витте безграничны, что Министерство финансов стало государством в государстве, а министр позволяет себе игнорировать мнение самодержца.

Как замечает академик Е. В. Тарле, «царь обыкновенно гораздо лучше и тоньше понимал мнение о себе собеседников, чем

им это казалось. Так было и с могучим Витте, а Витте, по-видимому, и не догадывается, что Николай II не просто к нему нерасположен».

Многие отмечают, что отношения между Николаем II и Витте были очень непростыми. Тарле определяет их так: «Со стороны Витте по отношению к Николаю – недоверие и презрение; со стороны Николая к Витте – недоверие и ненависть». Ненавидел он прежде всего за то, что, вследствие нетерпеливой манеры, Витте не умел скрыть полнейшее свое неуважение к Николаю. «"Ум, любя простор, теснит", и, конечно, огромный Витте теснил собой маленького, внешне корректного государя, постоянно оскорбляя его, сам того не замечая, – пишет Тарле. – Но была причина, по которой царь вынужден долго терпеть все это: без Витте нельзя было обойтись».

Ненависть накопилась за унижения, перенесенные тщеславным, но слабым монархом, – Витте, используя свое интеллектуальное превосходство, манипулировал им многие годы. Но он забыл, что только благодаря поддержке Николая II удалось реализовать многие из его реформаторских планов, и любил при каждом удобном случае подчеркивать разницу между двумя государями, которым ему приходилось служить, восхваляя отца в укор сыну. В «Воспоминаниях» он позволил себе отзывы о Николае II, несовместимые с верноподданническими убеждениями, сомневаться в которых не приходится.

Камергер И. Тхоржевский, наблюдавший вблизи отношения царя и министра, оставил нам в мемуарах свои любопытные суждения: «Государь – это художник-миниатюрист, а Витте – грубый декоратор для большой публики. Такие люди не могут понять друг друга, это выше их сил!»; «Государь, безусловно светский, был несравненно тоньше Витте, внимателен к людям, к их психологии вообще, к оттенкам и мелочам, к форме слова, к эстетике жизни, но зато он бывал нередко способен из-за деревьев не видеть леса. Витте не отрицал у Государя ни ума, ни обаятельности, ни тонкости. Но он думал по-пушкински, что и глупцы и сумасшедшие иногда бывают удивительно тонкими».

Витте не требовал от царя слишком многого. «Говоря как-то о государе, – записал А. В. Руманов, – Витте задумчиво заметил: "От властителя не требуется, чтобы он был умен или непременно силен. Требуется, чтобы он был удачлив. Властитель должен быть *felix*..."»

Между тем Николай II, родившийся в день Святого Иова, сам говорил, что много раз применял к себе следующую его фразу: «Стоит мне только предчувствовать какую-нибудь опасность, как она осуществляется, и все несчастья, которых я боюсь, обрушиваются на меня». Историк Б. А. Романов определял эту «основную черту» характера царя как «мистическую покорность судьбе и уверенность в собственном неудачничестве». А это то, что решительно противоречило требованиям, которые Витте, убежденный сторонник и защитник монархии, предъявлял к личности царя. В этом он видел и одну из причин своего краха, говоря, что при ином характере Николая II он был бы более удачлив в своих делах.

Интересную характеристику Николаю II удалось найти в воспоминаниях известной балерины Матильды Кшесинской, которая близко знала его еще молодым: «Для меня было ясно, что у наследника не было чего-то, что нужно, чтобы царствовать. Нет, у него был характер, но не было чего-то, что бы заставило других подчиниться своей воле. Первый его импульс был почти всегда правильным, но он не умел настаивать на своем и часто очень уступал. Я не раз ему говорила, что он не сделан для царствования, для той роли, которую волею судьбы он должен будет играть».

А вот мнение В. Н. Коковцова, преемника Витте, высказанное в 1916 году: «Царь рассудителен, умерен, трудолюбив. Его идеи чаще всего – здравые идеи. У него возвышенное представление о своей роли и полное сознание своего долга. Но ему недостает образования, и величие проблем, которые он призван решать, слишком часто выходят за пределы его ума. Он не знает ни людей, ни дел, ни жизни. Его недоверие к самому себе и к другим заставляет его остерегаться всех, кто выше его. Поэтому он терпит возле себя одних ничтожеств. Наконец, он благочестив узким и суеверным благочестием, которое заставляет его ревниво охранять верховную власть, потому что она дана ему Богом».

Каково все же было политическое кредо министра Витте? Понятно, что, рассматривая его отношения с царем, это не прояснить, здесь требуется анализ его взглядов на государственное устройство и управление. Достаточно красноречиво Витте высказался в работе «Самодержавие и земство».

История появления этой работы такова. Началось все с доклада Витте в 1899 году о расходах на народные училища. Этот доклад получил широкое распространение в публике и дал повод отнести Витте к разряду противников земских школ и сторонников бюрократического режима. Такая репутация еще более утвердилась, когда Министерство внутренних дел поставило вопрос о введении земства на западных окраинах, где его раньше не было. Дело в том, что в 1864 году земства были введены лишь в 34 губерниях из 100 административных единиц, в основном в центре европейской части империи.

По этому вопросу между двумя министрами, Витте и главой МВД И. Л. Горемыкиным, возник обмен мнениями, и Витте в конфиденциальной записке «определенно высказался». Эта записка и была опубликована в 1901 и 1903 годах в Штутгарте под названием «Самодержавие и земство» с предисловием П. Б. Струве. В записке Витте, пытаясь развеять возможное мнение о его ретроградстве, заявляет себя прогрессивным, цивилизованным государственным деятелем. «Я искренне и глубоко верю, что основой действительной силы всякого государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и окрепшая к самостоятельности личность. И для меня бесспорной представляется та истина, что степень развития личной самостоятельности народа определяет степень могущества государства и его положение среди соседей. Чем более развита личность, чем прочнее укоренились в ней привычки самостоятельности, без чужой помощи, устраивать свое благосостояние, тем более устойчивости имеет весь общественный, а за ним и государственный строй», — пишет он.

Формы правления не заказываются и не сочиняются. Как республиканский, так и монархический режим, как правительственная администрация, так и органы самоуправления могут быть и хорошим, и плохим средством управления, утверждает Витте. Каждый из них может обеспечить личную свободу, обще-

ственную самостоятельность, способствовать экономическому и культурному преуспеванию народа, может и обратно – давить как отдельную личность, так и целый народ, держать его в нищете, полной экономической зависимости и умственном невежестве. Существенна не форма, а ее внутреннее содержание: как власть осуществляется.

«Существующее полное неустройство нашего местного управления является одной из главных и основных причин печального состояния и вообще всего неустройства деревни, уезда и губернии, на которые так много слышится со всех сторон указаний и жалоб. Для реформы местного управления потребуется много сил и много работы, нужна выработка общего плана, но трудность не может считаться препятствием непреодолимым».

*И. Л. Горемыкин, министр
внутренних дел (1895–1899)*

В заключение записки Витте не предлагает своего проекта такой реформы, но излагает некоторые принципы и подходы.

Анализируя взгляды Витте по вопросам организации местного управления как элемента общегосударственного устройства, нельзя отказать ему в логичности и последовательности апологета самодержавной, бюрократической системы, что было выражением консервативной утопии, которую поддерживали не только властные структуры.

Как уже отмечалось, консервативной утопии в России в конце XIX – начале XX века противостояли как либеральная, так и социалистическая утопии. В комментарии к записке Витте Струве с либеральных позиций решительно критикует его. Он отмечает, что полемика Витте и Горемыкина по поводу введения земских учреждений в Западном крае по характеру и содержанию значительно поднимается над обычным уровнем пререканий между ведомствами.

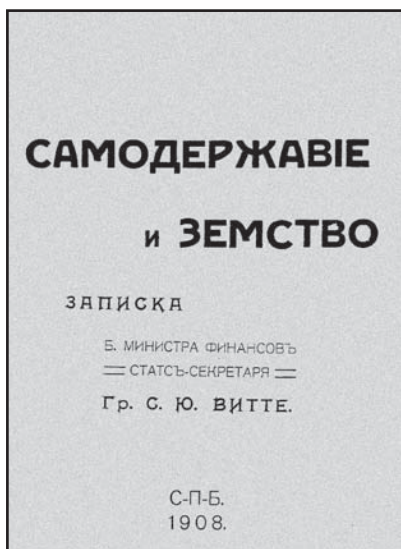
«Витте, – пишет он, – считает нужным прислушаться к скрытой работе стихийных сил, вырабатывающих в исторической лаборатории новые общественно-государственные формации. Талантливый парvenu русской бюрократии делает смотр прошлому и допрашивает будущее. Записка является самым сильным и умным выражением этой зловещей дальновидности государственных деятелей, призванных охранять обреченный государственный строй, несмотря на видимую крепость».

Современное земство не есть политическая величина, чтобы кого-либо утрашать. Лишенное самостоятельности, ограниченное в компетентности, контролируемое правительством, оно еле-еле отстаивает свою позицию. И тем не менее это умаленное, съезжившееся перед всемогущей бюрократией русское земство опасно самодержавию. «Земство опасно не сегодня, а только в силу исторической тенденции своего развития, как зародыш Конституции. За это оно должно быть обречено на гибель», – пишет Струве. Никогда ни один либеральный или революционный писатель не произносил такого уничтожающего вердикта над русским самодержавием, как статс-секретарь Витте, ради сохранения самодержавия требующий упразднения земства. Всякий искренний идеалистический поклонник самодержавия, по словам Струве, не иначе как с чувством глубокой скорби и даже омерзения будет читать ту убийственную критику, которой Витте подвергает поэтическую мечту славянофилов об объединении царя с землей, о совместимости с самодержавием широкого самоуправления.

«Откинув самоуправление, как несовместимое с самодержавным началом, – продолжает Струве, – Витте вынужден выступить с самой откровенной апологией бюрократии. И он, конечно, совершенно прав. Но это правда, которая хуже всякой лжи. Этой правдой с самодержавия срывается его самое нарядное идеальное облачение, которым до сих пор обряжали его как искренние почитатели, так и купленные слуги...» А Витте в своем трезвом ре-

ализме безжалостно упраздняет всю «поэзию самодержавия», от него остается одна голая бюрократия.

К моменту второй публикации записки «Самодержавие и земство» с комментариями Струве в социал-демократическом журнале «Заря» (1902. № 2) была – без указания авторства – опубликована статья Ленина под названием «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Автор обрушивался с критикой на взгляды Витте, называя его «гонителем земств», но с других позиций, а заодно нападал и на либералов. Ленин называл записку Витте «обвинительным документом, составленным на основании очень обширного и недурно обработанного материала». Он утверждал, что местное самоуправление и свобода, за которые борются либералы, принесет пользу прежде всего буржуазии. «Буржуазия

*Записка С. Ю. Витте
«Самодержавие и земство»*

воспользуется свободой, чтобы почить на лаврах, пролетариату нужна свобода, чтобы развернуть во всю ширь свою борьбу за социализм. Но в интересах политической борьбы мы должны подерживать всякую оппозицию гнета самодержавия».

Возникает вопрос: а был ли «певец бюрократии» Витте настоящим «гонителем земств», как его окрестил Ленин? В предисловии ко второму изданию книги «Самодержавие и зем-

ство» Струве пишет: «С поразительной быстротой, в какие-нибудь полтора года, протекшие со времени первого издания записки г. Витте, кризис самодержавия из скрытого стал совершенно явным, и при этой исторической перемене декораций политический трактат министра финансов тоже испытал странные и неожиданные превращения. Когда мы издавали записку г. Витте, мы не знали, что он, исповедуя перед Горемыкиным веру в самодержавие, на самом деле не верил в исповедуемое им.

Теперь, благодаря исторической беседе Витте с Шиповым, мы знаем, что Витте открыто высказал свое убеждение в том, что Россия придет к конституционному строю. В этой беседе Витте так истолковал свою записку: ею он хотел предупредить Государя, что раз существует земство, то рано или поздно государство и на высших ступенях должно будет допустить начало представительства».

Есть основание предполагать, что записка Витте преследовала какие-то особые цели. Струве пишет, что Плеве с полной недвусмысленностью назвал записку Витте средством устранить Горемыкина и сказал лидеру земцев Д. Н. Шипову: «Поверьте, что между министрами его императорского величества нет ни одного столь расположенного к земству, как Сергей Юльевич». Эту мысль развивает историк Б. А. Романов: «Когда он заказывал кому-то свою знаменитую записку “О самодержавии и земстве”, где, собрав все аргументы в пользу конституции, высказался за самодержавие, – это была эквилибристика, чтобы свалить министра внутренних дел Горемыкина, вылезшего с ублюдочным проектом фальсифицированного земства для западных губерний, и посадить на его место своего – Сипягина».

Такой осведомленный и проницательный свидетель поединка Горемыкина и Витте, как статс-секретарь А. Н. Куломзин, допускал, что к составлению записки Витте мог «подстрекнуть» и сам Николай II, «любивший ссорить своих министров и считавший этот прием верхом дипломатического искусства». Однако Куломзин признавал, что ему до конца неясны мотивы, побудившие Витте в компании с Победоносцевым и Дурново выступить против земской реформы Горемыкина.

Трудно сказать, какую роль сыграла записка Витте, но министр внутренних дел Горемыкин, не добившись реализации своего проекта в 1900 году, ушел в отставку, и на его месте появился «более удобный» Сипягин. Нет никаких подтверждений того, что Витте что-то практически предпринимал против земств, – как

прагматик, он, очевидно, понимал, что органы местного самоуправления стали уже незаменимы.

Примечательно, что в этот период возник вопрос о необходимости реформы городского общественного управления в Петербурге, и он был поставлен в докладе Сипягина царю в октябре 1901 года. Первоначально министерство склонялось к мысли о полном упразднении в столице выборных учреждений и замене их правительственными. Но министр пришел все же к убеждению, что это «не соответствовало бы интересам правительства ни по экономическим, ни по политическим мотивам». В докладе отмечалось, что органы общественного управления «настолько вошли в городские дела, что заметить их просто нереально». В результате появилось на свет «Положение об общественном управлении города Санкт-Петербурга», высочайше утвержденное 8 июня 1903 года. Можно предположить, что Сипягин, который находился под влиянием Витте, наверняка с ним советовался и по этому вопросу.

Позже, в 1911 году, Государственной Думой был принят закон о введении земства в шести западных губерниях (Витебской, Минской, Могилевской, Киевской, Волынской, Подольской). Государственный Совет отказался его утвердить, но Николай II, по настоянию Столыпина, все же провел его своим указом.

Драматична судьба органов местного самоуправления в России. При самодержавии они хотя и играли заметную роль, но остались в подчинении у административных органов. Государственная Дума затянула решение вопроса о земской и городской реформе в стране. Временное правительство 3 марта 1917 года приняло декларацию о намерениях, было создано Особое совещание, которое за несколько месяцев подготовило проект документов, весьма прогрессивных по характеру. В сентябре 1917 года они были приняты правительством, но последовавшие события не позволили реализовать их. Большевики, придя к власти, первое время сохраняли органы местного самоуправления, но затем они были преданы забвению. Как выразился историк Г. Барабышев, «живые всходы самоуправления российского земства были безжалостно вытоптаны сапогом пролетарского государства, в котором утвердилось всевластие партийно-административного аппарата».

А записка Витте о земстве, составленная в 1899 году, была издана им самим с уточнениями и добавлениями в 1914 году под названием «По поводу непреложности законов государственной

жизни». Примечательно, что грозные для самодержавия события не заставили автора Манифеста 17 октября 1905 года изменить свое мнение, – видимо, консервативная утопия владела его сознанием до конца жизни. Витте оставил след в истории России как апологет бюрократии, но это была бюрократия нового типа.

Государственное творчество Витте с самого начала охватывало многие сферы, не имевшие на первый взгляд прямого отношения к кругу проблем его ведомства. Так, уже в 1893 году он выступил инициатором реформирования пограничной службы России. Витте предложил новую структуру Пограничной стражи: отдельный корпус – округа – бригады – отделы – отряды.

Александр III поддержал Витте, обосновавшего инициативу необходимостью усиления борьбы с контрабандой для пополне-

*С. Ю. Витте в мундире шефа
Пограничной стражи*

ния казны. Отдельный корпус был включен в структуру Министерства финансов, а сам министр назначен шефом Пограничной стражи. Это дало право Витте, сугубо штатскому человеку, носить генеральский мундир.

Ориентация Витте в его системе на централизованное бюрократическое управление фокусирует внимание на русской бюрократии как явлении и на чиновничестве как социальной группе российского общества той эпохи.

Взгляды Сергея Юльевича во многом предвосхитили некоторые теории бюрократии, которые появились в западной социологии в начале XX века и в которых просматривается стремление представить процесс бюрократизации как рациональное явление.

Витте, на наш взгляд, принадлежал скорее к числу представителей немецкой школы, был ярым поклонником Бисмарка, исповедовал теорию протекционизма Листа. Идея служения России была доминирующей в его государственной деятельности. Однако в Витте сочетались византийская хитрость и лицемерие, он был мастером дворцовой интриги, в совершенстве владел инструментами «служебной эквилибристики».

Он принимал окружающую действительность как есть, насквозь видел чиновничий мир и знал не только его недостатки. Не ломая административную систему, он стремился ее совершенствовать изнутри, постепенно реформируя отдельные звенья, исходя из того, что в России нет другой силы в государственном управлении.

О положении бюрократии, ее роли в России известны разные точки зрения. Так, американский историк Р. Пайпс считает, что до прихода к власти коммунистического правительства российский бюрократический аппарат «был сравнительно невелик и неэффективен». Правительства были вечно стеснены в деньгах и предпочитали тратить все средства на армию, бюрократия представляла незначительной не только в бюджете страны; она также была невелика в процентном отношении к населению государства – в 3–4 раза меньше, чем в странах Западной Европы в это же время. «В Московской Руси и в период империи в бюрократической машине, пользовавшейся широкими полномочиями и известной своим крайним своеволием, ощущался явный недостаток чиновников. Препятствия, преграждавшие путь широкой бюрократизации, были сняты только в октябре 1917 года с захватом власти большевиками», – пишет Пайпс.

Иная оценка у Ленина: в 1894 году он отмечал, что бюрократия *de facto* правит государством российским. В 1903 году он же

говорит о бесправии народа и господстве над ним «замечательно организованной, идейно сплоченной, традиционно замкнутой бюрократии».

О численности чиновников в России «эпохи Витте» лучшее представление дают не данные переписи 1897 года, а материалы к проекту «Положения о государственном подоходном налоге», подготовленные Министерством финансов в 1906 году. Из них мы узнаем, что на государственной службе числится 91 тысяча чиновников. К этой цифре следует добавить еще служащих органов местного самоуправления: земских – 7,8 тысяч, городских – 4,5 тысяч человек. Таким образом, общая численность составит немногим более 103 тысяч человек, то есть менее 0,1% численности населения страны.

Понятно, что преобладающая часть чиновничества находилась в столице и отчасти в губернских городах. Вследствие централизации управления империей в губерниях в основном действовали фискальные – налоговые, таможенные – органы и органы Министерства внутренних дел. Основной управленческий аппарат находился в Петербурге, где располагались министерства и ведомства. Самым большим по численности было Военное министерство – 30587 человек, а вторым – Министерство финансов – 12951 человек, которому заметно уступало даже Министерство внутренних дел – 8838 человек. Другие ведомства отставали: Министерство императорского двора и уделов – 1726 человек, иностранных дел – 452 человека, Священный Синод – 532 человека. В целом государственный и местный аппарат управления России был сравнительно невелик, если сравнить его с советской эпохой, когда всеобщая бюрократизация породила командно-административную систему.

Витте, стремясь к повышению эффективности государственного управления страной, заботился о количественном и качественном росте аппарата. Министерство финансов значительно увеличилось по численности именно в период правления Витте – в связи с масштабом и влиянием его нередко называли «империей Витте». До 1905 года министерство было главным экономическим ведомством империи, выполняя также функции министерства торговли и промышленности. Еще в начале 90-х годов при реорганизациях и расширении подразделений министерства в Государственном Совете возникали предложения о разделении функций, но Витте путем «служебной эквилибристики» сумел не допустить этого, предпочитая все держать в одном кулаке.

Интересен вопрос о материальных условиях работы. Преобладающая часть чиновников Министерства финансов – 8908 человек – имели оклады от 1 до 2 тысяч рублей в год, что по тем временам было довольно скромно. Состоятельными в России тогда считались граждане, имевшие доход более 5 тысяч рублей в год. Высокие оклады – от 10 до 20 тысяч в год – имели лишь высшие чиновники министерства. Оклад министра финансов составлял 23 тысячи 500 рублей в год и не был самым высоким. Для сравнения: военный министр имел оклад 50 тысяч рублей, в Министерстве иностранных дел некоторые чиновники получали больше 50 тысяч рублей в год. Кроме того, чиновники периодически получали премии, а иногда и пособия. Чиновник, отработавший установленный стаж, получал право на пенсионное обеспечение. В

*С. Ю. Витте, член
Государственного Совета.
Эскиз И. Е. Репина к картине
«Заседание Государственного
совета»*

1905 году от Министерства финансов получали пенсию 11482 человека, на что было выделено 19,2 миллионов рублей. Средняя пенсия составляла свыше 1700 рублей в год, что было довольно значительной суммой. Для сравнения можно сказать, что средняя зарплата рабочих в России в начале века составляла порядка 400 рублей в год.

В то же время доходы предпринимателей были значительно выше. Даже владельцы небольших предприятий IV разряда (50 работников) имели годовой доход более 5 тысяч в год, а многие из них

получали доходы от капиталов и недвижимости, что, впрочем, относилось и к части чиновников. Оценивая материальные условия и стимулы чиновников в России, можно отметить, что вознаграждение за их труд было достаточно скромным.

Успехи преобразований Витте были связаны с использованием власти административного аппарата, бюрократических структур, существовавших и до него. Новаторство Витте не в ломке прежних структур, а во внедрении новой философии и стиля управления, повышении эффективности работы аппарата. По выражению современника, «Витте являл собой новый тип бюрократии, сформировавшейся на капиталистической стадии развития России».

Появление нового типа государственного служащего связано с приходом во властные структуры молодых людей из практической сферы и с периферии, с иными взглядами и жизненным опытом, чем у старого чиновничества. «Невская столица издавна славится своим “безлюдьем”: оно и понятно, так как петербургская бюрократия, несомненно, вырождается. Ввиду этого волей-неволей приходится выписывать “сановников” из недр провинции. В их число попал Витте», – пишет современник.

Вначале служебная карьера Витте протекала вдали от Петербурга. Юго-западные железные дороги – дело живое. Железнодорожные служащие в тысячу раз либеральнее и «умственнее» так называемых столичных канцелярских крыс. В столице Витте малопомалу обюрократился, но сохранил такие замечательные качества управляющего и предпринимателя, как прагматизм, деловая хватка, настойчивость, энергия, демократичность. У руля финансового ведомства встал не чиновник-манипулятор, а деятельный человек, который смог подобрать и сплотить команду единомышленников, разработать стратегию и организовать целенаправленную работу.

Для Витте настали минуты, когда он мог развернуться во весь свой богатырский рост: золотая валюта, выкуп дорог в казну, винная монополия, насаждение торговли и промышленности и даже коммерческо-технических школ. Все заволновалось, все задвигалось, и бюрократия приуныла. Роль министров теперь сводилась к выполнению особых поручений при особе Витте. «В результате победоносное либерально-коммерческое “ура” совершенно заглушало собой аграрно-консервативный “караул”, – пишет современник. – Витте, сгибая в бараний рог противников, по-царски жаловал своих друзей и сторонников. В силу этого об-

стоятельства в особенно благоприятных условиях находилось в те времена Министерство финансов, которое по сравнению с другими ведомствами и по сию пору вмещает в себе сливки русской бюрократии: все более или менее культурное и деловитое.

Он привлек со стороны немало образованных и талантливых сил. Он ввел закон, по которому самый мелкий чиновник финансового ведомства обязан иметь университетский диплом, тогда как в прочих учреждениях и по сие время процветает “домашнее образование” или же пшшотовские дипломы камер-пажей и лицеистов. Правда, требуя талантливость и диплом, Витте иногда очень щедро вознаграждал своих служащих; поэтому акцизный надзиратель получает у него жалование чуть ли не вице-губернаторское. Все бюрократы сильно завидовали друзьям и сослуживцам финансового бога».

Кадровая политика для Витте всегда была приоритетной. «Я имел счастье вообще, где бы я ни служил, приглашать талантливых сотрудников, что, по моему мнению, составляет одно из самых главных и необходимых достоинств администраторов по крупным делам, а по государственным в особенности. Люди, которые не умеют выбирать людей, не имеют нюха к людям, которые не могут оценивать их способностей и недостатков, мне кажется, не могли бы быть хорошими администраторами и управлять большим делом. Что касается меня, то я могу сказать, что у меня этот нюх, может быть природный, очень развит. Я всегда умел выбирать людей, и какую бы должность ни занимал и где бы я ни был, везде являлась крупная плеяда талантливых и способных работников», — пишет Витте в мемуарах.

Некоторые современники обвиняли Витте в потребительском отношении к сотрудникам и соратникам. «Как Вы умели эксплуатировать людей, много взять и мало дать, за чечевичную похлебку купить старшинство. Вы выжимали окружающих, как лимоны, и швыряли ими, как сношенными перчатками. Вспомните Ваших сподручных, трудами и талантами которых возвеличилось Ваше имя, — Ковалевского, Максимова, Антоновича, Меринга, Гурьева, Ротштейна и многих-многих других, кто для Вас сочинял реформы, составлял Ваши речи, записки, доклады, кто тащил воз, на котором, помахивая кнутом и задрвав лоб, сидели Вы, великий реформатор». Это писал И. И. Колышко — чиновник, которого Витте обидел своей негативной оценкой в мемуарах, человек явно пристрастный. А вот другое мнение — из письма князя А. Д. Оболенского Витте от

27 сентября 1897 года: «...мне от всей души грустно теперь уходить из-под Вашей команды... Но если с внешней стороны Ваша команда и кончается нравственно, я все же буду под властью Вашего твердого и ясного взгляда на дело, взгляда, который привык ценить во время службы с Вами. Скажу Вам откровенно, по-моему, сила этого Вашего взгляда состоит в удивительной способности отбросить всю мелочь и подробности дела, уметь смотреть на него и оценивать исключительно с точки зрения общего блага и пользы государства».

В. И. Ковалевский отмечает, что «С. Ю. Витте отличался удивительной трудоспособностью, работал не меньше 12 часов в сутки: и работа его была чрезвычайно производительна. В работе его интересовала основная мысль и общее направление. К мелочам он не придирался и не требовал условного канцелярского языка. Работать с ним было и приятно, и легко. Усваивал он новый предмет, что называется, на лету. К ближайшим сотрудникам он относился с большим доверием и представлял им широкую самостоятельность и большой почин».

О доверии Витте к подчиненным говорил и В. В. Максимов: «Я состоял директором железнодорожного департамента и работал под руководством Сергея Юльевича в течение десяти лет. Впрочем, необходимо заметить, что Сергей Юльевич лишь первые два года интересовался железнодорожным департаментом, после же он предоставил мне вести дело совершенно самостоятельно. Витте страшно ценил в своих сотрудниках самостоятельность во всем и до конца».

Доклады у Витте происходили в весьма любопытной обстановке. У докладчика нет с собой ни бумаги, ни карандаша, и вот в течение двух часов докладчик и Витте ходят из угла в угол по кабинету и яростно спорят. Витте при этом вводит собеседника в круг своих идей и горячо отстаивает защищаемый им проект. Если Витте сдавался на доводы собеседника, то обыкновенно он начинал горячиться и кричать: «Я вас не понимаю, что вы хотите делать» и после некоторого раздумья: «Ну да, делайте, делайте!»

При Витте совершенно нельзя было выразить какое-либо ходячее мнение, он требовал серьезной и ответственной подготовки по всякому вопросу. Сергей Юльевич все время учился, читал серьезные исследования и, получив незначительное образование, неустанным трудом достиг во многих вопросах весьма серьезной эрудированности. «На моих глазах, — пишет Б. Б. Глинский, — со-

вершалась эта удивительная метаморфоза. Помнится, были вопросы, по которым Сергей Юльевич выказывал абсолютное невежество, и вот через два-три года он являлся знатоком вопроса».

Характерной чертой министра была сверхответственность, которую он всячески прививал и своим подчиненным. Ложь в Министерстве финансов наказывалось жестче, чем появление негативной информации. Витте, будучи человеком с особой моралью и игнорируя нередко принятые нормы поведения, должен был обладать той нравственной силой, которая привлекает к себе людей.

В чем же все-таки заключался успех деятельности Витте в столь многих направлениях одновременно? Думаем, не только в колоссальной трудоспособности, воле и интеллекте, но и в умении использовать сотрудников, создав высокопрофессиональную команду. Для раскрытия феномена уместно обратиться к теории пассионарности, предложенной Л. Н. Гумилевым. Пассионарии, характеризующиеся избытком энергии, посвящают всю свою жизнь одной цели. Гумилев говорит о важнейшем признаке пассионарности в коллективе пассионарной индукции, или заразительности, вследствие чего «человек, попадающий под влияния пассионария, сам ведет себя так, как если бы он был пассионарием».

С этой точки зрения примечательно письмо В. И. Ковалевского С. Ю. Витте от 31 мая 1910 года: «Вы были центральной фигурой эпохи, выразителем редкой государственной мощи и таланта, фокусом всего живого, к Вам неслись надежды, около Вас группировались деятельные силы, зарождалось новое – лучшее время моей жизни». Ковалевскому не было нужды угождать отставному политику, да еще в опале. Представляется, что только искренняя признательность могла родить эти строки.

Как отмечает публицист Я. Сакер, наиболее крупные свои реформы Витте провел при помощи чиновников, и это привело его к такому убеждению: «Хотячее мнение, что нельзя вести хозяйства посредством чиновников, есть устаревший анахронизм». Еще двадцать лет тому назад, говорилось в его известной записке о земстве, никто не предполагал возможности ведения казной такого сложного хозяйства, как хозяйство железнодорожное, никто не допускал мысли о введении винной монополии. Опыт настоящего показал обратное.

Однако это не заставило Витте замкнуться в бюрократическом кругу, интересы страны – как он их понимал – он не принес

в жертву бюрократическому принципу управления. В 1902 году учреждается Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, и стараниями Витте круг участников совещания значительно расширился: в нем приняло участие – на уровне губернских и уездных совещаний – около 11 тысяч человек из 49 губерний России. Так Витте от одной формы работы переходит к другой, от аппаратной – к широко представительной и совещательной. Как представитель новой российской бюрократии он смог добиться результатов в реформах, опираясь на традиционные структуры, на старых и новых чиновников.

ЛЮБИМОЕ ДЕТИЩЕ

Витте был бюрократ в лучшем смысле слова, он настраивал окружающих на предельно рациональную организацию дела, прекрасно понимал значение науки и профессионального образования. Отсюда его идея создания системы подготовки управленцев для государственного аппарата и специалистов для промышленности, которой до него в России, по сути, не было.

Представитель и знаток русской бюрократии М. Е. Салтыков-Щедрин в памфлете «Господа ташкентцы» ярко отразил уникальную управленческую культуру и образование в самодержавной России XIX века: «Человек, видевший в шкафу свод законов, считает себя юристом; человек, изучивший форму кредитных билетов, называет себя финансистом; человек, усмотревший нагую женщину, изъявляет желание быть акушером. Все эти люди, не обремененные знаниями, которые в “свежести” почерпнут решимость для исполнения каких угодно приказаний, а в практике отыщут и средства для их осуществления.” Прикажут – завтра же будут акушерами”. Ответ этот драгоценен, ибо дает меру талантливости русского человека, но еще он более драгоценен в том смысле, что раскрывает некоторую тайну, свидетельствующую, что упомянутая выше талантливость находится в теснейшей зависимости от “приказания”. Ежели мы не изобрели пороха, то это значит, что нам не было приказано; ежели мы не опередили Европу на поприще общественного и политического устройства, то это значит, что и по сему предмету никакого распоряжения не последовало. Мы не виноваты. Прикажут –

и Россия завтра же покроется школами и университетами, приказут – и просвещение вместо школ сосредоточится в полицейских управлениях. Куда угодно, когда угодно и все что угодно».

Далее Салтыков-сатирик пишет: «...уверенность в нашей талантливости так велика, что для нас не полагается даже никакой профессиональной подготовки. Всякая профессия доступна нам, ибо ко всякой профессии мы от рождения вкус получили. Свобода от науки не только не мешает, но служит рекомендацией, потому что сообщает человеку букет “свежести”».

Витте как администратор европейского типа понимал, что опорой современного западного государства является чиновник-специалист, так же как промышленности – инженер. Конечно, чиновник известен везде: в Китае, Индии, Египте, однако зависимость всей жизни общества от организации профессионально подготовленных чиновников, коммерчески и прежде всего юридически образованных, существует только на Западе.

Н. Кутлер замечает, что Витте как политический деятель, в отличие от других деятелей старого режима, придавал большое значение интересам культуры и просвещения и мог вообще считаться государственным человеком в западноевропейском смысле этого слова. Он был в теории и на практике сторонником просвещенного абсолютизма, при котором министры, пользующиеся доверием верховной власти, имеют возможность беспрепятственно осуществлять самые смелые мероприятия.

Одним из менее известных направлений государственной деятельности Витте была сфера специального образования, – здесь он, используя преимущества централизованного бюрократического управления, смог добиться радикальных перемен. Интерес Витте к этой сфере не был случайным. В «Программе 1899 года» в качестве трех сил, которые могут ускорить процесс образования вполне независимой национальной промышленности, наряду с капиталами и предприимчивостью выделялись знания. Витте стал зачинателем профессиональной подготовки персонала в России как для нужд промышленности, так и для государственного аппарата. Сферу управления он стремился сделать предметной, требующей специальных знаний и умений.

При Витте, можно сказать, опять же «по приказанию сверху», впервые началось формирование системы профессионального технического образования на разных уровнях: ремесленных школ, коммерческих училищ, политехнических институ-

тов. Исходная проблема заключалась в том, что переход страны на капиталистический путь развития сопровождался быстрым ростом промышленных, транспортных и торговых предприятий, увеличением численности рабочих и специалистов. Вместе с тем огромная страна располагала ничтожным числом высших технических учебных заведений. В 1895 году в восьми технических и в четырех сельскохозяйственных учебных заведениях России обучалось всего 5,5 тысяч студентов, минимально удовлетворявших потребности народного хозяйства.

По официальным данным, в 1885 году из 22,3 тысяч руководителей промышленных предприятий только 1,6 тысяч имели высшее и среднее техническое образование, иначе говоря, 93% директоров изучали дело только на практике. Одна треть руководителей, имевших образование, приходилась на долю иностранцев, следовательно, из 22,3 тысяч лишь 5% русских имели хотя бы среднетехническое образование. Даже на технически сложных производствах директора-специалисты не составляли большинства: в машиностроении – лишь 45%, в сталелитейном и рельсопрокатном производстве – лишь около половины, а на текстильных предприятиях около 70% директоров не имели технического образования. Количество инженеров и техников на предприятиях росло очень медленно. Но и при таких условиях, как писали в то время газеты, «известная часть нашего общества старается насколько можно задержать просветительное движение», их конек – это «перепроизводство интеллигенции».

По мнению ретроградов, боявшихся студентов как смутьянов, следовало бы выпускать из университетов как раз столько молодых людей, сколько надо для нужд департаментов. В 1894 году на один миллион населения в России приходилось всего 152 студента, тогда как в Германии – 534, во Франции – 460. И это в стране, которая была пионером в создании высших технических учебных заведений! В России Горный институт был основан в 1773 году, во Франции первое подобного типа заведение – в 1794 году, в Англии и США – лишь в XIX веке.

Аналогичным было положение и с экономическим образованием, хотя России принадлежало первенство в создании так называемых коммерческих училищ. Первое из них возникло в 1772 году в Москве на деньги горнопромышленника П. А. Демидова, позже оно было переведено в Петербург. К 1895 году средние коммерческие училища открылись в Петербурге, Москве, Одессе,

Харькове, появилось коммерческое отделение при Рижском политехническом институте, кроме того, с 1804 года существовала Московская практическая академия коммерческих наук. Почти все эти учреждения содержались за счет пожертвований и средств, отпускаемых купечеством. Страна испытывала острый недостаток и в техниках, и в экономистах. К этому времени в России действовало всего восемь коммерческих школ, выпускавших коммерсантов со средним образованием. Подготовки высшего эшелона коммерсантов не было, его составляли преимущественно из иностранцев.

В такой ситуации при промышленном буме 90-х годов возникла острая необходимость в новых учебных заведениях. Министерство народного просвещения, ведавшее техническими учебными заведениями, плохо справлялось с задачей подготовки инженеров, а подготовкой экономистов вообще почти не занималось. Тогда инициативу взяло на себя Министерство финансов.

По признанию Витте, он занимался этим делом «весьма ретиво и с большим удовольствием». Конечной целью была не только подготовка достаточных кадров отечественных специалистов необходимого профиля, но и содействие повышению технического и морального уровня организации промышленности и торговли. Перед Витте встало три задачи: во-первых, централизовать заведование существующими учебными заведениями в Министерстве финансов; во-вторых, «строго сообразовать программы и деятельность специальных образовательных учреждений с практическими нуждами страны»; в-третьих, увеличить их число и объем финансирования за счет предпринимателей. Тем более что к этому времени русское купечество осознало важность специального образования и было готово финансировать соответствующие учебные заведения.

Уже в середине 1893 года Сергей Юльевич Витте обратился к министру народного просвещения графу И. Д. Делянову с просьбой изъявить согласие на передачу подведомственных министерству коммерческих училищ в ведение Министерства финансов, но согласия не получил. Витте обратился к царю с просьбой рассмотреть вопрос в Государственном Совете.

Большинство членов Госсовета приняли сторону Витте. В журнале заседания записано: «Следует совершенно отрешиться от теоретических воззрений и, став на чисто практическую почву, задаться вопросом: в каком ведомстве будет более обеспечено

широкое распространение коммерческих знаний в нашем купечестве? Если держаться этой точки зрения, то приходится дать решительное предпочтение сосредоточению коммерческого образования в руках Министерства финансов». В связи с этим была расширена и активизирована деятельность Учебного отдела в составе Департамента торговли и промышленности. Во главе отдела был поставлен И. А. Анопуло, технолог по образованию. Главными инициаторами и идеологами реформы образования стали Д. И. Менделеев, В. И. Ковалевский и С. Ю. Витте.

«Я провел через Государственный Совет положение о коммерческом образовании, благодаря которому последовало значительное расширение коммерческих училищ, – пишет Витте в «Воспоминаниях». – По этому положению я возбудил инициативу между самими промышленниками и коммерческим людом, дав им значительную инициативу как в учреждении коммерческих школ, так и в их управлении. Вследствие этого они охотно стали давать средства на их устройство».

Кстати, инициаторами высшего коммерческого образования в России и до того были купеческие объединения, биржевые комитеты и банки, которые, понимая растущую опасность конкуренции развитых стран Запада, выделяли средства и привлекали лучшие научные силы. Но Витте считал это недостаточным и стал решительно подключать к решению проблемы государство.

В результате многолетних усилий при Витте было принято пять законоположений по учебной части во всех отраслях знаний. Предусматривалось открытие даже женских учебных заведений, в которых «лица женского пола пользовались одинаковыми с мужчинами правами». Это было неслыханным для того времени нововведением, поскольку Александр III выступал принципиальным противником женского образования. Характерны демократизация обучения, широкое привлечение общественных сил к учебному попечительству.

Особо необходимо выделить роль Витте в создании Политехнического института в Петербурге, который стал его любимым детищем.

Разрабатывая идею подготовки кадров высокообразованных коммерсантов, экономистов-финансистов и администраторов с высшим образованием, Витте прекрасно понимал всю сложность этой проблемы. «Развив сеть коммерческого образования в Рос-

сии, у меня явилась мысль устроить высшие заведения – коммерческие и технические университеты в России в форме политехнических институтов, которые содержали бы в себе различные отделения человеческих знаний, но имели бы организацию не технических школ, а университетов, то есть такую организацию, которая наиболее способна была бы развивать молодых людей, давать им общечеловеческие знания».

Важным практическим шагом стало основание трех политехнических институтов: в Петербурге, Киеве и Варшаве. Сам Витте называл их «коммерческими и техническими университетами». При этом он столкнулся с некоторыми трудностями: например, его предостерегали, что они могут стать новыми очагами политических беспорядков.

Главное здание Петербургского политехнического института им. Петра Великого

Эти опасения имели основания: университеты и другие высшие учебные заведения в конце XIX века традиционно были центрами студенческих выступлений, которые часто приобретали политический характер. Витте, хотя и чувствовал приближение революционной грозы, относился к студенческим волнениям с либеральных позиций, считая, что свойственная молодежи активность нередко провоцируется грубыми действиями полиции.

И все-таки при выборе местоположения Политехнического института в Петербурге имело значение его удаленность от центра города. В дачном пригороде Сосновке, в красивой лесной

местности, был определен участок для строительства института. Расположенный в 12 верстах от центра, не имеющий надежной транспортной связи с городом, институт был практически изолирован от революционно настроенной столицы. Проектом предполагалось, что здесь будет построен университетский городок с учебными зданиями, общежитиями для студентов и квартирами для преподавателей. Политехнический институт был задуман как элитный учебно-научный центр закрытого типа, изолированный городок, наделенный правовой университетской автономией, напоминающий военное учебное заведение. Правила приема студентов, режим их учебы и жизни отличались от обычных университетов и институтов и строго регламентировались.

У проекта было немало противников в Министерствах народного просвещения и внутренних дел, но Витте, используя личное влияние на царя, удалось энергичными мерами опередить их действия, поставив перед фактом.

19 февраля 1899 года началась история Петербургского политехнического института. В этот день Николаем II был утвержден высочайший доклад Витте об организации института. Сама история возникновения этого высшего учебного заведения показывает, какие трудности пришлось преодолеть Витте. Чтобы судить о разнице в положении высшей школы, созданной тогда Министерством финансов, и той, которая находилась в ведении Министерства просвещения, достаточно привести такой факт: политехнические институты с момента учреждения получали право избирать своих профессоров и преподавателей, а университеты с 1884 года были лишены этого права. Понятно, что целый ряд влиятельных чиновников, в том числе из Министерства просвещения, были настроены против начинаний Витте, особенно в период министерства Н. П. Боголепова.

Витте, проектируя структуру будущего Политехнического института, наметил в его составе четыре отделения: экономическое, электромеханическое, металлургическое и кораблестроительное. Детище Министерства финансов, институт формировался прежде всего как управленческо-экономический вуз для подготовки государственных чиновников, поэтому на экономический факультет в первый год планировалось принять 125 человек, тогда как на кораблестроительный – 25 человек, а на другие – по 50–60 студентов.

К созданию Петербургского политехнического института Витте привлек лучших представителей технической и экономиче-

ской мысли России: Д. К. Чернова, основоположника современной металлургии; А. С. Попова, выдающегося физика, изобретателя радио; главу русской школы кораблестроения А. Н. Крылова; «отца русских инженеров» В. Л. Кирпичева, а также известных ученых-экономистов того времени – А. С. Посникова, А. Г. Гусакова, И. И. Иванюкова, А. И. Гурьева, А. А. Чупрова, В. Э. Дэна и многих других, работавших советниками и консультантами в различных департаментах Министерства финансов.

Чтобы тесно связать теоретическую и практическую подготовку будущих инженеров и экономистов, к разработке учебных планов были привлечены представители промышленности: директор Балтийского завода К. К. Ратник, главный металлург Обуховского завода А. А. Ржешотарский и др.

«Явился вопрос: кого назначить директором этого института, – пишет Витте. – Нужно было назначить человека, который не возбуждал бы в высших сферах каких-нибудь сомнений. Мне указывали, что я устраиваю такое заведение, которое впоследствии может внести смуту. Я остановился на князе Гагарине».

Андрей Григорьевич Гагарин как первый ректор немало сделал для строительства и становления Политехнического института, но как либерал оказался неугоден властям. В 1907 году была устроена полицейская провокация: на чердаке здания была «найдена» бомба, и ректора предали суду – «за преступное бездействие». «В конце концов его судил сенат, и он был уволен от службы без прошения. Конечно, такое решение было заранее подсказано», – с возмущением пишет Витте в «Воспоминаниях», обвиняя, конечно, Столыпина.

Открытие Петербургского политехнического института состоялось в октябре 1902 года, начались занятия, к которым были привлечены лучшие преподавательские силы. Позднее, особенно после 1905 года, кроме этих ученых, в Политехническом институте преподавали такие известные мыслители начала века, как П. Б. Струве, С. Л. Франк, М. И. Туган-Барановский, Л. П. Карсавин, М. М. Ковалевский. Благодаря им Политехнический институт стал своего рода центром либеральной мысли не только Петербурга, но и всей России. Струве и Франк вошли в число авторов знаменитого сборника «Вехи», вышедшего в 1909 году, который Ленин назвал «энциклопедией либерального ренегатства».

Витте гордился своим творением, он писал: «Я довольно часто ездил в это заведение, которое я любил как мною основанное».

Приемная дочь Вера отмечает: «Теплее всего он относился к учащейся молодежи и радовался, когда замечал, что его посещение доставляло удовольствие студентам. Он лелеял как любимое дитище Политехнический институт, мечтая из него сделать первое высшее учебное заведение в России».

Об особом отношении Витте к институту говорит то, что именно библиотеке Политехнического института он завещал свою личную библиотеку, которая там и поныне находится.

В последующие годы Политехнический институт превратился в один из ведущих кадровых и научных центров страны. Здесь работали известные ученые-академики: А. Ф. Иоффе, Н. С. Курнаков, А. И. Крылов, С. Г. Струмилин, Ю. Б. Харитон, И. В. Курчатов, нобелевские лауреаты П. Л. Капица, Н. Н. Семенов.

В советское время профиль института значительно изменился – после реорганизации 1930 года здесь уже не готовили экономистов и управленцев. На базе прежних факультетов возникли финансово-экономический, торговый, кораблестроительный институты, а Политехнический институт в 30-е годы стал самым крупным индустриальным вузом страны. Хотя все последующие преобразования института мало что оставили от замысла Витте, тем не менее ничто не может умалить его вклада как одного из отцов-основателей ведущего учебного заведения России.

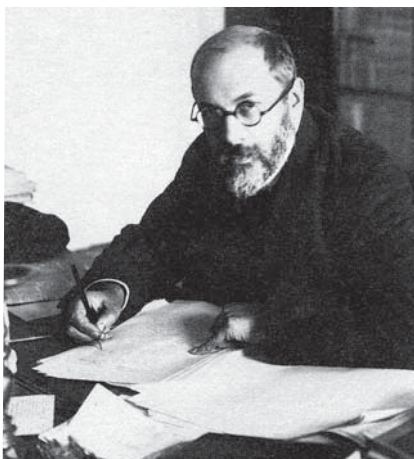
Общие результаты государственной деятельности Витте в сфере профессионального образования достаточно впечатляющи. К 1902 году в ведении Министерства финансов значилось не 9, а 191 учебное заведение, включая 3 политехнических института и 147 средних специальных учебных заведений. В остальных – торговых школах, курсах, ремесленных мастерских – обучалось в общей сложности 24 тысячи человек. Таким образом, в России, по приказу сверху, административными усилиями, в течение одного десятилетия была создана система образования, которая в странах Запада формировалась целое столетие.

МИР ИСКУССТВА

На конец XIX – начало XX века, то есть на «эпоху Витте», пришелся необычайный расцвет русской культуры, искусства и литературы. «Серебряный век» в поэзии, объединение художни-

ков «Мир искусства», стиль модерн в архитектуре – даже эти три феномена заставляют задуматься, нет ли здесь какой-либо связи со взлетом национальной экономики, с преобразованиями в сфере управления, науки, образования, которых касалась рука Витте. Очевидно, что эти преобразования оказывали влияние на общую атмосферу в обществе, «мыследеятельность» и настроения современников.

Автор известной книги «Душа Петербурга» Н. Анциферов замечает: «Каждый культурно-исторический организм представляет собою весьма сложный комплекс культурных образований, находящихся во взаимной зависимости друг от друга. Ип. Тэн (французский философ. – С. М.), характеризуя культуру зарождающегося абсолютизма во Франции, стремится установить

А. Н. Бенуа, идеолог «Мира искусства»

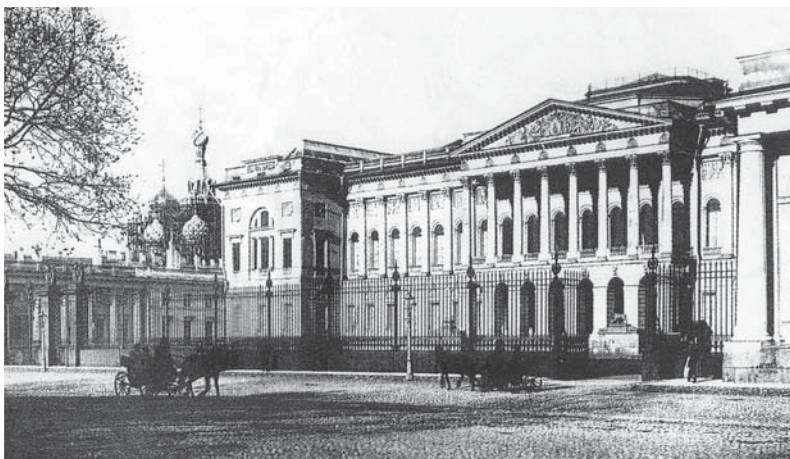
общие черты среди столь чуждых явлений, как меркантилистическая политика Кольбера (французский министр финансов. – С. М.), стихосложения Буало, богословская концепция Боссю и... стриженные аллеи Версаля».

Коснемся только «Мира искусства», творческого объединения, которое возникло в 1898 году вокруг редакции одноименного журнала. Ядром объединения стали несколько молодых петербургских художников и литераторов, друживших еще с гимназических времен: А. Бенуа, К. Сомов, Е. Лансере, Л. Бакст, М. Добужинский. Они стали известны не только как станкови-

сты, но и как художники книги, театрально-декоративной живописи, а также художественные критики. К ним присоединились художники-москвичи: В. Серов, К. Коровин, М. Врубель и др.

С самого начала эти художники противопоставили себя и членам Императорской Академии художеств, и Товариществу передвижных выставок. Если передвижники традиционно представляли «обличительную» тенденцию в искусстве, откликаясь на социальные проблемы, то для представителей «Мира искусства» становится характерной обращенность к темам прошлого при откровенном неприятии современной действительности. Примерно то же наблюдается в поэзии.

С начала совместных выставок члены «Мира искусства» стали со всех сторон подвергаться критике: их обвиняли в де-

Михайловский дворец. Здание Русского музея

кадансе, пассаизме (бегстве в прошлое), в антидемократизме. Однако всякое новое художественное движение порождается определенной общественной потребностью. Так и «Мир искусства» явился, видимо, своеобразной реакцией творческой интеллигенции России на чрезмерную публицистичность изобразительного искусства конца века, на политизацию всей культуры в целом, обусловленную обострением кризиса империи.

Правда, могли быть скрытые причины, связанные с новыми для России социальными и художественными тенденциями, с модернизацией жизни, активизацией контактов с европейскими странами – а все это отчасти было результатом политики Витте. Русской публике открылся мир французского импрессионизма и художественное течение «модерн», общеевропейский символизм и другие культурные явления.

Попытка художников «нового стиля» создать великое новое искусство оказалось утопией. Вспомним, что Россия – это дом, «отапливаемый утопией», утопическое сознание – характерный момент российского менталитета. Крушение идеала, произошедшее в артистическом сознании, совпало с другими потрясениями. В 1904 году «Мир искусства» прекратил существование – и само объединение, и журнал. Произошло это накануне первой русской революции, которая стала крахом консервативной утопии. (Правда, в 1910 году выставочное объединение возродилось под тем же названием, но оно уже сильно отличалось от первого.)

Воздействие Витте на мир искусства и культуру России выразилось не только опосредованно, через общую атмосферу активизации социально-экономических процессов, но и весьма конкретно. Витте имел прямое отношение к созданию Государственного Русского музея. До того все музеи были частными и носили, как правило, имя основателя-владельца (Румянцевский музей, Третьяковская галерея и др.). Даже Эрмитаж, который с 1852 года был открыт для посетителей, возник как частное собрание Екатерины II и считался собственностью царской семьи. В 1998 году Русский музей отмечал юбилей – столетие со дня открытия, но никто даже не вспомнил имя Витте, хотя это крупнейшее собрание национального искусства появилось благодаря министру финансов.

История создания музея описана в «Воспоминаниях» Витте. Михайловский дворец, в котором разместился музей, долгие годы принадлежал представителям рода Романовых. Последней владелицей его была великая княгиня Екатерина Михайловна. После ее кончины возник вопрос о будущем дворце. Покойная княгиня, по недоброму совету Победоносцева, завещала дворец не императорскому дому, а каким-то дальним родственникам за рубежом, что возмутило Александра III, и он поручил Витте заняться решением проблемы.

В результате переговоров с наследниками дворец был выкуплен в казну за 4 миллиона рублей, но долгое время не было

решения о том, как его использовать. «Я дал мысль, – пишет Витте, – устроить в Михайловском дворце “Музей императора Александра III” в память того, что покупка была сделана по инициативе покойного императора. Эта мысль была очень благосклонно воспринята Николаем II, подписавшим соответствующий указ. Теперь там устроен музей императора Александра III, который разрастается и со временем, конечно, составит громадный памятник искусства», – писал Витте и не ошибся.

Р. S. О ЦАРСКОЙ БЮРОКРАТИИ

В советское время сложились определенные стереотипы восприятия дореволюционной бюрократии. В поисках истины полезно послушать мнения некоторых современников той эпохи.

Один из видных царских чиновников, товарищ министра внутренних дел при Столыпине Владимир Иосифович Гурко, оставил мемуары под названием «Черты и силуэты прошлого». Вот некоторые любопытные фрагменты из этой книги.

«Петербургское высшее чиновничество почиталось совершенно напрасно, и притом отнюдь не одними оппозиционными элементами, а едва ли не всей провинцией, за людей мало что знающих, еще меньше работающих и ограничивающих свою деятельность появлением на час-другой в министерстве, чтобы выслушать два-три доклада и принять двух-трех приезжих из провинции. В особенности же были убеждены, что все движение по службе основано исключительно на протекции, причем приписывалось оно исключительно женскому влиянию. Представление это совершенно фальшивое. Работой были завалены чины всех министерств, работой нервной, не дававшей покоя ни в будни, ни в праздники.

Что касается денежной честности высшего состава правительства, то, за редкими исключениями, она была безупречной, говорить теперь о хищениях, будто бы производившихся нашими сановниками, после того как раскрылись все государственные архивы и опубликованы наиболее секретные документы, после того как сначала Временное правительство, а затем большевики произвели самые тщательные следствия о деятельности наших министров, причем им не удалось обнаружить ни одного компрометирующего их факта, можно только, если сам не обладаешь ни малейшей долей добросовестности.

Я, – пишет Гурко, – разумеется, не намерен оскорбить наш старый правящий слой сравнением его в каком-либо отношении с шайкой грабителей, именующихся советской властью. Я сравниваю его с правительствами Западной Европы и утверждаю, что он был, безусловно, честнее и бескорыстнее последних.

Быть может, взяточничество, в его чистом виде, на Западе среди правящего круга распространено еще в меньшей степени, чем у нас, но стремление к обогащению у него развито несоизмеримо больше и достигается преимущественно иными путями. Одновременное нахождение у власти и участие в крупных промышленных и финансовых предприятиях там явление не только заурядное, но обычное. При таких условиях прибегать для получения средств к взятке не приходится. Это грубый, примитивный и небезопасный способ давно заменен другим, тонким, современным и совершенно, по его неуловимости, безопасным.

Своевременное сообщение того или иного предстоящего правительственного решения или действия; косвенная, одним присоединением своего имени, поддержка того или иного частного предприятия и множество иных разнообразных способов содействия доходности промышленной или банковской фирмы приносит значительно большие суммы, нежели первобытное, наивное по своей упрощенности взяточничество. В результате на Западе почти все лица, побывавшие сколько-нибудь продолжительное время у власти, составили себе крупные состояния. Обстоятельство это всем известно, но весьма мало кем осуждается и признается естественным.

Между тем у нас силою закона совмещение казенной службы с частной было прямо запрещено. Упрекали и поносили наше чиновничество за то, что оно стремилось к занятию должностей, представляющих использование казенной квартиры, что оно искусственно устраивало себе служебные командировки, будто бы хорошо оплачиваемые. Но как все это ничтожно и как все это доказывает обратное, а именно, что средствами даже крупное чиновничество совсем не обладало и жило исключительно на получаемое жалование. В результате получалось, что люди, занимавшие в течение долгих лет первостепенные государственные должности, уходя в отставку, лишь кое-как перебивались, живя на одну получаемую ими скудную пенсию.

Правда, в самое последнее время эти, можно сказать, спартанские нравы начали меняться. Стремительное развитие нашей промышленности и банковских операций породило другое явление, а именно – все учатившийся переход с казенной службы на част-

ную более или менее видных деятелей, в особенности Министерства финансов, и в частности Кредитной канцелярии, причем присваиваемые им содержания достигали фантастических сумм. Нет сомнения, что при этом учитывались служебные связи приглашаемых на частную службу и их знание тех ходов и приемов, при помощи которых всего легче было получить то или иное правительственное решение, добиться утверждения того или иного устава, а в особенности получить желаемую правительственную концессию».

Другой современник Витте, известный философ Николай Онуфриевич Лосский, оставил труд «Характер русского народа», в котором есть такое высказывание: «Что касается взяточничества – оно было в значительной мере искоренено в России в последние десятилетия перед большевистской революцией. Живя в эмиграции в Западной Европе и Америке, мы наблюдаем гораздо более распространенное взяточничество, чем было в России. Что же касается бюрократии, в некоторых министерствах она стояла на очень высоком уровне, например в Министерстве финансов со времени Витте, в Министерстве земледелия, да и везде было немало чиновников, любящих Россию и служивших ей не за страх, а за совесть».

Но дело не только в качествах чиновников и проблеме коррупции, на что часто обращают внимание критики бюрократии. Представляется, что главный вопрос – эффективность государства и чиновничьего аппарата, осуществляющего управление, что тесно связано с правильным определением их роли и места в жизни общества.

Современный историк Владлен Сироткин в книге «Великие реформаторы: Витте и Столыпин» пишет, что оба реформатора остались на позиции «просвещенного абсолютизма», или «правого самодержавия». Витте надеялся модернизировать Россию «не через разделение власти и создание парламента, а путем обновления корпуса чиновников, то есть внедрения в него компетентных и ответственных людей».

Видимо, в том и заключалась историческая ограниченность Витте, считает Сироткин, что он не смог до конца понять: управление такой крупной страной, как Россия, – это не искусство управления железной дорогой. «Первый железнодорожник» хотел в условиях общинного бездорожья назначить начальников дорог и станций, расставить светофоры и т. д. Однако дорога эта не имела главного «локомотива» в виде массового класса собственников, заинтересованных в эффективном хозяйствовании, именно того, что было в США, Франции, Германии.

Часть третья

ВРЕМЯ ТРАГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

РЕФОРМЫ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Витте – яркий представитель российской бюрократии, которая стала формироваться внутри самодержавной системы на капиталистическом этапе развития страны. Государственный чиновник нового типа, деловитый, ответственный, с широким кругозором и культурой, разрушает сложившиеся о нем традиционные представления. В результате возрастает эффективность государственного управления, снижается уровень недоверия и отчуждения в обществе. «То был период пребывания Витте в роли министра финансов. Витте был в то время в зените своей популярности. Либералы тех дней, а отчасти и пресса воспевали его как смелого и сильного пионера европеизации нашей азиатской бюрократии», – пишет современник.

Эта оценка применительно к первому периоду государственной деятельности Витте справедлива в полной мере. После 1900 года наступает второй период, который В. И. Ковалевский характеризует как «ослабление творческой энергии, искание фарватера для безопасного прохода между подводными камнями». Причины изменений, несомненно, связаны с такими явлениями, как начало экономического кризиса, провалы в восточной политике Витте, которые поколебали его положение, усилили борьбу в «верхах».

Все это происходит на фоне обострения внутренней обстановки в стране: студенческие беспорядки, крестьянские волнения; забастовки рабочих нарастали, что заставляло правительство принимать репрессивные меры. Усиление социальной напряженности в обществе было связано не столько с революционной пропагандой, которая значительно активизировалась в 90-е годы, сколько с объективными факторами: тяжелыми условиями труда, чрезмерной продолжительностью рабочего дня (которая достигла 14 часов!), усилением налогового бремени, грубыми действиями полиции и многим другим.

Все эти явления наблюдались и в Петербурге, крупном промышленном центре страны. Вот запись в дневнике А. В. Богданович:

«2 июня 1896 года. Штадлер говорил, что стачки на заводах Торнтон, Резиновой Мануфактуры и у Обводного канала (три завода) продолжают. Рабочие, может, и правы в своих требованиях, так как изнурены работой от 6 часов утра до 8 часов вечера; придется им уступить – сократить число рабочих часов. Клейгельс (градоначальник столицы. – С. М.) приезжал на заводы, угрожал, что запрет лавочки, в которых рабочие имеют кредит. Тогда рабочие отвечали, что пойдут по городу разбивать лавки, и поэтому их лавки не закрыты».

Но столица была и главным студенческим центром страны. Видимо, поэтому большой резонанс в городе имели события в Петербургском университете, которые тоже нашли отражение в дневнике генералыши Богданович:

«8 февраля 1898 года. Сегодня Петербургский университет празднует день своего основания. Клейгельс, который третьего дня у нас завтракал, сказал, что он очень озабочен сегодняшним днем. Неделю тому назад в университете было вывешено объявление, скорее предупреждение студентам, как они должны провести 8 февраля. Нам говорили, что предупреждение их озлило и что готовятся беспорядки.

13 февраля 1898 года. Говорят, что 8-го была битва между студентами и конной полицейской стражей у Дворцового моста. Молодежь не пропускали через мост. Два студента были подняты со сломанными ногами. Все это было видно из Зимнего. Вчера нам говорили, что циркуляр, расклеенный в университете за неделю до 8 февраля, был инсценирован Клейгельсом и что этот-то циркуляр и заварил кашу».

В начале XX века в России вновь активизировались террористы, которых не было слышно после 1881 года. Сначала было покушение на министра народного просвещения Боголепова 14 февраля 1901 года. Совершил его Карпович – бывший студент Московского университета, отданный в солдаты, который ранил министра в шею, и через две недели тот скончался. Как пишет в «Воспоминаниях» Витте, «Боголепов был весьма порядочный, корректный и честный человек, но он держался крайне реакционных взглядов. Его реакционные меры, несомненно, возбудили университет».

Запись в дневнике генеральши Богданович:

«26 мая 1898 года. Про Боголепова – печальные вести: его называют тугодумом и туподумом. Недавно в Госсовете или в Комитете министров он долго говорил против технических школ, что они – рассадники анархизма. На это Витте ему сказал, что такие речи противно слушать, а говорить их еще возмутительнее, что надо много храбрости, чтобы полчаса про это говорить, что с такими понятиями нельзя занимать место, особенно место министра народного просвещения».

2 апреля 1902 года жертвой покушения стал министр внутренних дел Д. С. Сипягин. Произошло это в Мариинском дворце, в вестибюле подъезда Комитета министров: после заседания к министру подошел офицер, одетый в адъютантскую форму, и произвел несколько выстрелов в упор. Убийца, Степан Балмашев, тоже бывший студент, отданный за участие в студенческих беспорядках в солдаты, был схвачен на месте. Сипягин скончался через несколько часов на глазах у Витте. «Он знал, – пишет Витте, – что находится в большой опасности. Перед самой смертью, за несколько дней, я с ним вел беседу в присутствии его жены и говорил ему о том, что в некоторых случаях, по моему мнению, он принимает чересчур резкие меры, которые по существу никакой пользы не приносят, а между тем возбуждают некоторые слои общества, на что он мне сказал: “Может быть, ты и прав, но иначе поступить я не могу, наверху находят, что те меры, которые я принимаю, недостаточны, что нужно быть еще более строгим”».

Убийство Сипягина было осуществлено уже не одиночкой-террористом, а членом партии эсеров, возникшей в 1902 году на обломках «Народной воли». В их газете «Революционная Россия» было напечатано предсмертное письмо Балмашева родителям: «Неумолимые, беспощадные условия российской жизни довели меня до такого поступка – заставили пролить человеческую кровь. Я приношу свою жизнь в жертву великому делу облегчения участи трудящихся и угнетенных».

Как и «Народная воля», партия эсеров более всего была озабочена положением крестьян в России. Главными пунктами ее программы были «социализация земли», то есть передача ее в собственность крестьянской общине, и демократизация политического строя путем свержения самодержавия.

Ужесточением репрессивных мер правительство подталкивало революционную молодежь к ответной жесткости. В не-

которых городах устраивались массовые порки задержанных на демонстрациях, арестованных подвергали всяческим унижениям, студентов за участие в манифестациях отдавали в солдаты. «Свист пуль – вот единственно возможный теперь разговор с нашими министрами, пока они не научатся понимать общечеловеческую речь и прислушиваться к голосу страны», – писал один из идеологов эсеров Виктор Чернов.

Вскоре после убийства Сипягина выстрелы террористов грянули в разных концах страны: покушение на губернатора в Киеве, убийство губернатора в Уфе, неудачные попытки покушения на Победоносцева и Трепова в Петербурге.

Весной 1902 года произошли крупные крестьянские беспорядки в Полтавской и Харьковской губерниях. Характер этих беспорядков был самый дикий: сжигали и грабили не только помещичьи усадьбы, но и зажиточных казаков, при этом забирали все, даже дома растаскивали по бревнам, а при грабеже земской больницы утащили тюфяки из-под больных. Движение поражало своей массовостью: число участников погромов достигало 5 тысяч. После жесткого подавления беспорядков войсками было предано суду более тысячи крестьян.

В марте 1901 года Лев Толстой написал открытое письмо, адресовав его «царю и его помощникам». То была реакция писателя на события последнего времени, которые не могли не вызвать его крайнюю озабоченность: «Опять убийства, опять уличные побоища, опять будут казни, опять страх, ложное обвинение, угрозы, и озлобление с одной стороны, и опять ненависть, желание мщения и готовность жертвы с другой. Опять все русские люди разделились на два враждебных лагеря и совершают и готовятся совершить величайшие преступления.

Очень может быть, что теперь проявившееся волнение подавится. Но если оно теперь и будет подавлено, оно не может заглухнуть, а будет все более и более разгораться в скрытом виде и неизбежно, рано или поздно, проявится с увеличенной силой и произведет еще худшие страдания и преступления.

Зачем это? Зачем это, когда так легко избавиться от этого?»

Лев Толстой призывал принять меры, чтобы «трудящемуся большинству, на котором держится все общество», было бы хорошо. «Помогите улучшить положение этого большинства в самом главном, в его свободе и просвещении. Только тогда и ваше положение будет спокойно и истинно хорошо». Далее писатель из-

лагал такие требования: уравнивать крестьян во всех правах с другими гражданами, для чего освободить их от круговой поруки, от выкупных платежей и ряда повинностей; изменить паспортный устав; уничтожить все стеснения религиозной свободы; устранить все преграды к образованию и др. «Применение этих мер, несомненно, успокоит общество и избавит от страшных страданий», – делал убежденный вывод писатель, который предчувствовал надвигающуюся революцию. Но то был глас вопиющего в пустыне: ему никто, конечно, не ответил.

АНАТОМИЯ КРИЗИСА

А кто и какой ответ мог дать писателю Толстому? В правящих верхах не было единого взгляда на причины нарастания политического кризиса в России. Естественно, не имелось согласованной внутренней политики правительства по крестьянскому, рабочему, национальному, религиозному и другим важнейшим вопросам, нерешенность которых и создавала напряжение в империи. Основное противостояние сложилось между руководителями Министерства внутренних дел и Министерства финансов.

Значительные расхождения этих ведомств наблюдались еще при И. Л. Горемыкине, особенно во взглядах на земство и по крестьянскому вопросу. В 1898 году Витте, который уже тогда осмыслил значение этих проблем, пытался инициировать пересмотр аграрного курса правительства в Комитете министров, но усилиями К. П. Победоносцева, В. К. Плеве и И. И. Дурново эта попытка была провалена. Когда в октябре 1899 года Д. С. Сипягин (не без содействия Витте) сменил И. Л. Горемыкина в кресле министра внутренних дел, ситуация изменилась, между министрами установился своеобразный союз, и Витте умело использовал Сипягина в своих целях.

«Небезынтересно было наблюдать, – вспоминал В. И. Гурко, – как Витте, взявши Сипягина под руку, расхаживал с ним по залам Мариинского дворца во время перерывов заседаний Государственного Совета. Менее схожих между собой людей трудно было себе представить. Благообразный, невзирая на несколько баранье выражение лица, родовитый барин Сипягин, с тщательно расчесанной бородой и в прекрасно сидящем на нем вицмундире,

и небрежный во всем своем внешнем виде, плебей по наружности, но заведомо умный Витте, казалось, не могли иметь ничего общего между собой. Не надо было обладать особой проницательностью, чтобы определить, что Витте пользуется свободной минутой, чтобы обработать по какому-нибудь делу своего далеко не бесхитростного коллегу. Тем не менее в известной мере это ему часто удавалось».

Общение двух министров не ограничивалось присутственными местами, – судя по воспоминаниям приемной дочери Витте Веры, Сипягин бывал нередким гостем в доме Витте: «Она всегда радовалась, когда к обеду приезжал большой друг ее родителей Дмитрий Сергеевич Сипягин. Он был грузный, полнокровный, с громадной лысиной и добрыми глазами. Как он любил покушать! Для него всегда готовили что-нибудь изысканное, и он с чувством распространялся о тонкостях приготовления того или иного блюда. Часто призывали повара, и Дмитрий Сергеевич говорил ему комплименты».

Как пишет Гурко, Витте готов был оплачивать маленькие прихоти Сипягина. Он отпустил значительные суммы на роскошную отделку его дома у Цепного моста. Все это в совокупности и обеспечивало достижение целей министра финансов. Сипягин поддерживал политику Витте в дальневосточных делах, достаточно согласованными были их позиции в рабочем вопросе.

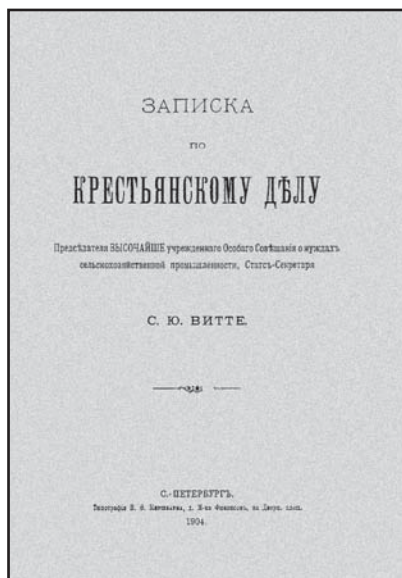
Подъем рабочего движения на рубеже 1900-х годов привлек внимание министров к вопросам борьбы с социалистическими идеями. В результате в целом ряде правительственных постановлений по поводу рабочей политики, появившихся в 1900–1902 годах, причудливо переплетались идеи «зубатовщины» с теориями превращения, как писал Д. С. Сипягин, «капиталистического производства в кооперативное, при котором сами рабочие имели бы долю в акциях предприятия».

Сипягин признавал не только быстрый рост в России рабочего класса, но и существование «большого разряда» потомственных рабочих. Для борьбы с революционным движением министр внутренних дел предлагал создать в среде рабочего класса консервативные элементы, которые стали бы опорой существующего общественного строя. Ради этого Сипягин предлагал целый ряд мер для улучшения материального положения рабочих и создания в их среде «более или менее значительного» числа мелких собственников. Речь шла о том, что тогда уже делалось в Европе: страхование

рабочих, создание ссудно-сберегательных касс, расширение прав фабричной инспекции и т. п. В то же время министр был озабочен усовершенствованием полицейского надзора за рабочими.

Между тем в Москве, при содействии губернатора, великого князя Сергея Александровича, все более популярной становилась политика «полицейского социализма», росло влияние ее вдохновителя – обер-полицмейстера и начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова. В мае 1901 года была создана первая зубатовская организация «Общество вспомоществования рабочих в механическом производстве», к концу 1901 года оформилась и Независимая рабочая партия, проповедовавшая зубатовскую идеологию. Стали проводиться невиданные по размаху, но под контролем полиции, «патриотические манифестации», например, в годовщи-

*Записка С. Ю. Витте
по крестьянскому делу*

ну отмены крепостного права, в Кремле – перед памятником Александру II. Уже весной 1902 года деятельность Зубатова фактически вышла из-под контроля министра внутренних дел.

Витте, который настороженно относился к «зубатовщине», общими с Сипягиным усилиями пытался несколько обуздать зашедшего слишком далеко в своих экспериментах обер-полицмейстера, но тщетно. Позже в «Воспоминаниях» Витте поставил в за-

слугу Сипягину то, что он начал бороться с «зубатовщиной», но все, чего смог достигнуть, это локализовать ее в Москве.

Однако политика Сипягина отличалась известной самостоятельностью. Некоторые разногласия возникли между ним и Витте по крестьянскому вопросу, скажем, при обсуждении отмены круговой поруки. Подготовленный в Министерстве финансов в ноябре 1901 года проект, подписанный Витте, встретил полную поддержку у министра земледелия А. С. Ермолова, но не у Сипягина. Пришлось проект отложить. Произошло это потому, что министр внутренних дел увидел в нем посягательство на общину, а значит, и на один из устоев государственного порядка. Но это были, скорее, частные разногласия. Именно при Сипягине Витте впервые удалось, хотя и ненадолго, перехватить инициативу у министра внутренних дел в разработке крестьянского вопроса. К тому времени он уже преодолел свои славянофильские взгляды и стал сторонником широкой постановки этого вопроса.

А каковы были тогда позиции Витте?

В его экономической политике аграрный вопрос кажется наименее разработанным, наиболее слабым звеном его «системы». Хотя Россия на рубеже веков продолжала оставаться аграрной страной с абсолютным преобладанием сельского населения, модернизация хозяйства почти не затронула эту сферу, все основные преобразования касались промышленности, транспорта, финансов. Значит ли это, что Витте не понимал или недооценивал значение аграрного сектора?

Знакомство с личной библиотекой и печатными трудами Витте показывает, что он достаточно много внимания и времени уделял аграрной тематике. «На крестьянское население, которое, однако, составляет громаднейшую часть населения, – писал Витте в «Воспоминаниях», – установился взгляд, что они полудети, которых следует опекать, но только в смысле их поведения и развития, но не желудка, их дело питать, кормить страну». Значительная часть земли находилась в общинном коллективном владении, исключаящем возможность сколько бы то ни было интенсивной культуры, подворное владение находилось в неопределенном положении вследствие неотмежеванности и неопределенности права собственности. Крестьянство было вне сферы гражданских и других законов. Крестьянин рассматривался не как персона, а как «полуперсона». Конечно, с точки зрения технического осуществления крестьянской реформы об-

щина была более удобна, чем отдельный домохозяин. С административно-полицейской точки зрения она также представляла больше удобства – легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности... «Такое удобство, – пишет Витте, – получило довольно мощную поддержку у весьма почтенных любителей старины, славянофилов и иных старьевщиках исторического бытия русского народа. Было провозглашено, что “община” – это особенность русского народа».

Из предшественников Витте на посту министра финансов лишь Н. Х. Бунге занимался крестьянским вопросом. Бунге стоял за превращение крестьян в собственников-землевладельцев. В 1882 году по его инициативе был образован государственный Крестьянский банк, с тем чтобы с помощью кредитов облегчить крестьянам приобретение земли в собственность. В 1885 году пришлось создать и Дворянский банк для льготного кредитования «оскудевшего» дворянства за счет казны. Для преодоления земельного голода Бунге предлагал переселение крестьянских семей из центра на окраины России.

Витте под влиянием Бунге понял, что главный тормоз экономического развития крестьянства – это община, что тяжелое экономическое положение крестьянства подрывает его платежеспособность и, соответственно, государственный бюджет. Он осознал главное: отдельными мерами при решении крестьянского вопроса не обойтись, необходимо в корне менять положение крестьянства, и это скажется на всем аграрном секторе экономики.

Что касается помещичьего хозяйства, то хотя Витте и оказывал ему практическую помощь, но в то же время в его выступлениях дворянство было объявлено продуктом феодализма, у которого нет будущего. В настоящее время, считал он, богатство дается не землей, а банковским делом, промышленностью, обрабатывающим производством и т. п. Народились новые богачи, и дворянство оскудело не потому, что оно утратило привилегии, а оттого, что по сравнению с классом промышленным значение его утратилось – оно не выдержало конкуренции.

Отсутствие перспектив у помещиков-феодалов отмечали многие современники. Автор нашумевшей в начале XX века книги «Грядущая гибель России» М. М. Арцыбашев подчеркивает паразитический характер помещичьего землевладения: «Никто копейки не вложил в землю на ее улучшение, наоборот, каждый норовит заложить саму землю. Помещики уклонились от завид-

ной миссии лучших людей, предпочитают проматывать достоинство предков, несут позорную дань Западной Европе, проводя время в легких удовольствиях, оказывают дурное влияние на крестьян. Крестьянские массы, костенеющие в невежестве, лишены опоры руководства, часто не имеющие даже примера образцового хозяйства отучаются от инициативы и отвыкают от труда. Крестьянские хозяйства запущены, разорены, повсюду лень, та бесконечная русская лень».

Говоря о крестьянском вопросе, Витте обращает внимание на труд как фактор производства: «Чтобы “оплодотворить” народный труд, необходимо поставить народ так, чтобы он мог и хотел не только производительно трудиться, но всячески увеличивать эту производительность.

*Д. С. Сипягин,
министр внутренних дел
(1900–1902)*

У нас же народ трудится как пьет. Он мало пьет, но больше, чем другие народы, напивается. Он мало работает, но иногда надрывается работой. Для того чтобы народ не голодал, чтобы его труд сделался производительным, нужно его освободить от попечительских пут, нужно ему дать гражданские права, сделать персоною. Вот в чем суть крестьянского вопроса, а не в налогах, не в покровительственной таможенной системе и в недостатке земли,

по крайней мере, не в принудительном отчуждении земли для передачи ее во владение крестьян».

Витте инициировал создание Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое сам и возглавил. Произошло это в январе 1902 года при содействии Сипягина. Задача совещания была – собрать все необходимые сведения о положении деревни, обобщить мнения сельских хозяев о том, как преодолеть кризисную ситуацию. С этой целью в 49 губерниях были созданы уездные и губернские комитеты, в их состав вошли 11 тысяч представителей земств, крупнейших и средних землевладельцев, арендаторов и даже крестьян. Членами центральной комиссии стали крупные землевладельцы: граф Воронцов-Дашков, граф Шереметев, князь Долгорукий и другие весьма консервативно настроенные деятели, и Витте пришлось вновь в нелегкой борьбе отстаивать свои взгляды.

Но прошло чуть больше двух месяцев с начала работы Особого совещания, и судьба его была предreshена. 2 апреля 1902 года Сипягин был убит, а его место занял «карьерист полицейский» Плеве.

Личная вражда между Плеве и Витте определила многое в развитии последующих событий. Витте пишет в мемуарах: «Плеве имел против меня личный зуб, потому что он думал, что я дважды помешал ему стать министром внутренних дел, он был злопамятен и мстителен. Мы с ним расходились и относительно государственной политики (я не говорю, по убеждениям, так как таковых он не имел) по большинству вопросов».

Заняв 4 апреля 1902 года долгожданный пост, Плеве всеерьез и вплотную взялся за крестьянский вопрос и с первого же шага неожиданно поддержал Витте. Сразу после назначения Плеве отбыл в Харьковскую губернию, где в то время происходили крестьянские беспорядки. После возвращения под влиянием увиденного он перестал противодействовать Витте в вопросе об отмене круговой поруки. В результате этот законопроект в марте 1903 года был принят. Зато по остальным вопросам Плеве находился в оппозиции к работе Особого совещания. Он возглавил Редакционную комиссию по пересмотру крестьянского законодательства, развернулось острое соперничество с Витте за лидерство в разработке новой аграрной программы. И Плеве – при поддержке царя – удалось взять верх.

В этой борьбе Плеве использовал любые, даже самые грязные, методы, в частности репрессии против некоторых деятелей местных совещаний, высказавшихся откровенно. Известна история с крестьянином М. Н. Новиковым, который, будучи членом Тульского уездного комитета Особого совещания, написал очень откровенную записку о положении и нуждах крестьян. За это Новиков был арестован, препровожден в Петербург и посажен в тюрьму. Опасаясь за его судьбу, Л. Н. Толстой, хорошо знавший крестьянина, пишет несколько писем с просьбой об его освобождении, в том числе дважды – к С. Ю. Витте. На второе письмо Витте ответил Толстому, что комитеты действуют под наблюдением властей, ему не подчиненных, и поэтому он передал просьбу министру внутренних дел. Отказ Витте заступиться за члена со-

*В. К. Плеве,
министр внутренних дел
(1902–1904)*

вещения, которым он руководил, вызвал справедливое возмущение современников. Сам Витте в «Воспоминаниях» пишет: «Граф Лев Толстой, ходатайствуя об одном крестьянине, не без основания упрекал меня в провокации».

В итоге затея Витте лопнула, его комиссия была вытеснена комиссией Плеве, которая стала рабочим органом для разработки нового положения о крестьянах.

Тем не менее Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности продолжало работу даже после отставки Витте с поста министра финансов. Были собраны обширные ценные материалы, которые Витте обобщил в известной «Записке по крестьянскому делу», опубликованной в 1904 году. Автор, ссылаясь на мнение местных комитетов совещания, сформулировал свое понимание необходимости перемен в аграрной политике.

Как пишет И. Тхоржевский, «душой сельскохозяйственного совещания был, конечно, сам Витте – он не мог иначе работать. Главной же деловой силой совещания стал чиновник особых поручений при нем А. А. Риттих, впоследствии главный воротила столыпинской земельной реформы, а позднее и сам министр земледелия».

В результате происков недоброжелателей Особое совещание 30 марта 1905 года было закрыто, причем неожиданно для Витте, поскольку Николай II не посчитал нужным даже уведомить его накануне. Разработанные Витте проекты так и не были востребованы. Тем не менее идеи и материалы, собранные совещанием, оказали заметное влияние на умонастроение правящих сфер. Позднее, уже после мощного взрыва крестьянского движения осенью 1905 года, они нашли отражение в программе, подготовленной в недрах Министерства внутренних дел, и составили основу аграрной политики, получившей название столыпинской.

П. А. Столыпин, придя к власти, неспроста сделал акцент на аграрной реформе. По воспоминаниям И. Тхоржевского, он сказал как-то: «Мы потеряли с устройством крестьян 20 лет, драгоценных лет, и надо уже лихорадочным темпом наверстывать упущенное. Успеем ли наверстать?»

К сожалению, не успели. Этот центральный вопрос, хорошо осмысленный Витте и Столыпиным, так и остался неразрешенным. Л. Д. Троцкий в своей «Истории русской революции» утверждает, что если бы русская буржуазия сумела разрешить земельный вопрос, то ни за что революционный пролетариат не пришел бы к власти в России в 1917 году.

Расхождения между Витте и Плеве касались и других жизненно важных вопросов. Потерпела неудачу инициатива Витте об изменении паспортного законодательства – речь шла о более свободном перемещении населения. Плеве, вопреки Витте, подерживал «зубатовщину», проводил провокационную политику на Кавказе.

Витте пишет в своих «Воспоминаниях»: «Я расходился с Плеве и по еврейскому вопросу». Далее, разъясняя свою позицию, он приводит вопрос Александра III: «Правда ли, что вы стоите за евреев?» и свой ответ, достаточно неожиданный: «Я спросил государя, может ли он потопить всех русских евреев в Черном море; если может, то я понимаю такое решение вопроса, если же не может, то единственное решение еврейского вопроса заключается в том, чтобы дать им возможность жить, а это возможно лишь при постепенном уничтожении специальных законов, созданных для евреев».

По мнению Витте, граф Н. П. Игнатьев (автор антиеврейского закона 1882 года) и П. Н. Дурново – при определенной поддержке Плеве – наделали много вреда своей глупой политикой в еврейском вопросе. Сам Плеве против евреев ничего не имел, но отлично улавливал шовинистические настроения великого князя Сергея Александровича, как, впрочем, и его величества, а потому старался вовсю. Еврейский вопрос сопровождался погромами. Это наносит огромный вред престижу России в глазах европейцев, считал Витте, а потому недопустимо.

Витте неоднократно показывал себя защитником инородцев и евреев. Известный юрист А. Ф. Кони приводит в воспоминаниях описание заседания Комитета министров 7 января 1903 года по вопросу «о ходатайстве еврейского общества г. Вильны о разрешении открытия дома трудолюбия для евреев». Казалось бы, мелкий, частный вопрос, но против высказался министр внутренних дел В. К. Плеве: «Я считаю еврейство явлением враждебным национальному и государственному благу России». Витте в ответ: «Ввиду заявлений статс-секретаря Плеве я должен сказать, что хотя во всех министерствах стеснительные меры против евреев считались необходимыми, но Министерство финансов всегда признавало их несправедливыми и в своей деятельности, считая евреев полезными посредниками для торговли и промышленности, отступало от этого неоднократно и будет впредь отступать».

При антисемитизме царского двора такого рода заявление выглядело вызывающе. Именно подобные высказывания Витте и дали позже повод черносотенцам обвинить его в жидомасонстве.

С приходом в 1902 году к власти В. К. Плеве ведущие позиции Витте в правительстве были утрачены. Появился другой расчетливый политик и к тому же опытный полицейский. Политическому курсу Витте Николай II мог теперь противопоставить иную систему взглядов, по духу ему гораздо более близкую.

Разница в понимании внутреннего положения в России и задач политики достаточно ясно проявилась в споре двух министров в неофициальной обстановке за обедом в Ялте в октябре 1902 года. Свидетелем того спора был Д. Н. Любимов, который описал его в мемуарах.

Витте считал, что общественное движение достигло такого уровня, что его невозможно остановить репрессиями и мерами полицейского воздействия. Корни этого явления он видел в незавершенности реформ Александра II: «Здание построено, а купол остался нетронутым». Витте говорил, что ему понятно стремление к увенчанию здания. Понятно желание свобод, самоуправления, участия общества в законодательстве и управлении. Избежать революции правительство может, по его мнению, только дав выход этому чувству легальными путями, пойдя навстречу движению и встав во главе его, овладев им. Невозможно в настоящее время не считаться с общественным мнением; правительству необходимо опереться на образованные классы.

«Иначе на кого же опереться? – на народ? Но ведь это только фраза, диалектика Константина Петровича Победоносцева», – резюмировал Витте.

Плеве же строго придерживался мнения, что крепок в народе престиж царя и есть у государя верная армия. Источник революционной угрозы он видел как раз в силах, представленных «так называемыми образованными классами», интеллигенцией, а поэтому считал, что если в России и будет революция, то только «искусственная», а не такая, как на Западе, где ее делали восставший народ и войско. Министр внутренних дел стоял на том, что «всякая игра в конституцию должна быть в корне пресекаема», а реформы, призванные обновить Россию, по плечу только исторически сложившемуся у нас самодержавию. Он ясно дал Витте понять, что если кто и будет проводить в России реформы, то это он, Плеве, через вверенное ему Министерство внутренних дел.

По мнению В. И. Гурко, хорошо знавшего Плеве, тот был честным чиновником и хорошим администратором. Он, конечно, видел, что политическая система переживает кризис и нуждается в обновлении, и он хотел заняться преобразовательной деятельностью. Ошибкой Плеве Гурко считает «допущение зубатовщины, стоившей ему самому жизни», но самая крупная состояла в том, что он не разграничивал собственно революционные элементы, активно стремившиеся опрокинуть весь социальный строй госу-

дарства, от тех общественных сил, которые хотя и были в оппозиции к правительству, но вовсе не желали коренного переворота, проведения радикальных реформ социалистического свойства.

Любопытная сцена описывается в «Воспоминаниях» Витте: к нему неожиданно явился сам Зубатов и начал докладывать, что, в сущности, вся Россия бурлит, что удержать революцию полицейскими мерами невозможно, что политика Плеве заключается в том, чтобы загонять болезнь внутрь, и что это ни к чему не приведет, кроме дурного исхода. Он прибавил, что Плеве убьют и что он его уже несколько раз спасал.

Зубатов как в воду смотрел, правда, это случилось позже – в июле 1904 года, а до того произошло еще немало важных событий.

КАК ВИТТЕ «УПАЛ КВЕРХУ»

Осенью 1902 года Витте мог отметить своеобразный юбилей – десять лет его пребывания на посту министра финансов, отныне он мог считаться долгожителем в правительстве. Сам Сергей Юльевич не очень любил официальные торжества, но юбилей не остался незамеченным, и он получил немало поздравлений от своих сторонников. Чиновники Министерства финансов преподнесли министру огромный альбом, в котором содержались картонные листы с описанием основных вех его министерской деятельности. Ныне этот уникальный альбом находится в Музее политической истории в Санкт-Петербурге.

Однако настроение у Витте вряд ли было радужным, внешняя и внутренняя обстановка в стране тому не способствовали. Летом 1902 года Витте совершил длительную поездку по Транссибирской магистрали на Дальний Восток с целью на месте ознакомиться с положением дел, особенно на КВЖД, где еще недавно происходили военные действия, связанные с подавлением «Боксерского восстания». Вернулся он, по свидетельству очевидцев, весьма удрученным: для него становились очевидными последствия просчетов восточной политики, он чувствовал, что из-за «бестактности» и «авантюры» русской дипломатии назревает военный конфликт с Японией. А тут еще противники его дальневосточной политики ополчились на него с новой силой. Кроме генералов из военного министерства, было немало оппонентов,

не занимавших официальных постов, но благодаря придворным связям именно они оказались наиболее опасными. Одним из самых упорных его противников был А. М. Безобразов, вокруг которого сплотились единомышленники, связанные интересами в Корею, их кружок в столице получил название «безобразовской клики» или «шайки».

Витте, всегда возражавший против вмешательства в корейские дела, со свойственной ему резкостью предупреждал, что проекты «безобразовцев» кончатся большим конфузом. По этому вопросу он нашел поддержку не только у министра иностранных дел графа Ламздорфа, но и у своего вечного оппонента военного министра Куропаткина. В «безобразовской шайке» трех министров окрестили «паршивым триумвиратом», в котором «Головастиком» (Ламздорф) и «Тетеркой» (Куропаткин) руководит «Ноздря» (Витте). Это прозвище он получил, видимо, из-за хронической болезни носоглотки. Министр финансов больше всех вредил «шайке», поскольку не позволял ей запустить руки в казенный карман.

Еще в январе 1902 года Безобразов жаловался Николаю II, к которому был вхож, что никакая борьба с Витте, создавшим себе доминирующее положение среди своих коллег на почве «служебной эквилибристики», невозможна. Но в конце года ситуация в корне изменилась: «шайка» приобрела влиятельного союзника в лице нового министра внутренних дел Плеве, который откровенно поощрял экспансию на Дальнем Востоке. Линия Витте подверглась резкой критике. «На каком основании вообще он вмешивается во внешнеполитические дела?» – заявляли оппоненты. Теперь Витте вынужден был уступать. По личному распоряжению царя он открыл кредит безобразовской коммерческой компании.

Члены «безобразовской шайки» пытаются любыми средствами опорочить противника. Для этого используются жалобы и доносы. Член «шайки» помещик Вонлярлярский 1 апреля 1903 года подал Плеве записку «для памяти», в которой прямо заявил о необходимости смены министра финансов. В частной беседе с Плеве он развивал тему о «существовании тайного масонского правительства, направляющего всемирную политику», и роли Витте во всем этом деле.

Имея поддержку, «безобразовцы» все активнее предлагали царю всякого рода авантюрные проекты. Чувствуя, что нити дальневосточной политики ускользают из рук, Витте пытался исполь-

зовать любую возможность поправить дело. Он прибегает к помощи князя В. П. Мещерского – весьма одиозной, но влиятельной фигуры в придворных кругах. На сей раз князю не удалось убедить Николая II, тот уклончиво посоветовал подождать до 6 мая, когда его точка зрения станет ясной для всех.

Действительно, 6 мая 1903 года Витте ждал неприятный сюрприз: Безобразов был назначен статс-секретарем и главным докладчиком по делам Дальнего Востока. Несколько позже его усилиями было учреждено наместничество на Дальнем Востоке, которое возглавил ставленник «шайки» адмирал Е. И. Алексеев. Все это означало полное поражение Витте, поскольку управление дальневосточными делами царь передал в руки его противников.

Запись в дневнике А. В. Богданович:

«3 июля 1903 года. Про Безобразова сегодня слышала от Федорова, что это такой взбалмошный человек, такой шалый, что от него все станет, что он может легко устроить войну. А какие полномочия ему даны царем, какое ему оказано доверие!»

Измотанный в непосильной борьбе, Витте тяжело переживал ситуацию. Именно в эти дни его увидел А. Ф. Кони: «Я встретил Витте в июне 1903 года, проживая в Сестрорецком курорте. Он приехал верхом и ходил то ускоряя, то замедляя шаг по крытой длинной галерее близ морского берега, досадливо и с явным невниманием слушая какие-то объяснения старшего врача курорта. Я едва узнал в этом согнувшемся, мешковатом, с потухшим взором и тревожным лицом человеке самоуверенную и энергичную фигуру министра финансов. Он заговорил, но я видел, что это лишь минимальные фразы, что он даже не слушает моих ответов и что он оглушен шумом внутренней тревоги, среди злобного торжества многочисленных врагов, радуется встрече с человеком, который не учинил ему никакой неприятности. Я понял, что над ним нависла грозная туча».

Шли дни, Витте был лишен всяких средств борьбы. Умом он понимал полную невозможность своего пребывания у власти и мог еще мотивированно подать в отставку, придав ей характер яркого протеста против черных дел, творящихся во дворце. Это могло бы иметь большой резонанс в стране и за рубежом, стало бы историческим фактом. «Но где там, – пишет историк Е. Тарле, – властолюбец не в силах был добровольно уйти и просто ждал непонятно чего, в состоянии анемии».

И дождался. 16 августа 1903 года Николай II попросил, чтобы Витте привез к нему в Петергоф управляющего Государствен-

ным банком Плеске. Государь спросил мнения Витте о нем. Мнение оказалось хорошим. Тогда царь сказал: «Сергей Юльевич, я вас прошу принять пост председателя Комитета министров, а на пост министра финансов я хочу назначить Плеске». Вот так, без особых эмоций повествует Витте в «Воспоминаниях» о своей первой отставке, зафиксировав только удивление по поводу неожиданного решения.

На самом деле, конечно, эмоции были, их ярко описывает И. И. Колышко, обращаясь к своему бывшему шефу Витте: «Помните хмурый день, когда из Петергофа телефонировали мне в Царское – немедленно прибыть в Петроград и встретить Вас на Балтийском вокзале? Помните Ваш жест и Ваше первое слово? Ваш жест был – удар ногой под известную часть тела. А Ваше слово – “выгнали”. На вас лица не было. И Вы безнадежно шептали: “Председатель Комитета министров... смотритель цейхгауза... Витте променять на Плеске!” Мелькнула мысль – почему же Вы не отказались? Не лучше ли было, чтобы Витте ушел как Бисмарк? “Однако довольно! Председатель Комитета министров – особа первого класса, значит, меня сплавил с повышением”. Лукавая усмешка, мрачный блеск глаз, и все вошло в норму».

В результате Витте занял почетный, но лишенный влияния государственный пост. «Витте упал кверху», – иронизировали в Петербурге.

Записи в дневнике генеральши Богданович:

«16 августа 1903 года. Сегодня сказано было мне по телефону, что Витте назначен председателем Комитета министров на место покойного Дурново, а Плеске – министром финансов, что якобы хотели эти две должности совместить, но оказалось, что по закону это сделать нельзя. Насчет Плеске говорят, что он совсем в руках у Витте, что умишко у него маленький, что он будет исполнять все приказания Витте.

17 августа 1903 года. Известие о назначении Витте многих ошеломило».

Другой современник позже писал: «Удар Плеве был нанесен верно, и Витте пал. В его лице пало творение тогдашней передовой бюрократии и коммерчески-либеральной интеллигенции».

Получив отставку с поста министра финансов, Витте с семьей уехал в Париж, тем более что новая должность была второстепенной по значению и не требовала постоянного присутствия в Петербурге. В Париже не понимали причин неожиданной отставки

Витте, так же как не понимали там назревающей дальневосточной драмы. «Гулливер переехал с берегов Невы на берега Сены, но все-таки чувствовал себя среди лилипутов», – образно замечает Е. Тарле. Министр иностранных дел Франции Делькассе (а он считался выдающимся министром в Третьей республике) всюду авторитетно заявлял, что по имеющимся у него достоверным сведениям войны быть не может. Другие ему вторили. В Париже у Витте была любопытная встреча с директором Департамента полиции А. А. Лопухиным, о чем тот поведал в своих мемуарах, вышедших в 1923 году, после издания «Воспоминаний» Витте.

Лопухин, например, пишет: «Я пошел к Витте и застал его в таком состоянии обиды, раздражения, даже злобы за получение им “почетного” назначения, что он даже и не пытался их скрывать. Он сразу излил все чувства, выставляя объектом их Плеве как виновника направленной на него немилости царя». Поводом к ней (тут Лопухин сходится с Витте) стала оппозиция министра финансов к дальневосточной политике Николая II.

По словам Лопухина, Витте в упомянутой приватной беседе в порыве откровения перешел от критики Плеве к осуждению действий самого Николая II, своим лживым и тираническим характером делавшего невозможным всякую разумную политику. Его речь, облеченная в форму двусмысленных намеков, якобы приводила к мысли о том, что в руках у директора Департамента полиции жизнь и смерть всякого, в том числе и царя, так нельзя ли дать какой-нибудь террористической организации возможность покончить с ним – престол достанется его брату (тогда еще сына у Николая II не было), у которого, мол, Витте в фаворе и перед которым он мог бы оказать Лопухину протекцию.

Однако историки с большим недоверием относятся к этим свидетельствам бывшего полицейского – из-за сомнительной репутации Лопухина.

Отставка с поста министра финансов в августе 1903 года хотя и нанесла ощутимый удар по самолюбию Витте, но не выбила его из колеи, как то пытается представить И. И. Колышко: «Сравнительно короткий срок между Вашим первым и вторым пришествием был для Вас бесконечной чередой унылых и постылых дней, беспросветных томлением и безысходной тоской».

В. Н. Коковцов, который вскоре после Плеске занял пост министра финансов, свидетельствует, что в первое время после удаления Витте внешне сравнительно спокойно пережил свое

устранение от активной деятельности, и «не было еще с 1903 года до половины 1905 года каких-либо резких проявлений его неудовольствия, несмотря на то, что он был в прямой немилости».

Государь относился к нему явно отрицательно. Императрица, более того, не скрывая, называла его в кругу своих близких не иначе, как «этот вредный человек». Двор охотно вторил императрице, к Витте перестали ездить. И только немногие, постоянно окружавшие его, когда он был у власти, и пользовавшиеся его особым вниманием, соблюдали приличие и время от времени навещали его. Не то из чувства благодарности, не то в предвидении, что, неровен час, Витте опять выйдет из забвения и еще им пригодится, не то от скуки и однообразия петербургской жизни.

«Невзирая на это, — пишет Коковцов, — влияние Витте было значительно. Он всегда был прекрасно осведомлен обо всем, что говорилось наверху, думал только об этом, учитывал каждый доходящий оттуда слух и с поразительным искусством пользовался им».

После отставки Витте много переосмыслил в своей деятельности и, весьма вероятно, прислушался к мнению авторитетных современников, в частности А. С. Суворина, который писал в газете «Промышленный мир» в сентябре 1903 года: «С. Ю. Витте говорил на этих днях биржевикам, что он торопится сделать как можно больше, и действительно сделал много. Как министр финансов он останется в истории личностью замечательною... Вопреки многим, я думаю, что С. Ю. ничего не осталось делать в области финансов, говорю только про эту область, которой надо отдохнуть и окрепнуть. Финансовой политике настало время уступить свое место, если можно так выразиться, политической политике... Необходимо общее творчество, а не финансовое только, не железнодорожное и торгово-промышленное... Надо дать отдых податным силам. Они устали, мне думается, что он и сам устал, сам увидел необходимость остановиться и разобраться».

В МАРИИНСКОМ ДВОРЦЕ

В начале XX века Мариинский дворец у Синего моста, построенный в 1840-е годы для любимой дочери Николая I и названный в ее честь, был одним из важных центров управления империей.

Деятельность Витте тесно с ним связана. «Здесь располагался Комитет министров, который занимал левое крыло. Весь центр и правое крыло были заняты Государственным Советом и многолюдной при нем Государственной канцелярией», — пишет камергер И. Тхоржевский, работавший в эти годы в аппарате Комитета министров и оставивший воспоминания «Последний Петербург».

Государственный Совет, созданный в начале XIX века, был высшим законосовещательным учреждением империи, которое рассматривало и утверждало законы. В конце XIX века, когда Витте как министр стал присутствовать на его заседаниях, Совет представлял собой собрание опытных государственных деятелей, которых назначал царь из числа бывших министров, сенаторов и других высших сановников. Практически звание члена Государственного Совета давалось пожизненно, поэтому возраст членов был весьма почтенным, одним словом — «государственные старцы». Действующие министры участвовали в работе Совета по должности на правах его членов.

Витте приходилось участвовать в общих заседаниях Государственного Совета, особенно когда обсуждались разработанные его ведомством законопроекты. Был он и на заседании Совета 7 мая 1901 года, в честь столетнего юбилея со дня его учреждения, запечатленного на картине И. Е. Репина. Кстати, заседание это, хотя и было юбилейным, торжественным не получилось.

Вот запись в дневнике генеральши Богданович:

«10 мая 1901 года. Вчера Старицкая говорила про торжественное заседание Госсовета, которое далеко не было торжественным. Царь на этом заседании ни слова не вымолвил. Ожидали, что он скажет речь, этого не случилось. Думали, что он обнимет вел. кн. Михаила Николаевича и в его лице поблагодарит всех членов Госсовета за службу, — и этого не было».

В. И. Гурко в мемуарах по этому поводу пишет, что начальные годы века были для наших высших государственных учреждений подряд юбилейными. Как это ни странно, но все юбилеи носили какой-то грустный характер: как будто хоронили прошлое, не ожидая вместе с тем ничего хорошего от будущего. Но особенно тягостное впечатление произвел на него юбилей Государственного Совета, состоявшийся в 1901 году.

«Заседание это продолжилось весьма недолго, так как все оно состояло в прочтении государственным секретарем данного Государственному Совету указа и раздаче чинами Государ-

ственной канцелярии членам Совета юбилейных медалей. Никаких речей, никаких взаимных приветствий произнесено не было; в зале царило какое-то томительное молчание, чувствовалась какая-то всеми осознаваемая неловкость. Вместо праздничного, хотя бы слегка приподнятого настроения господствовали всеобщая угнетенность и стеснение. Между носителем верховной власти и его советниками висела невидимая густая завеса. Не войдя в соседний зал, где был приготовлен открытый буфет с шампанским, государь тотчас уехал. Такое почти демонстративно холодное отношение царя глубоко оскорбило почтенных старцев, в меру сил и разума честно и верно в течение всей их жизни служивших русским монархам», – писал Гурко.

*Фрагмент картины И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года».
Государственный Русский музей*

Государственный Совет тогда уже отживал свой век, но причины, по которым он не приносил той пользы, которую мог бы принести, таились не в нем и даже не зависели от возраста многих его членов. Душили деятельность Государственного Совета, во-первых, келейность собрания, отсутствие всякой гласности, а главное – та роль примирительной камеры, которую он играл. Будь, с одной стороны, однородное правительство, а с другой –

собрание умудренных опытом бывших государственных работников, и деятельность Совета давала бы иные, значительно более плодотворные результаты, считал Гурко.

Витте, несомненно, это понимал, поэтому весной 1906 года, перед самой своей отставкой, он начнет реформировать Государственный Совет.

Когда осенью 1903 года он пришел в Мариинский дворец, служащие канцелярии Комитета министров довольно прохладно встретили своего нового председателя: слишком резко он отличался от обычных сановников. Но когда Витте приступил к делам, отношение к нему стало меняться. Впоследствии один из чиновников канцелярии, П. П. Менделеев, вспоминал: «Первое впечатление, которое производил Витте, было невыгодным для него. Огромного роста, нескладно скроенный, некрасивый мужчина, со странно приплюснутой переносицей, с хитрым, даже плутоватым выражением глаз. Однако очень скоро речь Витте, всегда содержательная, чуждая общих мест, захватывала слушателей глубиной, оригинальностью мысли, яркостью образов, неотразимостью доводов. Неисчерпаемый родник новых мыслей, планов, предложений, готовность отказаться от тех из них, нецелесообразность которых ему будет доказана. Чуткое внимание к чужим мнениям, ко всему, что покажется ему интересным у других».

По свидетельству служащих, для Витте, который был олицетворением неустанной кипучей работы, без которой он не мог спокойно жить, должность председателя Комитета министров была «скудна и малоинтересна», негде было развернуться и применить творческие силы. По должности призванный координировать действия министров, он не имел даже личного доклада у государя, и в его компетенции был весьма ограниченный круг вопросов для обсуждений на Комитете.

Тхоржевский пишет: «С назначением Витте вся жизнь Комитета и его канцелярии резко изменилась. Изменилась и обстановка моей службы. Текущие мелочи управления – то, что в Думе потом получило название “вермишели”, – Витте не интересовали. Зато по любому поводу возникали при нем крупные политические вопросы, и он любил при предварительных докладах канцелярии сам возбуждать такие вопросы и узнавать по ним мнения своих сотрудников. В заседаниях он не раз перебивал других министров, когда они высказывали трафаретные правые мысли, и замечал: “Такие речи, ваше превосходительство, хорошо произно-

силь в Петербурге и во дворцах, а в России они встречают совершенно другой отклик»».

Через год, когда политический ветер – в связи с неудачами Русско-японской войны – изменился, Витте уже провел в Комитете проект указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», получивший частичное утверждение государя 12 декабря 1904 года. Частичное, потому что «боевой» пункт – «О привлечении выборных от населения к законодательству» был в последнюю минуту исключен государем. Но в указе 12 декабря остались и вскоре вылились в подробные указания два политически важных пункта: о религиозной свободе и о свободе печати.

После опубликования в печати записки Витте о земстве он стал весьма одиозной фигурой для либеральных кругов как «охранитель самодержавия». В это же время в глазах крайних реакционеров он был «красным». А. Н. Куропаткин в дневнике пишет: «Плеве указывал государю, что Витте красный, что все недовольные элементы в своей противоправительственной работе находят поддержку и опору у Витте».

Противники Витте справа изображали его перед царем претендентом на пост президента республики и подстрекателем всех смут – «от конституции до революции», стремящимся довести дело до революции и затем явиться спасителем, захватив в свои руки власть. Репутация «красного» упрочилась из-за независимости его суждений. Являясь убежденным монархистом, он тем не менее никогда не испытывал религиозного благоговения перед монархами, будь то русский царь или германский император. Он видел человеческие недостатки у почитаемого им Александра III, а про Николая II говорил много нелестного. О его отношении к царственным особам лучше всего говорится в «Воспоминаниях»: верноподданные его величества «чтут в лице государя не Николая Александровича, но тот принцип, при влиятельном значении которого создавалась великая Россия».

Исповедуя консервативную утопию, придерживаясь охранительного направления в политике, Витте в частном разговоре с А. А. Моловцевым заявил в апреле 1902 года: «Я враг по принципу, с детства мною усвоенному, враг всякого конституционализма, парламентаризма, всякого дарования политических прав народу». Как видно из этого высказывания, независимость суждений Витте – вовсе не основание для причисления его к «красным» и даже к либералам, он всегда оставался убежденным мо-

нархистом. В записке германского канцлера Бюлова Вильгельму II содержится почти стенографический отчет о его беседе с Витте в июле 1904 года, где тот откровенно высказался против резкого перехода в России от «ретроградного образа правления к чрезмерным либеральным уступкам». Теперь можно было бы парализовать недовольство в России, если проявить больше терпимости по отношению к нерусским народностям и иноверцам, менее грубо третировать учащуюся молодежь, предоставить некоторую свободу печати и во внутреннем управлении заменить далеко идущую бюрократическую опеку хотя бы скромным самоуправлением. Если же под влиянием террористических актов верховная власть придет к мысли дать стране конституцию – это будет конец России: она не вынесет конституции в европейском смысле слова. Конституция с гарантиями, парламентом и всеобщими выборами повела бы к анархии и взорвала Россию, считал Витте.

Пребывание Витте в Берлине в то время было связано с тем, что Николай II обратился к нему с просьбой взять на себя переговоры с Германией о новом торговом договоре, поскольку 10-летний срок истекал. Опять Витте предстояла схватка с немцами, но условия были уже совсем иные, чем в 1894 году, – не осталось и следа от былой мощи и авторитета России. Германия готовилась пожинать плоды провалов русской дальневосточной политики и взять реванш. А министр финансов Плеске говорил, что Россия должна будет прибегнуть к займам на продолжение войны с Японией, что нужно уступить по вопросу о торговом договоре, лишь бы обеспечить за собой германский денежный рынок.

Сергей Юльевич понимал, что при таких обстоятельствах предлагать борьбу бессмысленно. Тем не менее он действовал нестандартно и, «отстояв все, что можно», вопреки сопротивлению германского канцлера, смог добиться разрешения на получение крупного займа.

В это время уже вовсю шла Русско-японская война. Несмотря на успехи японцев, главнокомандующий на Дальнем Востоке А. Н. Куропаткин спокойно заявлял, что мир будет заключен только в Токио. В. В. Вересаев пишет: «О Куропаткине отзывались хорошо. Говорили только, что он связан по рукам и ногам, что у него нет свободы действий. Было непонятно, как сколько-нибудь самостоятельный и сильный человек может позволить связать себя и продолжать руководить делом». В Зимнем дворце были в фаворе статс-секретарь А. М. Безобразов и адмирал

Е. А. Алексеев, которые настраивали царя на оптимистический лад. Витте же с большой тревогой и пессимизмом наблюдал за событиями.

Когда он находился еще в Германии, блеснул луч надежды на близкий конец «позорной и бессмысленной» войны, затеянной на Дальнем Востоке. Пришло известие, что Япония не прочь заключить мир и что японский посол в Лондоне барон Хаяси хочет встретиться с Витте. Но все это провалилось, поскольку Николай II и слышать не желал о мире. Он даже перед Цусимой не хотел говорить о мире. По словам Витте, «Государь по своему оптимизму полагался на лучшее. Ведь Серафим Саровский предсказал, что мир будет заключен в Токио, значит, только одни жиды и интеллигенты могут думать противное».

Пессимизм Витте объяснялся не только известиями о сплошных неудачах на театре военных действий. Еще большее его беспокойство вызывало развитие событий в самой России. Весной 1904 года революционное движение внешне несколько затихло, но интуицией политика Витте предчувствовал неладное. «Кажется, происходит скрытый психологический процесс в населении, который может дать много огорчений», – говорил он.

По мнению Н. Кутлера, «Витте верил в исключительную силу неограниченной бюрократии, пока располагал всеми ресурсами... Лишившись власти в 1903 году, Витте усомнился в достоинствах государственного строя, который прежде ему казался нормальным для России. Русско-японская война сделала Витте доступным влиянию конституционных идей».

В июле 1904 года министр внутренних дел Плеве пал жертвой террористического акта. По свидетельству русского посла в Берлине Н. Д. Остен-Сакена, Витте, узнав от него об этом, буквально просиял. Он откровенно сказал удрученному послу, что воспринимает убийство Плеве как сигнал к действию: «Вы думаете, граф, что нет людей, которые бы не знали, что нужно делать, да вот я, у меня готов весь план действий для успокоения умов». Вернувшись в Петербург, Витте развернул активную закулисную деятельность, чтобы в острой борьбе занять влиятельный пост министра внутренних дел, о чем он умалчивает в «Воспоминаниях», но что было известно окружающим.

Острота борьбы вокруг должности министра внутренних дел объяснялась тем, что при Плеве этот пост стал таким же важным для определения курса правительства, каким был пост министра

финансов, когда его занимал Витте. Когда в России не было объединенного правительства, на первые роли выходили руководители ведущих министерств.

В дневнике А. С. Суворина 4 августа 1904 года (вскоре после убийства Плеве) появилась запись о переданном ему разговоре министра юстиции Н. В. Муравьева с царем. Муравьев высказался откровенно об отчаянном положении России. Он заявил, что нельзя управлять без общества, нельзя управлять через министров при их очных докладах и при том обычае, когда министры выпрашивают у царя его самодержавную подпись, и это является законом. «Что же вы хотите, чтоб я кабинет учредил с Витте?» – раздраженно спросил царь. «Не кабинет, а у нас есть Совет министров, который совсем не собирается», – парировал Муравьев. Но раздражение царя нарастало: «Значит, по моей вине? Как мне председательствовать по всяким пустякам?» Когда же Муравьев напомнил о предусмотренной законом возможности («Ваше величество могли бы назначить особое лицо от себя»), последовала гневная отповедь: «Управлять при помощи Петрункевича? Это преступник, место которого в ссылке».

Как видно, объединенное правительство оставалось для Николая II устрашающим подобием европейского кабинета, несовместимым с самодержавной властью, фатальным образом связанным с приходом к власти Витте, вдруг превратившегося в царской речи в преступника Петрункевича.

Не знавший об этом разговоре Витте полагал в эти дни, что его шансы быть «первым министром» возрастают, и говорил о подготовке своей программы. Наиболее доступным он считал кресло министра внутренних дел.

С назначением преемника Плеве случилась заминка, которая была связана не только со столкновением личных интересов и влияний на царя, за ней стояла необходимость выбора нового политического курса, который помог бы укрепить позиции самодержавия. Рассматривалась кандидатура Б. В. Штюрмера, директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел, но она была отвергнута: вдовствующая императрица считала Штюрмера твердолобым консерватором.

Кандидатура Витте, верного самодержавию, но считавшего, что для «излечения болезни» необходимо объединение министров в форме кабинета (с ним самим в качестве премьера), была царем отвергнута.

В конце концов остановились на князе П. Д. Святополк-Мирском, который имел репутацию либерала. Хотя до 1902 года он был товарищем министра внутренних дел и шефом жандармов, но покинул этот пост как несогласный с репрессивными методами Плеве.

Святополк-Мирского Витте, несомненно, хорошо знал, они общались и неофициально, о чем пишет приемная дочь Витте в «Записках девочки»: «Как-то отправились большой компанией в Шлиссельбург на яхте “Роксма”, находящейся в распоряжении министра финансов. Взяли и девочку. Одна среди взрослых она чувствовала себя немного растерянной и под села к князю Петру Дмитриевичу Святополк-Мирскому, которого хорошо знала. Его некрасивое, смуглое лицо с бородкой привлекало своей вырази-

*П. Д. Святополк-Мирский,
министр внутренних дел
(1904–1905)*

тельностью. Веселый и добродушный, он отличался сердечностью и имел мужество не скрывать своих убеждений».

После назначения Мирского Витте уехал отдыхать в Сочи, взяв с собой по совету редактора журнала «Право» И. В. Гессена курс «Государственного права». Если прежде он не желал вникать в основы конституционного устройства стран, «то по возвращении был ориентирован во всех основных вопросах». Интересно, что в личной библиотеке Витте, переданной по завещанию в

Политехнический институт, литература по правоведению составляет самый большой раздел – около 200 наименований.

Назначение Святополк-Мирского внесло свежую струю во внутреннюю политику. При назначении он поставил царю ряд условий, говорил о программе реформ-уступок, царь как будто на все согласился. Мирский вынес из беседы, что царя политика предыдущих лет «начинает тяготить».

Но первые же шаги Мирского – интервью корреспондентам газет, в том числе иностранным, вступительная речь перед чинами министерства, отмена наиболее одиозных мер Плеве – сейчас же вызвали недовольство царя и озлобление противников нового курса. Суворин назвал курс Мирского «правительственной весной», земские организации выражали Мирскому восторги по поводу курса «доверия». Однако Витте, узнав о первых шагах нового министра, решил, что ему «несдобровать».

Запись в дневнике А. В. Богданович:

«17 сентября 1904 г. Вчерашний прием Мирского чинов Министерства внутренних дел наводит на печальные размышления, наступит минута, когда царь сам поедет к Витте просить его поправить дела. После долгих переговоров Витте возьмется с условием быть первым министром и заберет все в свои руки – создаст Конституцию. Мирский в своей речи сказал: “Итак, мы вступили в новую эру доверия и уважения” – чудные слова, но после них как-то тяжело на душе, когда знаем, что творится в России по всем ее городам и весям. Про царя можно сказать – не ведает, что творит».

Первые шаги Мирского оказались толчком к радикализации, которую претерпели различные группы либеральной оппозиции. Последовала разработка программы под влиянием съезда земств. Началась серия напряженных переговоров либералов с представителями правительства, в ходе которых Мирский придерживался ориентации на умеренных земцев и добился разрешения на их съезд. Они дорожили своей монархической лояльностью, но испытывали влияние радикальных элементов.

«Скорей, скорей! Левый крен наклоняет корабль! Делайте же ваши конституционные заявления! Внушите вашим славянофилам и вот этому безвольному, часто плачущему монарху, что прямой, честный, открытый, нелицеприятный переход к народному представительству еще может спасти не только страну, но даже саму монархию!» – так характеризовала впоследствии Е. Д. Кускова смысл давления слева на умеренных земских либералов.

А Витте всеми способами добивался восстановления своего бывшего могущества. Он решил приспособиться и приветствовал «курс доверия» Мирского, стремясь оказывать на него свое влияние. Он демонстративно поддерживал нового министра, противопоставляя его Плеве, и окружал, по словам В. Н. Коковцова, «льстивыми, подчас совершенно ненужными проявлениями покровительства в заседаниях Комитета министров». Среди придворных и в правительственных сферах Мирского вскоре стали считать ставленником Витте, а затем все заговорили в один голос, что фактически министр является теперь все тот же С. Ю. Витте.

Запись в дневнике А. В. Богданович:

«16 ноября 1904 г. Павлов привез известие, что якобы Мирский смекнул теперь, что так вести Россию, как он ее повел, нельзя, что чувствует, что с делом не справится: просил царя его уволить и своим заместителем назвал Витте. Все присутствовавшие в один голос воскликнули: “Не дай бог, Витте!”»

Витте играл против Святополк-Мирского «очень двусмысленную роль»: в кругах, где разделялись реформаторские идеи, говорил одно, в придворных кругах – противоположное. По мнению историка Р. Ш. Ганелина, в создании неблагоприятной для нового курса обстановки, ощущавшейся Мирским уже в конце октября 1904 года, значительная, хотя и незаметная, роль принадлежала председателю Комитета министров. Мирский узнал обо всех проделках Витте позже, да и тогда не поверил, что тот «умышленно играет двойную роль», сказывались, видимо, личные заверения Витте о поддержке курса. А обстановка в стране все осложнялась, даже в столице она порой выходила из-под контроля властей.

Записи в дневнике А. В. Богданович:

«3 декабря 1904 г. Рассказывали, что в Технологическом институте в день праздника этого заведения, 28 ноября, технологи позволили себе возмутительные действия: красным флагом завесили портрет царя, и начальство не воспротивилось этому действию. Весь вечер, пока пляска продолжалась, портрет был закрыт этим флагом, а до этого факта молодежь еще плевала на портрет и ругалась.

12 декабря. Мое впечатление, будет, и скоро, Витте министром внутренних дел. Теперь дело очень трудное: идти назад, по пути, которым вел Плеве, невозможно; идти путем, которым ведет Мирский, – нелегко, это идти в пропасть, найти средний

путь — нет человека для этого, который сумел бы повести этим средним путем. Сколько ни думаю, никто кроме Витте не сумеет найти этот средний путь. Его назначение взбаламутит консерваторов, но эти люди не опасны».

Положение Мирского было крайне осложнено активностью Витте, лишившего, по сути, его подлинной власти. Но и Витте это не шло на пользу — он этой властью не мог воспользоваться.

Противостоять идее народного представительства, хотя и отвергнутой официально, но пропитавшей политическую атмосферу тех недель, было все труднее. Острее становилась политическая борьба в верхах. Программа Мирского обсуждалась в Особом совещании, где Витте перехватил инициативу. Результатом стал указ 12 декабря 1904 года, представлявший собой неохотные, но неизбежные шаги царских властей в области государственных преобразований. «Витте пытался еще совместить законность с самодержавием, но выработанный под его руководством указ 12 декабря 1904 года остался мертвою буквою», — пишет Н. Кутлер.

Между тем положение ухудшалось. На японском фронте 20 декабря пал Порт-Артур, внутри страны назревали события января 1905 года.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

Обстановка в начале января 1905 года продолжала накаляться. 3 января Мирский получил от царя письмо, в котором говорилось, что «теперешнее бездействие вполне равносильно преступному попустительству». На следующий день царь потребовал от него общего запрета собираться и говорить. На слова Мирского, что для этого «нужно всех запереть, объявить осадное положение», Николай ответил: «Ну что же, может быть, и придется объявить». Мирский заключил, что с указом 12 декабря «выйдет скандал, что государь его подписал бессознательно». Он опять просил об отставке, царь обещал отпустить его через неделю или две.

6 января, на церемонии рождественского богослужения на Неве, в присутствии царской семьи, произошел казус: с бастиона Петропавловской крепости, вместо холостого, был произведен

выстрел боевой картечью, он ударил рядом со свитой. Чудом обошлось без жертв. Полиция посчитала это случайностью, но царь испугался.

9 января готовилась народная манифестация, священник Гапон призывал рабочих идти с петицией к царю, чтобы рассказать о своих бедах. Сама идея была воплощением мечты Николая II – «народ и царь». Простой народ шел за защитой к самодержцу. Но после казуса с пушкой поползли слухи, что во время демонстрации произойдут кровавые беспорядки, подготовленные революционерами, что возможен захват Зимнего, а царь сбежал из столицы в Петергоф. Военные готовились к подавлению «мятежа», в ночь шествия в казармах раздавали боевые патроны, готовили лазареты.

Сам Гапон в письме Витте в феврале 1906 года так объяснял свою позицию: «Если особа государя была и есть священна, то благо всего русского народа для нас дороже всего... Вот почему я, уже зная накануне 9-го, что будут стрелять, пошел во главе, под пули и штыки солдатские, чтобы своей кровью засвидетельствовать истину, именно неотложность обновления России на началах правды. 9 января совершилось, к сожалению, не для того, чтобы послужить исходным пунктом обновления, а начала революции».

События вокруг 9 января подробно описаны. Нас интересует поведение Витте в те трагические дни по отношению к «обезумевшей толпе». Оно было противоречиво: с одной стороны, он заявлял, что «ничего не делать во внутренних наших делах невозможно и нужно удовлетворить наболевшие потребности», с другой – тут же провозглашал: «Нужно, чтобы публика знала и чувствовала, что есть правительство, которое знает, что оно хочет, и обладает волею и кулаком, чтобы заставить всех поступать согласно своему желанию».

Накануне, 7 и 8 января, у Святополк-Мирского проходили совещания военных и полицейских чинов, которые носили сугубо частный характер, но на них выработали решение о разгоне демонстрации. Формально юридическая сторона дела заключалась в том, что в России не было права петиции. А значит, была возможность объявить гапоновскую акцию преступлением и руководителя арестовать. Действительно, 8 января такое решение было принято, но Гапона не смогли найти. Вечером особняк Витте на Каменно-островском проспекте посетила депутация, избранная в редакции «Наших дней». В ее состав входили крупные ученые, писатели, деятели культуры. В ответ на просьбу вмешаться в назревавшие

события Витте заявил, что в его компетенцию это не входит. Когда М. Горький потребовал «довести до сведения сфер, что если завтра прольется кровь – они дорого заплатят за это», он по телефону просил Мирского принять депутацию, но тот ответил отказом, заявив, что знает о соображениях депутации, но что «их желание неисполнимо».

На Максима Горького Витте произвел тогда гнетущее впечатление: «Курносое маленькое лицо освещали рысьи глазки, было что-то отталкивающее в их цепком взгляде. Он шевелил толстым пальцем, искоса любуясь блеском бриллианта в перстне. Он заговорил тоном сожаления, пожимая плечами, приподнимая жидкие брови, улыбаясь скользящей улыбкой – это делало его еще более неприятным, голос звучал гнусавенько, слова сыпались обильно

В. Е. Маковский. 9 января 1905 года

и легко, мне слышалось в них что-то хвастливое, и как будто он жаловался, но смысла слов я не мог уловить, и почти ничего не оставили они в моей памяти». Конечно, Горький, имевший тесные связи с социал-демократами, был пристрастен. Но он был прав, когда писал, что председатель Комитета министров ограничился пустыми словами и не принял никаких мер.

Витте занял формальную позицию, о чем свидетельствуют и его воспоминания: «Рабочих предупредили, они не верили, что в них будут стрелять, и не удалились. Всюду последовали выстрелы, залпы, и, таким образом, было убито и ранено, насколько я помню, больше 200 человек». По советским источникам, в результате действия войск и полиции 9 января 1905 года было убито больше тысячи человек и ранено около двух тысяч.

Запись в дневнике А. В. Богданович:

«9 января 1905. Господи! В эту минуту в Петербурге творится ужасное: войска с одной стороны, рабочие – с другой, точно два неприятельских лагеря. Насчитано уже до 100 убитых. На Троицком мосту солдаты стреляли».

Витте и другие министры объясняли трагические события 9 января отсутствием единства государственного управления, разобщенностью министерств и ведомств, лишенных права совещаться. Будь иначе, вместо царя эту петицию мог бы принять кто-то из министров и кровавой драмы удалось бы избежать.

Витте считал, что в эти дни его акции резко поднялись, и уже не собирался довольствоваться креслом министра внутренних дел, а надеялся возглавить правительство. Он развернул в эти дни широкую кампанию, доказывая, что если бы царь прислушался к его мнению, а Комитет министров под его председательством был органом реальной власти, то 9 января все обошлось бы благополучно. Взваливая вину на Мирского и шумно негодуя, он открыто заявлял в кругу высших сановников, что «стрелять совсем не нужно было».

В те дни в газете «Эко де Пари» появилось короткое интервью ее петербургского корреспондента Дрю с Витте, в котором тот с нарочитой сухостью повторял, что его накануне событий никто ни о чем не спрашивал, что он председатель не Совета, а Комитета министров, члены которого ему не подчинены.

В газете «Освобождение» 9 февраля 1905 года была опубликована статья, где кто-то анонимно обвинял царя (избегая только прямо его назвать) в том, что рабочих «принялись дико, нелепо расстреливать», что если уже царь сам не хотел к ним выйти, он мог бы послать кого-нибудь другого вместо себя. «Только авантюрист или дурак» может решиться теперь стать министром внутренних дел, заявлял аноним. Ему было, конечно, совершенно точно известно, что «не соглашается принять этот пост и Витте, если только ему вместе с этим титулом канцлера не предоставят полной свободы

применять свою программу». Не очень трудно угадать, кто водил рукой «анонима».

18 января министром внутренних дел вместо Святополк-Мирского был назначен вызванный из Москвы А. Г. Булыгин. А Витте царь поручил созвать совещание министров и председателей департаментов Государственного Совета. Цель совещания: «обсуждение тех мероприятий государственной важности, которые вызываются событиями последнего времени» и выработка «мер, необходимых для успокоения страны». Царь предписывал Витте собирать такие совещания и впредь.

По свидетельству В. Г. Глазова, министра народного просвещения, на совещании 18 января Витте потребовал «сегодня же» представить проект манифеста, объявив его «общим вопросом

С. Ю. Витте. Рисунок Маркуса

огромной важности». Без должного почтения к монарху он напомнил, что еще 10 января царь должен был выступить с обращением к народу, но так и не сделал этого. Представленный проект манифеста вызвал сомнения и разногласия среди министров. После дискуссии он был все же принят, но царь проект не утвердил.

Между тем оборот, который приняли события после 9 января, заставил правительство искать выход в борьбе не только с пролетариатом. Забастовки, стачки, охватившие всю страну, были, по

сути, поддержаны предпринимателями. Важный элемент политической ситуации составляли выступления либеральной и демократической интеллигенции, а также студенческое движение.

Давление на царя в пользу преобразований все усиливалось, лихорадочные поиски выхода заставляли прислушиваться даже к советам со стороны. 24 января свой план предложил царю германский император Вильгельм II, который, с одной стороны, предостерегал: «сохрани Бог от какой-либо уступки бунтующей черни», с другой – уговаривал Николая ехать в Москву и там с большой торжественностью объявить, что после войны «будут обсуждены вопросы о внутреннем благоустройении». Но особенно энергично Вильгельм предостерегал от доверия Витте, считая его весьма опасным из-за нанесенных его самолюбию уколов.

Тем временем Витте продолжал разработку проекта объединения высшего государственного управления, исходя из того, что обстоятельства «переживаемой годины» требуют единства в действиях правительства. С ним были солидарны и другие министры, в частности А. С. Ермолов, министр земледелия и госимуществ. В обращении к царю министр из трех пунктов первым поставил «полное объединение правительственной власти». Ермолов понимал, что опора на штыки ненадежна. Сам Витте 18 января заявлял, что 80 процентов простого народа еще не затронуто революционной пропагандой, и предостерегал: «Если государь утратит эту опору, останутся штыки, но они из народа».

Витте было ясно, что карательная машина забуксовала. Нельзя было сбрасывать со счетов и реакцию на российские события в Европе. Первые же сообщения о начале январского движения в Петербурге «опрокинули царский кредит» на парижской бирже и вызвали на ней нарастающую панику.

Витте с нарочитой прямоотой пугал Николая ролью конституционного монарха: «Права государя в парламентах ограничиваются. Не угодно ли справиться?» Цель его словно состояла в том, чтобы заставить царя поверить, что он, Витте, – единственный, кто знает верный путь к выходу из трудностей. Нелишнее напомнить, что перед ним маячило видение кресла премьера.

9 февраля Витте представил царю свой проект. Другой предложил Коковцов, которого как министра финансов беспокоили вопросы получения кредитов в Европе, и поэтому он ратовал за вариант, близкий к западноевропейскому правительству. В принципе, это было выгодно и Витте, но он этого не показывал.

Официальная полемика по поводу преобразования органов высшего управления отражала «борьбу партий» в верхах. По сути, сформировались две партии. Первая – консервативная, «придворная» – группировалась вокруг фигур Гессе, Путятина и Фредерикса. Им противостояла «конституционная» партия министров во главе с Ермоловым, в котором первые видели тень ненавистного им Витте. Самого же Витте правые представляли врагом не только царя, но и монархии, стремящимся к собственному возвышению, вплоть до президента республики (в случае свержения монархии). Возведя перед царем все эти страшные обвинения против Витте, «абсолютисты» сами никаких планов не имели. «Они стараются мешать Витте... и только», – пишет историк Р. Ш. Ганелин.

Тем временем беспорядки в стране нарастали, а власть была парализована. «Власть как будто отсутствует», – записал в дневнике 15 февраля великий князь Константин Константинович.

Особой вехой в событиях того периода стало заседание Совета министров 18 февраля 1905 года, на котором обсуждался рескрипт о созыве представительства.

Энергичнее всех за рескрипт выступил тогда Булыгин, новый министр внутренних дел, который получал по телефону и сообщал на заседаниях сведения о новых революционных выступлениях. Попытки оттянуть подписание рескрипта не удались. Прочитанный Булыгиным проект «О призыве властей к населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего и в искоренении крамолы и в противодействии смуты внутренней» был принят и подписан царем.

В умеренно-либеральных кругах 18 февраля объявили поворотным пунктом в истории России. Газета «Право» писала, что «власть желает опереться на народ, править в согласии с его волей», земские собрания, городские думы выражали благодарность царю. Левые же либералы, в частности Струве, не удовлетворились в рескрипте тем, что «при характере и образе мыслей царя» он открывал «эпоху не внутреннего мира, а еще более напряженной борьбы», – и оказались провидцами. Но в тот момент рескрипт сыграл определенную умиротворяющую роль – напряженность в стране временно пошла на спад. Либеральная уступка царя лишила Витте возможности добиться своей цели и занять ключевую роль в правительстве. Инициатива на время перешла к Булыгину, Трепову и др.

Следует сказать, что Витте в те дни был занят не только борьбой за власть, но и решением насущных проблем, в частности под-

готовкой церковной реформы. Указом 12 декабря 1904 года Комитету министров было поручено пересмотреть узаконения о правах раскольников, а также лиц инославных и иноверных исповеданий. Особое совещание под председательством Витте провело значительную работу по разрешению одной из сложных и застарелых проблем общества и, несмотря на сильное сопротивление консерваторов, особенно К. П. Победоносцева, подготовило указ «Об укреплении начал веротерпимости», подписанный царем 17 апреля 1905 года.

Записи в дневнике А. В. Богданович:

«17 января 1905 г. Возмутительно утвержденное сегодня положение Комитета министров об укреплении начал веротерпимости. Говорят, что Витте вырвал у царя это утверждение. Говорят, что теперь окраины наши совсем уйдут из-под русского влияния».

«24 апреля. Сегодня Стишинский сказал, что виновен в указе о веротерпимости Витте. Сказал также, что теперь в Петербурге в настоящую минуту 8 масонских лож и к одной из них, которая помещается на Николаевской, 44, принадлежит Витте».

Что же нового привнес указ 17 апреля в жизнь российского общества? Витте подчеркивал его психологическое значение, назвав «первой вещью ласточкой всероссийской весны». Позже, в «Воспоминаниях», он приравнял его значение к манифесту 17 октября 1905 года.

Как показывает анализ деятельности Витте в годы нарастания первой русской революции, он всеми средствами пытался упредить «взрыв» и осуществлял это эволюционным путем реформирования отдельных частей государственного механизма. По сути, он сделал многое из того, к чему призывал в 1901 году Лев Толстой в известном письме «Царю и его помощникам». Это и отмена круговой поруки в деревне, и устранение стеснений религиозной свободы, и попытка решить крестьянский вопрос, изменить паспортный режим, подойти с либеральных позиций к решению еврейского вопроса.

Так кем же был Сергей Юльевич Витте? В предисловии к «Воспоминаниям» мужа графиня М. И. Витте пишет: «Мой муж неоднократно говорил близким: “Я не либерал и не консерватор, я просто культурный человек. Я не могу сослать человека в Сибирь только за то, что он мыслил не так, как мыслю я, и не могу лишать его гражданских прав только потому, что он молится богу не в том храме, в котором молюсь я”».

Сложно дать определение политике Витте, но несомненно одно: общая направленность его усилий была гуманной. И его борьба за власть была борьбой государственного деятеля, ответственного за судьбу страны, хотя методы его далеко не бесспорны.

Не будем забывать, что процесс реформации в России носил нелинейный характер: реформы перемежались с периодами усиления репрессий, реставрации царизма, который не спешил расставаться с феодальным прошлым. В этом сложном процессе Витте и некоторые другие представители либеральной бюрократии гораздо лучше царя понимали необходимость назревших преобразований и отстаивали свои позиции, невзирая на возможную опалу. Неохотные, но неизбежные шаги властей в области государственных преобразований делались под влиянием революционных событий.

Чем выше поднималась революционная волна, тем настоятельнее становились требования оппозиции и неизбежные уступки. Но отход от самодержавного принципа, движение к народному представительству сопровождались драматическими переживаниями царя и его ближайшего окружения.

В те дни русские войска терпели поражения на Дальнем Востоке, вынуждены были с большими потерями отступить у Мукдена. Прозвучал призыв к либеральной оппозиции усилить натиск на правительство Витте. Сам он 28 февраля обратился с всеподданнейшим письмом, в котором требовал мира, чтобы выполнить рескрипт 18 февраля и этим хоть немного успокоить Россию. «Дальнейшие затраты совершенно расстроят финансовое и экономическое положение империи, – писал он. – Бедность населения увеличится, параллельно увеличится озлобление и помрачение духа». Витте предсказывал дальнейшие военные неудачи и предлагал, хотя это и «ужасно больно», начать мирные переговоры, обставив их «условиями, охраняющими престиж царской власти».

Письмо не было воспринято царем, который тогда находился под влиянием «безобразовской шайки», но негативная реакция проявилась по отношению к самому Витте неожиданным упразднением 30 марта 1905 года Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое тот возглавлял. Это означало потерю важных позиций Витте и вызвало в Петербурге резонанс. Молва приписывала главную заслугу «в крушении Сергея Юльевича» Д. Ф. Трепову.

Для всех было очевидно, что Витте потерпел поражение от «придворной» партии. По выражению А. А. Бобринского, Витте безмолвствовал «как приплюснутая жаба», в то время как другие били тревогу. А. А. Клопов 1 апреля писал царю: «Нет сил и возможности передать Вам, Ваше величество, о том психологическом состоянии, что к нам приближается пугачевщина».

В последующем беспорядки в стране продолжались и нарастали, но в мае 1905 года, после цусимской катастрофы, в какой-то степени внимание общественности и властей переключились на Дальний Восток. Царь вынужден был думать о мирном договоре с Японией, заключение которого пришлось поручить ненавистному Витте.

Позорное поражение в Маньчжурии вызвало возмущение в стране, которое было усилено новым назначением Д. Ф. Трепова, товарища министра внутренних дел, петербургским генерал-губернатором. Он к тому времени прославился своим приказом «патронов не жалеть» для подавления беспорядков. Полицейская диктатура была признана не соответствующей рескрипту 18 февраля. Напряжение в стране не спадало, волнения охватили даже армию – «оплот режима», восстание на броненосце «Потемкин» имело большой резонанс. Как новая уступка правительства появился манифест от 6 августа 1905 года об учреждении государственной Думы («Булыгинской»), но Витте к ее появлению не имел отношения, поскольку в это время находился в Портсмуте.

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ В ПОРТСМУТЕ

В мае 1905 года стало очевидно, что Русско-японская война идет к концу. Продолжалась она не полгода, как то обещали Безобразов и Алексеев, а почти полтора года и завершилась вовсе не подписанием победного мира в Токио, как обещал генерал Куропаткин, а позорным поражением.

В дневнике А. В. Богданович есть запись, сделанная 16 мая 1905 года: «Сегодня пришли ужасные вести, писать их страшно: 12 русских военных судов погибло...» Это была Цусима.

Последствия Цусимы сказались в различных сферах. Поднялась мощная волна возмущения в общественных кругах, что активизировало народные выступления. Наконец, кажется, прозрел и Николай II. Созванное им 24 мая военное совещание показало, что справиться и с войной, и с революцией одновременно не удастся. Пришлось думать о мире. Германский император Вильгельм II посоветовал Николаю II обратиться к посредничеству президента США Т. Рузвельта в организации переговоров с Японией. На 25 мая царь назначил аудиенцию американскому послу Дж. Майеру.

«Безобразовская шайка» быстро теряла свои позиции. 2 июня великий князь Алексей Александрович, высокий покровитель «шайки», был уволен с поста главного начальника флота, а 8 июня адмирал Алексеев – с поста заместителя, также был упразднен Особый комитет по делам Дальнего Востока.

В эти дни Витте получил письмо от еще одного сторонника военной авантюры, главнокомандующего армией на Дальнем Востоке генерала А. Н. Куропаткина.

«Многоуважаемый Сергей Юльевич!

Долго не отвечал на Ваше письмо потому, что совершенно расхотелся с Вами в вопросе относительно мира с Японией. Даже теперь, после уничтожения эскадры Рождественского, России надо продолжать борьбу... На суше мы стоим тверже, чем стояли

когда-либо, и имеем уже много шансов выйти победителями при новом кровавом столкновении. Мы вполне готовы к бою, и я ожидаю его с нетерпением. Нам, по моему мнению, скоро надо будет идти в решительное наступление. И неужели при этих условиях возможно говорить о мире “во что бы то ни стало”, даже позорном для России?

...Позорный мир приведет быстро к катастрофам: внутренней и внешней. И неужели хоть на полгода времени нельзя вдохнуть в интеллигенцию России чувства патриотизма? Новые жертвы неизбежны, но мы их принесем с глубоким сознанием, что они принесены нашей дорогой Родине. Неожиданно начатая война с Японией составляет несчастье России, но не вовремя оконченная война – прибавит к несчастью позор.

Всегда Ваш А. Куропаткин».

Проиграв Мукденское сражение, Куропаткин не смог, очевидно, адекватно оценить ситуацию и был смещен царем с поста главнокомандующего армией. На его место получил назначение генерал Н. П. Линевич.

Примерно в эти же дни между Николаем II и Витте возник острый конфликт. Начался он с того, что Витте отправил графу А. Ф. Гейдену, начальнику походной канцелярии его величества, статью из «Русских ведомостей», в которой доказывалась невозможность победы над Японией. К статье было приложено «самое краткое» препроводительное письмо Витте, в котором он с такой настойчивостью потребовал мира, что получил грозную отповедь царя (Гейден, по сути, был лишь почтальоном). «Армия желает, должна желать продолжения войны, – говорилось в письме от 12 июня 1905 года, – потому, что возвращаться битой не приходится... Вы хотите мира во что бы то ни стало, Вы не правы, окраины, Украина, инородцы, евреи и вольные поволжане, не имеющие гражданского сознания и чувства принадлежности к государственному телу России, хотят мира, каков бы он ни был. Вся остальная Россия дорожит своим национальным достоинством и не поступится им».

Витте не остался в долгу. «Армия наша не бита – это знает весь мир. Биты наши порядки», – писал он 17 июня Гейдену, сделав царю упрек в желании «искупить свои прегрешения» с помощью сотен тысяч новых жертв. В «Воспоминаниях» Витте еще более жестко сформулировал ту же мысль: «И не Россию разбили японцы, не русскую армию, а наши порядки, или, правильнее,

наше мальчишеское управление 140-миллионным населением в последние годы. Это я написал графу Гейдену в письме для Его Величества... Конечно, меня ненавидели, такую правду цари редко когда слышат, а царь Николай совсем не привык слышать».

И Витте напомнил все свои прежние советы: «Я держался мнения, что нужно было принять условия, которые нам предлагала Япония (Курино их, между прочим, лично мне передал) в конце июля 1903 года. Условия были вполне соответствующие. Тогда бы не было войны. Я держался мнения, что нужно было заключить мир до взятия Порт-Артура. Тогда условия сравнительно с предложенными нам в июле 1903 г. были бы немного хуже. Я держался мнения, что нужно было заключить мир до Мукденского сражения. Тогда условия были бы сравнительно с условиями 1903 года еще хуже... Наконец, я держусь мнения, что следует попытаться заключить мир до нового боя с армией Линевича. Конечно, условия будут очень тягостны, – в одном я уверен, что после боя с Линевичем они будут еще тягостнее. Как старый преподаватель математики вывожу: тягость условия будет пропорциональна длительности военных действий».

Пришлось Николаю II скрепя сердце все же согласиться с доводами Витте, тем более что не один он выступал за мирные переговоры. После получения согласия на посредничество американского президента начались подготовительная работа и формирование делегации. Главный вопрос, который тогда возник, – кто возглавит делегацию. Кандидатур было несколько: посол во Франции А. И. Нелидов, посол в Италии Н. В. Муравьев, посланник в Дании А. П. Извольский. Все они под благовидными предложениями отказались – слишком рискованно для репутации. Извольский заявил, что «единственно, кому можно было дать такое трудное поручение, – это Витте, ввиду его авторитетности как в Европе, так и на Дальнем Востоке». И в придворных кругах мнение было аналогичное.

Запись в дневнике А. В. Богданович:

«29 мая 1905 года. Зилотти высказал мысль, что необходимо отправить в Вашингтон для переговоров Витте, что туда надо “жулика” послать и никто лучше Витте это дело там не оборудует».

«Царю очень трудно далось такое решение», – отмечал академик Е. В. Тарле. Восемь лет подряд отвергать все требования, советы, предостережения, увещевания Витте – и до войны и во время ее, совершить одно за другим все безумства, гибельные по-

следствия которых Витте наперед указывал, и после этого просить того же Витте, чтобы он ликвидировал эти последствия, потому что никто другой сделать это не в состоянии. Понятно, почему на первом докладе Ламздорфа по поводу выбора главы делегации царь написал: «Только не Витте» – и лишь после окончательного отказа всех, к кому обращались, нехотя изъявил согласие.

Всегда, когда требовались большой ум, изворотливость, приходилось, хоть и со скрежетом зубным, обращаться к Витте. Перед войной и в ходе ее Витте не требовался, ибо Безобразов и Алексеев рвались в бой, гарантируя победу. Но когда поражение стало очевидно, Витте вдруг опять становится нужным. Как пишет далее Тарле, «Николай был временно в его руках, он должен был терпеливо снести от Витте любое оскорбление, не имея ни малейшей возможности (немедленно, по крайней мере) защитить свое самолюбие. А Витте не расположен был миловать и хорошо учитывал момент».

29 июня 1905 года царь подписал соответствующий указ о назначении. При этом Николай, зная Витте, боялся, что натолкнется на отказ. Но чувство ответственности Витте оказалось выше обид и амбиций. Правда, он отверг инструкции царя по поводу переговоров.

В русской и зарубежной печати появились одобрительные отклики. «Вестник Европы» увидел обнадеживающий признак в том, что главный уполномоченный не принадлежал к дипломатической касте. Не будучи дипломатом по профессии, он не придавал значения условным формулам и шаблонным фразам, а трезво оценивал события как реальный политик, привыкший считаться с фактами и извлекать из них известные практические выводы.

После просьбы японской стороны о посредничестве в конце июня 1905 года президент США Т. Рузвельт официально предложил свои услуги «для того, чтобы привести Россию и Японию к примирению», и пригласил делегации обеих стран прибыть в США. Местом для переговоров был предложен небольшой городок на восточном побережье – Портсмут.

Действительно, Витте не знал всех канонов дипломатии. Он сам неоднократно подчеркивал, что не дипломат, тем не менее на посту министра финансов Витте не раз участвовал в международных переговорах, а в вопросах восточной политики стал непререкаемым авторитетом. Его заместителем был назначен профессиональный дипломат, посол России в США барон Р. Р. Розен, также прекрасно знавший проблемы Дальнего Востока (до перевода в США он был русским посланником в Токио).

Витте, в свойственной ему манере, снисходительно характеризовал его «как хорошего человека с посредственным умом логического балтийского немца». В Петербурге полагали, что барон будет хорошим противовесом Витте, и, как писал сам Розен в мемуарах, «доброжелатели» потирали руки, предвкушая столкновение двух уполномоченных. Расчеты оказались несостоятельными. Второй уполномоченный держал себя на редкость лояльно. Витте и Розен сошлись на том, что без радикального поворота во внутренней и внешней политике России невозможно избежать революции. «Но мы, — вспоминает Розен, — расходились в следующем: я считал, что заключение мира после ряда поражений, если армия не восстановит свою честь победой, ставшей возможной благодаря прибытию подкреплений, ускорит революцию. Витте же считал, что скорейшее заключение мира устранил одну из главных причин народного недовольства и удалит опасность революции на некоторое время».

Русская делегация, направившаяся в Портсмут, была весьма представительной. В ее состав входили: давний сотрудник Витте директор Департамента казначейства И. П. Шипов, посланник в Китае Д. Д. Покотилов, ранее представлявший интересы КВЖД и выполнявший самые деликатные поручения министра финансов. Секретарем делегации был Г. А. Плансон — «тип угодливого чиновника», назначенный без ведома первого уполномоченного. Зато своим личным секретарем Витте пригласил хорошо известного ему И. Я. Коростовца, которому было поручено вести дневник переговоров. Этот дневник, который Витте предусмотрительно собирался использовать в своих будущих мемуарах, был издан в Пекине в 1923 году. В делегацию был включен и крупный знаток международного права профессор Ф. Ф. Мартенс.

С ним отношения у Витте сложились весьма своеобразные. «Еще до начала переговоров, – описывал Коростовец позицию Витте, – он неоднократно заявлял, чем особенно шокировал профессора Мартенса, что не считает нужным руководствоваться ни нормами международного права, ни дипломатическими прецедентами и обычаями, а поведет дело, смотря по обстоятельствам, как ему подскажет здравый смысл и интересы России». Мартенс пришел в настоящий ужас, когда Витте повел себя на переговорах именно так, как обещал. Профессор возмущался нарушением всех дипломатических канонов, твердил, что за четыре десятилетия участия в конференциях и переговорах не припомнит ничего похожего.

От военного и морского ведомств к делегации были прикомандированы генерал В. С. Ермолов, полковник Самойлов и капитан I ранга А. И. Русин. Все они считали войну проигранной, а полковник Самойлов, прибывший из штаба Линевица в Маньчжурии, твердил, что мир надо заключать во что бы то ни стало.

Не довольствуясь мнением старших офицеров, Витте постарался заставить заключение высших военачальников о перспективах войны на Дальнем Востоке. Как штатский человек, он боялся допустить ошибку в оценке ситуации. Председатель Комитета обороны великий князь Николай Николаевич на запрос Витте ответил, что продолжение военных действий обойдется в 200–250 тысяч жизней и более чем в один миллиард рублей, а результат будет при самом благоприятном случае половинчатым: русская армия может оттеснить японцев до Квантунского полуострова, но японцы за это время могут занять значительную часть Приморья. Ответ морского министра адмирала А. А. Бирилева был кратким: «С флотом покончено». Кроме всего прочего, Витте явно хотел подстраховаться на случай обвинений со стороны многочисленных противников и оказался прозорлив.

Запись в дневнике А. В. Богданович:

«18 октября 1907 года. Был генерал Линевиц. Говорил, что обидно, что Петербург помешал русским войскам победить японцев, что он неоднократно беседовал по этому поводу с государем, который ему каждый раз говорил, что не может себе простить, что заключил мир с японцами. Линевиц говорил, что это Витте здесь орудовал, что его даже не спросили, может ли он быть уверен в победе».

Естественно, интересовался Витте и состоянием противника. Выяснилось, что истощенная войной Япония, внутри которой росли пацифистские настроения, тоже не могла долго продолжать войну.

Витте начал кампанию еще за несколько недель до того, как сел за стол переговоров. Каких бы резких отзывов о положении страны он ни допускал в разговорах, и с соотечественниками, и с врагами за рубежом он держался как посланник великой державы, у которой «приключилась маленькая неприятность». Что бы он сам ни думал о проигранной войне, но на публике всеми способами старался продемонстрировать, что его страна далеко не сокрушена.

Витте стремился показать, что репутация сторонника мира еще не означает его готовности заключить мир во что бы то ни стало. Перед отъездом Витте дал интервью иностранной прессе, в котором подчеркнул, что задача русского уполномоченного заключается всего лишь в том, чтобы узнать японские условия и

*На пути в Портсмут.
С. Ю. Витте в Париже*

точно передать их самодержцу. Нарочитое преуменьшение собственной самостоятельности должно было, по замыслу Витте, убедить его партнеров по переговорам, что у него связаны руки. На самом деле он не собирался играть роль марионетки, хотя из тактических соображений делал вид, что каждый его шаг контролируется в царской резиденции.

Нарушив традицию хранить в тайне разногласия в правительстве, Витте заявил, что в высших сферах существуют две партии: одна – за мир, другая, могущественная, – за продолжение войны. Это была точно дозированная откровенность, он давал по-

нять, что его противники в правительстве не позволят ему зайти слишком далеко. Наконец, он предупредил, что чрезмерные требования японцев приведут к обратному результату: «Несомненно, обе партии объединятся, если запросы Японии оскорбят национальное самолюбие России».

Витте с самого начала понимал, как важно для успеха дела заручиться поддержкой прессы, европейского и американского общественного мнения, деловых кругов. 6 июля Витте с женой и дочерью выехал из Петербурга в Париж, где пробыл несколько дней, нанося визиты, в том числе премьеру Рувье и президенту Лубе, изучая мнения политиков. 13 июля в Шербуре он, уже без семьи, сел на океанский лайнер «Кайзер Вильгельм II» и отплыл в Нью-Йорк.

С. Ю. Витте (сидит в центре) среди членов экипажа на судне «Кайзер Вильгельм II»

Во время путешествия через океан Витте интенсивно работал и общался с иностранными журналистами. На пароходе его сопровождали корреспонденты газет «Таймс», «Матэн», агентства «Ассошиэйтед пресс», с которыми Витте проводил время, гуляя по палубе или сидя в кресле.

В пути Витте тщательно продумал линию поведения на переговорах, тем более что времени, пока пересекали Атлантику, было достаточно. В «Воспоминаниях» он пишет, что в уединении, во время переезда через океан, много передумав, выработал та-

кую линию поведения: «1) ни в чем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, т. е. представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность; 3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особенно предупредительно и доступно ко всем ее представителям; 4) чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства и совершенно демократично; 5) ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке и в американской прессе вообще, не относиться к ним враждебно» (что, впрочем, соответствовало его взглядам).

Хотя этот вопрос и стоял пятым пунктом в программе Витте, по своему значению он занимал отнюдь не последнее место. На другой день после прибытия в Нью-Йорк Витте, в сопровождении агента Министерства финансов в Вашингтоне Г. А. Виленкина, имевшего хорошие связи с Уолл-стрит, посетил биржу. Здесь состоялась его встреча с маклерами и представителями крупного бизнеса.

После посещения биржи Витте взял автомобиль и поехал с одним чиновником из посольства по еврейским кварталам, хотя и был предупрежден о возможности покушения. По этому поводу Витте замечает в «Воспоминаниях»: «...наш посол объяснил мне, что до него доходят слухи, что на меня могут сделать покушение евреи, а именно те русские евреи, которых в то время масса была в Нью-Йорке. Это все были выходцы-эмигранты из России после тех погромов, которые в России производились с кишиневского погрома, устроенного Плеве, лозунгом которого было: “Бей жидов!”».

На вокзале, откуда Витте должен был выехать поездом в Портсмут, приставленная к нему охрана сопровождала его до самого вагона. Ему не рекомендовали выходить на перрон, но он вышел к толпе, вступив в разговоры с многочисленными евреями, выходцами из России, о притеснениях на родине и жизни в Америке. В Портсмуте, когда шпалеры войск в центре города в торжественной обстановке встречали русских и японских уполномоченных, Витте несколько раз слышал возгласы «Здравия желаем вашему превосходительству!» и видел солдат, отдававших честь. Это были евреи в рядах американских войск.

Витте обсуждал еврейский вопрос не только с представителями прессы, но и с рядовыми американцами просто на улицах, и это, конечно, способствовало росту его популярности. Но ему важно было получить поддержку и со стороны влиятельных деловых кругов в Америке, в среде которых было много евреев. По его просьбе Виленкин организует встречу с американскими банкирами, на которой обсуждался и еврейский вопрос. Во время встречи Витте, естественно, выступил как сторонник отмены в России исключительного законодательства о евреях. Однако сказал, что, по его мнению, предоставление сразу равноправия евреям может принести им больше вреда, нежели пользы.

Эта позиция Витте вызвала резкие возражения банкира Якова Шиффа, составившего даже памятную записку, в которой

Адмиралтейский дворец в Портсмуте, где проходили переговоры

он постарался опровергнуть утверждения Витте. Шифф обращал внимание Витте на то, что политическое влияние евреев в США очень велико и продолжает расти в связи с эмиграцией из России, что общественное мнение страны под впечатлением таких ужасных событий, как кишиневский погром, настроено не в пользу России, а изменить положение может только разрешение

правительством еврейского вопроса. Сам Витте хорошо это понимал, но что он мог реально сделать? Только по возможности сгладить проблему и, продемонстрировав понимание вопроса, привлечь на свою сторону общественное мнение Америки. Кроме того, важно было установить деловые контакты с банкирами, ведь Витте думал и о будущих займах, которые скоро понадобятся стране.

Пребывание в США, несмотря на напряженные дипломатические переговоры, прагматик Витте использовал и для того, чтобы прозондировать американский финансовый рынок. Он встречается со многими ведущими финансистами, в частности с Джоном Морганом, который заявил о готовности принять участие в большом международном займе для России. Витте немедленно телеграфировал об этом министру финансов В. Н. Коковцову: «Скоро Америка сделается главнейшим банкиром мира. России необходимо водвориться на американском рынке, дабы приобрести большую свободу действий».

В переговорах с Морганом речь шла о необходимости «приучить американскую публику к русским фондам». Витте понимал, что такая задача могла быть решена только при условии расположенности к России американской общественности. И он очень старался этого добиться, используя мирную конференцию как арену.

Среди историков уже достаточно прочно утвердилось мнение, что избранная Витте тактика поведения в Портсмуте принесла ожидаемые плоды: американское общественное мнение стало склоняться в пользу России, и президент Рузвельт вынужден был принять это во внимание, продолжая по-прежнему сочувствовать Японии. Рузвельт не изменил своего личного отношения ни к России, ни к Витте, хотя известно, что уже при первых свиданиях тот произвел на него большое впечатление и президент назвал Витте «блестящим малым».

Однако впечатление это было двойственным, о чем Рузвельт писал своему другу Спринг-Райсу, первому секретарю английского посольства в Петербурге. Рузвельта поразила «вольность», с которой Витте говорил о «неисправимой природе» российского абсолютизма. То, что Витте понимал необходимость реформ в России, отсутствие в нем доктринерства импонировало Рузвельту, но Витте показался ему человеком «чрезвычайно циничным, неискренним и беспринципным».

«Я и прежде был настроен прояпонски, – писал Рузвельт 20 августа 1905 года, – но опыт общения с уполномоченными на мирной конференции сделал меня еще более прояпонски настроенным, чем прежде».

Для Витте отношение к нему американского президента не было секретом ни в ходе конференции, ни тем более после нее. «Что г. Рузвельт во время нашего столкновения впредь до моего приезда в Америку гораздо больше симпатизировал и помогал (займами) Японии, нежели России, – это, несомненно, – писал Витте американскому журналисту Г. Бернштейну в июле 1912 года. – Такое положение затрудняло и без того весьма трудную мою задачу. Но г. Рузвельта я в этом нисколько не виню. Президент Рузвельт выражал то настроение, в котором в

*Участники переговоров
в Портсмуте
(С. Витте, Р. Розен, Т. Рузвельт,
Д. Комура, Г. Такахира)*

то время находилась Америка. Америка снабжала Японию деньгами, и Америка более склонялась к Японии, нежели к России. Одной из причин такого положения дела был еврейский вопрос». В другом письме Бернштейну в 1913 году Витте пишет: «Во время переговоров моих ко мне относились корректно, а к Комуре дружески. Меня были не прочь провести, если бы я был склонен заблуждаться...»

Такова была обстановка, в которой Витте и членам русской делегации пришлось начинать трудные переговоры с японцами.

АКТЕР НА БОЛЬШОЙ СЦЕНЕ

Портсмут в начале XX века представлял собой небольшой городок возле военной гавани, в его адмиралтейском дворце и должны были состояться переговоры. Поселили делегации в местной гостинице для небогатых людей. Витте пишет в «Воспоминаниях», что ему, как главному уполномоченному русского императора, были предоставлены две маленькие комнатки и что кормили ужасно плохо: «Все было крайне обильно, но не свежо и не здорово. Через несколько дней я заболел, поставил себя на диету и держался ее все время пребывания в Портсмуте».

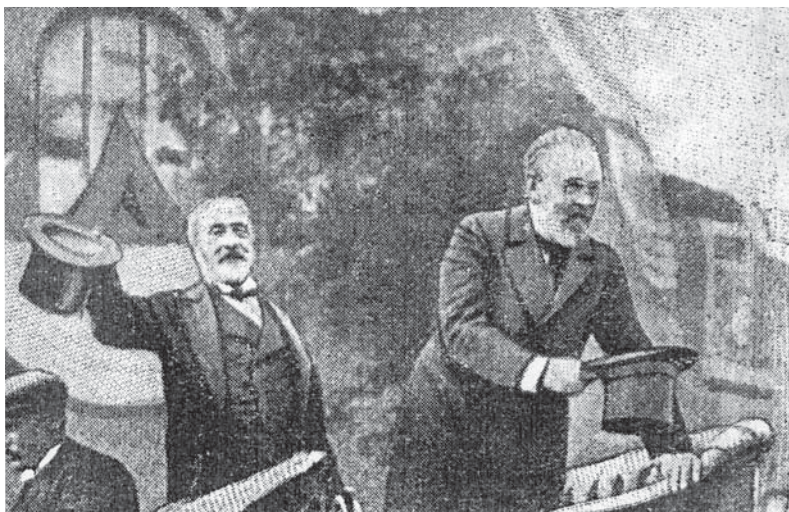
«Конечно, первая встреча с японцами, — отмечает Витте, — была очень тягостна в смысле нравственном, потому что как бы то ни было, а все-таки я являлся представителем хотя и величайшей страны света, но в данном случае на войне побитой».

Главой японской делегации был Д. Комура, которого Витте знал по Петербургу, когда тот был посланником в России. Рядом руководители делегаций выглядели весьма контрастно и даже символично: огромный Витте и маленький, тщедушный Комура.

На другой день после приезда, а именно 27 июля, начались заседания конференции. «Мучительное и тяжелое время! — восклицает Витте. — Японцы держали себя на конференции сухо, но корректно, только часто прерывали заседания, чтобы посоветоваться. В течение всех переговоров на конференции говорили только я и Комура, вторые уполномоченные говорили весьма редко и весьма мало. Я все время выражал свои суждения так, что однажды вызвал у Комуры восклицание: “Вы говорите постоянно так, как победитель”. На это я ему ответил: “Здесь нет победителей, а потому нет и побежденных”».

Витте своей активностью и изобретательностью оказывал сильное давление на противника. Чего стоило, например, его знаменитое предложение в начале работы конференции, чтобы на всех заседаниях присутствовали те корреспонденты газет, какие пожелают.

Историк Е. В. Тарле, который находился во время портсмутских переговоров в Париже и внимательно следил как за французской, так и за английской и американской печатью, описывает то колоссальное впечатление, которое произвело на весь мир это изумительное по своему широчайшему, неслыханному либерализму заявление главы русской делегации. То был хитрый, тщательно обдуманный ход, так сказать, домашняя заготовка Витте-актера, причем играл он в данном случае без всякого риска, так как твердо знал, что японцы все равно ни за что не согласятся на ведение переговоров в присутствии прессы. Так ведь Витте и сам ни за что не стал бы вести переговоры при подобных условиях! Но почему бы ему с самого начала не обнаружить перед прессой свое расположение и теплое к ней отношение, если он наперед

Барон Розен и С. Ю. Витте

знал, что за отказ бранить будут не его, а японцев? Так он начал создавать вокруг переговоров благоприятную атмосферу, которая стала его союзником в труднейшей партии.

Можно сказать, что Витте вел игру на двух площадках. Первая – само место переговоров за закрытыми дверями, вторая – открытые страницы американской и европейской печати, на

которых глава русской делегации формировал с помощью журналистов выгодное общественное мнение. Он откровенно играл на публику.

Русский дипломат вообще вел себя неслыханно для европейского политика эпохи закрытой дипломатии. Он ездил по бедным кварталам Нью-Йорка и целовал детишек, жал руки машинистам возивших его поездов, газеты ежедневно разносили известия о том, как Витте запросто разговаривает с прислугой, что он со всеми вообще обращается как равный с равными, беспрепятственно позволяет себя фотографировать, побывал в англиканской церкви и т. п.

В таком же духе он действовал в течение всего пребывания в США. «Я был ежеминутно на виду, как актер на большой сцене», — вспоминает Витте. Его свита впоследствии не скрывала своего восторга перед ловкостью и обдуманностью всех его шагов, которые породили симпатии к русской делегации у американцев.

Нельзя сказать, что игра на публику была органична для Витте, в России он к этому не прибегал — не было нужды. «Такое мое поведение налагало на меня, в особенности по непривычке, большую тяжесть», — признавался Витте. Благоприятному повороту общественного мнения способствовало и поведение японских уполномоченных — их скрытность и стремление уединиться. В то время как глава японской делегации Комура никого не пускал к себе на порог, Витте, явно либеральничая с прессой, охотно давал интервью, ловко отвечал на острые вопросы, своей открытостью и демократичностью завоевав немало сторонников.

Американская журналистка Элеонора Амс получила личную аудиенцию у главы русской делегации и эмоционально описывала свои впечатления от встречи: «Витте колоссального роста, у него глубокие голубые глаза под тяжелыми седыми ресницами. Волосы и борода седые, с рыжеватым оттенком... Массивная фигура, в которой так удивительно сочетались благородство и сила. Принял он очень любезно...»

Корреспонденту газеты «Таймс» Джорджу Смолли российский уполномоченный поначалу казался добродушным русским барином исполинского роста. Затем, после нескольких встреч, до него дошло, что и сам он, и его коллеги держат русскую сторону. «По миновании недели, — вспоминал позже Смолли, — когда я собрал отправленные телеграфные сообщения и внимательно перечитал их, я был совершенно поражен, как полно, ясно и стройно

выставлены были и разработаны разные стороны возможных и вероятных русских доказательств. Тут только я начал понимать, каким великим артистом выступал перед нами граф Витте и с каким изощренным мастерством отдельные небрежные мазки его кисти даже и на этой начальной стадии переговоров группировались и объединялись в общую картину».

Любопытно, что японские делегаты к концу переговоров стали с беспокойством отмечать результаты продуманной комедии, которую так мастерски на глазах всего света демонстрировал их противник. Тогда они перестали гнать от себя корреспондентов, появились в воскресенье в церкви, пустились «искать популярность». У них, замкнутых, сдержанных, решительно ничего не получилось, хотя они и старались по мере сил подражать Витте. «Образец оказался недостижимым, да и хватились они слишком поздно», – пишет Тарле.

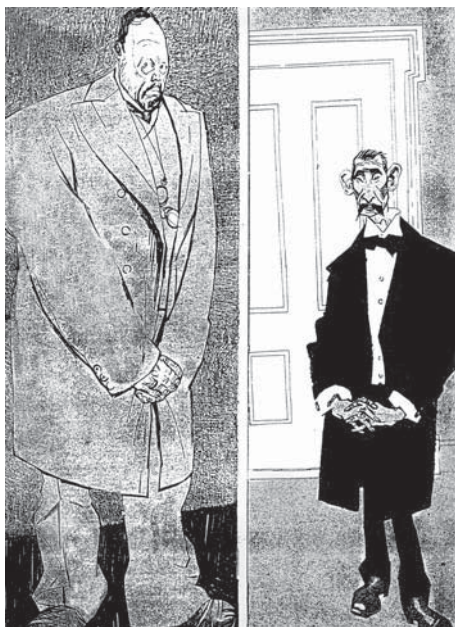
Чтобы развеять отрицательное отношение прессы к российскому самодержавию, которое нередко проявлялось, русская делегация использовала и расовые предрассудки американцев. Во всех заявлениях и интервью членов делегации сквозила мысль, что конфликт на Дальнем Востоке – это столкновение христиан с язычниками-азиатами. Барон Розен вспоминал, как незадолго до окончания переговоров один из американских журналистов сказал ему, что раньше 90% его коллег были настроены про-японски и антирусски, но теперь это соотношение изменилось на противоположное. Розен спросил, не правда ли, что столь резкая перемена произошла из-за того, что журналисты осознали один непреложный факт: русские и американцы, что бы их ни разделяло, прежде всего – белые. «Вы попали в точку», – признался его собеседник.

Вместе с тем успешное воздействие на общественное мнение страны-посредника еще не обеспечивало успеха всей миссии. Главным были переговоры с японской делегацией.

А тщедушный японец Комура сразу же напомнил, кто представлял победителей, а кто побежденных, когда вручил список из двенадцати требований. Японцы требовали смириться с безраздельной гегемонией Японии в Корее и эвакуировать русские войска из Маньчжурии, предлагали не противиться действиям китайского правительства в этом регионе, заявили претензию на Сахалин. Особо ценной добычей являлись железные дороги, которые с такими трудами строил Витте. Комура предложил сле-

дующую схему раздела: Японии переходит ветка от Порт-Артура до Харбина, Россия оставляет за собой КВЖД при условии, что дорога будет использоваться только в мирных целях. В качестве победительницы Япония требовала заплатить ей контрибуцию и передать военные корабли, интернированные в нейтральных портах. Россия должна была ограничить свои морские силы на Дальнем Востоке. Наконец, Япония потребовала неограниченных прав на рыбную ловлю у берегов России.

Витте, конечно, высказал возмущение по поводу непомерных притязаний японской стороны, но его патриотический гнев был несколько наигранным и предназначался в основном для Петербурга. Оценивая требования, включенные в японский список, он исходил из реального положения дел.

*«Победители».
Карикатура в немецкой
газете 1905 года*

Как пишет Е. В. Тарле, Витте вел переговоры с таким искусством, что профессиональные дипломаты после завершения переговоров еще долго высказывали свое восхищение. Он уступил сразу по вопросам, по которым не мог не уступить: отдал Японии Квантунский полуостров и Корею, и без того уже ею за-

нятые; но русская делегация признала неприемлемыми требования по Сахалину, уплате контрибуции, передаче интернированных кораблей и ограничению своих военно-морских сил. Витте телеграфировал в Петербург, что японцы вряд ли отступят от своего ультиматума, следовательно, русской делегации переговоры нужны, только чтобы выиграть в глазах общественного мнения.

Витте все время вел в Портсмуте опасную игру: он ведь знал, что продолжение войны для России чревато новыми тяжчайшими катастрофами. Нужно было, таким образом, прикидываться, будто Россия несколько не заинтересована в заключении мира, в то же время не очень натягивать эту струну и ни в коем случае не допустить, чтобы переговоры были прерваны. Витте вел эту трудную игру с вдохновением прирожденного великого актера. И настроение его было не столь пессимистично, как можно было представить по депешам в Министерство иностранных дел. Он даже развивал перед членами своей делегации идею будущего русско-японского союза. «Вообразите, – говорил Витте, – что в Китае начнется новое восстание. Разве не понадобится помощь японцев для защиты КВЖД?»

Вполне в духе Витте, привыкшего к самостоятельности, было решение продолжить переговоры, не ожидая одобрения Петербурга. Он объяснил своим помощникам, что, пока различные ведомства подготовят и согласуют заключение, пройдет не менее двух недель. Поэтому первый уполномоченный передал другой стороне собственный ответ, безусловно отвергавший ряд пунктов японского плана мирного урегулирования.

Вместе с тем Витте дал понять, что не желает срывать переговоров и готов немедленно приступить к обсуждению разногласий. Как оказалось, он торопился не зря. Через несколько дней из Петербурга пришла инструкция, отвергавшая еще два пункта японского проекта. Николай II не желал признавать захват Южной ветки КВЖД и категорически не соглашался с какими бы то ни было ограничениями основной дороги. Но поправки царя запоздали – переговоры уже начались.

Участники переговоров рассматривали каждую статью проекта отдельно. Когда возникали разногласия, переходили к следующей, а потом возвращались к прежней. На втором и третьем заседаниях (30 июля и 1 августа) были согласованы статьи о Корее, обсуждался порядок эвакуации войск из Маньчжурии.

Эти вопросы были решены согласно японским требованиям и не вызывали возражений Петербурга, тем более что Япония также брала на себя обязательства отвести свои войска.

Статья о судьбе Сахалина обсуждалась на четвертом заседании (2 августа). Выявилось полное расхождение позиций. Комура заявил, что обладание Карафуто (о. Сахалин) есть вопрос жизни и смерти для Японии. Он произнес длинную речь, доказывая исконные права Японии на этот остров. Двести пятьдесят лет тому назад, утверждал Комура, на Карафуто уже существовали японские поселения, и императорские чиновники собирали подати. Русские же поселенцы появились значительно позднее. Японское национальное самолюбие никогда не сможет примириться с русской оккупацией, поэтому возвращение острова Японии явилось бы восстановлением исторической справедливости. Витте возражал. «Сахалин – это часовой у наших дверей, между тем Япония желала бы быть этим часовым у дверей соседа», – записал его слова в дневнике Коростовец.

После бесплодной многочасовой дискуссии участники переговоров перешли к статье о передаче Японии права на аренду Порт-Артура. Вначале русская делегация пыталась выторговать некоторые послабления, но затем Витте, словно компенсируя свою непреклонность в предыдущем пункте, согласился с японской формулировкой.

Шестое заседание (5 августа) было посвящено вопросам контрибуции и интернированным военным кораблям. Японцы оценили свои военные издержки в 1,2 миллиард иен. Витте несколько не оспаривал точности этих расчетов, но твердо отказывался отнести их за счет России. По поводу интернированных кораблей Комура сделал странное заявление, суть которого сводилась к тому, что японские крейсера давно могли бы захватить эти суда в нейтральных портах, но не стали этого делать только потому, что не хотели причинять ущерба иностранным государствам. Витте не преминул воспользоваться этим промахом, спросив, с каких пор международное право разрешает хозяйничать в чужих гаванях.

Русская делегация категорически отказалась ограничить военно-морские силы на Дальнем Востоке. А вопрос о морских промыслах не встретил возражений. Коростовец, секретарь Витте, заполнивший дневник переговоров, впоследствии сетовал, что его патрон считал промыслы второстепенным делом, а в составе

делегации не нашлось специалиста, который указал бы на огромное значение этого вопроса для Приморья.

В итоге сложилась следующая ситуация. Русская делегация отказалась удовлетворить наиболее важные требования японцев. Переговоры явно зашли в тупик. Витте готовил пути к отступлению, он сообщил министру финансов Коковцову, что нужно готовиться к продолжительной тяжелой войне, в связи с чем необходимо искать крупные займы. Как пишет Коростовец в дневнике, Витте заготовил черновик телеграммы царю о неудаче переговоров. «Тяжесть сознания в неуспехе моих стараний усиливается горькой мыслью, что, может быть, мои способности оказались недостаточны для достижения желанной цели», — говорилось в ней.

В действиях Витте были элементы игры. Главный уполномо-

С. Ю. Bumme. 1905

моченный публично демонстрировал, что переговоры на грани срыва. Он послал узнать расписание пароходов в Европу. Члены делегации взяли белье из прачечной. Все эти мелкие детали должны были убедить наблюдателей в серьезности намерений Витте. И Комура поддался на эту уловку.

На следующем заседании японская сторона заявила о готовности снять свои требования по ограничению военно-морских

сил России и отказаться от претензий на интернированные суда. Вопрос о Сахалине Комура предложил решить так: японцы отказываются от северной части острова, а русские должны заплатить за это контрибуцию.

Впервые за время переговоров в Портсмуте Витте запросил время для консультаций с Петербургом. В целом он, как и министр иностранных дел Ламздорф, был удовлетворен таким поворотом в переговорах. Но Николай II имел на сей счет совершенно иное мнение. Он написал на докладе Ламздорфа: «В сущности, японцы перетасовывают свои требования: отдача половины Сахалина и уплата такой огромной суммы за северную часть несколько не меняют моего основного взгляда – ни пяди земли, ни рубля контрибуции или возмещения военных издержек, что одно и то же. Значит, это неприемлемо».

Витте трудно было бы воздействовать на царя из Америки. Тем не менее он бомбардировал телеграммами влиятельных лиц в Петербурге, упрощая их склонить Николая II прислушаться к голосу разума. Судьба его посланий лишь доказывает, насколько неприязненными были отношения к Витте в высших кругах, сколько сановников мечтало, чтобы он сломал себе шею в трудном деле.

Так, Витте телеграфировал Коковцову, чтобы он вовлек председателя Государственного Совета Д. М. Сольского и обер-прокурора К. П. Победоносцева, но эти «мудрейшие государственные деятели», как называл их Витте, не захотели ввязываться. Витте обратился к своему оппоненту – Д. Ф. Трепову, рассчитывая на его придворные связи, но тот отказался даже передать его слова царю.

Пытался воздействовать на Николая II и американский президент Т. Рузвельт, который как посредник был заинтересован в успехе переговоров. Он считал последние предложения Комуры реалистичными и в личном послании царю выражал искреннее удивление, что японцы вообще согласились что-то уступить.

По поручению Рузвельта посол США в России Дж. Мейер испросил аудиенцию у Николая II. Посол предлагал различные варианты уплаты контрибуции, причем обращался трижды. Его настойчивость была принята за американскую бестактность. «Я не думаю, – говорил Витте одному из журналистов, – чтобы его императорское величество, мой повелитель, был приучен к тому, чтобы его трижды переспрашивали, действительно ли он думает то, что высказывает».

В ответ на запросы Рузвельта Витте и барон Розен отвечали, что они не могут изменить мнение царя о контрибуции. Надо заметить, что Витте был столь же непреклонен в данном вопросе, хотя и не показывал это. В то же время он готов был примириться с территориальными уступками, о чем, правда завуалированно, говорил членам делегации.

Для того чтобы заставить японцев отказаться от контрибуции, которую даже Рузвельт считал совершенно неизбежной и даже справедливой, опять был сделан ловкий ход: в разгар прений Витте спросил у Комуры, готова ли Япония отказаться от контрибуции, если Россия согласится на прочие их требования. Комура ответил отрицательно (очевидно, не желая «продешевить»), и Витте воспользовался этим как аргументом: японцы, мол, намерены продолжить кровопролитие из-за денег. Это крайне ослабило их позиции морально, после того как Витте «случайно» проговорился на одной из бесчисленных пресс-конференций.

Что касается вопроса о Сахалине, то, похоже, американскому послу Дж. Майеру все же удалось поколебать Николая II. Остров был включен в состав империи всего лишь за тридцать лет до переговоров в Портсмуте и имел в глазах многих репутацию каторжного. О богатствах Сахалина тогда никто не подозревал. Витте к тому же учитывал и реальное положение дел. Признание или непризнание за японцами права на южную половину острова не имело значения, поскольку японские войска уже захватили его значительную часть. Витте располагал заключением военных о том, что ввиду полного господства вражеского флота на море невозможно остановить дальнейшее продвижение японцев. Отказ отдать часть неизбежно привел бы к потере целого.

В «Воспоминаниях» Витте утверждает, что решение об уступке Южного Сахалина было принято царем, хотя документально это нигде не подтверждено. Есть лишь информация, что Николай II нехотя одобрил подготовленный американским послом меморандум, в котором признавалась возможность раздела Сахалина. До Витте эти сведения дошли через Коковцова, который конфиденциально ему сообщил, что во время очередного доклада государь прямо ему сказал, что готов уступить южную половину Сахалина, но «ни в коем случае не согласен на выкуп северной, ибо, по его словам, всякий молодец поймет, что это контрибуция».

Опираясь на эти шаткие, полученные косвенным путем указания было очень рискованно, но Витте решил использовать этот

шанс. Он объявил японцам, что отказ от Южного Сахалина – последняя уступка России. Когда же Николаю II доложили об этом, он потребовал прекратить переговоры, заявив, что предпочитает продолжать войну, нежели дожидаться милостивых уступок со стороны Японии. Витте в самых верноподданнических выражениях ответил, что русской делегации невыгодно прерывать переговоры по своей инициативе – пусть это сделают японцы, и тогда общественное мнение будет обвинять их в продолжении войны.

Переговоры в Портсмуте достигли критической точки. Японская делегация попросила отсрочку. Завоевав симпатии американцев, Витте заставил и политиков изменить ориентировки. Но главное, что сторонникам Японии, США и Англии, стала уже не нужна дальнейшая русско-японская война. Достигнутая степень ослабления России на Дальнем Востоке казалась Рузвельту достаточной, а король Эдуард VII уже определенно думал о «возвращении России в Европу», о включении ее в Антанту. При этих обстоятельствах финансовая почва для продолжения войны становилась для Японии более шаткой, ведь займы-то давали американские банкиры. И Комуре приходилось все это учитывать.

Как следует из «Воспоминаний», в ночь перед окончательным ответом Витте не мог уснуть, бесконечное число раз возвращаясь к мысли о предстоящем исходе переговоров. «С одной стороны, разум и совесть мне говорили: “Какой будет счастливый день, если завтра я подпишу мир”, а с другой стороны, мне внутренний голос подсказывал: “Но ты будешь гораздо счастливее, если судьба отведет твою руку от Портсмутского мира, на тебя все свалят, ибо сознаться в своих грехах, своих преступлениях перед отечеством и Богом никто не захочет, и даже русский царь, а в особенности Николай”. Я провел ночь в какой-то усталости, в кошмаре, в рыдании и молитве», – пишет Витте.

Утром 16 августа 1905 года делегации встретились в зале заседания. Комура предложил встречу наедине. Члены обеих делегаций в тягостном молчании ожидали результатов совещания первых уполномоченных. По словам И. Я. Коростовца, «часов в одиннадцать Витте вышел из зала совещания; он был красен и улыбался. Остановившись среди комнаты, он провозгласил: “Ну, господа, поздравляю, японцы уступили во всем!” Слова эти, произнесенные взволнованным голосом, прорвали плотину светских условностей. Мы окружили Витте, задавая вопросы, перебивая друг друга и пожимая ему руки. Даже Розен расчувствовался и,

утратив обычное хладнокровие, с улыбкой повторял: “Молодец, Сергей Юльевич!”».

«Мир состоялся, последовали пушечные выстрелы. Из адмиралтейства я поехал с моими сотрудниками в церковь, – вспоминает Витте. – Я никогда не молился так горячо, как тогда... Не желаю никому пережить то, что я пережил в последние дни в Портсмуте. Это было особенно тяжело потому, что я уже тогда был совсем болен, а между тем должен был все время быть на виду и играть роль торжествующего актера».

Известие о заключении мирного договора в тот же день облетело весь мир. Оно было с ликованием встречено в русской армии, измученной неудачными сражениями в Маньчжурии. Никто не ожидал такого благоприятного исхода, по сути, это была первая

*Подписание мирного договора с Японией 10 августа 1905 года.
Внизу – автограф Витте*

русская победа после годовой войны и сплошных наших поражений. «Меня повсюду возили и поздравляли», – продолжает Витте. В Портсмуте и Нью-Йорке огромные толпы людей приветствовали его и членов русской делегации как победителей, восторженные поздравления и приветствия в адрес Рузвельта и Витте печатались в американских газетах. Исключение составила лишь «траурная» телеграмма известного писателя Марка Твена. Смысл ее заключался в том, что Витте спас царский режим от поражения

и это задержит освобождение русского народа «от вредного и невыносимого рабства».

Что касается реакции в высших кругах Петербурга, то она была более чем сдержанной. Многие ожидали, что Витте провалится. «Государь, получив мою телеграмму о заключении мира, видимо, не знал, как ему к этому отнестись, но когда он начал получать от всех монархов самые горячие и искренние поздравления... то он укрепился в сознании, что то, что сделано, – сделано хорошо, и только тогда он послал мне благодарственную телеграмму».

Действительно, поздравления сыпались со всех концов мира, руководители государств поздравляли Николая II с благополучным разрешением дальневосточного конфликта и выражали восхищение русскими дипломатами, сумевшими обуздать притязания японцев. Царь по зрелом размышлении не мог не понять, что охваченной внутренними смутами империи был необходим этот мир. Позже придворный историк С. С. Ольденбург хотя и приписывал Николаю II весь успех портсмутских переговоров, но вынужден был признать, что если бы в России не было тогда «пораженца» Витте, государь, вероятно, продолжал бы войну. Неизвестно, удалось бы ему дотянуть до победы при начинающемся тогда внутреннем развале, или революция восторжествовала бы уже тогда и для ее усмирения верных войск не хватило бы.

Витте, по сути, выиграл труднейшую битву за столом переговоров, во многом компенсировав политические потери России из-за военных поражений на Дальнем Востоке.

Как пишет академик Тарле, способности больших дипломатов развертываются в полном блеске, конечно, в ликвидации «несчастливых» войн, а не в использовании результатов войн «счастливых», хотя и для такого использования часто требуются большие интеллектуальные усилия.

Истинный патриотизм Витте-дипломата, проявленный в Портсмуте, можно сравнить с патриотизмом французского дипломата князя Талейрана в Вене в 1814 году, когда разгромленная Франция предстала перед странами-победителями и дипломат в труднейшей ситуации смог с достоинством отстоять лицо страны. Подобных примеров мало в истории мировой дипломатии.

Незавидной была участь главы японской делегации Дзютаро Комуры. Когда в Японии стали известны мирные условия, в Токио вспыхнула смута. Комура, вернувшись в Японию, был вы-

нужден покинуть пост министра иностранных дел и удалиться на покой. Правда, в 1908–1911 годах он вновь занимал пост главы японского МИДа – значит, это был не худший из японский дипломатов.

Эти переговоры были во многом личным состязанием двух руководителей делегаций. Перед Витте стояла архисложная задача: как при плохих картах, без козырей, выиграть партию у опытного противника. Для этого нужно быть высококлассным игроком, тонким психологом, уметь блефовать, использовать внешние факторы.

«Витте был актером в страшно трудной пьесе, – пишет академик Тарле, – но разыграл он ее так блистательно...» Переговоры протекали драматично, превратились в тяжелую работу, требовавшую огромного нервного напряжения. Большие уступки японцев нелегко дались, не раз переговоры были на грани срыва. Витте прекрасно понимал, что при продолжении войны Россию ждут военная катастрофа и свержение монархии. Но интуитивно он чувствовал, что разрыва не будет, что японская сторона уступит. И когда 16 августа 1905 года Комура окончательно уступил, то в американской прессе Витте был назван «королем дипломатов».

Он использовал личное превосходство в воле и интеллекте, при этом подчас занимался демагогией, откровенно манипулировал соперником, что с этической точки зрения, конечно, может быть осуждено. Но Сергей Юльевич, как обычно, действовал по принципу «цель оправдывает средства», ему нужен был результат – уберечь Россию от тяжелых последствий бездарно проигранной войны, и он сделал все, что мог, в общем, не слишком выходя за рамки тогдашних политических нравов.

Портсмутский мир, несомненно, самый яркий эпизод деятельности Витте-дипломата. Но и других, менее известных, но не менее трудных, было немало. В истории русской дипломатии Витте занимает особое место, хотя среди историков дипломатии отношение к нему до сих пор остается неоднозначным. Он был противником грубых методов в политике, противником военных авантур, считал, что имперских целей можно достигать иными путями.

В «Воспоминаниях» он пишет: «Российская империя, в сущности, была военная империя; ничем иным она особенно не выдавалась в глазах иностранцев. Ей отвели большое место и почет не за что иное, как за силу. Вот именно поэтому, когда безумно затеянная и мальчишески веденная Японская война показала, что, однако же,

сила-то совсем не велика, Россия неизбежно должна была скатиться (даст бог, временно), русское население должно было испытать чувство отчаянного, граничащего с помешательством разочарования, а все наши враги должны были возликовать».

Трудности Витте связаны с тем, что враги были не только внешние, но и внутренние. В самой России всегда находились сторонники войны, которые надеялись на провал переговоров, чтобы продолжить ее до победного конца, и просто личные «доброжелатели», которым было важно устранить политического противника. «Недаром, – пишет Витте, – мои враги говорили, когда я поехал в Портсмут: “Мы его в костер бросили!”».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ

Крайне измотанный и больной возвращался Витте с членами делегации из Америки в Европу. Он уже сложил с себя обязанности главного уполномоченного и надеялся несколько месяцев отдохнуть с дочерью и внуком в Брюсселе. Он пишет: «У меня было какое-то предчувствие, что если я приеду в Петербург, то меня снова “бросят в костер”».

В Париже, куда Витте прибыл 6 сентября, он встретился с премьер-министром Рувье, который после поздравлений стал сетовать, что конфликт между Францией и Германией по марокканскому вопросу разрастается и что поэтому русский заем во Франции становится невозможным. Витте знал, что Россия после войны с Японией крайне нуждается в этом займе, потому ему пришлось волей-неволей откликнуться на просьбу французского премьера и взять на себя роль посредника в разрешении конфликта. В Париже Витте ждало письмо из Петербурга, в котором сообщалось, что Николай желает его скорого возвращения. О Брюсселе пришлось забыть. По дороге домой была остановка в Берлине, где Витте по высочайшему повелению встретился с императором Вильгельмом.

Германский император принял Витте в своем охотничьем замке Роминтерн, был очень любезен и обходителен, подарил гостю свой портрет и даже наградил орденом Красного орла – редкой наградой, которая обычно дается только членам царствующих домов. В завершение встречи Вильгельм II лично проводил Витте до

поезда, что было неслыханным знаком внимания. Сии монаршие милости озадачили Витте, и только по прибытии в Петербург он смог разобраться в их причинах.

Еще по дороге, в Пскове, Витте получил телеграмму Николая II из Бьорке в финляндских шхерах, где отдыхала царская семья. «Приветствую Вас с возвращением из Вашингтона после блестяще выполненного Вами Моего поручения первостепенной государственной важности. Приглашаю Вас прибыть ко мне в пятницу в Бьорке Зунд на яхту “Полярная Звезда”».

15 сентября 1905 года. Николай».

16 сентября Витте прибыл в Петербург. Несмотря на утренний час, на вокзале собралось много знакомых и незнакомых людей. «Толпа была большая, – пишет Витте, – и я с трудом про-

*Граф С. Ю. Витте
в парадном мундире*

брался до моего автомобиля. Кто-то вышел из толпы и сказал мне приветственную речь, превознося мою заслугу, оказанную родине Портсмутским миром... Мои знакомые после сердечного поздравления с миром почти все говорили одно и то же: “Сергей Юльевич, у нас плохо, вы избавили Россию от пролития крови в Маньчжурии, избавьте от пролития крови у нас внутри. Все бурлит”». Таким образом, с первого часа пребывания в столице Витте смог

почувствовать надвигающуюся грозу. Первые визиты и общение с сановниками подтвердили опасения. Когда Витте сообщил графу Сольскому, что хочет уехать на несколько месяцев за границу отдохнуть, тот разрыдался: «Ну, езжайте, а мы погибнем!».

На следующий день Витте отбыл в финляндские шхеры, где состоялась его встреча с царем. «Государь меня принял у себя в каюте, сердечно и искренне благодарил за успешное окончание крайне тяжелого поручения, им мне данного. За такую мою услугу, оказанную ему и России, он меня возводит в графское достоинство. Признаюсь, такая экстраординарная награда меня тронула и, главное, та сердечность, с которой государь объявил мне об этой милости, я его весьма благодарил и целовал ему руку».

Герб графа С. Ю. Витте

Это отличие чрезвычайно польстило Витте: по свидетельству современников, он щеголял новым титулом к месту и не к месту, упивался обращением «ваше сиятельство», называл жену не иначе как «графиня». Было срочно заказано художнику изготовление графского герба. У настоящих аристократов поведение новоиспеченного графа вызывало усмешку. Князь С. Д. Урусов вспоминал в своих записках: «...он, как мне казалось, считал по-

лучение графского титула многозначительным фактом, сильно повысившим его удельный вес, старался приобрести “графские манеры” и усвоить какие-то “графские” словечки и обороты речи». Эти маленькие слабости говорили, насколько сохранялись предрассудки феодальной эпохи в сознании даже самых ученых и самостоятельных людей. Впрочем, недоброжелатели Витте быстро подпортили ему настроение, обозвав его «графом Полусахалинским».

Судя по «Воспоминаниям» Витте, на встрече с Николаем II был затронут и вопрос о договоре двух императоров, который состоялся там же, в Бьорке, прошедшим летом: «...государь мне сказал, что он получил от императора Вильгельма письмо, в котором германский император восторженно обо мне отзывается. Он мне сказал, что он, государь, очень рад, что я разделяю те идеи, которые были положены в соглашение его с императором Вильгельмом в Бьорках. Я сказал государю, что я был всегда сторонником союза Франции, Германии и России, на что его величество ответил, что ему это известно...»

Сущность всех этих реверансов обоих монархов в отношении Витте проявилась при встрече его с министром иностранных дел В. Н. Ламздорфом, когда тот дал прочитать текст соглашения, подписанного в Бьорке. Суть документа заключалась в том, что Россия обязывалась защищать Германию в случае войны с Францией, с которой был заключен союз. Витте был крайне возмущен. «Ведь такой договор бесчестен по отношению к Франции, ведь по одному этому он невозможен... необходимо уничтожить этот договор», — описывал он свой разговор с Ламздорфом в «Воспоминаниях». Стало ясно, что Николай в очередной раз допустил большую глупость, явно поддавшись на уговоры Вильгельма. Оба монарха прекрасно понимали, какие последствия для Европы может иметь подписанный (даже втайне от русского министра иностранных дел) договор, но милитарист Вильгельм шел явно напролом и использовал в своих целях царя. Понимали оба также, что этот документ не может не вызвать серьезных возражений у царских министров, поэтому и старались так умаслить Витте, видя в нем главного оппонента.

И надо сказать, они не ошиблись. Именно Витте удалось консолидировать всех разумных и ответственных людей в правительстве и, в конечном итоге, заставить Николая аннулировать

безумный договор. После этого, естественно, Витте стал личным врагом германского императора Вильгельма II.

Когда появился указ о возведении в графское достоинство, Витте, по его собственному выражению, «возбудил все мерзкие страсти в болоте русского правящего класса». Все левые остались недовольны тем, что мир в Портсмуте не был так позорен, как вся война, а потому старались в прессе умалить значение Витте в этом деле, для чего приписывали всю честь этого акта Рузвельту. Крайне правые газеты, которые постоянно натравливали Россию на Японию, начали кричать: не следовало заключать мир – если бы мы продолжали войну, то победили бы! Витте называли изменником за то, что он обманул государя и заключил мир помимо его желания.

С течением времени, как и следовало ожидать, упреки по поводу Портсмутского мира высказывались все чаще и чаще. Даже те, кто в первые дни был вне себя от радости, стали говорить, что мир заключен поспешно. Тон этот был весьма на руку, «в особенности для главных виновников нашего военного позора – генерала Куропаткина “с душой штабного писаря”, и старой лисицы, никогда не забывающего своих материальных выгод, генерала Линевича», – пишет Витте.

Он вспоминает, что за все время переговоров не получил ни одного слова от главнокомандующего Линевича, а ведь армия стояла в бездействии после Мукдена уже около полугода. «Я не возбуждал вопроса о перемирии, приступив к мирным переговорам для того, чтобы не связывать главнокомандующего... И что же, оказал ли он мне силой какое бы то ним было содействие?! – Ни малейшего!» Известно, что любой, даже небольшой, военный успех – сильный дополнительный аргумент за стол переговоров.

Вернувшись в Петербург, Линеви́ч стал нашептывать направо и налево: «Вся беда в том, что Витте заключил мир: если бы он не заключил мира, я бы показал японцам!» Этот тон переняли и некоторые военные царедворцы, различные генерал-адъютанты, флигель-адъютанты, просто генералы и полковники, одним словом, военно-дворцовая челядь, которая делает свою военную карьеру, занимаясь дворцовыми кухнями, автомобилями, конюшнями, собаками и прочими служительскими занятиями. Как пишет Витте, «относительно пропаганды идеи, что мир был заключен несвоевременно, особенно отличилось “Новое

время» А. С. Суворина». Действительно, шовинистические настроения были свойственны даже интеллигенции.

А вот приветственное открытое письмо рабочих столицы наверняка порадовало Витте. «Мы, рабочие, – говорилось в нем, – приветствуем Вас, мирного победителя в Портсмуте, прекратившего кровопролитную бойню, которую не желал наш русский народ. Минувшая Русско-японская война была навязана нам бюрократией, которая не спросила и не выслушав русское население начала вести войну из-за своих корыстолюбивых замыслов... Злосчастная минувшая война принесла много бедствий нашей многострадальной родине, – если бы она продолжалась, то число жертв ее удвоилось бы. Вы положили конец этой кровавой бойне, Вы сумели заключить непозорный для России мир... И теперь окончание бесславной войны дало возможность русскому народу сосредоточить все свои силы на великом святом деле устроения правового порядка на месте царящего вокруг произвола и насилия».

Но то была особая часть рабочих. Подписал письмо председатель общества рабочих механических производств М. А. Ушаков. Как пишет Витте в «Воспоминаниях», он несколько раз принимал рабочего Ушакова с товарищами. Они в то время были рабочими-консерваторами, которые враждовали с рабочими-революционерами и анархистами, в лагере которых оказалось громадное большинство рабочих.

Переговоры в Портсмуте также стали предметом дискуссии в печати, и опять Витте активно предлагал свою версию событий, вновь действуя через нанятых журналистов. В 1911 году появилась книжка А. Морского (В. И. Штейна) «Разочарования в честном маклерстве: Т. Рузвельт и Портсмутские совещания», в которой утверждалось, что американский президент был не с Витте, а, скорее, против. Автор уличил Рузвельта в японофильстве, но, мол, Витте не оплошал, никаким увещаниям «честного маклера» не поддавался и сумел отстоять русские кровные интересы. Рузвельт заявил протест против такой трактовки его роли, и Витте отрекся от этой публикации. Позже инспирированность этой брошюры была признана в печати самим автором.

В начале 1913 года одна из американских газет напечатала сенсационное сообщение о том, что Рузвельт собирается выпустить в свет свои мемуары, в которых он предполагал включить письмо, якобы полученное им от японского императора во время

Русско-японской войны, с просьбой о посредничестве, ввиду истощенности боевых средств Японии и отсутствия у нее шансов на победу. Вслед за европейскими газетами это сообщение подхватили и русские. Противники Витте справа сейчас же стали повторять свои старые утверждения о том, что мира можно было и не заключать, что японцы Витте в Портсмуте провели, что русская армия была в состоянии нанести Японии поражение и т. п. Сам Рузвельт в «Таймс» 19 февраля 1913 года опроверг слухи о письме, заявив, что он его не получал, а если бы и получал, то не стал бы публиковать.

Академик Тарле пишет, что дальневосточная политика России была окончена не так, как желал ее окончить Витте в 1898–1903 годах, но так, как он оказался в силах ее окончить после долгой, тяжелой и безнадежно проигранной войны. Итог оказался плачевным, цели восточной политики не были достигнуты, Россия ослаблена, и Витте, видимо, понимал, что причиной провала были и его просчеты.

После дипломатического успеха в Портсмуте личный авторитет Витте сильно возрос, его стали воспринимать как ведущего политического деятеля России. Поэтому с ним пожелали встретиться и германский император Вильгельм II, и английский король Эдуард VII. Дело было ясное: Англия и Германия разделили Европу на два лагеря, каждая страна желала присоединить к своему лагерю Россию, хотя та была разбита и истощена войной и в ней нарастало революционное движение. Однако важно было обеспечить поддержку России в перспективном плане, к тому моменту, когда столкновение станет неизбежным.

Витте, по-видимому, ощущал ту же беспокойную подозрительность к обеим группировкам европейских держав, что и прежде. Его стародавней идеей было создание континентального блока из России, Франции и Германии, но у германского императора имелись на сей счет свои планы. Очень опасался Витте слишком тесного сближения с Англией, полагая, что она втянет Россию в войну с Германией, не поддерживал он и планов присоединения России к Антанте. Однако после окончательной отставки Витте потеряет возможность влиять на мировую политику. Отставка состоится в апреле 1906 года, а в сентябре 1905 года возвратившийся из Портсмута в Петербург Витте оказался в костре разгоравшейся революции.

Глава одиннадцатая

ТВОРЕЦ МАНИФЕСТА, ПЕРВЫЙ ПРЕМЬЕР

Манифест 17 октября 1905 года – важная веха в политической жизни России и вершина в государственном творчестве С. Ю. Витте. «На черном мраморе Александро-Невской лавры, прикрывающей Ваш прах, высечено золотом: “17 октября”. Так на плите Александра II могло быть высечено: “19 февраля”. Вы добились приравнения Вас к Великим реформаторам человечества», – это написано современником Витте – И. И. Колышко. Действительно, эта дата была выбита на надгробии по завещанию самого Сергея Юльевича – так сам он оценивал значение этого исторического документа и свои заслуги в его создании.

Витте считается автором манифеста, хотя его составлением занимался не он один. Октябрю 1905 года предшествовали годы нарастания кризиса и попыток спасти самодержавие путем политических маневров, в которых Витте играл не последнюю роль.

Вернувшись в Россию после успешного завершения переговоров в США, Витте застал страну в состоянии встревоженного улья. В Петербурге он встретил довольно прохладный прием, но тем не менее получил графский титул и, как считали в бюрократических верхах, нацелился на пост премьера в будущем кабинете. В дневнике А. А. Половцева 18 сентября 1905 года сделана запись: «Забавно видеть смятение разных здешних сфер по случаю скорого возвращения “Иуды”, увенчанного лаврами миротворца. Его менее чем когда-либо любят и более чем когда-либо опасаются, и в настоящую минуту придумываются всякие меры к его “обезвреживанию”».

Пока Витте отсутствовал, в стране произошел ряд политических подвижек: манифестом 6 августа (о «булыгинской» думе) была официально принята идея народного представительства. Получил дальнейшее развитие и вопрос об объединенном правительстве. Царя пугали тем, что, не учредив такое правительство, он придет к «великому бедствию» – сама царская власть окажет-

ся низведенной до участия в борьбе партий. Новый Совет министров должен был заменить собой не только старый, заседавший в редких случаях под председательством царя, но и Комитет министров, который возглавлял Витте.

Многие ожидали, что Витте будет огорчен приемом, обижен и подаст в отставку, но он поступил противоположным образом: продемонстрировал полную лояльность государю и сразу включился в работу. Первый свой визит Сергей Юльевич нанес Д. М. Сольскому, который получил разрешение царя включить его в состав своего совещания. 21 сентября Витте выступил на этом совещании с грозной речью, утверждая, что «враги правительства сплочены и организованны, что дело революции быстро продвигается».

Спасение он видел в создании кабинета министров, которые должны назначаться царем по рекомендации председателя (или первого министра) из лиц, согласных с «господствующим мнением председателя». Витте настойчиво требовал побыстрее покончить с вопросом о кабинете и представить дело царю не позднее 10 октября.

Все это происходило в дни стремительного нарастания революционных событий. Сентябрьская стачка московских рабочих, означавшая вступление в революционную борьбу крупнейшего промышленного района, в течение первых дней октября стала перерастать во всеобщую политическую стачку. 4 и 5 октября начались забастовки на крупнейших заводах Петербурга, остановили работу главные мастерские Николаевской железной дороги. Витте реагировал на этой новой речью – о том, что «нужно сильное правительство, чтобы бороться с анархией».

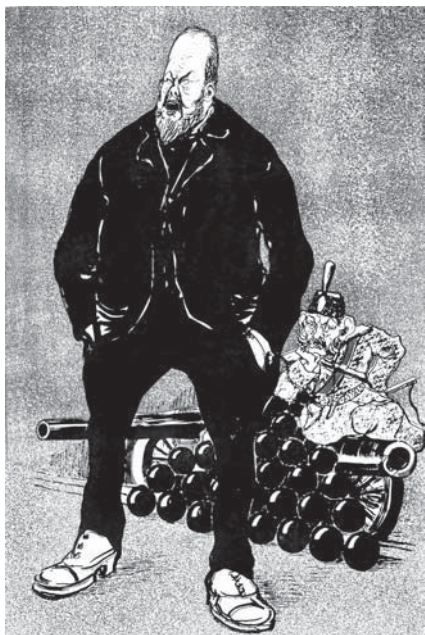
Осенью 1905 года царская семья, отрезанная всеобщей забастовкой, сидела в Петергофе, и единственным средством сообщения с Петербургом был пароход. «Хоть вплавь добирайся», – печально шутил царь. Казалось, вопрос о падении Николая предрешен. Плывший на пароходе к царю Витте слышал сочувственные слова гофмаршала Бенкендорфа: «Как трудно будет царской семье с пятью детьми искать пристанища у коронованных родственников Европы».

Витте предлагал скованному ужасом перед революцией царю выбор между военной диктатурой и собственными услугами в качестве премьера государства с конституцией. Царь вынужден был сделать выбор. Вот как описывал обстановку тех дней начальник канцелярии Министерства двора генерал А. А. Мосо-

лов: «Под влиянием непрерывных террористических актов и объявления всеобщей забастовки растерянность в правительственных кругах достигла высшей точки. Все признавали необходимость реформ, но почти никто не отдавал себе отчета, в чем они должны выразиться».

А Витте знал, и царь знал, что он знает, поэтому 9 октября и состоялось совещание, к которому Витте подготовил свою записку. Угрожая «ужасами русского бунта», он отметил растущее с каждым днем недовольство правительством («не исключая консервативных слоев») и сказал о необходимости предоставления гражданских свобод. Введение конституции, заявил Витте, никакой опасности для престола в действительности не представляет. Если еще недавно он называл конституцию «великой ложью», то в записке констатировал:

*Витте: «Я знаю, как спасти
Россию!»
Карикатура. 1905 года*

«Государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституционный. Это слово не должно пугать и быть под запретом».

Нет оснований считать, что Витте резко изменил свои взгляды и превратился в либерала, пусть даже самого умеренного толка. Прагматик Витте считал, что уступки привлекут на сторону прави-

тельства умеренные слои общества. Именно к этому моменту относится приписываемая Витте знаменитая фраза из обращения к Николаю II: «Прежде всего, постарайтесь водворить в лагере противника смуту. Бросьте кость, которая все пасти, на Вас направленные, направит на себя». В записке Витте предлагались реальные шаги по пути государственных преобразований. Наряду с уверениями, что полнота царской власти сохранится, говорилось о необходимости перехода к законодательному представительству (созыву Думы) и о неизбежности введения в будущем всеобщего избирательного права. В качестве срочных мер предлагалось создать объединенное министерство и преобразовать Государственный Совет. В рабочем вопросе: ввести нормирование рабочего дня, государственное страхование рабочих. Что касается аграрной политики, то с особой осторожностью была высказана мысль о возможности выкупа крестьянами части помещичьих и казенных земель.

Перед царем возникла альтернатива: либо принять программу Витте, либо силой подавить смуту во всех ее проявлениях, не останавливаясь перед кровопролитием, иначе говоря, установить диктатуру. Расчет Витте был беспроигрышным. Он знал, что сил для осуществления карательной политики нет и найти подходящего кандидата в военные диктаторы после проигранной войны вряд ли возможно.

При повторной встрече 10 октября Витте в присутствии царицы повторил сказанное накануне. Николай II высказался за опубликование «основания записки» в виде манифеста. Распространился слух, будто Витте посоветовал царю дать конституцию и брался провести это преобразование. По словам генерала Мосолова, «у всех отлегло на душе». Но затем стало известно, что царь вызвал к себе великого князя Николая Николаевича, находившегося в своем имении в Орловской губернии. Правые стали с восторгом уповать на него как на диктатора. Однако диктатор не появился.

Забастовка на железной дороге заставила великого князя добираться до столицы в товарном вагоне, испытывая крайние неудобства – не только физические, но и моральные: бастующие рабочие его обнаружили и, не церемонясь с царской особой, заявили, что требуют принять конституцию. Мосолов так описывает ситуацию: когда министр двора Фредерикс, обрадованный приездом Николая Николаевича, сказал ему, что его приезд ждали, чтобы назначить диктатором, великий князь, будучи в каком-то

неестественном возбуждении, выхватил револьвер и закричал: «Если государь не примет программы Витте и захочет назначить меня диктатором, я застрелюсь у него на глазах из этого самого револьвера». А грозный вал революции нарастал с каждым днем, о чем свидетельствуют и записи в дневнике А. В. Богданович, похожие на сводки с фронта:

«8 октября 1905 года. Сегодня началась забастовка железных дорог вокруг Москвы.

10 октября. Забастовала сегодня Николаевская железная дорога.

14 октября. Напечатано объявление Трепова относительно сборищ и беспорядков, что будут стрелять не жалея патронов. Завтра газеты не выйдут, наборщики снова забастовали. Витте был сегодня целое утро у царя, завтракал у него, затем опять занимался с царем. Завтра снова у него. Ожидают завтра или послезавтра объявления об учреждении кабинета министров.

15 октября. Забастовки продолжаются. Атмосфера очень душная.

16 октября. Забастовал Путиловский завод. Войска, патрули повсюду».

При этих обстоятельствах Витте так смотрел на манифест: «Лучше воспользоваться хотя и неудобной гаванью, но выждать бурю в гавани, нежели в бушующем океане на полугнилом корабле».

ПСИХОДРАМА МАНИФЕСТА

Критический для самодержавия момент стал звездным часом Витте. После 10 октября он был уверен, что царь примет его предложение, но тем не менее продолжал активно продвигать свой проект.

13 октября находившийся в Петергофе Николай II телеграфировал Витте: «Впредь до утверждения законопроекта о кабинете министров поручаю Вам объединить деятельность министров, которым ставлю целью восстановить порядок повсеместно. Только при спокойном течении государственной жизни возможна совместная созидательная работа правительства с имеющими быть свободно выбранными представителями народа моего».

Это уже было фактическим премьерством. Но Витте заявил, что не примет должности, если не будет утвержден его всеподданнейший доклад, который предназначен для публикации. В нем провозглашалось стремление к введению гражданских свобод, однако подчеркивалось, что «устроение правового порядка» – дело долгое, и вообще весь доклад был весьма умеренным.

Однако царь настаивал на манифесте, и тогда Витте поручил князю А. Д. Оболенскому за ночь составить черновой вариант текста. Утром 15 октября проект манифеста уже обсуждался – на пароходе, по дороге в Петергоф.

Между тем положение в стране было совершенно критическим. Петербург остался без уличного транспорта и железнодорожного сообщения даже с Петергофом, частично – без освещения и связи. Бастовали все: банки, почта, типографии, даже правительственная, так что важнейшие политические документы было негде печатать. Генерал-губернатор Трепов считал, что у него в Петербурге достаточно войск для подавления вооруженного восстания, но военный министр А. Ф. Редигер заявил, что находящиеся внутри страны войска ненадежны в целом.

А Витте, как и прежде, развивал свою мысль о двух путях борьбы с революцией, высказываясь за конституционный. Царь прервал заседание, приказав Витте представить текст манифеста. И началась изнурительная работа по доработке текста манифеста, принятого только 17 октября. Эти два исторических дня, наполненных невероятным напряжением и драматизмом, подробно описаны участником тех событий генералом Мосоловым в мемуарах «При дворе последнего императора».

Кроме проекта Витте–Оболенского, существовали варианты манифеста Горемыкина и барона Будберга. Шла отчаянная борьба, противники Витте пытались не допустить его до поста премьера. Однако их усилия оказались тщетны, позиции Витте были крепки, он мог даже позволить себе игнорировать придирки царя к тексту манифеста, заставив подписать его в целом. «Царь перешагнул через себя». Это произошло вечером 17 октября 1905 года.

Из дневника царя:

«17 октября. Завтракали Николаша и Стана. Сидели и разговаривали, ожидая приезда Витте. Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова сделалась тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и усьмири Россию».

А вот записи А. В. Богданович:

«17 октября. Оповещение, что завтра будет манифест о конституции и назначение Витте первым министром и министром внутренних дел.

18 октября. Опубликован манифест. Весь день толпы народа стоят на улицах с красными флагами. Настроение толпы скверное. Витте весь день принимал депутации, говорил с газетчиками. Ночью ожидают сильных беспорядков. Была стрельба».

День опубликования манифеста описан многими современниками, но весьма противоречиво. Некоторые, подобно генеральше Богданович, увидели скверное настроение толпы на улицах, другие, наоборот, – ликование и праздник. По воспоминаниям генерала Мосолова, Витте просил генерал-губернатора Петербурга Трепова дать инструкции полиции «не мешать народу ликовать

*Витте принуждает Николая II подписать манифест.
Карикатура. 1905 года*

по случаю манифеста о свободах». Атмосферу праздника изобразил И. Е. Репин на известной картине «17 октября 1905 года».

Известно, что либеральная интеллигенция приветствовала манифест, видя в нем провозглашение «коренных начал правового строя», первую конституцию, и расценила ее принятие как свою победу. Примечательно, что вскоре появилась даже политическая партия «октябристов» во главе с А. И. Гучковым («Союз 17 октя-

бря»). Некоторые правоведы считали, что после 17 октября самодержавный строй прекратил свое существование, другие – что манифест не внес принципиальных изменений в организацию государства.

Свидетель событий тех дней монархист В. Кобылин пишет в мемуарах: «Манифест вызвал двойные чувства: у революционных партий – продолжать борьбу с еще большим ожесточением, у широких масс – чувство радости, что пришел конец забастовкам и смуте. Появились демонстрации и с национальными, и с красными флагами, и дело доходило часто до драки. По всей России прокатились беспорядки, спровоцированные левыми кругами, а навстречу им антиреволюционные демонстрации как стихийное народное движение».

Отношение пролетарских масс и левых партий к «буржуазным свободам» было либо сдержанным, либо враждебным. Ленин характеризовал издание манифеста как первую победу буржуазной революции. Неудовлетворенность и напряжение в обществе сохранялись.

Записи в дневнике А. В. Богданович:

«19 октября. Беспорядки в Петербурге продолжаются.

20 октября. Указ Сенату насчет кабинета. Забастовки продолжаются. Неудовольствие, смута растут. По рассказам видно, что Витте не ожидал такого обострения, смущен. “Правительственное сообщение” приглашает жителей прийти на помощь правительству в деле успокоения».

Манифест родился в чрезвычайно смутной обстановке русской жизни. По мнению историка Б. Б. Глинского, «ни один год из всей русской истории не представляет собой такого запутанного клубка нитей разнообразных цветов, как именно последняя четверть 1905 года. Это клубок мы еще не скоро будем в состоянии размотать по составным частям».

«Одобрение моей программы Манифеста 17 октября, – пишет Витте, – отрезало мне возможность уклониться от поста председателя Совета министров, т. е. от того, чтобы взять на себя бразды правления в самый разгар революции. Таким образом, я очутился во главе власти, вопреки моему желанию. Конечно, я очутился у власти потому, что все другие симпатичные монаршему сердцу лица отпраздновали труса, уклонились от власти, боясь бомб и совершенно запутавшись в хаосе самых противоречивых мер и событий.

БОЖЬЕЮ МИЛОСТІЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
 ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
 ВСЕРОССИЙСКІЙ,
 ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ.

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи НАШЕЙ великой и тяжелой скорбью преисполняютъ сердце НАШЕ. Благо Россійскаго ГОСУДАРЯ неразрывно съ благомъ народнымъ и печаль народная ЕГО печаль. Отъ волненій, плетъ возникшихъ, можетъ явиться глубокое истощеніе народное и угроза цѣлости и единству державы НАШЕЙ.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повѣлялъ НАМЪ всѣми силами разума и власти НАШЕЙ стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Появлявъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на нихъ долга. МЫ, для успѣшнѣйшаго выполненія обещаній предначертанныхъ НАМИ къ укрѣпленію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ МЫ выполненіе непреложной НАШЕЙ воли:

1. Даровать населенію незаблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣятельной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраний и союзовъ.

2. Не останавливая назначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ за снѣмъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку, и

3. Установить, какъ неизбѣжное правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обеспечена была возможность дѣятельнаго участія въ надзорѣ за законопослѣдностью дѣйствій поставленныхъ отъ НАСЪ властей.

Признаемъ всѣхъ мирныхъ сыновъ Россіи исполнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей послѣдней смуты и вѣстѣ съ НАМИ нацѣль къ силѣ къ восстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петербургѣ въ 17-й день Октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствующая же НАШЕГО одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Повторилось, то, что случилось перед Портсмутом; точно так же государь был вынужден обратиться ко мне, чтобы я принял на себя тяжелую миссию... Как в первый раз, так и теперь, во второй, я волею государя был брошен в костер с легким чувством: «Если, мол, уцелеет, можно будет затем его отодвинуть, а если погибнет, то пусть гибнет. Неприятный он человек»».

В беседах с издателем Глинским о том времени Витте высказывал такие мысли: «Я никому не угодил – ни правым, ни левым, ни друзьям, ни врагам, ни тем, кем был выдвинут к власти и к активной деятельности... Во-первых, я не был сторонником манифеста, а полагал, что достаточно было на первых порах в точности и последовательно разработать ряд законодательных предположений, те начала, кои были положены мною в основу моего доклада. Тогда все постепенно и органически развернулось бы и не выдвинулись бы те случайности и неожиданности, которые сопутствовали дню 17 октября. Манифест был мне навязан, и я, по долгу верноподданного, обязан был привести его в исполнение, но для приведения этого исполнения в действие не было под рукою и в наличии нужного материала. Не на кого было опереться – общественные силы, к которым я обратился, не оказались на высоте своего призвания».

Далее Витте сетовал, что вчерашние сторонники очень скоро переметнулись в стан врагов и стали помышлять, как бы разрушить то, что было установлено Манифестом 17 октября. «Среди окружающих меня сановников, ныне вешающих на меня всех собак, царил также полнейший сумбур».

В русской жизни, взбудораженной 17 октября, наступил полный хаос, а тут еще полная дезорганизация власти сверху донизу, от центра к периферии, раскаты революции, поджоги помещичьих имений, отсутствие войска для подавления беспорядков, безденежье в казне... Что в таком положении можно было сделать?

С первых дней премьерства Витте искал опору в обществе. Он оговорил с царем вопросы формирования правительства, удалив такие одиозные фигуры, как Победоносцев и Булыгин. Было в принципе решено, что на посты министров премьер сможет привлечь и общественных деятелей, если они помогут своей репутацией успокоить общественные волнения.

Однако начал он с прессы, полагая, что она может оказать наиболее существенное влияние на успокоение умов. С этой це-

люю уже 19 октября Витте пригласил к себе в особняк на Каменноостровском представителей большинства петербургских газет, надеясь установить контакты и найти в кругах либеральной интеллигенции союзников. Результат оказался противоположным и явно обескуражил Витте.

Тон встрече задал редактор «Биржевых ведомостей» Проппер, тот самый, что много раз прежде получал от Витте поддержку и которого он считал своим человеком. «Проппер преимущественно и даже почти исключительно говорил со мной от всей прессы, ему никто не противоречил, несмотря на крайние его взгляды в смысле революционном, довольно нахальные, в особенности по тону (свойственному образованным евреям, преимущественно русским), не то требования, не то заявления. Значит, действительно случилось в России, и прежде всего в этом прогнившем Петербурге, что-то особенное, какой-то особый вид умственного помешательства масс, коль скоро такой субъект заговорил таким языком, а остальные представители прессы или потакали ему, или молчали», – делал вывод Витте.

Что же, собственно, заявил Проппер? «Мы правительству вообще не верим», – начал он. Затем выдвинул требование, чтобы все войска были выведены из города и охрана предоставлена городской милиции. Витте воспринял это требование как революционное и совершенно неприемлемое: «Я отлично понимал, что если я это сделаю, то сейчас же начнутся в городе грабежи и убийства, что мне через несколько дней придется ввести в город войска и пролить кровь тысяч людей». Далее Проппер требовал всеобщей амнистии и «опять столь же нахальным тоном». «При подобных требованиях для меня было ясно, что опереться на прессу невозможно, что пресса совершенно деморализована».

Итак, ожидать помощи от прессы он не мог; «напротив того, газеты или желали, чтобы я был пешкою в их руках, или жаждали тех или иных от меня благ», – рассуждал Витте. Он явно не оценил тех последствий, которые имело появление Манифеста 17 октября. Состояние эйфории, охватившее либералов, выразилось в ряде демонстративных шагов в отношении властей – «принципиальном слушании правительства».

Сам Проппер в мемуарах, естественно, иначе описывает ту памятную встречу Витте с журналистами: Витте отказался засви-

детельствовать почтение приглашенным представителям общественного мнения; это был светский промах. В Петербурге к таким вещам относились весьма педантично. Редакторам, собравшимся в кабинете премьер-министра, не сам Витте, а его секретарь предложил перейти в зал приемов. Присутствующие еще больше почувствовали, что с ними обращаются бесцеремонно, когда Витте не пригласил их сесть, а вел разговор стоя.

Витте не привык держать политические речи экспромтом. Его монотонный голос и несколько самоуверенное требование поддержки и доверия со стороны прессы еще более обострили и без того нервную обстановку. К тому же Витте не учел, что присутствовавшие уже знали от посвященных некоторые подробности его тайных переговоров с императором и считали, причем не без основания, что реорганизация правительства и издание манифеста – всего лишь очередная попытка выпустить революционный пар из общества и спасти самодержавие.

Если бы граф Витте повел себя более гибко и дипломатично, то это, можно предположить, снизило бы критический настрой журналистов. Поддержки прессы премьер так и не добился.

Нелицеприятный отчет о вышеописанной встрече был напечатан на следующий день во всех петербургских газетах. К слову сказать, позднее – в «Воспоминаниях» – сам Витте признает публикацию «Биржевых ведомостей» достаточно правдивой. Вообще же осенью 1905 года премьер и его правительство были объектом постоянных нападок, злобных карикатур во всех газетах и журналах страны. Как пишет в мемуарах «Последний Петербург» камергер И. Тхоржевский, «русская же печать, обязанная Витте сравнительной свободой, вскоре использовала эту свободу для хулиганских нападок на того же Витте, изображая весь его режим как сумасшедшую “Виттову пляску”».

Свобода слова, продекларированная в манифесте, по сути, связала руки властям, и меры против некоторых газет были приняты лишь через некоторое время, когда вследствие публикаций появилась угроза паники на денежном рынке.

Почти сразу после назначения председателем Совета министров Витте по настоянию Департамента полиции покинул свой незащищенный особняк на Каменноостровском проспекте и поселился с семьей в Запасном доме Зимнего дворца. Здесь он провел 185 дней и ночей, вплоть до своей отставки в апреле 1906 года. В этом же доме находились и помещения, где собирался на заседания Совет министров и располагалась канцелярия.

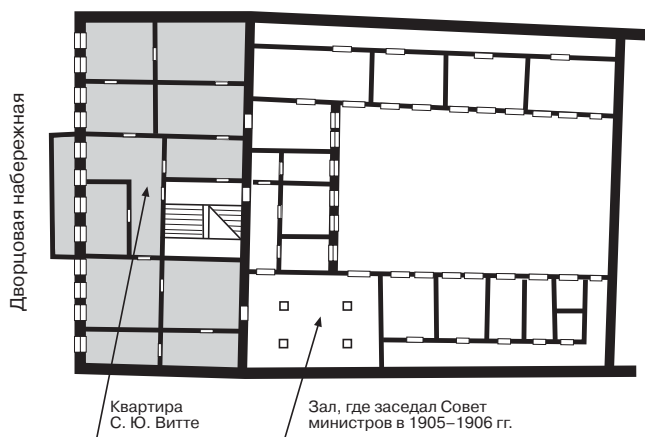
Здание Запасного дома было построено в 1889 году архитектором Н. Крамским, фасадами оно выходит на Дворцовую набережную (дом № 30) и Миллионную улицу (дом № 31). Служебная

Запасной дом. Дворцовая набережная, 30. Современная фотография

квартира Витте с большим балконом и окнами на Неву находилась на втором этаже, рядом был зал, где собирались министры на заседания. Любопытно, что в советское время эту же квартиру занимал академик Е. И. Тарле, известный историк, немало написавший о деятельности Витте. Пребывание ученого здесь увековечено мемориальной доской, а о том, что в критические дни революции 1905–1906 годов здесь жил и работал Витте, знает лишь узкий круг историков и сотрудников Эрмитажа.

После неудачной попытки опереться на прессу Витте решил искать союзников среди общественных деятелей. Он остановился на политиках с умеренными взглядами, близких ему по позиции, в частности на Д. Н. Шипове и А. И. Гучкове, будущих лидерах партии «октябристов». Первому он хотел предложить пост государственного контролера, второму – министра торговли. В ходе переговоров возникли определенные разногласия, в том числе по поводу кандидата на пост министра внутренних дел. После поисков Витте остановился на кандидатуре П. Н. Дурново, хотя знал о негативном отношении к нему либералов. Но, по его мнению, в это смутное время требовался знающий и опытный полицейский. Потом Витте признавал, что это ухудшило его и без того сложное положение как премьера.

План квартиры и служебных помещений Зимнего дома

Интересны воспоминания лидера кадетов П. Н. Милюкова о беседе с Витте: «В своей известной приемной комнате в Зимнем дворце, окнами на Неву и на Петропавловскую крепость, он пожелал принять и выслушать и меня между многими другими. Это был конец октября или начало ноября 1905 года, когда граф Витте искал общественных деятелей для участия в его кабинете и когда он, кажется, уже получил несколько отказов. С разговора на эту тему и началась наша беседа, граф Витте тогда, как и впо-

следствии, недоумевал относительно причины этой сдержанности общественных деятелей.

Я объяснял ему ее так же, как потом объяснял ее П. А. Столыпину. Вы хотите взять людей, говорил я, и не хотите брать их программы. Между тем для России уже наступил момент, когда политическая репутация людей становится неотделимой от программы, общественно признанной и закрепленной общим решением. Никакой популярный общественный деятель не в силах дать вам поддержки общества, которой вы ожидаете, потому что, войдя в кабинет без программы и без условий, он сразу потерял бы то, чем может быть вам полезен, – свою популярность. Мало того. Не только вы не хотите взять людей с общественной программой. Вы не знаете – или, по крайней мере, общество не знает – и вашей собственной. Основное имя того строя, который вы вводите Манифестом 17 октября, не сказано ни в этом манифесте, ни в вашем докладе. Эта коренная неопределенность сообщает характер двусмысленности всему политическому курсу, который вы намечаете.

Общество знает ваше прошлое – и общество вам не верит. Оно не знает и того, на что вы имеете полномочия и на что не имеете. Но оно, естественно, опасается, что известные обществу деятели будут использованы только как прикрытие, как ширмы, за которыми будут делаться дела, которые общество одобрить не может.

– Но как же добиться доверия общества? – возражал граф Витте. – Ведь доверие это может быть получено только делами, а для того, чтобы дела эти были, уже нужно иметь общественное доверие и общественное действие?

– Конечно, положение психологически чрезвычайно трудно, – отвечал я, – и очень похоже на заколдованный круг. Но вот что казалось бы мне возможным исходом. Теперь никакой общественный деятель к вам не пойдет. Но вы можете начать реформы немедленно, не дожидаясь вступления их в ваше министерство: образуйте то, что за границей называется в подобных случаях переходным министерством, *cabinet d'affaires*, деловым министерством».

По мнению В. В. Леонтовича, автора «Истории либерализма в России», Витте искренне искал соглашения с представителями общественности. Он придавал этому настолько большое значение, что сначала старался не вырабатывать окончательной программы, – иными словами, разработку ясной и четкой правительственной программы он принес в жертву усилиям достигнуть соглашения с общественностью.

Конечно, это была ошибка, считает Леонтович. Четко выработанная программа облегчила бы соглашение с оппозицией, так как определенность всегда обладает притягательной силой. Избранную Витте тактику осудил не только Милюков. Д. Н. Шипов писал тогда: «Самое странное и пагубное... отсутствие у правительства определенной программы, основанной на определенных политических убеждениях... Только при этом условии возможно доверие и поддержка общества. Постоянные сомнения, искания компромиссов, влекущие за собой неизбежные затем уступки, лишают правительство возможности овладеть общественным движением и сделаться его руководителем».

Витте не нашел общего языка ни с кадетом Милюковым, ни с «октябристами» Гучковым и Шиповым. «Мне противны

*А. И. Гучков,
лидер «октябристов»*

разные эсдеки, я презираю кадетов с их главными лидерами во главе, но если я кого ненавижу, то это именно октябристов. Они присвоили себе то, что связано непосредственно с моим именем, – 17-го октября, и повлекли это самое по грязи», – пишет Витте.

Однако Леонтович считает, что не только присутствие в правительстве таких одиозных фигур, как Дурново, оттолкнуло умеренных земцев. Им просто психологически трудно было из представителей оппозиции добровольно превратиться в членов правительства. Он отмечает, что переговоры представителей

общественности (отчасти именно тех же самых) со Столыпиным «носили совершенно тот же характер».

В итоге Витте создал как бы временное, рабочее правительство – «деловой кабинет». Как писал позже Тхоржевский, составленный премьером кабинет министров никакого политического лица не получил. Единственной – и весьма красноречивой – переменной в составе министров был уход Победоносцева с поста обер-прокурора Синода. Четверть века Победоносцев был лидером русской реакционной политики, автором той политической «закупорки», которая и стала коренной причиной происшедшего в конце концов взрыва государственного котла.

Интересны оценки деятельности Витте того периода в глазах современников. Среди них – А. Н. Бенуа, идеолог «Мира

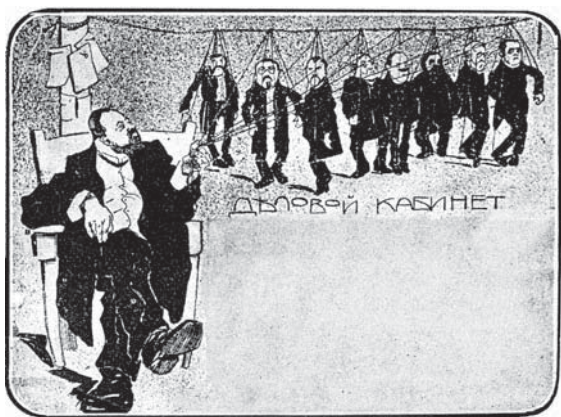
*Многочисленные попытки Витте консолидировать общественные силы и партии оказались безуспешными.
Карикатура 1905 года*

искусства», который в 1905–1906 годах жил во Франции, но внимательно следил за событиями в России. 9 ноября 1905 года Бенуа писал Е. Е. Лансере: «...если бы теперь все вошло в норму, то при Конституции Россия расцвела бы пышным цветом и прямо наступил бы золотой ее век. Но не это впереди. Витте полон благих намерений, но бессилен и внешне, и внутренне. Никто из настоящих вожakov не выступает и не хочет выступать. А внизу копошатся “бесы”, безумцы и грабители, для которых ничего нет

святого и которые хотят над Россией проделать опыт социал-демократической республики, несмотря на все бывшие до сих пор фиаско этой утопии. Кошмар!»

Итак, Витте был лишен возможности составить новое правительство, сочувствующее духу 17 октября. «В сущности, я должен был в это время один управлять Россией, – пишет он. – Россией поднявшейся, революционизировавшейся – не имея в своих руках никаких орудий управления сложным механизмом империи. Если к этому прибавить, что забастовка железных дорог, а потом почта и телеграф мешали сообщениям и передаче распоряжений, то будет совершенно ясно, что в первые недели после 17 октября появилась полная дезорганизация власти. Действовала сломанная, неорганизованная власть,

Деловой кабинет. Карикатура 1905 года

которую потом окрестили растерянной властью. Я со своей стороны знаю, что я был безвластный, а затем все время моего премьерства с властью, оскопленной вечной хитростью, если не сказать коварством императора Николая II, но никогда... я себя не чувствовал и не чувствую растерянным», – писал Витте в «Воспоминаниях».

По этому поводу у большинства современников, свидетелей событий тех дней, сложилось иное мнение. Как пишет в мемуарах

соратник Витте В. И. Ковалевский, «17 октября вынесло Витте на вершину и принесло ему бессмертие, но Витте все же не предугадал дальнейшего хода событий. Он растерялся и от размаха, и от характера движения, ловкой дипломатии и хитроумной тактики было уже тут недостаточно».

С одной стороны, народное движение приобретало явно революционный характер и уже не удовлетворялось одними политическими формулами, с другой – так называемый «солидарный кабинет» фактически был упразднен произволом министра внутренних дел Дурново, у которого имелась *carte blanche* для отражения народного напора жесткими мерами.

П. Н. Дурново, по мнению камергера Тхоржевского, «вообще производил впечатление самого умного, наиболее живого и самого независимого из всех тогдашних коллег Витте». Придворный историк Ольденбург писал, будто Витте в революционные 1905–1906 годы совершенно растерялся, и только Дурново, «решительный министр внутренних дел, в противовес Витте назначенный самим государем, спас положение своей твердостью и безбоязненными арестами главарей революции».

Здесь неверно утверждение, что Дурново был назначен царем «в противовес» премьеру. Наоборот, как утверждает Тхоржевский, Николай только после третьего или четвертого представления Витте написал резолюцию: «Хорошо, только ненадолго». Дело в том, что у Дурново была в прошлом неприятная история, навлекшая на него гнев Александра III и недоверчивое (уже по наследству) отношение Николая II. Заведуя полицией, Дурново как-то распорядился произвести обыск испанского дипломата, которого подозревал в романтической переписке со своей любовницей. В припадке ревности он и замыслил найти и извлечь подлинник ее письма. Отсюда возник довольно острый международный скандал, и Александр III наложил на представленном докладе резолюцию: «Убрать эту свинью в сенат». Тут разгорелся новый скандал, уже внутренний, – страшно обиделись все сенаторы! Дурново все-таки стал сенатором «и держал себя в сенате так умно и так либерально», что понемногу всех с собой примирил, а при Николае II вернулся к заведованию полицией. Именно за опыт и деловые качества выбрал его Витте, и, сделав ставку на Дурново, не ошибся: свои задачи тот, безусловно, решал, хотя взгляды их во многом расходились.

В ноябре 1905 года взбунтовалась Москва, строились баррикады. Николай почувствовал себя обманутым. Он дал им конституцию, он перешагнул через себя, а в ответ... Что же правительство Витте? Царь записал тогда в своем дневнике: «Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение».

Проблемой для Витте стало влияние генерала Д. Ф. Трепова на государя. Трепов на посту товарища министра внутренних дел был по сути диктатором и своими грубыми действиями способствовал разжиганию революции. Выйдя в октябре в отставку, он занял влиятельный пост дворцового коменданта в Царском Селе, где большей частью и находилась семья монарха. «Таким образом, Трепов во время моего министерства имел гораздо больше влияния на его величество, нежели я; во всяком случае, по каждому

Шарж на Д. Ф. Трепова. 1905 г.

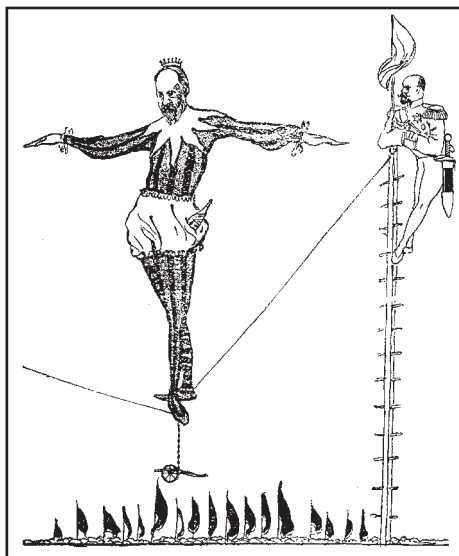
вопросу, с которым Трепов не соглашался, мне приходилось вести борьбу. В конце концов, он являлся как бы безответственным главою правительства, а я ответственным, но мало влиятельным премьером», – заключал Витте в «Воспоминаниях».

В такой сложнейшей обстановке Витте тем не менее смог постепенно овладеть ситуацией, выделив для членов кабинета ряд первоочередных задач. Прежде всего – подавление революции, затем – спасение от финансового краха. Пламя революции охватило всю страну. После Манифеста 17 октября началось разложение общества и власти. 18 октября Совет рабочих собрался

и принял решение предложить всеобщую забастовку, «так как манифест не удовлетворяет рабочие массы». На улицах происходили стычки революционеров с войсками, полицией и черносотенцами, были убитые и раненые. Бастовали рабочие заводов и фабрик, железнодорожники и телеграфисты, в сельских уездах пылали помещичьи усадьбы. Армия была ослаблена тем, что большая часть войск застряла в Маньчжурии, а главное – брожение коснулось и ее рядов.

Как пишет Гурко, положение правительства в те дни было в высшей степени тяжелым, и революционеры уже праздновали свою полную победу. «Разложение власти шло быстрыми шагами, и сопровождалось оно неизменным спутником всех революций – развращением общественных нравов. В Петербурге открылось множество

Трепов и Витте в роли канатоходца, балансирующего над пропастью проблем. Надпись под рисунком: «Витте: "Вам хорошо. Дмитрий Федорович! А мне-то каково!"».
Карикатура 1905 года

кафе, кишевших темными дельцами, альфонсами и дешевого разбора уличными венерами. Рынок был наводнен порнографической литературой. Но в особенности расцвели игорные дома, куда вход был свободен и где игра продолжалась всю ночь. Приблизительно то же творилось и в Москве.

Всеобщая распущенность захватила самые разнообразные круги. Правительственные чиновники стали высказывать свое

несогласие с мнением начальства, а судьи стремились выказать свою независимость, присуждая лиц, замешанных в освободительном движении, к самым легким наказаниям, а не то и вовсе их оправдывая. Полиция усмотрела в происходивших событиях основание для усиления взяточничества. Даже малолетние дети – и те во многих семьях перестали слушаться родителей. Прислуга насупилась и принялась, в мужской своей части, усиленно пить хозяйское вино, а в женской – душиться господскими духами и носить господское белье».

Записи в дневнике А. В. Богданович:

«3 ноября 1905 года. Забастовки распространяются, газеты не вышли. Витте написал письмо к рабочим – приглашает их снова заняться работой, обещает им улучшить их положение. Ответ рабочих: “Мягко стелет, жестко спать”».

24 ноября. Идет страшная анархистская пропаганда в войсках – перетянуть их на сторону революции. Каждый день Витте все больше и больше теряет почву под ногами, никто ему не верит. Пресса всех оттенков его ругает, страшно достается также Дурново, даже больше, чем Витте».

Витте пытается уговорами воздействовать на народ, в начале ноября газеты публикуют его воззвание: «Братцы рабочие, станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей. Не слушайте дурных советов. Дайте время, все возможное для вас будет сделано. Послушайте человека, к вам расположенного и желающего вам добра. Граф Витте». Это был промах, политическая безвкусица, губившая авторитет премьера.

«Пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не стоят. Совет рабочих депутатов не нуждается в расположении царских временщиков», – отвечал Петроградский совет.

Николай II писал своей матери 10 ноября 1905 года: «Ты мне пишешь, милая мама, чтобы я оказывал доверие Витте. Могу тебя уверить, что с моей стороны делается все, чтобы облегчить его трудное положение. Но не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек и что он примет сразу за водворение порядка, прежде всего. Между тем действия кабинета Витте создают странное впечатление какой-то боязни и нерешительности».

Не получив поддержки в широких кругах общественности, Витте решил, что необходимо отныне бороться с революцией

теми методами, против которых он сначала недвусмысленно возражал. И он уполномочил Дурново подавить революцию при помощи полиции и военных сил.

Главная угроза исходила слева, от рабочих советов. По свидетельству Витте, «старик Суворин иронизировал: отчего, дескать, Хрусталев-Носарь не арестует графа Витте? Правительству графа Витте он противопоставил правительство Хрусталева-Носаря... Ни Носаря, ни его правительство, ни всех этих рабочих депутатов я не боялся и в грош их не ставил».

Г. С. Носарь (псевдоним Хрусталев) был одним из руководителей Петербургского совета рабочих депутатов, образованного в результате всероссийской октябрьской стачки. Петербургский совет как совет столицы был призван возглавить революционное

*П. Н. Дурново,
министр внутренних дел
(1905–1906)*

движение в стране. Однако этой задачи, как пишется в советской энциклопедии, совет не выполнил, «ввиду меньшевистского руководства, возглавлявшегося политическим авантюристом “беспартийным меньшевиком” Носарем». 26 ноября 1905 года правительство арестовало Носаря, а 3 декабря был арестован весь состав Петербургского совета.

Казалось, беспорядки в Москве пошли на спад, но 2 декабря 1905 года произошло восстание 2-го гренадерского Ростовского полка, в результате которого солдаты взяли командование в свои

руки. Выбранный революционный полковой комитет потребовал созыва Учредительного собрания, передачи земли крестьянам, освобождения политзаключенных, был создан Совет солдатских депутатов из представителей нескольких полков гарнизона.

Записи в дневнике А. В. Богданович:

«4 декабря 1905 года. Тревожные вести из Москвы! Все 4 полка Московского гренадерского корпуса отказались повиноваться начальству.

10 декабря. В Москве ужасы творятся – стрельба, бои, бомбы. В Петербурге на улицах спокойно. Забастовка здесь не удалась, не идет дружно.

12 декабря. Все митинги запрещены. В эту ночь ожидают нападения на дворец, т. е. на помещение Витте, приняты меры пре-

За шахматной доской Витте и Носарь-Хрусталев. Карикатура 1905 года

досторожности. Хотя все это тревожно, но, по словам Бурдукова, Витте озабочен финансами, так как нет ниоткуда поступлений и государству придется объявить себя банкротом».

Это был пик революции, пришлось принимать экстренные меры для умирения. Как пишет Леонтович, Дурново это удалось сравнительно легко. Даже для подавления декабрьского воору-

женного восстания в Москве оказалось достаточным вызвать из Петербурга гвардейский полк. В других городах полиция одна справлялась с революционерами.

В вопросе о числе жертв существовали разногласия. Проправительственные источники, естественно, такие цифры занижали, прореволюционные – завышали. Витте пишет: «Я ставлю себе в особую заслугу, то, что за полгода моего премьерства во время самой революции в Петербурге было всего убито несколько десятков людей и никто не казнен». Советские же источники отмечают: «Количество жертв контрреволюционного террора правительства Витте не поддается точному определению, во всяком случае, только казненных и расстрелянных насчитывались тысячи и тысячи».

Витте, видимо, сознательно говорит только о Петербурге. Но ведь по его инициативе посылались карательные экспедиции генералов Ренненкампа и Меллера в Сибирь, Мина – в Москву. В конце 1905 – начале 1906 года правительство издало целую серию секретных циркуляров о расстреле участников революционного движения без суда и следствия, об арестах забастовщиков, об административном выселении инициаторов крестьянских выступлений. Так, в секретном циркуляре военного министра от 15 декабря 1905 года предписывалось войскам «безо всякого колебания прибегать к употреблению оружия для немедленного прекращения беспорядков».

Министр внутренних дел Дурново в циркуляре местным властям предлагал «приказать немедленно истребить силой оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления – сжигать их жилища. В настоящую минуту необходимо раз и навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигают цели: судить сотни и тысячи людей невозможно».

Решительные меры правительства достигли целей, беспорядки пошли на спад. Накануне Рождества Николай II пишет матери обычное нежное письмо: «22 декабря. Милая дорогая мама! Все мои молитвы за тебя будут особенно горячими в дни праздника. В Москве, как ты знаешь, слава Богу, мятеж подавлен благодаря верности и стойкости наших войск. Потери революционеров огромные».

В другом письме царя: «Теперь он (Витте. – С. М.) хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона. Благодаря этому свойству своего характера почти никто ему больше не верит, он окончательно потопил себя в глазах всех.

Дурново действует прекрасно, остальные министры – люди *sans importance!* (без значения. – С. М.)».

Следует заметить, что многие современники и историки обвиняют Витте в том, что он подстрекал Дурново на самые крайние действия. Однако есть и другие данные, в частности обнаруженный нами в архиве доклад Витте от 15 декабря 1905 года «О бесполезности применения в местностях, где проявляется мятежное движение, военно-полевых судов». Там говорится о необходимости смягчения мер.

Как пишет Тхоржевский, обстоятельства вынуждали и самого Витте для подавления смуты прибегать к военным и полицейским репрессиям. Он настоял на назначении генерал-губернатором Москвы адмирала Дубасова. «Роль благородного либерала, рядом с “полицейской собакой” Дурново, у Витте не вышла».

Ощупью Витте должен был приходить к тому, что позднее объявил уже как принцип Столыпин: «Революции – беспощадный отпор, стране – реформы». Успокаивая государя, скоро переставшего ему вовсе верить, Витте упрямо работал всю зиму 1905–1906 года, но внутренне был подавлен и разочарован. Он вечно и все острее ощущал глубокое несходство взглядов и натур своей и Николая II.

В дни спада революции императрица Александра Федоровна внушает царю со всей своей верой и страстностью мысль о злонамеренности Витте. «Манифест ни к чему не привел – недаром после него продолжались восстания... Великие тени стояли за спиной царя – его предки Романовы и небесный покровитель – Серафим Саровский. Они вместе с ним и подавили революцию, а не жалкий манифест, который в дни тяжких бедствий Витте его заставил подписать».

К концу декабря 1905 года стало ясно: монархия спасена. Пережив бурю, «правые» стали думать о смене караула у престола – пришла пора убирать либералов. Вновь Витте «сделал свое дело». А к императрице присоединился великий князь Николай Николаевич, еще вчера обнимавший Витте и славивший манифест. Он теперь его враг, покровительствующий черносотенцам.

Необходимо отметить, что значительная роль в подавлении рабочего движения принадлежала черносотенцам. Сразу после объявления Манифеста 17 октября по всей России прокатилась волна контрреволюционных выступлений, сопровождаемых еврейскими погромами. Царские власти, не располагая силами для

прямого и открытого подавления революционного движения в стране, не препятствовали, а даже попустительствовали черносотенным организациям в подавлении забастовок, запугивании буржуа и интеллигенции.

17 октября черносотенцы устроили побоище в Москве, в Марьиной роще, на следующий день – в Петербурге, затем волна черного террора охватила более ста городов. За каких-то три недели было убито около 4 тысяч человек, ранено и изувечено свыше 10 тысяч. Самые большие жертвы были во время еврейских погромов в Одессе.

Отношение Витте к черносотенцам всегда было презрительным, хотя в те дни он был просто бессилён. Его принципиальная оценка, изложенная в «Воспоминаниях», такова: «Эта партия в основе своей патриотична... Но она патриотична стихийно, она зиждется не на разуме и благородстве, а на страхах. Большинство из ее вожakov политические проходимцы, люди грязные по мыслям и чувствам, не имеют ни одной жизнеспособной и честной политической идеи и все усилия направляют на разжигание самых низких страстей дикой, темной толпы».

Под «партией» подразумевался «Союз русского народа», образовавшийся в октябре 1917 года для борьбы с революцией. «Через несколько недель после 17 октября я узнал, – пишет Витте, – что великий князь находится в интимных отношениях с главою начинающей образовываться черносотенной партии, т. е. с пресловутым мазуриком Дубровиным. Они ни по приемам своим, ни по лозунгам (цель оправдывает средства) не отличаются от крайних революционеров слева, они отличаются от них только тем, что революционеры слева – люди, сбившиеся с пути, но принципиально большей частью люди честные, истинные герои, за ложные идеи жертвующие всем и своей жизнью, а черносотенцы преследуют в громадном большинстве случаев цели эгоистичные, самые низкие, цели желудочные и карманные. Это типы лабазников и убийц из-за угла... их армия – это хулиганы самого низкого разряда.

Благодаря влиянию великого князя Николая Николаевича и государь возлюбил после 17 октября больше всех черносотенцев, открыто провозглашал их как первых людей Российской империи, как образцы патриотизма, как национальную гордость».

Одновременно с ликвидацией «красного» террора Витте ясно увидел опасность и зарождение террора «черного», рука об руку с главарями которого пошли его столь недавние единомыш-

ленники. «Их труднее было ликвидировать, и ко многому из тут происходившего я не мог иметь достижения, — пишет Витте. — ...И бедный государь мечтает, опираясь на эту партию, восстановить величие России, бедный государь!» Тем не менее Витте прилагает усилия, чтобы остановить «черный» террор, о чем свидетельствует его переписка с П. Н. Дурново. Вот письмо Дурново от 20 марта 1906 года:

«Многоуважаемый граф Сергей Юльевич!

Вы можете быть совершенно покойны, что все возможное делается для поддержания порядка. Смею думать, что больше в этой области сделать нельзя. Тем не менее я сейчас посылаю еще депешу во все местности еврейской оседлости с предупреждением относительно погромов. Со всех сторон получаю сведения, что беспорядков ожидать нельзя. Конечно, при очевидных подстрекательствах печати, сплошь революционной, — ручаться ни за что нельзя. Еще раз прошу не сомневаться, что я делаю все, что в моих силах, для поддержания порядка и не принадлежу к тем людям, которые считают еврейские погромы полезным явлением.

Искренно Вам преданный Дурново».

Запись в дневнике А. В. Богданович:

«19 марта 1906 года. Запретили сегодня “Союзу русского народа” собираться в Конногвардейском манеже. Накануне Дубровин и Булацей про это распоряжение не знали. В этом запрещении усматриваются козни Витте».

Трудности Витте в противостоянии правым националистам заключались не только в их высоком покровительстве, но и в том, что эта партия имела сторонников в провинции, среди губернаторов, градоначальников, полицейских. Витте заботило, что погромная деятельность черносотенцев подрывала престиж царской России в глазах мирового общественного мнения, затрудняя получение иностранных займов. Она осложняла проведение политических реформ, единственного, по мнению Витте, средства спасения царизма от катастрофы. Отсюда — резко враждебное отношение его к черносотенцам и уничтожающие, но справедливые по существу оценки их руководителей — Дубровина, Маркова, Коновицина и др.

Черносотенцы платили Витте тем же, их злобные нападки звучали со страниц ультраправых газет, в многочисленных прокламациях, распространяемых в городах. Вот текст одной из тех, что появились в Петербурге в конце октября 1905 года:

«Православные! Зачем продаете Россию? Зачем даете силу нашим крамольным панам, заботящимся только о себе, а не о благе народа! Все инородцы, покоренные русской кровью, думают отделиться от России, а жида вооружены и ждут, чтобы среди общей смуты выкупаться в русской крови. Всех этих крамольников поддерживает С. Ю. Витте, женатый на жидовке. Он овладел доверием царя, притворяется верноподданным, а сам между тем собирается сделаться царем на Руси. Сам он расхищал казну, ввел казенную продажу водки, чтоб спить русский народ. Теперь этот негодяй бежит от народного гнева и переселяется из своей квартиры на Каменноостровском пр., д. 5, ближе к Зимнему дворцу. Не дадим же погибнуть нашей родине, братья!»

Газета «Новая жизнь», в которой напечатана эта прокламация, со слов очевидцев сообщает, что 23 октября это воззвание расклеивалось за Нарвской заставой городовым.

А вот другая малограмотная прокламация тех дней, украшенная виньеткой с изображением креста, ножа, топора, черепа, револьвера и русского флага:

«Смерть жидам! Русский народ! Смерть жидам!

Отряхнись от своего сна и вступи на путь истины и правды! Тебя обижают, над тобой глумятся, а твой Великий царь-батюшка не знает, не ведает про то! Его окружают такие же министры-жиды, как Витте и подобные им. Царь батюшка не знает твоего горя, народ! Ему не дают читать наших русских газет. Ему про тебя не докладывают. Такой Витте теперь, что хочет, то и делает! Витте хочет провести повсюду жидов, повсюду их насадить, и тогда великое горе и бедствие ждет тебя, русский народ! Не заговоришь ты тогда по-русски, не помолишься по православному, а будут везде жид, жид и жид. Великий русский народ, надо бороться против жидов. Будем их бить.

...Начнем с проклятия Витте!.. Его Витте, убьем, как собаку. Будем бить жидов проклятых. Смерть Витте!» (Рисунок черепа.) Подпись: «Москва. Русская национальная лига».

Витте получал угрозы со всех сторон. Как пишет он в «Воспоминаниях», даже члены его семьи испытывали психологическое давление: «Когда Ренненкампф доехал до Читы и несколько вожаков-революционеров были осуждены к смертной казни, то моя жена в тот же день получила от русских эмигрантов в Брюсселе депешу, что если сказанные революционеры будут в Чите

казнены, то сейчас же моя дочь и внук будут ими убиты. Жена пришла ко мне в слезах с этой телеграммой, и я ей сказал, что если бы они не страшали, то, может быть, я бы о них ходатайствовал, но теперь это сделать не могу».

СПАСИТЕЛЬНЫЙ ЗАЕМ

Острейшей проблемой, которую пришлось решать Витте в те дни в экстренном порядке, было надвигавшееся государственное банкротство. В начале декабря 1905 года финансовое положение страны достигло критической точки. Толпы людей с ночи занимали очереди в ссудосберегательные учреждения, чтобы изъять свои вклады. Некоторые газеты подливали масла в огонь призывом требовать расчета золотой монетой. Вслед за мелкими вкладчиками веру в надежность банков теряли состоятельные люди. Великий князь Константин Константинович отмечал в своем дневнике: «Началась паника среди капиталистов, они стали сбывать деньги за границу».

Министр финансов Д. Н. Шипов докладывал Комитету финансов, что продажа иностранной валюты всего за две недели достигла 240 миллионов рублей, что являлось несомненным признаком утечки капиталов за границу. Политическим настроениям поддались и некоторые заграничные кредиторы. Управляющий Государственным банком С. И. Тимашев писал, что представитель немецких банков предложил выслать в Берлин транспорт с золотом для обеспечения русских ценных бумаг. Пришлось подчиниться. Под угрозой оказалось золотое обращение, великими трудами введенное Витте. Губернские казначейства запрашивали золотую монету, а Госбанк мог выслать только кредитные билеты. 3 декабря министр финансов вынужден был внести предложение о прекращении размена бумажных денег на золото и введение принудительного курса. Члены Комитета финансов констатировали, что главными опасностями, ожидаемыми от прекращения размена, является потеря доверия к финансам государственного кредита внутри страны и за границей. Было принято решение удерживать курс до последней возможности и обратиться за помощью к иностранным банкирам.

В Париж был командирован В. Н. Коковцов. Если верить его мемуарам, Витте едва ли не на коленях просил его взяться за

дело, умоляя придать забвению старые обиды. В «Воспоминаниях» Витте интерпретация другая: «Так как положение все ухудшилось, то я предложил Коковцову, так как видел, что он желал бы поехать за границу, съездить в Париж попробовать сделать заем». Впрочем, хорошо известно, что Витте не стеснялся пускать в ход самую грубую лесть, когда хотел добиться своего.

«Такая паника после несчастной (Русско-японской. – С. М.) войны, стоившей около 2500 миллионов рублей, конечно, поставила наши финансы и денежное обращение в самое трудное, скажу, отчаянное положение, и одной из главных моих задач являлось не допустить государственные финансы до банкротства», – пишет Витте в «Воспоминаниях». Вопрос о финансовом положении страны не мог не обостриться в период революции, и надо отдать должное Витте: он смог решительными мерами удержать золотой паритет рубля, и созданная им система оказалась устойчивой и продержалась вплоть до 1914 года. Правда, для этого потребовалось прибегнуть к новому крупному займу во Франции.

Миссия Коковцова оказалась очень трудной. Переговоры с ведущими французскими финансистами затянулись, поскольку те сомневались в прочности самодержавия и боялись потери денег. Ранее Витте вел дела с банкирами еврейского происхождения, в частности с Ротшильдами. На обращение Коковцова те ответили решительным отказом, мотивировав его еврейскими погромами в России. Витте использовал все, даже неприкрытый шантаж. «Но предупредите французское правительство и банкиров, – инструктировал он Коковцова, – что при прекращении обмена мы не будем в состоянии оградить интересы иностранных владельцев наших фондов». Одновременно премьер предупреждал царя: «По-видимому, операция не удастся». Через два дня он уже с большей определенностью докладывал: «Как это мне ни больно видеть, чтобы плоды моего двенадцатилетнего управления финансами разбиты прахом, тем не менее я со страхом вижу, что придется прекратить обмен и подвергнуть Россию всем последствиям этого ужасного явления».

Все же спасение пришло: французский премьер Рувье сумел сломить сопротивление банкиров, и те согласились разместить краткосрочные государственные обязательства России на 100 миллионов рублей. Известие из Парижа стало дорогим новогодним подарком для правительства Витте, хотя он в мемуарах иначе оценил событие: «Согласно моему разрешению, Коковцову удалось только

получить 100 миллионов рублей, авансом в счет будущего займа от банкиров, с которыми я вел переговоры о займе. Эти 100 миллионов не могли оказать никакой помощи».

Получение этих денег предотвратило банкротство и помогло удержать золотое обращение, но этих денег хватило только на покрытие самых необходимых расходов. Витте докладывал Николаю II, что в 1906 году потребуется около миллиарда рублей. Для получения такой огромной суммы премьер-министр задумал колоссальную финансовую комбинацию с привлечением средств чуть ли не всего Старого Света и США. Нити этой операции находились исключительно в его руках – ни министр финансов Шипов, ни Комитет финансов не были посвящены в суть переговоров. В Россию был приглашен представитель международного

Запад готов предоставить России заем в обмен на либеральные реформы. Карикатура 1905 года на Витте и Дурново

консорциума банкир Э. Нейцлин, причем в целях конспирации он прибыл под именем своего лакея.

Механизм операции был разработан на конфиденциальных встречах Витте с Нейцлиным. Партнеры долго спорили, торг в основном шел вокруг процента по займу. Нейцлин отстаивал

интересы кредиторов, важно было, «чтобы вся спекулирующая публика увидела здесь непосредственную возможность извлечь значительную выгоду», – откровенно писал он позже Витте.

Приходилось учитывать, что успех операции зависел и от международной обстановки, в частности от разрешения конфликта между Германией и Францией по поводу Марокко. В начале 1906 года название испанского городка Алжезирас, где 2 января открылась конференция по Марокко, было одним из самых часто повторяемых в правительственных кругах России. «Алжезирас, ради Бога», «Ради Бога, Алжезирас...» – такие карандашные записочки передавал Витте министру иностранных дел Ламздорфу на заседаниях правительства. Дело в том, что французское правительство поставило одним из главных условий согласия на заем содействие России в мирном урегулировании марокканского конфликта.

Германское правительство понимало, что русскому уполномоченному на конференции графу Нелидову даны инструкции поддерживать французскую сторону, однако Витте не терял надежды добиться финансовой помощи и от Германии. Он играл на монархических интересах, доказывая Вильгельму II, что от благополучия династии Романовых зависит и прочность трона Гогенцоллернов: «...революционеры избрали Россию для испробования своих сил, и если они не потерпят поражение, то революция перейдет за наши границы, тому пример французская революция. Поэтому желательно, чтобы у нас воцарилась тишина».

Академик Тарле отмечает, что «последнее выступление графа Витте на международной арене связано с заключением колоссального апрельского займа 1906 года в Париже. В этом деле Витте опять обнаружил необычайную изворотливость ума и силу своих дипломатических дарований. Роль Витте в созыве Алжезирасской конференции была громадна».

Конференция в Алжезирасе проходила драматично, требуя от Витте постоянного внимания и усилий, так как неудача ее означала бы провал попыток России в получении займа и финансовую катастрофу. Дипломатические таланты Витте здесь, несомненно, сыграли свою роль. В итоге страна получила спасительный заем в сумме 2,25 миллиардов франков, или 843 миллионов рублей. Большая часть займа была размещена во Франции, кроме того, в Англии, Австрии и России. В этом списке нет Германии и США, где первоначально также намечалось размещение части займа.

Причину этого следует, видимо, искать в том, что для Германии решение конференции, по сути, явилось дипломатическим поражением, которым она в значительной степени была обязана России, а американцы свое участие в консорциуме откровенно связывали с российским промышленным рынком, но их на него пустить не рискнули в интересах отечественных производителей.

«Заключение займа было всецело личной заслугой Витте, — пишет его секретарь И. Тхоржевский. — Заем в Париже провел голландский банкир Нейцлин, находившийся в непрерывных телеграфных сношениях с Витте, который и руководил всем. Все телеграммы были шифрованными, и я на дежурствах немало возился с этим специальным и трудным шифром. Коковцов был послан в Париж только для того, чтобы дать формальную подпись от имени русского правительства. Все, что Витте говорит об этом в своих мемуарах, сушая правда; сам Коковцов при жизни Витте никогда этого не оспаривал. Кроме того, я хорошо помню, как сменивший Витте Горемыкин в первый же день сказал мне: “Государь еле выносил Витте, терпел только потому, что без него не достали бы денег. А теперь больше не может”».

Главная цель была достигнута. Русские революционеры заявили, что европейская буржуазия субсидировала царизм. Но следует уточнить, что это скорее была мелкая буржуазия, служащие и даже рабочие. В одной только Франции 596 тысяч человек пожелаали приобрести русские облигации.

ПОДГОТОВКА ДУМЫ

Сбив пламя революции, устранив анархию и относительно стабилизировав обстановку в стране, Витте смог больше внимания уделять проблемам, связанным с реализацией положений Манифеста 17 октября, главным из которых был переход к парламентаризму в России.

Правда, положение правительства и самого премьера не способствовало этому: государь и окружение, почувствовав разрядку, не склонны были стремиться выполнять обещанное народу, против Витте и либеральных членов кабинета усилились нападки правых. В письме к Витте от 12 февраля 1906 года министр народного просвещения граф И. И. Толстой пишет: «Считаю,

что чем резче Вы поставите вопрос Его Величеству, тем лучше, так как чувствую, что теперь наступил психологический момент, когда следует выяснить, пойдет ли Россия по новому пути или хотя бы временно (т. к. надолго, думается, невозможно) вернется на старый, со всеми его опасностями и мерзостями. Уверен, что ни Вам, ни мне государь не доверяет, но не решается сказать этого». Действительно, вскоре после отставки Витте Николай II просто уволил графа И. И. Толстого, не дав ему никакого «соответствующего назначения», как это было тогда принято.

В составе «объединенного кабинета» обнаружились очень серьезные разногласия и трения. Все это до чрезвычайности издирало графа Витте, и уже в феврале 1906 года он решил проситься в отставку, как только закончатся переговоры о займе с французскими банкирами. Но оставались нерешенными другие важные вопросы, прежде всего о Думе и Государственном Совете, которые пришлось решать ему как автору манифеста.

Записи в дневнике А. В. Богданович:

«11 февраля 1906 года. Разговоры про Витте не умолкают, все его ненавидят и все боятся. По словам Зиновьева, один Дурново с ним более других смел, что впечатление такое, что оба они друг друга побаиваются. Дурново сказал Зиновьеву, что у него с Витте отношения кисло-сладкие.

16 февраля. Сегодня у царя заседание насчет преобразования Госсовета».

Вопрос о Государственной Думе возник гораздо раньше октября 1905 года – уже в политике Святополк-Мирского, пытавшегося опираться на земских деятелей, сделаны были первые шаги к конституционному строю. Однако эта политика потерпела неудачу, произошла радикализация обстановки в стране. Тем не менее уже с весны 1905 года стоял вопрос об открытии Думы, и министр внутренних дел А. Г. Булыгин готовил положение о выборах. Потом был манифест от 6 августа об учреждении Государственной Думы, названной «булыгинской». Предполагалось, что она будет носить законосовещательный характер, а состав ее будет представительно-сословным.

Было два пути введения в России конституционного строя: через созыв Учредительного собрания и через пожалование конституции царем. В этом вопросе мнения земцев разошлись. На съезде в ноябре 1905 года большая часть их (из которой потом сформировалась партия кадетов) высказалась за концепцию Учредительного

собрания. Этого никак не хотел допустить Витте, все его усилия были направлены на это и оказались не напрасны. Из меньшинства родилась партия «октябристов» («Союз 17 октября»), которая ставила цель мирным путем осуществить принципы конституционной монархии, провозглашенные манифестом. От их имени прозвучало воззвание, в котором подчеркивалась необходимость объединения всех тех, «кто искренне желает мирного обновления страны, кто отвергает одинаково застой и революционные потрясения и кто признает необходимость создания сильной авторитетной власти, которая совместно с народным представительством могла бы внести в страну умиротворение путем созидательной законодательной деятельности». Отклик на призыв был положительным; по всей стране стали возникать группы «октябристов».

Необходимость лавировать и идти на компромиссы не оставалась незамеченной. С легкой руки Ленина Витте приклеили ярлык: министр-клоун.

Карикатура 1905 года

Казалось бы, близость позиций лидеров «октябристов» и Витте должна была их объективно сблизить, а партия «октябристов» стать ему опорой, тем более что Витте искренне искал соглашения с представителями общественности. Однако этого не произошло. Хотя Витте и намеревался пригласить И. П. Шипова и А. И. Гучкова в правительство, но они не сошлись во взглядах. «Я не согласился бы иметь дело с председателем этой партии Гуч-

ковым, бретером, купчиком, “моему праву не препятствуй”», – пишет он в «Воспоминаниях».

Действительно, у Гучкова был сложный, крутой характер, но и Витте был не прост, к тому же не привык иметь дело с представителями общественности. Не получив прямой поддержки, Витте тем не менее не прервал контактов с общественными деятелями. Он поручил Гучкову, Трубецкому и Шипову составить избирательный закон.

Манифест 17 октября обещал привлечь к участию в выборах слои населения, лишённые избирательного права. Эта формулировка была расплывчатой, и от закона зависело, насколько широким будет контингент избирателей. В бюрократических кругах собирались лишь слегка подправить систему выборов по куриям, которая предполагалась «булыгинской» Думой.

Общественные деятели предложили прямое и всеобщее избирательное право. Это означало, правда, что голосовать могли только мужчины, достигшие 25-летнего возраста. Женщины в ту эпоху, даже в самых демократических странах, избирательных прав не имели, а в самодержавном государстве – тем более. Даже несословные выборы воспринимались как неслыханный либерализм.

Витте колебался, ему очень хотелось пойти навстречу пожеланиям общественности, но вместе с тем он очень боялся, и не без оснований, всеобщих выборов, поскольку результаты были непредсказуемы. На заседании Совета министров 19 ноября 1905 года консервативное крыло правительства резко возражало против всеобщего голосования. Министр внутренних дел Дурново даже демонстративно удалился из зала, когда приглашённые общественные деятели начали отстаивать свой проект. Шипов напомнил, что, в сущности, введение всеобщего избирательного права предпринято Манифестом 17 октября. Витте немедленно парировал, что общие основы булыгинского положения о выборах не могут быть изменены и сословная система должна быть сохранена. Это поразило Шипова и других, поскольку перед этим Витте придерживался противоположной точки зрения. В этом вопросе он явно уступил давлению консервативных сил. Позже Витте не раз так поступал, вызывая осуждение представителей общественности и недоверие царя. В левой, социал-демократической, печати на Витте рисовались карикатуры, одна из наиболее язвительных называлась «министр-клоун». Прагматизм имел цену.

Результатом многих дискуссий и маневров стало принятие в декабре 1905 года закона о Государственной Думе с ограниченными законодательными правами и выборностью по куриям, то есть с сословным представительством. Поскольку и эта система не гарантировала, что будет обеспечен верноподданныческий депутатский корпус, в высших сферах родилась мысль на всякий случай нейтрализовать Думу, поставив над ней второе законодательное учреждение.

В системе государственных органов империи было учреждение, пригодное для этой роли, – Государственный Совет, еще в начале XIX века задуманный М. М. Сперанским как партнер Государственной Думы. От грандиозного ансамбля органов управления России остались лишь руины в виде совещательного органа при монархе. Государственный Совет, члены которого назначались царем, частенько называли синекурой для вышедших в отставку министров, – «государственные старцы», как правило, занимали консервативные позиции. Витте был нелестного мнения о большинстве коллег по Государственному Совету, он предлагал очистить Совет от лишнего балласта, сделать его хотя бы частично выборным органом. И это удалось сделать.

Реорганизация Государственного Совета по его предложению была одобрена царем в феврале 1906 года. Совет превратился в законодательный орган. Председатель и половина членов Совета по-прежнему назначались царем, а вторая половина состава избиралась. Выборные члены Государственного Совета представляли губернские земства, крупнейшие города, биржевые комитеты, университеты. Часть мест закреплялась за выборными от дворянских обществ, крестьянам и рабочим доступ был открыт лишь в Думу. Витте предвидел будущие столкновения между палатами и предложил меры, препятствующие превращению Госсовета в кладбище законопроектов, поступающих из Думы.

Не удовлетворившись превращением Думы в нижнюю палату, правительство спешило ограничить ее реальные полномочия еще до выборов, и для этих целей была осуществлена новая редакция Основных государственных законов Российской империи. Замысел Витте заключался в том, чтобы поставить депутатов Думы перед свершившимся фактом, поскольку при обсуждении этих вопросов избранные народом захотят гораздо большего и превратят Думу в Учредительное собрание. Придется разгонять

думцев силой, и тогда погибнет новый строй, провозглашенный Манифестом 17 октября.

В новой редакции Основных законов говорилось, что «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть». Старая формулировка содержала слово «неограниченная», вот почему Николай II был крайне недоволен новшеством. По этому вопросу возникли баталии, но проект Витте получил поддержку большинства совещания, и изменение прошло. За императором закреплялись огромные полномочия, особенно в исполнительной власти. Сущность ограничений, наложенных на самодержца, излагалась в главе «О законах»: повторялось, по сути, положение Манифеста 17 октября о том, что никакой закон не может последовать без одобрения Думы. Впрочем, в законах была заложена масса оговорок, которые сводили к минимуму возможности парламента.

Основные государственные законы были введены высочайшим указом от 23 апреля 1906 года. Их с большой натяжкой можно назвать первой российской конституцией. В то же время неправомерно оценивать их как «антидемократические», «закрепляющие господство царской бюрократии», что делалось в советские времена. В них впервые были закреплены политические свободы, в системе государственных органов отводилось место выборным законодательным учреждениям. Основные законы были документом переходной эпохи, и как бы ни критиковали этот документ, он стал заметным шагом на пути к правовому государству.

ПОСЛЕДНЕЕ ПАДЕНИЕ

Добившись получения спасательного для монархии займа и подготовив открытие I Государственной Думы, Витте подал царю прошение об отставке. Это произошло в апреле, но слухи возникли гораздо раньше, о чем свидетельствуют и записи в дневнике генералши Богданович:

«9 марта 1906 года. Сегодня известно, что якобы Витте уходит и на его место – Коковцов.

12 марта. Говорят об уходе Витте, что он-де вот уже два дня не был в Комитете министров. Называют его заместителями Муравьева и Коковцова. Но все это только говорят, а пока и ми-

нистры, и Госсовет работают много, но едва ли плодотворно над новым укладом России. Все нервны, все озабочены, многие дела совсем не понимают».

Прошение Витте Николаю II об увольнении датировано 14 апреля и изложено на пяти машинописных листах. Вот наиболее важные фрагменты этого документа:

«Позволю себе всеподданнейше сформулировать основания, которые побуждают меня верноподданнически поддерживать мою просьбу:

Я чувствую себя от всеобщей травли разбитым и настолько нервным, что не буду в состоянии сохранять то хладнокровие, которое потребно в положении Председателя Совета Министров, особенно при новых обстоятельствах. Отдавая должную справедливость твердости и энергии министра внутренних дел, я тем не менее, как Вашему Императорскому Величеству известно, находил несоответственным его образ действий и действия некоторых администраторов, в особенности в последние месяцы года, после того когда фактическое проявление революции скопом было подавлено. По моему мнению, этот прямолинейный образ действий раздражал большинство населения и способствовал выборам крайних элементов в Думу, как протест против политики Правительства.

По некоторым важным вопросам государственной жизни, как, например, крестьянскому, еврейскому, вероисповедному и некоторым другим, ни в Совете Министров, ни во влиятельных сферах нет единства. Вообще, я не способен защищать такие идеи, которые не соответствуют моему убеждению, и потому я не могу разделять взгляды крайних консерваторов, ставшие в последнее время политическим кредо министра внутренних дел.

В течение шести месяцев я был предметом травли всего кричащего и пишущего в русском обществе и подвергался систематическим нападкам имеющих доступ к Вашему Императорскому Величеству крайних элементов. Покуда я нахожусь у власти, я буду предметом нападок со всех сторон. Я бы мог представить и другие доводы.

Теперь, когда заем окончен, и окончен благополучно, Вы, Ваше Императорское Величество, можете, не заботясь о средствах для ликвидации счетов минувшей войны и при наступившем успокоении, обратить все Высочайшее внимание на внутреннее устройство империи.

Вашего Императорского Величества верноподданный и до гроба преданный слуга статс-секретарь граф Витте».

Когда Витте писал прошение, были известны уже результаты выборов в Думу, которые озадачили правительство и придворные круги.

Записи в дневнике А. В. Богданович:

«28 марта 1906 года. Сегодня печальные известия о выборах в Москве. Там то же приключилось, что и в Петербурге: кадеты самой яркой окраски. В Курске тоже, особенно в Харькове. При таких выборах Дума внесет смуту.

30 марта. Вчера навестил меня Штюрмер. Он сказал, что 27 марта был у царя Витте, что снова его запугал, что он царю сказал, что торжество кадетов на выборах было следствием репрессивной политики Дурново, которая всех обозлила. По словам Штюрмера, дни Дурново как министра внутренних дел сочтены, что идет глухая вражда между Витте и ним и осилит непременно Витте.

19 апреля. Мордвинов рассказал про последнее заседание у царя кабинета министров следующее: Витте не знал, что туда приглашен Горемыкин. Витте внес добавку в «Основные законы» о равноправии евреев и об отчуждении земли. О равноправии евреев сразу было провалено всеми членами заседания. Насчет земли горячо говорил Горемыка, сказав, что этот закон о земле был издан манифестом от 3 ноября 1905 года, что правительство над ним работает, если же его внести в «Основные законы», то это пахнет революцией, что тогда недолго ждать момента, когда над зданием, где они собраны сейчас царем, будет развеяться флаг с надписью «народное достояние». Эти слова решили участь и Витте, и Горемыкина – первый покинул свой пост, а второй на нем водворился.

20 апреля. Пока еще не выяснено насчет Витте окончательно – уходит ли он или остается».

Рескрипт об освобождении Витте от должности председателя Совета министров был подписан Николаем II 22 апреля 1906 года в Царском Селе.

По тону и содержанию документ оказался неожиданно теплым и щедрым. Витте в награду получил одну из высших наград империи – орден Св. Александра Невского, причем рукой Николая II приписано: «с бриллиантами» и «искренне благодарный».

Граф Сергей Николаевич Ославский здоровья
отъ понесенныхъ вами трудовъ
побуждено васъ ходатайствовать объ освобождении
отъ должности Председателя Совета Министровъ
« Призвать васъ на этотъ важный постъ для
исполнения предначертаний Моеихъ о приве-
дении Моеихъ подданныхъ къ участию въ
делахъ законодательства, Я былъ уверенъ,
что ваши испытанные государственные способно-
сти обвѣщаютъ проведеніе въ жизнь новыхъ выбо-
рныхъ установлений, созданныхъ съ цѣлью
осуществленія дарованныхъ Мною нашему
Царству правъ.

« Благодаря настойчивымъ и просвѣщеннымъ
трудамъ вашимъ, эти учрежденія нынѣ обра-
зованы и готовы къ открытію не смотря на
препятствія широкимъ крайностямъ, въ
борьбѣ съ которыми вы проявили оти-
вительную всю энергию и рѣшительность.
Одновременно съ силой, своею опытностью
въ финансовыхъ делахъ вы содѣйствовали
упорядоченію государственныхъ ресурсовъ, обвѣ-
стивъ устья запломбированнаго Россіею тайника.

Сматодя на прислуженіе вашимъ воспо-
давательную просьбу, Я испытываю ордону
потребности выразить вамъ Моею искренною
признательность за многочисленные услуги;
оказанныя вами Родины, въ воздаяніе коихъ
жалую васъ кавалеромъ ордена Святого
Благовѣрного Великаго Князя Александра
Невскаго съ брилліантами.

Привѣтствую неизменно къ вамъ благосклонный

и искренно благодарный

Николай

Въ Царскомъ Селѣ,
22го апреля 1806 года.

Запись в дневнике А. В. Богданович:

«24 апреля 1906 года. Поражены все, что царь отпустил Витте и дал ему такой теплый рескрипт. По словам А. И. Петрова, царь за пять дней до отставки Витте говорил, что видеть его не может, не хочет, чтобы он оставался премьером».

Все-таки чувство справедливости в данном случае не отказало Николаю II – слишком много сделал Витте для России и монархии, чтобы можно было просто так уволить «вредного человека».

Вслед за премьером царь отправил в отставку весь кабинет. Новым председателем Совета министров был действительно назначен И. Л. Горемыкин, бывший министр внутренних дел, но его премьерство оказалось очень непродолжительным, чуть больше двух месяцев. Когда Витте узнал, кто будет его преемником, то успокоился. «Он считал Горемыкина, – пишет Тхоржевский, – “бесцветно оловянным чиновником”, знал, что тот не оратор, по убеждениям близок к Победоносцеву, значит, с Думой поладить не способен, значит, в трудную минуту Государь опять обратится к нему, Витте».

Так бы и получилось, но неожиданно появился энергичный саратовский губернатор Столыпин, который на пять лет затмил Витте. Затем был Коковцов – «удобный человек». А Витте больше не позвали.

Он уходил под радостные возгласы справа и слева. Для консерваторов эта отставка символизировала долгожданный отказ от реформаторского курса, они надеялись, что будет положен конец колебаниям и власть заговорит со своими врагами надлежащим тоном. Либералы восприняли отставку как свидетельство своей силы, поражение лукавого бюрократа и сочинителя регрессивных Основных законов. Не менее их радовался царь, который наконец-то избавился от «вредного человека».

Сам Витте в «Воспоминаниях» так описывал ситуацию: «Когда результаты были налицо, я получил милостивое разрешение сложить с себя ту власть, которая меня и тяготила и опираясь на которую я ничего более достигнуть не мог в интересах благополучия моей родины. И я сошел со сцены, никем не оплакиваемый и никому не нужный. Я никому не угодил и по сию пору меня продолжают не оставлять в покое, и имя графа Витте рисуется в глазах многих и многих как имя какого-то злодея и неудачника».

О роли графа Витте с октября 1905 года до ухода с поста председателя Совета министров в апреле 1906 написано немало. «Граф Витте хотел обмануть историю, – считал лидер кадетов П. Н. Милюков. – На деле он сам был обманут историей – так жестоко, фатально и бесповоротно, как история это умеет делать. В глазах истории граф Витте – поконченный человек. Его шанс прошел, больше не вернется».

Представляет интерес оценка Витте, данная в некрологе «Нового времени» в 1915 году: «Ни один справедливый человек не упрекает графа Витте, что он в такую трудную минуту политического кризиса не отклонил от себя этой роли. Можно с уверенностью утверждать, что инициатива Манифеста 17 октября 1905 года не принадлежала графу Витте. Он со своей стороны считал достаточным для успокоения умов ограничиться, на первых порах, объединением правительства как единомысленного кабинета министров и предоставить этому кабинету разработку потребностей политической реформы. Но события были сильнее его воли».

Манифест был лишь руководящей директивой деятельности объединенного правительства, пришлось спешно исправлять так называемый «булыгинский» проект Государственной Думы, переделывать избирательный закон, вырабатывать новый текст Основных законов; требовалось одновременно преобразовать Государственный Совет, подготовить созыв Думы и принять ряд исключительных мер для подавления смуты и восстановления порядка.

Все это делалось торопливо. Немудрено было потерять голову, и тот, кто упрекал графа Витте за разные ошибки и промахи в тот тяжелый период ликвидации политического кризиса, едва ли ясно представлял себе положение государственного деятеля, несущего на себе страшную ответственность и окруженного, с одной стороны, растерявшимися чиновниками, а с другой – дворцовыми и политическими заговорами и интригами. Прибавьте, что казна была в отчаянном состоянии, и требовалось во что бы то ни стало получить большой заграничный заем.

Причина краха многих масштабных замыслов Витте заключалась не только в его ошибках, что справедливо подчеркнул позже П. Струве в очерке-некрологе. Он, по сути, был обречен в своих попытках мирно, сверху осуществить либеральные преобразования – слишком много оказалось в стране «горючего мате-

риала» в виде накопившихся противоречий. «Великая реформа 1905 года была неизбежна, – писал Струве, – но она нашла и власть, и народ неподготовленными к принципиально новым отношениям».

Самого же Витте не оставляли трагические размышления о значении Манифеста 17 октября и его последствиях. «В бессонные ночи иногда думаю, – сказал он однажды А. В. Руманову, – не сделал ли я ошибку, настаивая на акте 17 октября. Но история всего человечества говорит, что другого исхода по историческому ходу вещей не могло быть. Или все человечество и я с ним ошибались, или я был прав».

Часть четвертая

**БЕЗВРЕМЕНЬЕ.
НА ОБОЧИНЕ
БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ**

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

Разнообразием дарований, громадностью кругозора, умением справляться с труднейшими задачами, блеском и силой ума Сергей Юльевич Витте, по мнению академика Е. В. Тарле, превосходил всех современных ему людей власти, кроме Бисмарка и Гладстона. Любопытно сопоставить политические судьбы и жизненный путь трех известных политиков.

Вильям Гладстон (1809–1898) – английский государственный деятель, лидер либеральной партии, занимал пост премьер-министра трижды: в 1864–1874, в 1880–1886 и в 1892–1894 годах, то есть находился у власти до 85-летнего возраста.

Отто Бисмарк (1815–1898) – государственный деятель Пруссии и Германии, в 1871–1890 годах занимал пост рейхсканцлера Германской империи, тоже оказался политическим долгожителем.

На фоне этих двух крупных политиков жизнь Витте, и земная, и политическая, выглядит сравнительно непродолжительной. Пробыв на министерских постах меньше пятнадцати лет, а на должности премьера всего полгода, Витте вышел в отставку в неполных 57 лет! Для политика такого уровня это не возраст, а время достижения зрелости, расцвета личности и значительного запаса физических и духовных сил для активной государственной деятельности.

Тут уместно привести замечание одного из биографов Уинстона Черчилля: «Если бы он умер, не дожив до 60 лет, то о нем не говорили бы как о государственном деятеле». А ведь Черчилль довольно рано начал свою политическую карьеру: в 34 года он уже был министром торговли, затем министром внутренних дел, морским и военным министром, министром финансов, и лишь в 66 лет он стал премьер-министром, с чем и вошел в историю.

Витте же вынужден был в 1906 году уйти из большой политики, поскольку находился в опале у государя и не имел поддержки в обществе. Он сознавал свой «фатум». Камергер Тхоржевский

привел в мемуарах такую сцену: «Раз как-то за завтраком, выпив, как всегда, обычную полубутылку шампанского, Витте с горя расшутился и стал уверять, что хотя ни золотая валюта, ни Портсмут, ни Конституция не дали ему славы и не дадут бессмертия, но у него все-таки есть еще один последний шанс. Есть только одна прочная слава на земле – единственная – кулинарная: надо связать свое имя с каким-нибудь блюдом. Есть бефстроганов, скобелевские битки... Гурьев был министром финансов, наверное, хуже меня, а навсегда его имя знаменито! Почему? Благодаря гурьевской каше. Вот и надо, мол, изобрести какие-нибудь “виттевские пирожки”, тогда это, и только это останется». Речь шла о его крошечных горячих ватрушках с ледяной зернистой икрой – к водке. Это было, разумеется, шуткой. В глубине души Витте верил в свою политическую

Заседание Думы

звезду, в свое неизбежное «второе пришествие к власти». «Лебединая песнь С. Ю. Витте во всяком случае еще далеко не спета. Принимая во внимание, что ему в настоящее время только 57 лет, надо думать, что нам вскоре придется быть свидетелями дальнейших подвигов неустрашимого гладиатора», – писал другой современник в 1906 году.

Через несколько дней после отставки Витте и его кабинета, а именно 27 апреля 1906 года, состоялось открытие I Государственной Думы. Придворные церемониймейстеры полагали, что

царская пышность, с которой они обставили торжественное открытие, пробудит у избранных депутатов верноподданнические чувства. Но куда там! Глядя на мрачные лица депутатов, министр двора барон Фредерикс сравнивал их «со стаей преступников, ожидающих сигнала, чтобы зарезать всех сидящих на правительственной скамье».

Витте не пришлось наблюдать непрерывные столкновения между народными избранниками (гораздо более левыми, чем ожидалось) и министрами по вопросам о политической амнистии, о принудительном отчуждении помещичьей земли и др. Вконец измотанный многими месяцами сверхнапряженной работы, он оставил эти заботы новому премьеру Горемыкину, а сам с женой уехал отдыхать за границу.

На последней встрече с Николаем II Витте заручился обещанием царя назначить его послом в одну из европейских стран на первую же освободившуюся вакансию. Он так увлекся мыслью о дипломатическом поприще, что даже довел до царя свои взгляды о необходимости кадрового обновления российских посольств. Но царское слово было дано на радостях, что «постылый министр уходит наконец с глаз долой». Позже, когда открылась вакансия и Витте стал хлопотать о назначении в Париж, Николай II отказал ему, сославшись на сопротивление Министерства иностранных дел.

Отставка Витте с государственных постов была неполной. Он оставался членом Государственного Совета и председателем Комитета финансов, а также статс-секретарем, что не требовало его постоянного присутствия в Петербурге.

За границей Витте полностью посвятил себя семейным делам: навестил в Брюсселе свою приемную дочь Веру Нарышкину с мужем-дипломатом и сыном, задержался в Германии из-за болезни жены, отдыхал в Швейцарии и во Франции.

Даже вдали от России его по-прежнему преследовали интриги. Давний враг генерал Е. В. Богданович послал царю донос: «Наш посол, граф Остен-Сакен, передал мне о своих свиданиях с графом Витте и о тех возмутительных речах, которые вел в его присутствии этот предатель, столько зла успевший сделать России в недолгое время Вашего к нему доверия».

В Петербурге охотно верили любому поклепу на бывшего премьера. В середине лета Витте получил письмо от министра двора барона Фредерикса, сообщившего, что царь находит весь-

ма нежелательным его возвращение в Россию. Это дружеское по форме предупреждение было не чем иным, как высочайшим повелением. Тем не менее, переждав момент роспуска I Государственной Думы, Витте послал ответ министру двора: «Получив Ваше письмо от 17 июля с любезным советом не возвращаться в настоящее время на мою родину, я на другой день послал прошение об отставке...» Далее Витте ясно дал понять, что правительство ничего не выиграет от его вынужденной эмиграции. Пока он остается на государственной службе, у него связаны руки. Выйдя в отставку, он получит моральное право действовать по своему усмотрению. В Царском Селе хорошо поняли его скрытую угрозу.

Об этом свидетельствуют записки барона А. А. Будберга. Придворный посчитал долгом верноподданного предостеречь царя от возвращения Витте: «...пускать его на нашу политическую арену, безусловно, нельзя; Вы ведь сами знаете: кого он не купит рублем, он купит лестью, начнет интриговать, хотя бы в Государственном Совете, – и этого совершенно довольно». Николай II ответил, что ничего не может поделать, так как Витте угрожает отставкой. «Пусть подает, – обрадовался Будберг, – это прекрасно будет». – «Нет, – ответил царь, – частным человеком он, пожалуй, будет еще опаснее и нанесет еще больший вред».

В результате министр двора послал второе письмо Витте, мол, тот его не так понял, ему рекомендовали не возвращаться, так как существовала опасность покушения, но что больше нет препятствий для его возвращения в Россию, и присовокупил, что он встретит самый благосклонный прием со стороны его величества.

Отставка была выгодна Витте по материальным соображениям. Уход с поста премьера заставил подумать о том, как зарабатывать на жизнь. «Не имея соответствующих средств к жизни и не желая лишать мое семейство тех удобств, к которым оно привыкло, покуда я буду в силах, я и в частной службе могу зарабатывать соответствующие средства», – пишет он барону Фредериксу. Действительно, учитывая колоссальный опыт Витте и знание всей подноготной европейских финансов, российские и иностранные банки наперебой предлагали ему место консультанта со сказочно высокой оплатой, но он, политик до мозга костей, предпочитал власть богатству и решил остаться на государственной службе, тем более что рассчитывал вернуться в большую политику.

Тем не менее у него возникли материальные проблемы. Прежде он безбедно жил на министерское жалование и аренду

(материальное вознаграждение, которое назначалось по высочайшему распоряжению). С отставкой его ежегодный доход сократился до 19 тысяч – наполовину. Хотя через его руки на посту министра финансов прошли сотни миллионов казенных денег, он, вопреки злым наветам, не имел секретных счетов в иностранных банках. После ухода с поста министра Витте получил от царя подарок – 400 тысяч рублей, но эти деньги быстро разошлись, поскольку семья привыкла жить на широкую ногу, имела особняк в Петербурге, виллу на французском курорте Биарриц и много путешествовала.

В новых условиях пришлось урезать расходы, приспособляться к «жизни после жизни», не оставляя надежды вернуться в политику.

Записи в дневнике А. В. Богданович:

«4 октября 1906 года. Мещерский ("Гражданин") говорил Ухтомскому, что хотя жил одновременно с Витте в Гамбурге, но избегал свидания с ним, но что слышал, что никогда Витте так не мечтал снова быть у власти, как теперь, что он все делает, чтобы снова стать популярным в России и вернуться в Петербург в качестве человека с неограниченной властью.

31 октября. Вчера вернулся Витте. В доме его не знали, что он приедет».

БЕЛЫЙ ДОМ НА КАМЕННОСТРОВСКОМ

Осенью 1905 года Витте вернулся в Петербург и окончательно поселился в своем особняке на Каменноостровском проспекте, дом № 5. Особняк был построен архитектором Э. Виррихом в 1898 году на участке, приобретенном у Николая Александровича Акимова. Любопытно, что тайный советник Акимов был управляющим Комитета погашения государственного долга, подразделения Министерства финансов. Архитектор Эрнст Виррих тоже служил в ведомстве Витте – чиновником управления неокладных сборов. В последующем он стал известен как автор проекта Политехнического института в Петербурге – любимого детища Витте.

Небольшой двухэтажный особняк в столице называли «Белым домом», видимо, из-за окраски стен. Именно так он именуется в мемуарах тех, кто часто здесь бывал. Генерал А. А. Мосо-

лов писал о том, что жена Витте в ответ на пренебрежение к ней двора и света создала у себя открытый дом с великолепными завтраками, обедами, ужинами и пышными, необычайно оживленными встречами. На трапезах и вечерах у Витте бывал весь, почти без исключения, тот же самый высший свет и некоторые великие князья... «Те же самые господа, которых Сергей Юльевич и Матильда Ивановна прикармливали и которым нередко помогали, были авторами самых злостных наветов и сенсаций, касающихся хозяев дома», – утверждал Мосолов.

Вскоре после возвращения в Петербург Витте узнал: императрица за завтраком рассказывала присутствующим, что именно он подсунул императору Манифест 17 октября и вынудил его

С. Ю. Витте за рабочим столом

подписать этот злосчастный документ. Витте немедленно занялся составлением специальной записки, посвященной истории подготовки манифеста. В январе 1907 года он передал эту записку через Фредерикса Николаю II. Царь вернул ее без всяких замеча-

ний. Было признано, что факты, изложенные в ней, соответствовали действительности. Однако Николай II заметил по поводу записки: «С Витте всегда так. Ему трудно возражать, но в его словах редко чувствуется искренность».

В последующем всем попыткам Витте вернуться к власти мешала непреклонность императора, раз и навсегда решившего не прибегать к его услугам. В письме к матери от 2 ноября 1906 года Николай II заметил: «Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела». Еще ранее, в апреле 1906 года, царь сказал В. Н. Коковцову, что «окончательно расстался с графом Витте, и мы с ним больше не встретимся».

Отрытая против него кампания не запугала Витте, он не намерен был уступать перед натиском недоброжелателей, несмотря даже на то, что обстановку отягощали угрозы со стороны правых и левых экстремистов.

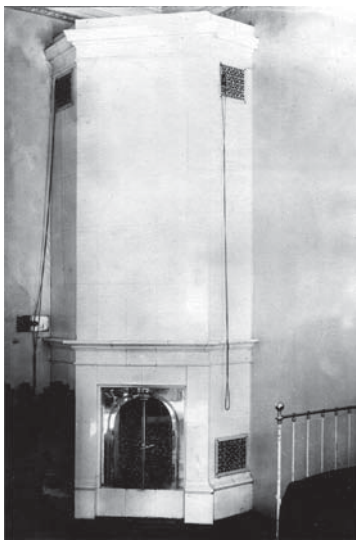
Как пишет Витте в «Воспоминаниях», еще в Париже он получил от князя М. М. Андронникова телеграмму: «Узнав о Вашем скором возвращении, поступаю по совести вследствие искренних и верных чувств, к Вам питаемых, умоляю Вас продолжить Ваше пребывание за границею. Опасность для Вашей жизни здесь более серьезная, нежели Вы думаете, это мое последнее слово. Приезжайте, если хотите умереть». Хотя эта телеграмма, как пишет далее Витте, «имела обратное действие, я решил немедленно выехать в Петербург», тем не менее очевидно, что, несмотря на браваду, такое предупреждение вряд ли поднимало настроение, тем более что угрозы поступали и после его возвращения.

Это оказались не просто угрозы. В январе 1907 года в особняке на Каменоостровском на Витте была совершена попытка покушения. Хотя у бывшего председателя Совета министров была охрана, агенты, дежурившие в его особняке, выполняли скорее роль соглядатаев, чем телохранителей. Вечером 29 января истопник, обслуживавший дом Витте, случайно обнаружил в печном дымоходе «адскую машину». На следующий день нашли еще одну бомбу. Вот что пишет Витте в «Воспоминаниях»: «Самим покушением на меня никто собственно не интересовался... а все как бы желали напасть на след и возможность придаться и сказать, что, мол, это была симуляция преступления, что, в сущности, “адские машины” были спущены не с трубы, а положены прямо во выюшку из дому».

Эта версия событий кем-то успешно распространялась. Заглянем в дневник А. В. Богданович:

«2 февраля 1907 года. Стишинский острит над “бомбочками” у Витте. Говорят, Витте это сделал, чтобы получить привет от царя, но пока еще привета никакого не получил».

Действительно, царского сочувствия Витте не дождался. «...Его величество и его семья никакого жеста по поводу раскрытого покушения не сделали и никакого внимания мне не оказали». Правда, его навестил министр двора барон Фредерикс, но просто как добрый знакомый. Реакция в высших бюрократических кругах была равнодушно-подозрительной. «...После покушения на меня был разговор в Государственном Совете во время антракта, и некоторые указывали на возмутительность такого покушения, – писал

Печь, в которой была заложена бомба

Витте, – и министр юстиции характерно улыбнулся и заметил, что да, может быть, это покушение было, в сущности, сделано лицами, живущими в доме графа Витте, может быть, и с его ведома».

Как показали результаты расследования, покушение было серьезным, и если бы бомбы взорвались, то особняк был бы разрушен, а его обитатели погребены под обломками. Бомбы не сработали из-за неисправности часового механизма. Как пишет в мемуарах начальник петербургского охранного отделения

А. В. Герасимов, осматривавший место преступления, «так грубо и неумело повести дело могли только дружинники “Союза русского народа”». По понятным причинам, высказать это открыто я не мог. А потому, когда Витте, присутствовавший при осмотре, спросил меня, кто, по моему мнению, мог быть автором покушения? — я ответил ему: “Не знаю”, прибавив: “Во всяком случае, это не революционеры”».

Расследование велось очень вяло, и Витте вынужден был настойчиво теребить чиновников охранного отделения. Через несколько месяцев открылась правда. Партия эсеров распространила прокламацию, основанную на показаниях бежавшего из ссылки рабочего Василия Федорова, входившего в дружину РСДРП и скрывшегося за границей. Позднее он направил прокурору письменное заявление о том, кто и как пытался расправиться с Витте. В Петербурге он встретил некоего Казанцева, который назвался эсэром-максималистом, и тот предложил ему совершить это покушение. Под видом трубочистов Федоров с подельником залезли на крышу особняка Витте и спустили на веревке взрывные устройства в дымоходы.

После этого Казанцев дал ему новое поручение — убить председателя, присвоившего экспроприированные деньги. Федоров застрелил человека, на которого было указано. Из газет он, к своему ужасу, узнал, что от его руки погиб редактор «Русских ведомостей», депутат I Думы Г. Б. Иоллос, публиковавший разоблачительные материалы о «Союзе русского народа». Казанцев был в восторге от удачного теракта и предложил устроить новое покушение на Витте. «Тут я немного понял, — писал Федоров, — что, видится, вместо максималистов попал к “Черной сотне”».

Известно, что готовилось и другое покушение на Витте, причем оно преследовало, по его мнению, и провокационные цели. Не случайно было выбрано и время: «...в сущности, все покушения в конце мая 1907 г., накануне роспуска II Государственной Думы и издания закона 3 июня, имели своей целью исключительно возмутить общественное мнение против левых политических партий, а может быть, и вызвать со стороны правительства более энергичные меры в борьбе с ним».

Несмотря на покушения и угрозы, продолжавшие поступать со стороны правых, Витте вел достаточно открытый образ жизни. Он разъезжал в автомобиле по Петербургу, навещал своих отставных сослуживцев по Совету министров, бывал на завтраках

у великого князя Владимира Александровича, принимал у себя в особняке самую разнообразную публику.

Завтраки в «Белом доме» посещали французский посол Морис Бомпар, корреспондент «Дейли телеграф» Эмилио Диллон, генерал Ф. В. Дубасов. Частым гостем у Витте был бывший министр просвещения И. И. Толстой. Во время одной из встреч с ним в начале мая 1907 года Витте прямо заявил, что считает «государя и императрицу ненормальными, а потому готов признать, что правительство, при существующем характере Николая II, не в состоянии будет вывести Россию из настоящего положения, и придется рассчитывать только на Николу Угодника, то есть на естественную эволюцию».

Причины, по которым шеф охранного отделения Герасимов не мог открыто высказать свои подозрения Витте, достаточно понятны. Связаны они с тем, что черносотенцам покровительствовал сам царь. В дневнике А. С. Суворина воспроизведена телеграмма Николая II председателю «Союза русского народа» Дубровину:

«Передайте всем председателям отделов и всем членам “Союза русского народа”, приславшим Мне изъявления одушевляющих их чувств, Мою сердечную благодарность за их преданность и готовность служить Престолу и благу дорогой родины. Уверен, что теперь все истинно верные и русские, беззаветно любящие свое отечество сыны сплотятся еще теснее и, постоянно умножая свои ряды, помогут Мне достичь мирного обновления нашей святой и великой России и усовершенствования быта великого ее народа. Да будет же Мне “Союз русского народа” надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка. Николай».

Суворин в дневнике 5 июня 1907 года записал: «Я не поверил в подлинность этой телеграммы и написал обидные слова Булгакову и Мише (сотрудники «Нового времени». — С. М.) за их неосмотрительность, полагая, что это телеграмма поддельная... Однако вскоре удостоверился в правильности, но не напечатал». Телеграмма эта появилась в промонархическом «Русском знамени».

Далее Суворин пишет: «...приехал Витте. Он уезжает за границу к своему доктору, потом в Комерэ в Пиренеях, потом к дочери в Брюссель. Приехал проститься. Я показал ему телеграмму царя к Дубровину. Большой разговор. “Царь самоуверен. Во время японской войны он после всякого несчастья думал, что вот теперь мы победим и все поправим. И теперь так же. Распустив Думу, он

думает, что настанет благословение Божие и конец революции” ... в его поступках что-то детское, хотя про него нельзя сказать, что он не умен и не образован...»

По поводу телеграммы Николая II в «Воспоминаниях» Витте высказался более резко: «Пишу эти строки, предвидя все последствия безобразнейшей телеграммы императора проходимцу Дубровину, председателю “Союза русского народа” (3 июня 1907 г.). Телеграмма эта в связи с манифестом о роспуске Второй думы показывает все убожество политической мысли и болезненность души самодержавного императора...»

«Союз русского народа» и другие монархические организации, непримиримо относившиеся к Манифесту 17 октября, считали его инициатора злейшим врагом. Они не могли простить Витте ни территориальной уступки, ценой которой был куплен мир с японцами, ни попыток ограничить самодержавную власть посредством Думы.

Монархист В. Кобылин не был черносотенцем и даже признавал полезность ряда реформ Витте, но в то же время обвинял его во многих грехах, называя «зловещей фигурой». Кобылин задает вопросы: «...почему Витте за всю свою долголетнюю государственную деятельность проводил такую двойственную политику? И сейчас же напрашивается другой вопрос. Был ли он свободен в своей деятельности? Не был ли он связан чем-то, что шло вразрез с интересами России? Мы видим, что и другие сановники поступали не в интересах России, а кого-то или чего-то другого. И думается, это не случайность, а принадлежность к тому сообществу, которое веками ниспровергало через своих членов и государственные, и моральные устои человечества».

Можно догадаться о каком сообществе идет речь, хотя здесь прямо масоны не упоминаются. Обвинения в адрес Витте об участии в жидомасонском заговоре против России звучали и в начале, и в конце XX века. Так, некто С. Александров опубликовал 5 августа 1999 года в газете «Новый Петербург» статью «Масонские тайны», содержащую подобные утверждения. Ссылался он при этом на работы современного историка О. Платонова, объединенные общим названием «Терновый венец России». Платонов пытался раскрыть негативную роль иудеев и масонов в истории России, прямо называя масонов преступной организацией. Однако в опубликованном им «Историческом словаре российских масонов XVIII–XX веков» упоминание о С. Ю. Витте отсутствует.

Были ли Витте масоном? Этот вопрос интересовал и продолжает интересовать многих, поскольку информация весьма противоречива. Например, об участии Витте в масонской ложе упоминается в дневнике генералыши Богданович (запись от 12 апреля 1905 г.). В рукописном отделе Российской Национальной библиотеки Санкт-Петербурга хранится копия оригинальных документов масонской организации – постановление и приговор собрания ложи Мезори ордена Розенкрейцеров от 30 апреля 1905 года. Там, в частности, говорится: «Собрание признало вполне для себя доказанным, что этот человек (Витте – С. М.) – без чести и совести, едва достигнув власти, сделался злым гением своего отечества и что, продавшись международной шайке жидов, он упорно добивается разорения и уничтожения России. Постыдно отдав иноземцам – притом не без пользы для себя – природные богатства родной земли, он возбуждает затем смуту и делается душой всех мятежей и убийств, покрывающих Россию кровью и разрушением... Преступник достиг предела своего могущества и безнаказанности. Если слаб монарх, а большинство других стоящих у власти людей сделались рабски послушными сообщниками Сергея Витте, то существует иная власть, свободная и сильная, которая бесповоротно решила уничтожить злодея...» Приговор был суров: исключение Витте из ложи и символическая казнь «преступника».

Получается, что если Витте и был членом масонской ложи, то был изгнан оттуда как преступник. Документы эти оставляют впечатление дешевого фарса, состряпанного бессильными в своей злобе правыми националистами. Энциклопедический словарь «Русское масонство. 1731–2000 гг.» (М., 2000), составленный А. И. Серковым, содержит фамилии 12 тысяч вольных каменщиков, но данных о С. Ю. Витте в словаре нет. В книге В. С. Брячева «Русское масонство XX века» (СПб., 2000) говорится: «Принципиальным отличием русского масонства начала XX века был ярко выраженный политический характер, на первый план русские “братья” выдвигали не моральное совершенствование, а борьбу за освобождение России от самодержавия».

Очевидно, что С. Ю. Витте, до конца жизни остававшийся преданным самодержавию, по логике не мог быть в числе масонов.

В книге Б. И. Николаевского «Русские масоны и революция» (М., 1990) сказано о жидомасонах как о «фантазмагории, сочиняемой в черносотенной печати и в тайной полиции, над которой принято было смеяться».

В мемуарах в ответ на многочисленные обвинения в жидомасонстве и продаже России Витте скажет: «Я тоже националист, но другого, аксаковского типа, не имеющий ничего общего с господами черносотенцами». Не в натуре Витте было попусту тратить время на опровержение обвинений и слухов. Он не мог оставаться безучастным наблюдателем того, что происходило в политической и экономической жизни страны, особенно в финансовой сфере.

По инициативе Витте в конце февраля 1907 года в кабинете министра финансов В. Н. Коковцова состоялось заседание по вопросам денежного обращения, на котором Витте выразил тревогу в связи с огромным, по его мнению, увеличением в обороте бумажных денег. Он также подверг критике основы финансовой политики Коковцова, обвинив его в отступлении от курса, выработанного после денежной реформы 1897 года. Ради создания устойчивого обращения Витте предлагал выпустить на 150–200 миллионов рублей золотой монеты, изъяв на ту же сумму кредитные билеты. Кроме того, он указал на то, что предусмотренные бюджетом расходы не соответствуют экономическому положению страны. Мнения участников заседания разделились. Коковцов и его сторонники считали положение в стране неустойчивым, а меры Витте – преждевременными. Комитет финансов, который возглавлял Витте, был, по сути, совещательным органом при министре финансов, и тот мог по своему усмотрению относиться к рекомендациям Комитета. Коковцов обычно прислушивался к авторитетному мнению Витте.

А. Ф. Кони пишет: «Блистательны по содержанию были его речи по специальным финансовым вопросам. Я до сих пор с особым удовольствием вспоминаю его выступление при рассмотрении в 1910 году бездефицитного бюджета. Эти речи он говорил со спокойствием обширного и глубокого знания того дела, о котором шли прения, и с чувством несомненной любви к родине, иногда с подъемом в некоторых местах... но без раздражения и колкой иронии».

Острые дискуссии шли тогда о причинах финансовых трудностей России. Витте считал, что войной с Японией расшатано денежное обращение, в то время как его оппоненты источником всех бед называли революцию. За этими, на первый взгляд, финансовыми разногласиями скрывалась полемика по одному из важнейших политических вопросов – об ответственности за войну и революцию. Витте еще в 1905 году начал в печати кампанию

с целью возложить всю вину за возникновение войны на Безобразова и его «шайку». К апрелю 1907 года он завершил работу над большой рукописью под названием «Пролог Русско-японской войны», изданной им позднее под именем Б. Б. Глинского. В этой работе Витте упорно отстаивал мысль о мирном характере экономической политики на Дальнем Востоке, проводившейся Россией до 1903 года, подчеркивая, что его отставка с поста министра финансов развязала руки «безобразовцам», которые очень быстро привели Россию к столкновению с Японией.

Многочисленные оппоненты Витте тоже не сидели сложа руки, и «битва документов» продолжалась многие годы, подчас переходя в «рукопашные схватки». Примером тому можно назвать дело о вызове на дуэль «генерал-адъютантом А. Н. Куропаткиным графа Витте».

16 февраля 1910 года Витте участвовал в прениях по докладу генерал-майора Буйницкого о событиях на Дальнем Востоке и строительстве крепости Порт-Артур. Докладчик объяснял незавершенность строительства «диктатурой министра финансов», ограничивавшего расходы. Витте возражал, отмечая, что военные расходы России в то время были огромными, а причины военных неудач предлагал искать в другом. Витте, в частности, сказал: «Наши величайшие полководцы Суворов и Кутузов обладали не только высшим гением, военным героизмом, но гражданским мужеством, заключавшимся, между прочим, в умении молчаливо переносить опалы судьбы без оборота своих неудач на других».

Через несколько дней Витте получил письмо Куропаткина:
«Милостивый государь граф Сергей Юльевич!

В газете “Земщина” от 18 февраля сего года помещена статья “Прения об обороне”. В этой статье излагаются выдержки из Вашей речи, произнесенной в Николаевской инженерной академии... Как для меня, так и моих товарищей несомненно, что слова Ваши о недостатке гражданского мужества относились лично ко мне как бывшему военному министру и главнокомандующему...

Для военного человека нет более тяжелого оскорбления, как обвинения в недостатке мужества, безразлично военного или гражданского. Я не могу допустить безнаказанность таких обвинений и оскорблений.

Я прошу Вас, граф Сергей Юльевич, за нанесенное Вами мне оскорбление дать мне удовлетворение в той форме, которая принята в подобных случаях в военном ведомстве.

Вы долго стояли во главе двух корпусов и просили о даровании Вам военного мундира (шефа пограничной стражи. – С. М.). Я надеюсь, Вы не признаете для себя возможным уклониться от дуэли со мной... рекомендую своего секунданта... 21 марта 1910 г. Куропаткин Алексей Николаевич.

Витте ответил: «В своей речи 16 февраля... я не имел намерения обвинить Вас в недостатке гражданского мужества, почему и считаю своим долгом извиниться перед Вами...».

Такая ранимость и обидчивость Куропаткина были следствием стародавних, довольно неровных отношений с Витте. Порой они выступали вместе против «безобразовской шайки» и Куропаткин входил в «триумвират Витте», порой их позиции резко расходились. Об этом свидетельствуют и записи в дневнике А. В. Богданович:

«18 июня 1900 года. Был Ванновский. Говорили про Куропаткина, что он вредный для России военный министр, который только фокусами занимается... По мнению Ванновского, войны с Китаем нет и не должно быть, мобилизация эта не нужна; что вся война придумана, вызвана адмиралом Алексеевым, генералом Гродековым и самим Куропаткиным раздута. В Министерствах иностранных дел и финансов точно такой же взгляд...»

«30 сентября. ...слышали тоже, что Витте с Куропаткиным на ножах».

В «Воспоминаниях» Витте главными виновниками Русско-японской войны изображались Безобразов и его приспешники. Однако и Куропаткину отводилось значительное место. Не смог Витте подняться до того, чтобы критически осмыслить и свою роль, а она была немалой. В то же время нельзя забывать, что вся восточная политика была имперской.

ДВА РЕФОРМАТОРА: ВИТТЕ И СТОЛЫПИН

Эти два имени обычно стоят рядом в списке крупных государственных деятелей дореволюционной России. Правда, сегодня деятельность Столыпина нередко оценивают выше. В этом плане примечателен ответ Б. Н. Ельцина в 1996 году на вопрос, какие личности, оставившие след в истории России, ему интересны и почему. Президент выделил Петра I, Александра II и Столыпина.

на. «Петр Столыпин... победил смуту, начал аграрную реформу, но трагически погиб». В современной публицистике все чаще упоминается имя Столыпина. Можно ли объяснить это исключительным значением в истории России аграрного вопроса, или его трагической гибелью, или известным влиянием дореволюционной российской печати официозного направления, представлявшей Столыпина проводником политики, отвечавшей национальным интересам, а Витте – масоном и виновником революции?

Журнал «Звезда» (1995, № 6) опубликовал статью академика Б. В. Ананьича «С. Ю. Витте и П. А. Столыпин – российские реформаторы XX столетия. Опыт сравнительной характеристики». Автор обстоятельно рассматривает то общее и индивидуальное, что было характерно для этих двух государственных де-

П. А. Столыпин, министр внутренних дел и председатель Совета министров (1906–1911)

ятелей. «Витте и Столыпина, – пишет историк, – объединяло то, что они при выработке политического курса опирались прежде всего на власть, а не на какие-то общественные силы, действовали в интересах власти и преследовали одну общую цель – остановить революционное движение и обеспечить экономическое и государственное развитие при сохранении самодержавной формы правления». Что касается аграрного вопроса, попытку решения

которого связывают со Столыпиным, то Витте прекрасно понимал его значение и пытался решать. Он утверждал, что если бы Особому совещанию под его руководством дали завершить работу, то «крестьянство, вероятно, не было бы так взбаламучено революцией».

После принятия Манифеста 17 октября в результате вынужденного и спешного реформаторства были осуществлены те преобразования, о которых прежде не решались даже открыто говорить. Однако все было непрочным. К весне 1906 года апогей революционного движения миновал. Витте, спасший режим, был уже не нужен.

Николай II, оправившись от потрясений, не намерен был и дальше уступать либеральной оппозиции, требовавшей ограничения самодержавия. Для этого ему нужен был энергичный и решительный государственный деятель. Царь остановил свой выбор на Столыпине. Как пишет академик Б. В. Ананьич, «Витте своими реформами задержал развитие революции, Столыпин должен был возглавить “попятное движение”».

Столыпин создал новую политическую «систему». Либеральная оппозиция, со своей стороны, не теряла надежду добиться создания ответственного перед Думой правительства. Столыпину пришлось лавировать между Думой и властью, и это ему удавалось на протяжении нескольких лет, во многом благодаря успехам аграрной реформы.

Царь, закрыв Особое совещание, возглавляемое Витте, всю инициативу в решении крестьянского вопроса передал Министерству внутренних дел, которое и возглавлял Столыпин. Он считал, что укрепить экономику страны можно только через подъем сельского хозяйства, — эта мысль становится позже одной из центральных в его экономической программе: «Аграрная реформа должна быть архимедовым рычагом для подъема экономики империи».

Несмотря на ведомственную принадлежность к Министерству внутренних дел, где Витте традиционно находил противников, точка зрения Столыпина на решение крестьянского вопроса оказалась близкой к его позиции. Важнейшими мерами Столыпин считал: крестьянское землеустройство, переселение крестьян на хутора и отруба, организацию для них мелиорации земель и доступного кредита. При этом он ссылаясь на опыт Восточной Пруссии, Дании, Бельгии, демонстрируя обширную эрудицию в этом вопросе.

Инициатором реформ, по его мнению, обязана выступать власть, и весь процесс должен проходить под ее контролем. «Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, – говорил он, – рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, который настанет неизвестно когда, жгучие вопросы решатся сами собой, – это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью».

В этом было кардинальное расхождение его позиции с предложениями Витте, который полагал, что главное – сделать крестьянина «персоной», предоставив гражданские права и создав возможность для проявления инициативы, а дальше стихийный процесс сделает свое дело.

Но, как и Витте, Столыпин был принципиальным противником общины, в ней он видел главную причину неустроенности деревни. Единоличная собственность, по мысли Столыпина, не только приведет к подъему сельского хозяйства, она станет «залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве», что важно с полицейской точки зрения.

Как и Витте, он не считал нужным разрушать общину искусственно – переход от общинного к личному владению землей осуществлялся в ходе аграрной реформы Столыпина постепенно, без принуждения и стеснения. Логика для крестьян была такой: хочешь – живи в общине, не хочешь – уходи, и никто не вправе тебя удерживать.

Для выкупа земли у государства и помещика, а также для обзаведения скотом и инвентарем активно использовались кредиты Крестьянского банка под низкий процент с рассрочкой до 50 лет, что также было заложено Витте.

Стремясь решить проблему малоземелья в центральных районах, Столыпин, как и Витте, инициировал переселение крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. За пять лет туда перебралось свыше трех миллионов хозяев, а если считать с семьями, то в 4–5 раз больше. При этом казна выдавала подъемные ссуды, снижала тарифы на проезд по железной дороге.

Закономерно возникает вопрос: почему Николай II весной 1905 года, закрыв Особое совещание, уже осенью 1906 года не препятствовал проведению столыпинской аграрной реформы,

близкой по содержанию? Следует ли искать причину в личном отношении царя к Витте и Столыпину или в эволюции взглядов самого царя под влиянием революционных событий в деревне в 1905–1906 годах? Видимо, царю стало ясно, что сохранять аграрные отношения в прежнем виде уже невозможно.

Аграрная реформа Столыпина была, по сути, последней попыткой модернизации системы самодержавия в самом отсталом секторе экономики. Реформа осталась незавершенной, и это связано не только с убийством реформатора. Против реформы выступали совершенно разные слои общества. В крестьянской среде реформа столкнулась с враждебной ей коллективистской психологией. Царь и бюрократия не желали разрушения общины, поскольку ее сохранение упрощало управление огромной крестьянской массой. Система самодержавия не смогла преодолеть инерцию прежнего существования.

Сложно складывались личные отношения двух крупных реформаторов. Столыпин демонстрировал равнодушие к своему предшественнику, хотя и признавал его заслуги. Витте с одобрением встретил назначение Столыпина министром внутренних дел. Как пишет в дневнике И. И. Толстой, Витте вначале «довольно снисходительно относился к П. А. Столыпину, видел в нем честного и прямодушного человека, хотя ограниченного и взявшегося за задачу, которая ему не по плечу».

Однако скоро между ними возникла вражда. Поводом стал ход расследования покушения на Витте. Неудовлетворенный им, Витте провел собственное расследование и направил обширное и резкое послание Столыпину, тогда уже премьеру. Заканчивая его, Витте писал: «...я не желаю, чтобы меня справедливо упрекнули в неимении мужества громко сказать, что главные и истинные виновники двукратного покушения на Вашего предместника по званию председателя Совета министров не предстали на суде не потому, что их не могли обнаружить, а потому, что правительственные органы обнаружить их и судить не желали».

Во избежание публичного скандала Столыпин распорядился вновь поднять все материалы следствия. Впрочем, единственным желанием властей было как-нибудь замять дело, о чем свидетельствовал позже вице-директор Департамента полиции С. П. Белецкий, которому оно было поручено. Но Витте не успокаивался и настойчиво продолжал обращаться к Столыпину, поскольку тот оставался и министром внутренних дел. При личной встрече раз-

гневанный Столыпин прямо сказал Витте: «Или вы меня считаете идиотом, или же вы находите, что я тоже участвовал в покушении на вашу жизнь?» Ходили слухи, что после взаимных оскорблений между двумя сановниками намечалась дуэль.

Позиция Столыпина в деле, связанном с покушением на Витте, была недалководной. Видимо, заботясь о чести мундира, он не принимал необходимых мер для расследования действий охраны, тоже замешанной в деле Витте. А это только поощряло террористов. Сам Столыпин 1 сентября 1911 года был убит в киевском оперном театре, причем при содействии охраны.

Витте отозвался на эту трагедию желчной эпитафией, что, мол, Столыпин любил театральные жесты и погиб, соответственно своей натуре, в театральной обстановке. Тогда уже он был переполнен чувством глубокой неприязни, резко критиковал Столыпина за отступления от положений Манифеста 17 октября и даже за аграрные преобразования. Витте видел в Столыпине не просто политического соперника, но гонителя и врага. «Можно сказать, что Столыпин был образцом политического разврата, ибо он на протяжении пяти лет из либерального премьера превратился в реакционера», — писал он в «Воспоминаниях». Его суждения о Столыпине, которые мы находим в мемуарах, несомненно, глубоко пристрастны и не вполне объективны. Проницательный В. А. Маклаков, размышляя о Витте, высказал догадку: «Может быть, он так ненавидел Столыпина, потому что Столыпин занял исторически принадлежавшее ему место?» Впрочем, близко к оценкам Витте о Столыпине высказывались и некоторые другие современники, например П. Н. Милюков, И. И. Толстой, В. И. Гурко, что вполне объяснимо политическими разногласиями.

Важнее общая оценка и мнение беспристрастных историков. Так, А. П. Корелин склонен считать, что П. А. Столыпин по сравнению с Витте «на порядок менее яркий, но все же, несомненно, выделявшийся на общем фоне, волевой, смелый и по-своему талантливый деятель». По мнению академика Б. В. Ананьича, «сопоставление Витте и Столыпина, как двух крупных государственных деятелей начала XX века, позволяет видеть в Витте человека с более широким кругозором и критическим отношением к существовавшей в стране системе государственного управления. Витте, несомненно, оставил более значимый след в государственных преобразованиях в России XX века, нежели Столыпин».

Тем не менее двух реформаторов многое сближает, прежде всего ответственность за судьбу страны и попытка отвести надвигающуюся катастрофу революции. Несложившиеся личные отношения, возможно, объяснимы тем, что самолюбивый Витте болезненно воспринимал вынужденное безделье, ревниво и неприязненно относился к удачливым соперникам.

Положение Витте в тот период жизни было незавидным. Его соратник В. И. Ковалевский так описывает последний период жизни реформатора: «...прошло десять лет медленного замирания, тоски от бездеятельности, печального существования в состоянии покинутости...». Витте продолжал оставаться членом Государственного Совета, но он оказался в гордом одиночестве, не примкнув ни к одной из группировок. Изредка Сергей Юлье-

Член Государственного Совета С. Ю. Витте на гатчинском аэродроме во время полетов. 1907

вич выступал на заседаниях, и к его мнению прислушивались, особенно в финансовых вопросах.

А. Ф. Кони вспоминал, что в последний период жизни Витте было особенно тяжело, в нем «жило роптание вечной души». «Витте был замкнут и мрачен, с тревогой наблюдал за происходящим...было

больно видеть могучего обладателя и знания и умения, лишенного творческой деятельности, которая капризно отдавалась в угоду людям неподготовленным, близоруким и недоумевающим. Со стороны казалось, что это своего рода Гулливер, связанный по рукам и ногам в царстве лилипутов... Надо заметить, – продолжает Кони, – что, властный и влиятельный государственный деятель и искусный дипломат, оказавший родине в годину позора и унижения великую услугу, – Витте любил подчеркнуть свое опальное положение и вынужденное пребывание не у дел, в смысле творческой деятельности, говоря: "Я совершенно в стороне и совершенно не ответственен ни за что"».

Отношение к нему окружающих сановников было равнодушным либо враждебным. Об этом, в частности, можно судить по записям в дневнике А. В. Богданович:

«1 марта 1908 года. Вчера обедал у Е. В. генерал Чебыкин... Он говорил, что, когда бывал и бывает теперь Витте у царя во время больших приемов (официальных), когда он проходит с Госоветом или стоит один, ему вслед говорят присутствующие, и довольно громко, "предатель", "мерзавец", так что нет сомнения, что Витте слышит все эти тяжелые для него эпитеты».

16 ноября. Очень интересно рассказал Н. М. Бухарин про свою встречу с Витте в Швейцарии. Витте между прочим спросил Бухарина, почему его все так ненавидят, даже те, кому он сделал добро. По словам Бухарина видно, что Витте разочарован, но продолжает страдать, что не у дел. Много вреда нанес Витте России».

Личность Витте оставалась в зоне общественного интереса, особенно среди столичных обывателей. Гвоздем театрального сезона 1908 года Петербурга была пьеса И. И. Колышко «Большой человек», поставленная в Малом (Суворинском) театре на Фонтанке. Пьеса прошла более 40 раз, что считалось несомненным успехом на фоне многих постановок-однодневок. Как значилось в заметке рецензента, «тема – из жизни высшей бюрократии и плутократии, автору хорошо знакомой, местами – довольно острая сатира. Зрители угадывали в персонажах реальных деятелей (в Ишимове – С. Ю Витте), зрители одни – аплодировали, другие – шикали речам членов "Комитета реформ". Играют пьесу хорошо, гораздо лучше, чем она того стоит. Обличаются нравы высших слоев общества...»

Другая заметка напечатана в «Обзрении театров» (1908. № 608) под названием «Граф Витте, или просто "Большой чело-

век”». «Автор И. И. Колышко заявляет: в обществе и печати продолжают циркулировать слухи, что героя моей пьесы я списал с графа Витте... успех пьесы приписывают ее портретности: одни находят этот портрет прикрашенным, другие изуродованным. По одной версии, граф Витте мне заплатил за пьесу, по другой – чуть ли не прибил... Я имею честь причислить себя к давним знакомым графа и потому с тем большей смелостью утверждаю, что Ишимов – не граф Витте, и граф Витте – не Ишимов».

В журнале Театра художественно-литературного общества в № 7 за 1908 год напечатан комментарий автора пьесы «Большой человек»: «Я был бы счастлив, если бы в моей пьесе перестали искать фотографии, аналогии, начали искать идеи... Желая воплотить в герое моей пьесы государственный талант и сильное призвание к власти, я вынужден был считаться с обстановкой, в которой они получили свое развитие.

Мой Ишимов – самородок, каких в России на всех поприщах немало. Он добивается власти сознательно, добивается как средства. Но, встав у власти и испытав трение окружающей обстановки, он уже цепляется за власть, как за цель. В этом роковая черта всех русских государственных дарований. Власть становится объектом стремления, а не орудием заранее намеченной деятельности».

Несмотря на упорное отрицание «портретности» героя пьесы, автор, несомненно, в качестве прототипа взял именно Витте. И. И. Колышко – чиновник особых поручений Министерства путей сообщения, с которым Витте познакомился по рекомендации князя Мещерского в начале 90-х годов. Он многие годы выполнял разного рода поручения Витте и, несомненно, немало знал о нем. Обладая литературными навыками, чиновник, кроме прочего, подрабатывал написанием пьес для театров.

Витте в «Воспоминаниях» писал, что Колышко держался «похлестаковски, изображая из себя очень важного петербургского чиновника, чего на самом деле, конечно, не было». Колышко, прочитав такую себе характеристику, очень разобиделся и разразился злобными анонимными брошюрами против Витте, написанными под псевдонимом Баян («Ложь Витте. Ящик Пандоры», «Великий распад»). Тем не менее Колышко был внимательным наблюдателем, умел порой подмечать скрытое, в частности то, что для Витте, особенно в отставке, власть стала «объектом стремления».

То, что Витте жил мечтой и надеждой вернуться во власть, было известно и другим. В начале 1911 года, еще за несколько месяцев до гибели Столыпина, Витте получил письмо от знакомого журналиста Г. П. Сазонова, который спрашивал, не согласится ли он вновь принять должность премьера, с условием, что министром внутренних дел будет назначен нижегородский губернатор А. Н. Хвостов. Это предложение было по меньшей мере странным. Во-первых, Столыпин был еще жив и здоров. Во-вторых, Витте предлагали в сотрудники Хвостова – видного члена «Союза русского народа». В-третьих, замену главе правительства подыскивал какой-то мелкий журналист. Поэтому Витте ответил, что «недоумевает, кто из них сошел с ума».

Витте, видимо, еще не понимал, что наступают новые времена, когда высшие государственные посты будут раздаваться по протекции темных личностей. Сазонов был близок к «старцу» Григорию Распутину, который уже несколько лет подвизался в придворных кругах, но только-только начал входить в силу. Многие высокопоставленные чиновники еще не подозревали о его влиянии на царскую чету. Губернатор Хвостов просто посмеялся над Распутиным, когда тот заехал в Нижний Новгород и предложил ему пост министра внутренних дел. Вскоре ему пришлось исправлять свою оплошность, заискивая перед «старцем».

Однако слухи по Петербургу поползли еще раньше, о чем свидетельствует запись в дневнике А. В. Богданович:

«20 марта 1910 года. Сегодня много интересного, но грустного, даже возмутительного слышала о Григории Ефимовиче Распутине, этом пресловутом “старце”, который проник в “непроницаемые” места, газеты разоблачают этого “старца”, но на его покровителей эти разоблачения не производят впечатления, они им не верят, и двери их открыты этому проходиму.

...Большой опасностью является то обстоятельство, что этот “блажка” спелся с Витте и жена Витте воспылала к нему любовью и доверием. Искренне это или нет – вопрос. Скорее неискренне. Является это следствием того, что Витте хочется снова получить власть, думает ее получить через “блажку”».

В сознании многих высших сановников не укладывалось, как полуюродивый мужик из Тобольской губернии может вме-

шиваться в государственные дела. Поставленные перед фактом, сановники повели себя по-разному. Одни брезгливо устранились от контактов с Распутиным и его окружением, другие наперебой бросились обхаживать его в надежде сделать карьеру.

Остается загадкой: участвовал ли Витте в этой эпопее или нет, и если да, то в какой степени? Сам Витте нигде не обмолвился о встречах со «старцем». Впрочем, мало кто открыто решался признаться в постыдном знакомстве с Распутиным. Между тем ходили слухи, которые подтверждались странным благоволением царского фаворита к опальному сановнику.

Запись в дневнике А. В. Богданович:

«27 февраля 1912 года. Сегодня сказал Альбрант, что с Григорием Распутиным часто встречался в прошлом году; что он его

Григорий Распутин (в центре)

считает хитрым, себе на уме, что он часто повторяет царю, что его спасет Сергей. Эти слова Распутин говорил и при Альбранте. Этот Сергей – Витте, которого он агент».

В книге О. Платонова «Правда о Григории Распутине» утверждается, что Витте был знаком со «старцем», который считал графа самым «разумным» из царевых слуг, а тот верил якобы в сверхъестественные способности Распутина. В последнем

можно сомневаться, так как трудно было найти в то время человека, более далекого от мистицизма, чем прагматик Витте. Об этом свидетельствуют страницы мемуаров, где он оценивает свою родственницу, известную спиритку Елену Блаватскую. Хотя, кто знает, Витте мог поддаться искушению использовать Распутина в своих целях, а установить контакт со «старцем» ему было легче легкого, ведь один из участников распутинской свиты – Варнава – долгое время был духовником Витте.

Однако против этой версии свидетельствуют мемуары известного журналиста А. А. Спасского-Одынца. В 1913 году во время очередного приезда в Петербург он был неожиданно приглашен на завтрак к директору фирмы «Деньги» А. Ф. Филиппову. На завтраке оказался знакомый Спасского И. Х. Озеров – известный экономист, член Государственного Совета, а также Григорий Распутин. Если верить автору мемуаров, он неожиданно для себя стал свидетелем и участником политической игры, затеянной для смещения В. Н. Коковцова с поста министра финансов. Озеров критиковал бюджетную политику Коковцова, а Распутин подытожил эту критику многозначительной репликой: «Володя очень занесся... зазнался... думает, что у Папы никого нет, чтобы его заменить... Володька ошибается... его Папа скоро прогонит».

Григорий Распутин много расспрашивал Спасского о Витте. Начав сентенцией, что Витте «первый в России умник... только Папу и Маму мало почитает... Все норовит по-своему. А Папа и Мама этого не любят. Царя надо чтить и слушать», Распутин кончил тем, что обратился к Спасскому с прямым предложением: «Ты скажи твоему Витте, что он с Распутиным может много выиграть и ничего не потерять».

«В конце завтрака выяснилось, – вспоминал Спасский, – чем именно я должен был отплатить хозяевам за такое угощение... Я должен был упросить Витте принять Распутина, которого граф Сергей Юльевич никак не желал видеть у себя на дому и вообще встречаться с ним... Прощаясь с гостеприимным Филипповым, я прямо сказал, что этой миссии принять на себя не могу – в смысле упрашивания Сергея Юльевича принять Распутина, все, что я могу сделать и сделаю, – это передать ему о большом желании Распутина быть принятым графом».

Как свидетельствует А. А. Спасский, в петербургском обществе и банковских кругах в декабре 1913 года ходили слухи о предстоящем возвращении Витте к власти, и Филиппов был под впе-

чатлением сказанного графиней М. Э. Клейнмихель на завтраке у Терещенко: «Таких, как Витте, у нас в России немного, и, несомненно, будут вынуждены его позвать... его скоро позовут».

Трудно судить о достоверности сообщенного А. А. Спаским-Одынцем, хотя он и отмечает в своих воспоминаниях, что записал подробно разговор с Распутиным и Филипповым сразу после встречи.

Как утверждает историк А. Боханов, сам Витте с одиозным «старцем» общения не имел (они лишь однажды виделись в церкви), но жена, Матильда Ивановна, с ним встречалась и, как установила в 1917 году Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, по крайней мере дважды была в распутинской квартире на Гороховой улице. О чем на этих встречах графиня говорила с отцом Григорием, неизвестно.

Надо сказать, некоторые взгляды Витте и Распутина были близки. В начале 1914 года они одновременно выступили поборниками трезвости. Это был удивительный альянс запойного пьяницы с инициатором винной монополии. В своей шумной речи на заседании Государственного Совета Витте сокрушался, что «цель реформы – уменьшение пьянства – отошла на задний план, а на первый выступило выколачивание из народа посредством питейной монополии денег в казну».

Как однажды выразился сам Витте, он хотел сделать из этой монополии благородную девицу, а его преемник Коковцов превратил ее в уличную девку. Тогда Витте с необычной для него самокритичностью объявил, что допустил много ошибок при введении винополии: «...покуда я буду жить, я буду всегда кричать: “Караул, караул, исправьте те ошибки, которые наделал граф Витте”». Он предложил: «Необходимо прежде и ранее всего обессилить Мефистофеля-соблазнителя в репертуаре нашего государственного бюджета, урезать питейный доход, чтобы не было никакого соблазна его все увеличивать и увеличивать для сбалансирования росписи и получения свободной наличности». Предложение Витте не было принято, Коковцов был вскоре отправлен в отставку, и от «винополии» с началом войны вообще отказались.

Оказались близки позиции Витте и Распутина и в отношении к войне. В апреле 1914 года, находясь в Германии, на курорте в Зальцширфе, Витте выступил с предостережением против войны. В немецкой газете появилось его интервью с сочувственным отзывом о попытках Распутина предотвратить войну. Рас-

путин откликнулся в петербургской газете похвалой Витте («Он говорил очень разумно потому, что сам разумный»). Витте был целиком поглощен желанием предотвратить войну. Два тезиса, на которых он особенно настаивал, состояли в том, что «Европа обескровит себя и разорит, все европейское золото уплывет за океан» и «Россия первая очутится под колесом истории».

Речи Витте явно не нравились германскому императору Вильгельму. В обстановке предвоенной истерии бывшего русского министра заподозрили в шпионаже, и он буквально бежал с немецкого курорта. Война застала Витте в Одессе. Барон Розен, его партнер по Портсмуту, вспоминал: «Я никогда не забуду, как в первые недели войны он пришел в мою маленькую комнату в Яхт-клубе просто излить чувство гнева и отчаяния, которые, как он знал, полностью разделялись мною. Он метался по комнате взад и вперед, как лев в клетке, — беспомощный свидетель некомпетентности и глупости, ввергшей нацию в катастрофу мировой войны, которая могла привести к уничтожению трудов всей его жизни и обрекала страну на разрушение и гибель. Мы оба понимали, что грядет конец всего, что было нам дорого, ради чего мы жили».

Витте почти по-распутински, интуитивно, видел судьбу царской династии и предостерегал самодержца: «Можно пролить много крови, но в этой крови можно и самому погибнуть, и погубить своего первородного чистого младенца сына-наследника. Дай Бог, чтобы оно не было так и, во всяком случае, чтобы не видел я этих ужасов». Последнее Бог дал.

По свидетельству Б. Б. Глинского, «после ухода Коковцова в отставку Витте оживился, усматривая в новом министре финансов Барке то лицо, которое некогда вышло из его школы... Витте, безусловно, еще весной 1914 года был твердо уверен, что на него будет возложена миссия ведения переговоров с Германией о новом торговом договоре... Наступившая война разбила его ожидания и рассеяла его мечты, действительность окутывалась в его глазах траурным флером».

Дом и семья, несомненно, были для Сергея Юльевича крепостью, где он мог отвлечься от государственных забот. Второй брак с М. И. Лисаневич оказался удачным, Матильда Ивановна беспрестанно несла тяжелый груз супруги государственного деятеля, стараясь облегчить его жизнь. Страстная одержимость Витте политикой, работа с утра до ночи оставляли мало места для других интересов, в том числе и личных. Неизвестно ни об увлечениях Сергея Юльевича, ни об интимных друзьях, он был довольно замкнут по натуре, не стремился в светское общество, ограничиваясь лишь официальными случаями.

Как известно читателю из воспоминаний приемной дочери Витте, его жизнь была заведена как часы, работа, как правило, продолжалась до позднего вечера. «Когда среди занятий по вечерам удавалось улучшить свободную минуту, он забегал к маме и иногда играл с ней партию в безик. Папа любил, чтобы она сидела дома. Ему приятно было чувствовать, что она тут же, неподалеку, и что в любую минуту можно повидаться с нею; время, которое он с ней проводил, отдыхая от государственных забот, было единственной его отрадой».

Матильда Ивановна, похоже, была для Сергея Юльевича и матерью, и нянькой, – возможно, это было компенсацией за недостаток материнской заботы в детстве. Сосредоточенный в себе, он как будто не видел мелких подробностей повседневной жизни. Жене приходилось заказывать ему костюмы, выбирать галстуки, он ничего не замечал, лишь бы было удобно. Но чисто бытовыми заботами их отношения не ограничивались. Витте явно находил в жене моральную опору, делился с ней планами и проблемами. «Без нее он чувствовал себя одиноким и потерянными среди интриг, чуждых его прямоте. Мама, с ее глубоким знанием и пониманием людей, чутко улавливала каждое содрогание в наболевшем сердце», – писала дочь в «Записках девочки».

Среди немногих высказываний о Матильде Ивановне наиболее интересны суждения И. Тхоржевского, чиновника из Комитета министров. Во время премьерства Витте однажды он находился на половине Витте в Запасном доме Зимнего с утра до позднего вечера, «причем и завтракали и обедали у Витте, в присутствии его жены... Жена Витте была безупречно любезна,

хотя и подшучивала над моим тогдашним идеализмом. От былой красоты в ней оставалось, по-моему, мало, но муж был в нее как будто еще влюблен. Еврейка, да еще разведенная, она, конечно, в Петербурге мешала карьере мужа. При дворе ее не принимали, чем Витте был очень задет, тем более что он женился на ней с разрешения и даже одобрения императора Александра III.

В обращении она была гораздо менее вульгарна и непосредственна, чем сам Витте, но придирчивый Петербург ставил ей «всякое лыко в строку». Очень осуждали, например, то, что, приехав в запасную половину Зимнего дворца, она немедленно заказала себе почтовую бумагу с золотыми буквами *“Palais d’Hiver”* вместо того, чтобы просто указать адрес набережной. Суждения ее всегда казались мне умными и меткими».

М. И. Bumme

Колышко в своем трактате высказывает грязные намеки о жене Витте:

«Вам, бывший граф, хорошо известно, на каких двух гвоздях висела Ваша карьера. Этими гвоздями были два князя – Мещерский и Оболенский (Котик). Первый возвел Вас в министры и десять лет поддерживал на этом посту, второй – примирял двор с

Вашей семейной обстановкой. Первому Вы платили деньгами, второму... ласками. Вы знаете чьими».

Князь Николай Дмитриевич Оболенский, которого молва называла другом дома Витте, был управляющим кабинетом Николая II. Генерал А. А. Мосолов в мемуарах «При дворе последнего императора» пишет, что «обе государыни, как Мария Федоровна, так и Александра Федоровна, категорически отказывались принимать Матильду Ивановну. Естественно, за государынями не принимали ее при великокняжеских дворах». Это обстоятельство служило одной из немалых причин озлобления Витте против двора и света.

Но вот запись в дневнике А. В. Богданович:

«12 апреля 1910 года. Вчера говорили, что Витте силится пролезть в министры путей сообщения, а сегодня говорили, что жена Витте, про которую царица-мать и слышать не хотела, чтобы она представлялась ко двору, на днях представлялась царице Марии Федоровне, и это представление устроил князь Оболенский (Котик), который пользуется симпатией царицы-матери, но не царя».

Судя по всему, Матильда Ивановна была весьма практичной женщиной, хлопотала она и о делах мужа. Известно, что в 1905 году она обратилась с письмом личного характера к немецкому банкиру Мендельсону, о чем говорится в воспоминаниях германского канцлера Б. Бюлова: «Значительный свет на положение в России проливает письмо, написанное в то время графиней Витте господину Эрнесту Мендельсону, в котором она просила, чтобы мы похлопотали о назначении ее мужа русским послом в Париже. Она писала на странном французском языке с оригинальной орфографией и с некоторой наивностью крупному германскому банкиру, устраивавшему русские займы. Верная жена была права в том, что для Сергея Юльевича было бы лучше быть русским послом в Париже, чем размениваться на мелочи русской внутренней политики».

В фонде Витте Государственного исторического архива в Петербурге среди многих документов есть и письма супругов Витте друг другу. Привлекает внимание сама тональность обращений.

«Милая и дорогая Матильдочка! – пишет Витте. – Сегодня был прием у Дурново, потом заехал на 1 ч. к кн. Мещерскому. Нового ничего. Чувствую себя не лучше. Будь здорова. Крепко целую. Твой Сергей».

«Мой дорогой любимый хороший Сереженька!

Сегодня получила твое письмо... Милый, береги себя, не расстраивай свои нервы... Храни тебя Господь, мой дорогой хороший...» – пишет в одном из писем Матильда Ивановна. Примерно так начинаются и заканчиваются все письма, которых очень много. Письма графини не очень разборчивы, без знаков препинания, без указания года, только день и месяц.

Витте, несомненно, заботился о жене и переживал за нее во время болезней. Вот выдержка из письма известного врача, академика И. Мечникова к Витте от 25 января 1908 года:

«Глубокоуважаемый граф Сергей Юльевич!

Врачи, которые лечат Матильду Ивановну, говорят Вам истинную правду. Болезнь хотя серьезная, но не внушает опасения. Впечатление эти припадки производят сильное, но последствия от них не опасны... Думая о том, как Вы теперь сами волнуетесь, мне бы хотелось уверить Вас, что Вы преувеличиваете опасность. Сколько мы знаем больных в гораздо худшем положении, которые, однако, поправляются и долго живут с припадками и без них. Я по себе знаю ужас тревоги за близких, вполне понимаю Вас и был бы очень рад, если бы мог Вас успокоить. С глубоким почтением, душевно Вам преданный, И. Мечников».

Семейные заботы Витте были связаны и с приемной дочерью Верой, которую он любил как свою. Весной 1904 года она вышла замуж за Кирилла Васильевича Нарышкина – представителя известного дворянского рода, связанного с царской семьей через Наталью Нарышкину, мать Петра I. Обстоятельства заключения брака неизвестны, но Сергею Юльевичу наверняка льстило родство со столь знаменитой фамилией. Вера Сергеевна из привязанности к отцу взяла фамилию Нарышкина-Витте. В 1905 году у нее родился сын Лев, а через несколько лет – дочь Ирина.

К. В. Нарышкин, по профессии дипломат, служил чиновником русской миссии в Брюсселе и жил там с семьей. Витте нередко навещал их при поездках в Европу. К сожалению, брак с Нарышкиным для Веры не был счастливым, о чем свидетельствуют их письма, тоже хранящиеся в фонде Витте. Так, в письме, датированном 3 марта 1914 года, Кирилл Нарышкин пишет: «Милая Вера... Я хочу иметь полную свободу во всем и быть там, где мне хочется... Я считаю, что имею право пользоваться этой свободой, и теперь прошу ее. На этом условии я и согласился тогда продол-

жать совместную жизнь. Я это говорил тогда тебе и твоей матери. Я не прошу ни развода, ни официально, чтобы мы разошлись, а просто хочу полную свободу».

В другом письме Нарышкин пишет: «...после того, что произошло, я решил бесповоротно больше к тебе не возвращаться, чувствуя, что я буду не в состоянии покинуть ту особу, о которой ты знаешь. Для тебя же лучше разойтись со мной, так как твоя жизнь со мной будет только несчастьем. Ты имеешь право меня презирать и считать меня негодяем, но что делать – такова жизнь! Итак, я всесторонне обдумал... и пришел к решению, что для нас обоих лучше разойтись».

В ответном письме к Кириллу Вера писала: «Милый Кирилл. Я получила твое письмо, поднимающее вопрос о разводе.

С. Ю. Витте с внуком Левой

Не скрою... оно меня очень глубоко огорчило, так как примирение в прошлом году состоялось по твоему желанию».

Разрыв в семье дочери наверняка был известен Витте и, несомненно, усугублял его тягостное душевное состояние. Как видно из переписки, выяснением отношений молодые занимались не один год, то расходились, то сходились, но окончательно брак распался уже после кончины Витте.

Б. Б. Глинский, редактор «Исторического вестника», хорошо знавший Витте и издавший материалы к его биографии, пишет, что, «покинув пост председателя Совета министров, Витте на довольно продолжительное время удалился за границу, где преимущественно пребывал в Биаррице в семье своей падчерицы Веры Нарышкиной».

Биарриц – маленький курортный городок на юге Франции, на берегу Бискайского залива. Он нередко появляется на страницах «Воспоминаний» Витте, поскольку на протяжении почти двух десятилетий служил местом летнего отдыха семьи.

Это место привлекало и других русских, например А. А. Половцова, который сделал запись в своем дневнике: «28 августа 1897 года. Биарриц. Отложил свой отъезд до воскресенья. Никак не выберешься из этого милого города, который соединил в себе

Курорт Биарриц

город, море и деревню». Здесь находились виллы Витте и Нарышкиных.

Этот адрес Витте был известен многим в Петербурге, он упоминается и в дневнике А. В. Богданович:

«28 августа 1909 года. Вчера, когда заговорили о том, что Витте в Биаррице пишет свои мемуары и начинает их с того времени, когда был премьером...»

Судя по рассказу Глинского, в жизни Витте началось удивительное время, согретое сердечной теплотой. Было трогательно слышать из уст графа о внуке, с годами их отношения становились все более прочными и нежными.

Об этом красноречиво говорят и письма внука, хранящиеся в фонде Витте. Вот некоторые из них, написанные в 1913–1914 годах.

«Милый дедушка. Я получил очень хороший пароход, и он очень быстро ходит. Здесь очень хорошая погода. У меня начались уроки рисования. Кроме парохода, получил еще костюм черта, который очень красивый. Пожалуйста, приезжай скорей. Ирина (сестренка. – С. М.) совсем свободно ходит и начинает ездить на пляж. Папа уехал в “Saint-Morice”, а мама здесь. Целую крепко – Лев и Ирина».

*Два друга. Граф Витте с внуком
Львом Нарышкиным*

«*Villa Narichkine, Biarritz.* Милый дедушка. У нас здесь целый день шел снег. Поздравляю тебя и бабушку с Рождеством. Что ты делаешь и какая погода, спасибо за компас. Мне бабушка привезла книгу. Я был у Кандилю и Ламберг на елке и мне там было очень весело. Папа приедет во вторник, но я не знаю, приедет ли мама. Ирина здорова, и я тоже. Целую, Лев».

В последнюю для Витте зиму все жили в Петрограде, так как шла война. Когда граф только заболел и его перевели из спальни

на втором этаже в кабинет внизу, чтобы изолировать на всякий случай от обитавших наверху детей, то между первым и вторым этажом, пока еще больной пребывал в сознании, родилась любопытная переписка. Ребенок обращался к своему деду «ваше сиятельство, граф Сергей Юльевич», рассказывал об успехах в науках и напоминал об уплате ему обычного вознаграждения в размере двадцати копеек. На это дед, теряя уже силы, спешил ответить внуку и сделать распоряжение жене о выполнении обязательства.

Когда смерть уже витала над изголовьем Сергея Юльевича и окружающие не могли понять, находится ли он в сознании, то приводили к нему внука. Если бы граф хоть немного воспринимал совершающееся кругом, то приближение любимца непременно вызвало бы улыбку или какое-нибудь движение на его лице.

КОНЕЦ

Последние месяцы жизни Сергей Юльевич провел в кругу семьи в своем особняке на Каменноостровском проспекте. По свидетельству Глинского, несколько месяцев по возвращении из-за границы на родину Витте пребывал в подавленном состоянии духа, речи его отдавали желчью и сарказмом, предчувствие смерти его не покидало. В своих утренних прогулках в автомобиле по островам он постоянно заезжал в часовню Спасителя помолиться. О чем были эти молитвы – о прощении грехов, о счастье России? ...И вот легкая простуда, воспаление уха в результате положили конец и этим молитвам, и охватившей его душевной тоске. Против всяких ожиданий и окружающих, и врачей, смерть наступила быстро и решительно.

В воскресенье 1 марта 1915 года на первой странице «Петроградского листка», после главной новости об отъезде государя императора в армию, в черной рамке значилось: «Граф С. Ю. Витте». И далее шел текст с изложением подробностей: «Совершенно неожиданно сошел с политической арены один из крупнейших деятелей нашего времени, человек исключительной энергии и выдающегося ума. Насколько неожиданно произошла эта катастрофа, можно судить по тому, что в пятницу, 27 февраля, вечером,

в 8 часов, граф Витте обедал, как всегда, в столовой в кругу своей семьи и близких лиц, хотя и чувствовал недомогание. Дней пять перед этим он заболел инфлюэнцей, которая вначале не носила зловещего характера. Граф Витте, отличаясь железной волей и такой же выносливостью, не придавал значения этому недомоганию, думая, по обыкновению, обойтись без постельного режима. Но в ночь на вчера, 28 февраля, болезнь осложнилась воспалением среднего уха, откуда перешла на мозг. Когда во втором часу ночи съехались врачи, лейб-медики Сиротинин и Федоров и профессора Оппель и Окунев, то оказалось, что никаких надежд на спасение нет: болезнь приняла катастрофическую форму. В 3 часа 10 минут утра граф Витте, не приходя в сознание, скончался, имея от роду всего 66 лет».

Некролог

Графъ С. Ю. ВИТТЕ.

Въ ночь на 28-е февр., 66 лѣтъ отроду, скончался отъ воспаления мозга бывшій членъ Г. Совѣта, нашъ первый конституціонный премьеръ графъ Сергій Юльевичъ Витте, творецъ нашей золотой валюты и винной монополіи, нашей свободы совѣсти и нашей конституціи. Со сцены сошла кипучая боевая натура, человѣкъ исключительной одаренности, одинъ изъ крупнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей послѣднихъ десятилѣтій.

1 марта, на следующий день после кончины, было воскресенье, и в Петрограде успели откликнуться на событие только две газеты – «День» и «Биржевые ведомости» Проппера. В некрологе «Ведомостей» было сказано:

«С исторической сцены ушла интереснейшая фигура... Самый крупный исторический деятель последнего столетия. Со времен Петра взгляд может остановиться только на Сперанском, а дальше идут тусклые тени, формулы без содержания, т. е. которые не были ни теплы, ни холодны, люди служебного формуляра, а не работники и герои истории. Витте символизирует целую эпоху».

Газета «День», орган либеральной оппозиции, вышла с большими лакунами, сделанными цензором, – очевидно, о Витте было написано то, что не устроило власть предрежащих.

А уже 2 марта практически все столичные и многие провинциальные газеты на первых страницах поместили сообщение о кончине графа Витте, а некоторые – некрологи с его портретом. На несколько дней эта тема стала главной, затмив даже сообщения с фронта. Некрологи и статьи с воспоминаниями были подписаны многими известными общественными деятелями, причем все, вне зависимости от политических вкусов и взглядов авторов, воздавали должное Витте как выдающемуся государственному деятелю России.

Черносотенные листки подняли шум о «весьма нездоровой и нежелательной популяризации» его имени. «Одним вредным человеком для России стало меньше», – так откликнулось на смерть Витте «Русское знамя», выразив чувства самого Николая II. «Я уезжаю с таким спокойствием на душе, – писал царь жене в день отъезда на фронт, – что даже сам удивляюсь. Оттого ли, что я беседовал с нашим другом (Распутиным. – С. М.) вчера вечером, или же от газеты, которую Бьюкенен мне дал, от смерти Витте, а может, от чувства, что на войне случится что-то хорошее, – я не могу сказать, но в сердце моем царит истинно пасхальный мир».

А 3 марта 1915 года в «Петербургском листке» был напечатан материал под заголовком «Погребение графа С. Ю. Витте». «Вчера, 2-го марта, состоялось погребение скончавшегося в ночь на 28 февраля статс-секретаря, члена Государственного Совета графа С. Ю. Витте.

К 9 часам утра, к моменту выноса тела почившего, Каменноостровский проспект у дома покойного государственного деятеля был запружен публикой.

В гостиной дома... собрались вдова и внук почившего, ближайшие родственники, высшие представители Минфина во главе с министром П. Л. Барком, нидерландский, шведский и сербский посланники.

Печальная процессия направилась через Троицкий мост, по Садовой улице и Невскому проспекту к Александро-Невской Лавре. По пути у дома 136 по Невскому проспекту иеромонахом Павлом, учредителем первой Сергиевской школы трезвости, была отслужена лития. Заупокойная литургия и отпевание тела

почившего были совершены в церкви Св. Духа преосвященным Вениамином, епископом Гдовским.

В храм прибыли: председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, председатель Государственного Совета И. Я. Голубев, все находившиеся в Петрограде министры и члены Госсовета.

Из церкви гроб с телом графа Витте был вынесен на руках его ближайших сослуживцев и студентов Политехнического института.

Тело почившего было предано земле на Лазаревском кладбище против могилы Ф. М. Достоевского. На гроб были возложены многочисленные венки от Совмина, Гос. Совета и др.»

Место для захоронения Витте выбрал сам. В материалах Б. Б. Глинского говорится о его беседе с Витте незадолго до кон-

Похороны С. Ю. Витте

чины: «Заехав к нему как-то утром зимою текущего (1915) года, я застал его шагающим по кабинету в беспокойном состоянии духа.

– Я сегодня расстроен. Я ездил на кладбище Александро-Невской лавры и выбрал себе место вечного упокоения...

– Почему такие мрачные мысли?

– Я знаю, что я скоро умру. У меня есть к тому предчувствие, а я в предчувствия верю. Так вот упомяните в моем некрологе, если будете писать, что я хотел бы видеть свой памятник таким: простой черный крест на черном же постаменте, на котором выгравированы слова: “Граф Витте. 17 октября 1905 года”. Как вы думаете, позволят мне такую надпись?»

Примечательна история захоронения Витте в Александро-Невской Лавре. Еще до революции по его завещанию было оформлено надгробие из двух плит – вторая, очевидно, для супруги. Однако Матильда Ивановна, эмигрировав за грани-

*Могила С. Ю. Витте.
Александро-Невская Лавра.
Современная фотография*

цу, там и скончалась (место погребения пока не установлено). В советские времена могила Витте была заброшена. В Музее городской скульптуры, в ведении которого находятся мемориальные кладбища, хранится акт, составленный в 1954 году. В нем говорится, что вследствие урагана и падения дерева разрушено в числе других и надгробие С. Ю. Витте (сломан крест и др.).

В конце акта приписано: «Могила С. Ю. Витте культурной и исторической ценности не представляет». Лишь в 2000 году по ходатайству научной общественности администрация музея смогла провести реставрацию захоронения и восстановить крест, без которого трудно представить могилу верующего человека, каким был Витте.

Как отметил в некрологе В. И. Ковалевский, «имя же этого исполина государственной мысли перейдет в историю, и никто не в силах будет его вычеркнуть из русской летописи».

ГРАФЪ С. Ю. ВИТТЕ

ВОСПОМИНАНІЯ

ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ II

*Глава тринадцатая***ВОСПОМИНАНИЯ:
ЖИЗНЬ И СУДЬБА**

«Сошел с исторической сцены не только русский, но можно сказать, мировой крупный деятель, внимание которому уделяли современники в течение многих лет», – этой фразой начиналась в «Историческом вестнике» в апреле 1915 года публикация большой серии материалов под общим названием «Сергей Юльевич Витте». Автором был редактор журнала Б. Б. Глинский, человек, на протяжении многих лет знавший Витте и тесно с ним сотрудничавший. «Около имени графа Витте образовалась уже целая обширная литература, куда успели внести свои вклады самые разнообразные представители нашей общественности. Со временем, может быть, вполне выяснится как сам образ Витте, так и значение его трудов на пользу родной земли», – писал Глинский.

Примечательно, что он назвал жанр этих публикаций, которые печатались в течение всего 1915 года, «материалами для биографии». Он объяснял это тем, что «сейчас же дать полную характеристику, произвести полную оценку всего им сделанного и недоделанного чрезвычайно трудно; для этого потребуется обширный материал, необходимо, чтобы его во многих отношениях загадочный образ отошел от нас на некоторую историческую даль, чтобы около его имени стихли и панегирики, и проклятия, чтобы русская жизнь вошла в новое, несомненно пробивающееся через него историческое русло, и тогда, может быть, будет сказано о графе Витте все то истинное и непреложное, что отведет ему вполне определенное место на скрижалях нашей истории».

Материалы, собранные Глинским в «Историческом вестнике», относятся к первой волне публикаций о Витте, возникшей сразу после его кончины. Но была и вторая волна – после появления в России и за рубежом в 1921–1923 годах «Воспоминаний» самого Витте. Это издание стало заметным событием в жизни многочисленной русской эмиграции и тех, кто остался в России, поскольку в мемуарах Витте затрагивались важные моменты пос-

ледних десятилетий царской империи и давались весьма резкие оценки многим современникам.

Но опять же примечательно, что у тех, кто стремился к установлению истины, было желание не торопиться с оценкой творчества и личности Витте. Так, В. И. Ковалевский писал: «Обрисовать С. Ю. Витте во весь его большой рост, дать его психику, мораль и деятельность в цельном очерке – задача очень трудная, которую удачно разрешит более спокойное и беспристрастное будущее. Настоящему приходится скорее накапливать материалы, разбросанные и отрывочные, собирать факты, часто между собою не связанные, для предстоящей оценки такой выпуклой и исключительной фигуры, какою был Витте».

Ковалевский подчеркивает, что «яркие магистралы личности Витте переплетались со скрытыми чертами. В этом чрезвычайно своеобразном сочетании света и тени придется разбираться не одному биографу и историку, но и психологу. Знать Витте было легко, но познать очень трудно...»

Таким образом, очевидно, что для составления более или менее полного портрета Витте как государственного человека надо использовать все возможные источники, начиная с субъективных мнений современников, всегда неизбежно пристрастных, до новейших работ историков, избавленных от идеологического влияния советской эпохи. Но прежде всего, конечно, должны быть изучены «Воспоминания» самого Сергея Юльевича.

Известный юрист А. Ф. Кони в статье «С. Ю. Витте (отрывочные воспоминания)» отмечает, что «представление о крупном человеке и выдающемся общественном деятеле, после того как он уйдет за грань земного кругозора, черпаются из разнообразных источников. Это, прежде всего, его собственные мемуары, в которые зачастую совершенно невольно вносятся многие симпатии и антипатии, преувеличенная самооценка... Приводимые в них факты и обстоятельства иногда проходят сквозь призму позднейших настроений, окрашивающих их в новый, желательный для пишущего в данный момент, цвет. Случается, что в такие мемуары, в особенности когда они относятся к отдаленному от настоящего времени, просачивается то, что в экспериментальной психологии носит название “мечтательной лжи”, которая свойственна часто детскому возрасту, а иногда и переходному».

«Поэтому, – считает Кони, – невзирая на несомненную ценность мемуаров, к ним следует относиться без слепого и

безусловного доверия, а с благожелательной критикой, под влиянием которой все наносное, случайное, подсказываемые темпераментом, спадет ветхой чешуей, оставляя место лишь драгоценной для историка сердцевине». Кони отмечает, что мемуары графа Витте исполнены чрезвычайного интереса и многих подробностей.

По мнению другого современника Витте, А. А. Лопухина, книга эта имеет интерес огромный. «Не может быть исторических мемуаров, в которых автор не стремился бы к объективности: это не всем может удаваться, но все составители стараются быть беспристрастными. “Воспоминания” Витте отличаются как раз крайней противоположностью. В них нет строки, которая не дышала бы страстностью, что превращает их из повествований о пережитом в очерк политических страстей самого Витте».

ВИТТЕ-МЕМУАРИСТ

«Витте необычайный мемуарист, – подчеркивают известные историки, исследователи его творчества Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, – его воспоминания не эпический рассказ о прошлом человека, навсегда покинувшего политическую сцену и занявшего место стороннего наблюдателя за происходящим. До последнего дня своей жизни он оставался увлеченным и страстным политиком, не терявшим надежды вернуть утраченные им влияние и власть. Достижению этой цели было подчинено и написание мемуаров. В результате перед нами не только уникальный по своему значению, но и предельно сложный источник».

Академик Е. В. Тарле, характеризуя Витте и его «Воспоминания», использует фразу вечного противника Витте, генерала Богдановича, который выразился так: «Витте не лгун, Витте – отец лжи». «Но это свойство Витте происходило именно от полного презрения к словам. Сказать ложь или сказать правду – это решительно все равно, лишь бы дело было сделано... Слова, высказываемые “истины” – все это само по себе ни малейшей ценности не имеет. Точно так же не имеют ни малейшей самостоятельной ценности и люди. Хорош тот, кто помогает графу Витте; худ – тот, кто мешает или вредит графу Витте; безразличен (как муха) тот, кто не нужен графу Витте.

Его интересуют дела, и прежде всего те, которые делал или будет делать именно он, Витте. Да и вообще он не очень-то представляет себе важное для государства дело, которое могло бы успешно осуществиться без его участия. Сознание своих громадных умственных сил, своего неизмеримого умственного превосходства над прочим родом человеческим, в чем он убежден, невидимо присутствует в каждой странице его мемуаров», – пишет Тарле.

Необычность мемуаров Витте была связана и с обстоятельствами их написания, их появления на свет. Как пишет Глинский, «продолжительное заграничное пребывание, которое было не совсем добровольным, дало возможность Витте начать работу над мемуарами, которые оставались до издания за границей. В Россию он привозил копии».

Упоминание об оставшихся после смерти Витте мемуарах промелькнуло в прессе сразу после его кончины. 1 марта 1915 года в «Русском слове» появилась небольшая заметка А. В. Руманова «Мемуары графа Витте». В ней сообщалось, что в последние годы жизни он работал над мемуарами, приглашал стенографистку, которая писала в течение двух лет, и «в результате получились два громадных тома воспоминаний, хранящихся в подлинниках за границей». Руманов давал понять, что знаком с содержанием этих стенографических записей Витте, и подчеркивал даже, что в мемуарах дается характеристика большому числу лиц, с которыми автору «приходилось иметь общение, и некоторые из них так заклеяны, что дали бы многое за то, чтобы уничтожить из мемуаров всякий след своего имени. Между прочим, одна американская фирма предлагала графу миллион долларов за право издания его мемуаров. Граф Витте отказался».

Но А. В. Руманов был не единственным, кто знал о работе Витте над мемуарами. Об этом же сообщал в газете «День» И. В. Гессен – один из лидеров кадетской партии, будущий издатель «Воспоминаний». И Ковалевский замечал, что ему как-то «пришлось заглянуть в рукописные мемуары Витте».

Об условиях работы над мемуарами, которая шла со значительными перерывами, свидетельствуют письма Витте в июне 1911 года. «Долгое время я не писал своих заметок, так как в Петербурге по различным условиям писать нельзя, и главнейшее потому, что даже в моем положении нельзя быть уверенным, что в один прекрасный день под тем или иным предлогом не придут и не заберут все. Тогда наживешь большие неприятности, и совер-

шенно бесцельно, так как в таком случае, конечно, никто и никогда не прочтет то, что я написал».

В другом письме Витте замечает: «Сегодня 18-е ноября 1911 г., а послезавтра, 20-го ноября, я покидаю Биарриц, еду в Петербург; удастся ли там продолжать эти заметки или нет, увидим...»

Николай II, разумеется, знал о существовании мемуаров задолго до появления сообщений в прессе. Бумаги Витте были опечатаны сразу же после его смерти, а 5 марта, после похорон, в его особняк на Каменноостровском проспекте явились генерал-адъютант Максимович, князь Трубецкой и представитель полиции. Архив Витте был просмотрен, и значительная часть его увезена. Искали мемуары, но не нашли. Обнаружено только оглавление к стенографическим рассказам, которое еще больше разожгло любопытство царя, заявившего через генерал-адъютанта вдове Витте о своем желании ознакомиться с мемуарами. В этом было отказано со ссылкой на то, что мемуары хранятся за границей.

В предисловии М. И. Витте к «Воспоминаниям» говорится, что муж «не питал уверенности в том, что его кабинет на Каменноостровском проспекте в Петрограде достаточно защищен и от ока, и от длани тайной полиции. Обыск в любой момент мог легко лишить автора его рукописей. Он знал, что этой работой интересуется слишком много могущественных людей».

Рукописи хранились все время в банке французского городка Байон, на чужое имя. Мера оказалась не лишней. «Чиновник русского посольства в Париже появился в нашей вилле в Биаррице в отсутствие хозяев и произвел очень тщательный обыск», — пишет графиня Витте. Таковы были нравы.

Хотя о существовании мемуаров Витте стало широко известно сразу после его смерти, прошло более пяти лет, прежде чем они увидели свет. В конце 1920 года рукописи оказались в берлинском издательстве «Слово». Член его правления и одновременно редактор эмигрантской газеты «Руль» И. В. Гессен, готовивший их издание, стал публиковать в этой газете отрывки, а в 1921 году вышел первый том «Воспоминаний».

Позднее в своих воспоминаниях Гессен рассказал о встрече с вдовой Витте в скромной гостинице Копенгагена, где она жила с дочерью и внуками. «Матильда Ивановна очень обрадовалась моему приезду: она только что получила от Маклакова (посла Временного правительства во Франции. — С. М.) из Парижа несколько десятков хранившихся там в сейфе тетрадей, содержащих мемуар-

ные записи... Показывая грудку тетрадей, – продолжал Гессен, – графиня возбужденно всплеснула руками: “Знаете ли вы, что, когда Сергей Юльевич в 1905 году был в Америке, Шифф (еврейский банкир. – *С. М.*) предлагал миллион долларов за продажу авторских прав. Я напому теперь Шиффу об этом”.

Теперь, конечно, – пишет Гессен, – после того как революция дерзко сорвала все покровы с бюрократических тайн, о такой фантастической цифре речи никак не могло быть, но предприимчивая графиня, неохотно с этим соглашавшаяся, сама отправилась в Америку (помнится, она рассказывала, на военном судне) и при содействии Шиффа продала авторские права за сумму, много менее значительную, издательской фирме».

В 1921 году, несколько опередив берлинское, появилось американское однотомное издание мемуаров Витте на английском языке. Историки Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, много лет занимавшиеся изучением наследия Витте, считали, что последовавшие затем французское и другие издания самостоятельного значения не имеют. Они же определили и примерные сроки работы Витте над «Воспоминаниями» – с лета 1907-го по осень 1912 года.

Надо сказать, мемуарное наследие Витте было тесно связано с его публицистической деятельностью, которая после вынужденного ухода от власти стала для него основным средством политической борьбы. Особняк на Каменноостровском превратился в настоящее издательство. За годы службы Витте накопил горы интереснейших материалов. Когда ему не хватало тех или иных документов, для него снимали копии в любой канцелярии. В зависимости от задачи, на основе одних и тех же подборок готовились различные публикации: от фундаментальных трудов до газетных заметок. Наиболее важные сочинения тиражировались в нескольких десятках экземпляров и распространялись среди высших сановников.

Витте сам финансировал каждое издание, но он, разумеется, не мог в одиночку справиться с таким огромным объемом работы. На него трудился солидный штат переписчиков, стенографисток, секретарей. На высоких должностях Витте всегда окружали доверенные журналисты, готовые на лету подхватить его лаконичные указания и придать им литературную форму. Он щедро награждал своих помощников, но не только это привлекало их. Витте притягивал к себе как неординарная личность, государственный деятель, посвященный в самые сокровенные тайны империи.

Некоторые сохранили верность патрону даже в те годы, когда он находился в опале. Среди них – один из его главных помощников А. Н. Гурьев, которого как эрудированного экономиста Витте взял на службу в Министерство финансов. Там его называли «пером министра». Гурьев был своим человеком в семье Витте и даже имел для занятий комнату в особняке на Каменноостровском. Именно в этой комнате собирались затопить зимой 1907 года злополучный камин, в трубе которого случайно обнаружили «адскую машину». Другой сотрудник, В. И. фон Штейн, тоже начинал чиновником Министерства финансов, а потом посвятил себя литературному труду, работая на Витте. По его заказу, под псевдонимом А. Морской, Штейн издал четыре работы.

Вообще исследователи литературного творчества Витте оказались в затруднении. Ряд сочинений, изданных под чужими именами, на самом деле были написаны под его диктовку. Витте, видимо, мало заботило личное авторство, важнее было, чтобы его версия событий и оценки получили распространение. Но немало печаталось и под его именем. В 1910 году были переизданы «Принципы железнодорожных тарифов», в 1912 году – «Национальная экономия и Фридрих Лист» и «Конспект лекций». В 1914 году переиздана записка «Самодержавие и земство», причем Витте, творец Манифеста 17 октября, дал работе вызывающее название – «По поводу непреложности законов государственной жизни», как бы повторяя свой прежний тезис о несовместимости самодержавия с выборным самоуправлением.

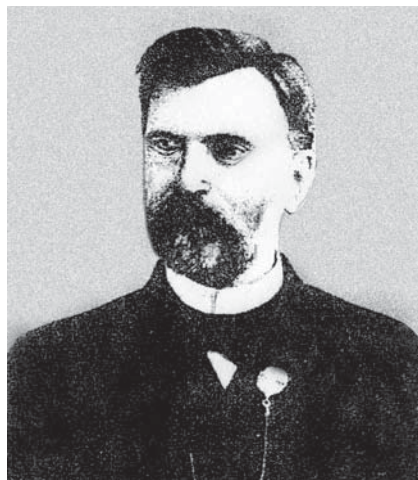
Под своим и чужими именами Витте опубликовал за эти годы материалы о причинах Русско-японской войны, о переговорах в Портсмуте, о Манифесте 17 октября и других ключевых событиях недавнего прошлого. И надо сказать, что Витте старался не напрасно, его версия событий нередко воспроизводилась в исторической литературе, хотя далеко не всегда была близка к истине.

Литературное наследие Витте изучается до сих пор, в основном историками, а в последнее время и экономистами. Широкой аудитории, конечно, интересней «Воспоминания» Витте, которые не только описывают общественные события, но и рассказывают о личной жизни, а также, что особенно любопытно, дают оценки современникам. Как пишет Глинский, с годами у Витте все более развилось желание выяснить свое отношение к окружающей действительности, которое было «по большей части отрицательное и ироническое».

В мемуарах Витте часто дает характеристики современникам, в том числе своим сотрудникам и соратникам, оценки эти почти всегда содержат какие-то язвительные замечания, умаляющие достоинства человека. Вот что сказано о его преемнике на посту министра финансов Плеске: «весьма чистый, честный и благородный человек, но с немецким умом, который имеет то преимущество, что он ограничивает полет мысли». Князь А. Д. Оболенский, соратник Витте, который под его началом готовил текст Манифеста 17 октября, получил такую характеристику: «мелкий человек, либеральный дворянин, философ училища правоведения».

К числу редких исключений относится его оценка В. И. Ковалевского как «человека талантливого, чрезвычайно способного». Владимир Иванович Ковалевский многие годы сотрудничал

В. И. Ковалевский, ближайший соратник С. Ю. Витте

с Витте в Министерстве финансов, сначала в должности директора департамента, а с 1902 года – товарища министра. Отношения Ковалевского и Витте всегда были теплыми и, надо полагать, искренними, хотя в то же время Витте в мемуарах не удержался от реплики: «Он, наверное, сделал бы совершенно выдающуюся карьеру, если бы не его слабость к женскому полу...»

К соратникам Витте, несомненно, можно причислить и Дмитрия Ивановича Менделеева, всемирно известного ученого-химика, человека необычайно широкого кругозора и интересов. Эти интересы охватывали многие области народного хозяйства.

В «Воспоминаниях» Витте пишет: «В ведении Министерства финансов была и палата мер и весов, начальником этой палаты был Менделеев. Его назначил на этот пост Вышнеградский. Но эта палата мер и весов была в большом запущении, и сам Менделеев был в большом загоне.

Я, конечно, не мог не оценить того обстоятельства, что управляющим этой палатой состоит такой выдающийся ученый, как Менделеев. Поэтому как самому Менделееву, так и учреждению, находящемуся в его ведении, я оказывал всяческую поддержку».

Их тесное сотрудничество касалось и многих других сфер: как и Витте, Менделеев был активным сторонником национального протекционизма, политики индустриализации страны, развития образования в России. Витте неоднократно опирался на авторитет известного ученого, особенно когда необходимо было в чем-то убедить царя или Государственный Совет. По просьбе Витте Менделеев составлял различные записки и доклады, выступал на совещаниях. Интересны личные отношения этих двух людей, которые, очевидно, не были близкими. Вот письмо Д. И. Менделеева к Витте, написанное в августе 1903 года:

«Глубокоуважаемый Сергей Юльевич!

Решаюсь в первый и последний раз писать Вам по личным делам... Я выслужил 48 лет Родине и науке. Плоды моих трудов, прежде всего в научной известности составляющие гордость, не одну мою личную, но общую русскую... Лучшее время жизни и ее главную силу взяло преподавательство... Третья служба моя наименее видна, хотя заботила меня с юных лет до сих пор. Это служба по мере сил и возможности на пользу русской промышленности.

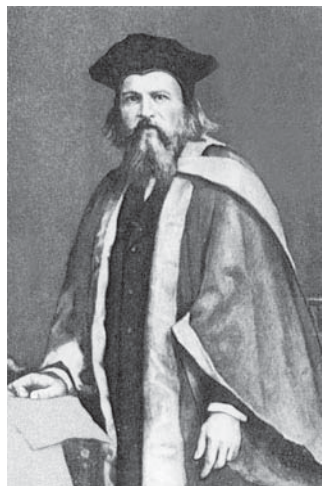
Оставив педагогическую деятельность, до сих пор кормившую, я хотел все свое время отдать газете... Основной целью своей газеты я считал развитие начал протекционной политики, которую считал, как и до сих пор считаю, единственным способом спасения России... но увлекся изобретением бездымного пороха, который передал Морскому министерству, но не в качестве изобретателя, а простым чиновником... Другой на моем месте сумел бы обеспечить себя на всю жизнь одним этим, а я, сделав это, оставил службу из-за дразг... Вы поймете, что при всей скромности жизни у меня было мало возможности скопить какое-либо обеспечение для себя и семьи и вовсе не было времени и склонности заниматься этим. Вижу, что в таком печальном положении своих дел личных кругом сам

виноват, что детям оставляю долги, что перед смертью надо подумать об исправлении наделанных ошибок...»

Конца в письме нет, великий ученый, видимо, просто постеснялся выразить конкретную просьбу министру финансов о помощи. Более того, не решился даже отправить письмо! На конверте была приписка: «Послать после моей смерти». Так престарелый человек заботился о своей большой семье. Очевидно, что в сотрудничестве Д. И. Менделеева с всемогущим министром финансов не было и тени расчета, а только бескорыстное служение отечеству.

К числу соратников Витте можно отнести и Владимира Николаевича Коковцова, который стал его преемником, поддерживая созданную систему. Правда, отношения их были очень

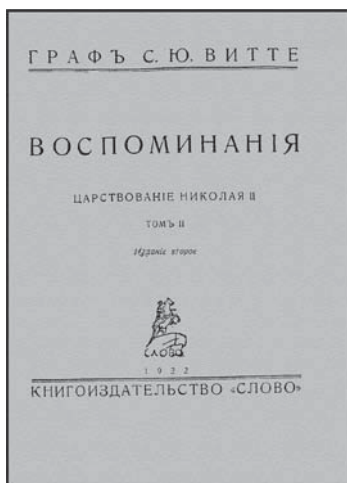
Д. И. Менделеев

непростыми, о чем свидетельствуют мемуары обоих. Коковцов всегда отдавал первенство Витте, признавал его заслуги, в своих мемуарах отмечал, что сам не выступил новатором в деле управления русскими финансами и не проложил новых путей для экономического развития страны, стараясь лишь сберечь, охранить и развить то, что было сделано предшественниками. По мнению И. Тхоржевского, «русские финансы, налаженные Витте, отлично проявили себя и в дальнейшем, несмотря ни на какие испытания. Его преемнику, В. Н. Коковцову, досталось наследство уже благоустроенное, и поддерживать его на высоте было не так уж трудно.

Витте насмешливо любил называть Коковцова, конечно за глаза, не иначе как «кухаркой за повара»».

Первая их встреча состоялась осенью 1892 года. Произошло это на фоне служебного конфликта. Витте тогда усомнился в достоверности представленных данных и чрезвычайно резко обвинил в недобросовестности чиновников, в том числе и Коковцова. Вскоре, правда, выяснилось, что ошибки-то не было, и Витте выразил сожаление о случившемся недоразумении, но осадок остался. Следующий контакт состоялся в начале 1895 года, когда Витте подыскивал себе заместителя, и его взгляд остановился на Коковцове. На переданное предложение тот ответил, что «опасался бы перехода в Министерство финансов, при близко мне известном теперь и невыдержанном характере министра». Кончилось тем,

Титульные листы первого издания «Воспоминаний» Витте на русском и немецком языках

пишет Коковцов, что «как-то утром без всякого предупреждения заехал ко мне на квартиру Витте и в самых простых и дружеских выражениях предложил мне занять должность его товарища... При этом он сказал, что дает мне слово, что я никогда не услышу от него ни малейшей резкости... Я принял сделанное мне предложение и в этом никогда не раскаивался».

Коковцов оставался в должности товарища министра в течение шести лет, и между ними, по его признанию, не было самого ничтожного недоразумения... После отставки Витте с поста министра финансов Коковцов возглавлял ведомство в 1904–1905 и 1906–1914 годах. Перерыв в полгода пришелся на тот период, когда Витте встал во главе первого объединенного правительства, и опять был связан с личным конфликтом между ними. Позже отношения поддерживались, но продолжали оставаться сложными, а порой и враждебными, что нередко объясняется ревностью Витте, отставленному от дел, к более удачливому сопернику. В мемуарах Коковцова «Из моего прошлого» есть глава, где он называет главных участников действовавшей против него коалиции, среди которых мы находим и Витте.

Характеристика, данная Коковцову в мемуарах Витте, тоже говорит о многом: «Коковцов – человек рабочий, по природе умный, но с крайне узким умом, совершенно чиновник. Что касается его моральных качеств, то он, я думаю, человек честный, но по натуре карьерист, и он не остановится ни перед какими интригами, ложью и клеветой, чтобы достигнуть личных карьерных целей». Взаимоотношения с Коковцовым не лучшим образом характеризуют самого Витте.

Публицист В. В. Водовозов считает: «Не только автопортретом и автобиографией являются мемуары Витте, они представляют очень ценный вклад в историю России. Они дают ряд ярких портретов наиболее выдающихся лиц, и прежде всего самого императора. Мемуары представляют огромную ценность, это исторический памятник громадной важности».

СОВРЕМЕННОКИ О ВИТТЕ

«Бюрократический Петербург хорошо знал С. Ю. Витте и характеризовал его так: большой ум, крайнее невежество, беспринципность и карьеризм. Все эти свойства отразились в “Воспоминаниях” как в зеркале», – с этого начинается оценка личности Витте в «Отрывках из воспоминаний» (М., 1923) А. А. Лопухина, директора Департамента полиции в 1903–1905 годах. «...Отсутствие элементарной научной подготовки и нравственных устоев были причиной того, что, будучи государственным деятелем, он не был

человеком государственным. Для этого он не обладал не только общим государственным планом, но даже руководящей идеей. Все, на что он оказался способен, это отдельные более или менее крупные меры, из которых одна, винная монополия, при существовавшем в то время государственном строе, не могла принести народу ничего, кроме вреда, другая, денежная реформа, притом не им подготовленная, осталась недоделанной... третью, самую крупную реформу государственного строя, сам С. Ю. Витте обрезал собственными руками. Единого, цельного мировоззрения нет. Без него С. Ю. Витте и суждено было закончить жизнь просто неудачником, отличавшимся от общего типа русского неудачника крупным умом да внешним положением, «опалой» блестящей, но тем не менее обидной».

Это неудачничество вполне естественно вызывает раздражение и брюзжание, которые у Витте «выливаются в совершенно безудержном злословии, расточаемом и виноватым, и правым», — здесь Лопухин, видимо, имел в виду оценку, которую дал ему Витте в мемуарах: «О Лопухине я довольно отрицательного мнения, ибо, когда он был при Плеве директором Департамента полиции, то он значительно произволил, много совершил несправедливостей, многих людей сделал несчастными...».

Многих задел Витте своими резкими оценками в «Воспоминаниях», и, конечно, мелкие души не смогли ему простить этого. Но были у Витте и идейные противники. «Если покойный Витте, — пишет Глинский, — и вызывал порою против себя нападки, и подвергался жестокой критике, то это исходило из среды лиц, не сочувствовавших тем новшествам, которые сказывались в его реформаторской деятельности. Но можно сказать, общий голос страны скорее был на его стороне, так как результаты его финансовой политики вели государственное казначейство к обогащению, и государство освобождалось от тех дефицитных бюджетов, которые дотоле висели черной тучей над нашей Родиной. Победителя не судят, а Витте в роли министра финансов был именно тем победителем, который со славой сокрушил отечественный промышленный застой и выводил страну на широкую дорогу торгово-промышленного прогресса».

Графиня М. И. Витте в предисловии к «Воспоминаниям» замечает: «Справедливость заставляет меня признать, что выдающиеся государственные таланты моего мужа не оспаривались и даже ценились во всех кругах Великой России. Тем не менее... ни

один государственный деятель России не был предметом столь разнообразных и противоречивых, но упорных и страстных нападок, как мой покойный муж. При дворе его обвиняли в республиканизме, в радикальных кругах ему приписывали желание урезать права народа в пользу монарха... Творец конституции 17 октября, которой начинается новая русская история, был слишком заманчивым объектом для интриг и клеветы...»

Однозначная позиция графини Витте, которая как преданная жена почти боготворила мужа, понятна. Вследствие этого, как пишет издатель «Воспоминаний» И. В. Гессен, «из-за моих вступительных замечаний у нас с графиней произошли горячие схватки». Хотя замечания и начинаются с утверждения, что «гр. Витте в ряду немногих наших выдающихся государственных деятелей занимает, бесспорно, наиболее видное место, но указание на его двойственную роль выводило графиню из себя, и мне стоило большого труда отстоять эту основную черту его деятельности, поступившись лишь объяснительными подробностями».

Представляется, что в глазах большинства современников оценка личности Витте, при общем признании его заслуг, не была однозначной из-за противоречивости его натуры и сложности времени.

Древние говорили: справедливость состоит в воздаянии всем должного. Кажется, именно этой мыслью руководствовался известный публицист, представитель либеральной оппозиции П. Б. Струве, когда в 1915 году готовил свой известный очерк «Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики». В частности, он писал: «В истории русского правления мало фигур можно поставить рядом с Витте и одного только человека можно поставить выше его: Сперанского. Но и то, не по личной даровитости, которой Витте превосходил всех русских государственных деятелей, облеченных властью, начиная с Александровской эпохи и кончая нашими днями. Витте был, несомненно, гениальным государственным деятелем, как бы ни оценивать его нравственную личность, его образованность и даже результаты его деятельности. Более того: все личные недостатки Витте лишь подчеркивают его политическую гениальность.

Способность Витте понимать самые государственные вопросы, находить самые разумные решения в запутанных областях управления, выбирать нужных людей определялась гениальной интуицией рожденного государственным деятелем и админист-

ратора, а вовсе не опытом и не каким-либо знанием. Его тяготение к науке и ученым, его широко либеральная оценка высшего образования, памятником которой навсегда останутся политехнические институты, были выражением гениального инстинкта и пиетета к науке человека, который сам всегда стоял вне науки и ей глубоко чужд».

«Фигура Витте стоит на рубеже двух эпох русской истории и принадлежит им обеим. Размеры этой фигуры таковы, что для нее в известном смысле разом наступила история, и в сам день смерти стала принципиально возможна справедливая оценка. При такой оценке нужны большие масштабы, ибо исчез с исторической сцены человек, исключительная одаренность которого только подчеркивается его слабостями и недостатками и который, несмотря на все свои очень большие недостатки и весьма крупные ошибки, вложил в дела великого исторического значения не как случайная фигура, которой выпал счастливый жребий, а как человек, отмеченный государственным призванием», — заключает Струве.

Витте не раз сравнивали с другими русскими реформаторами. Например, А. С. Изгоев в статье «На перевале. С. Ю. Витте» в 1915 году: «Старая истина, что вещи познаются сравнением. Когда умирает государственный человек, мы ищем в прошлом такого, ростом которого могли бы измерить только что отошедшего.

С кем сравнивать С. Ю. Витте? Перебирая деятелей последних трех-четырех десятилетий, почти все писавшие о покойном пришли к выводу, что Витте выше их всех. А если сравнить его с деятелями первой половины XIX века, с Д. А. Милутиным, Е. Ф. Канкрином, П. Д. Киселевым, М. М. Сперанским? Знак равенства, и то с большими оговорками, ставили только между Сперанским и Витте. Все остальное явно ниже. Но даже между ними проводить параллель нельзя — слишком уж это разные люди.

Сперанский был величайший русский бюрократ, можно сказать, героический тип бюрократа, с его положительными и отрицательными сторонами. Он обладал высоко развитой интеллектуальной совестью, чувством права. Витте совершенно не знал таких чувств. У Сперанского, в его лучшие годы, пока он не был сломлен опалой, над всем главенствовала логика разума, честно делавшая выводы из посылок. Витте гнул и логику, и последовательность, как все, что мешало ему для достижения данной цели в данное время. Противоречий в его деятельности не оберешь-

ся. С точки зрения идейности, последовательности, логичности Сперанский выше. Но взгляните с другой стороны. Примените масштаб творчества, и сразу вы почувствуете, что Сперанский малокровный, сероватый бумажный человек, а Витте – неуклюжий гигант с бьющей через край силой, с неиссякаемым запасом творчества. Сперанский писал. Витте творил.

По основной цели своей деятельности Витте был продолжателем дела Петрова. Европеизация России, которую он считал немислимой вне капиталистической индустриализации ее, была той осью, вокруг которой свершались реформы Витте».

Интересны и мысли известного экономиста М. И. Туган-Барановского, содержащиеся в статье «Витте и Бунге как министры финансов». Автор утверждает: «...у нас было очень мало выдающихся руководителей государственными финансами. Замечательных министров финансов у нас было только два – Бунге и Витте. Они были до последней степени не похожи друг на друга, но оба неизгладимо повлияли на систему нашей финансовой и экономической политики.

Как практический деятель Витте далеко оставил за собой своих предшественников по управлению Министерством финансов, в том числе и совсем не практика Бунге. Но в одном старый профессор на министерском посту был выше Витте. Витте дал мощный толчок развитию нашей капиталистической промышленности, но относился без всякого интереса к социальной политике и предпринимал в этой области что-либо только под давлением необходимости.

С другой стороны, слабость социальных симпатий и равнодушие к общим теоретическим концепциям, выражавшееся на практике к известной беспринципности, привели Витте в конце концов к полному общественному одиночеству. У Витте никогда не было своей партии – у него были только более или менее талантливые подчиненные, которых он умел выбирать со своим обычным мастерством.

Основной целью нашей внутренней, как и внешней, политики было увеличение государственного могущества России. Для этого, в свою очередь, требовалось хорошее состояние государственных финансов. А для последнего было необходимо развитие промышленности, ибо без развитой промышленности страна не может быть настолько богата, чтобы выдержать состязание со своими соперниками».

А вот мнение о Витте лидера кадетов П. Н. Милокова, изложенное в статье «Из воспоминаний»: «Это был редкий русский самородок – со всеми достоинствами этого типа и с большими его недостатками. Конечно, он стоял головой выше всей той правящей верхушки, сквозь которую ему приходилось пробивать свой собственный путь к действию. А действовать – это была главная потребность его натуры. Как всякий самородок, Витте был энциклопедистом.

Он мог браться за все, учась попутно на деле и презирая книжную выправку. Со своим большим здравым смыслом он сразу отделял главное от второстепенного и шел прямо к цели, которую поставил. Он умел брать с собой все нужное, что попадалось по дороге, и отбрасывать все ему не нужное: людей, знания, чужие советы, закулисные интриги, коварство друзей, завистников и противников. Он прекрасно умел распознавать людей, нужных для данной минуты, организовывать их труд, заставлять их работать для себя, для своей цели в данную минуту. Большое умение во всем этом было необходимо, потому что и дела, за которые он брался, были большого масштаба.

По мере удачи росла и его самоуверенность, поднимался командующий тон, крепла сопротивляемость всему постороннему и враждебному. При неудаче он становился страстен и несправедлив, никогда не винил себя, чернил людей, ненавидел противников. На-ткнувшись на препятствие, которого одолеть не мог, он сразу падал духом, терял под ногами почву, бросался на окольные пути, готов был на недостойные поступки – и, наконец, отходил в сторону, обиженный, накапливая обвинительный материал для потомства, – потому что в самооправдании он никогда не чувствовал нужды».

Публицист Я. Сакер в статье «Трагедия графа С. Ю. Витте» ставит вопрос: почему Витте сходит с исторической сцены в 1906 году, почему человек его дарований, его социально-политического размаха уходит тогда, когда перед страной открываются новые формы деятельности, новые возможности? Из всего состава лиц, бывших у власти, граф Витте был самым выдающимся, единственным, с кем общество готово было идти вместе. Со своей безусловной преданностью интересам родины, а не определенным классам, со своей одаренностью и широким размахом в области государственной хозяйственной жизни он мог быть первым в исполнении преобразований, ко-

торые стояли перед новой Россией, хотя между ним и новыми силами с первого же момента произошло расхождение.

Когда наступило 17 октября, Витте имел за собою почти сорок лет деятельности. Проследите шаг за шагом ее, и вы откроете основную черту характера С. Ю. Витте и его работы: это эмпиризм. Он практик, реалист; он подходит к действительности без предвзятых суждений и в процессе работы налаживает свое отношение к ней. Теоретические стремления были всегда чужды его натуре.

«С принятием Манифеста 17 октября 1905 года как прагматик Витте добился своего – самодержавие было спасено, старые формы государственного строя лишь слегка были подновлены Думой, своего рода “департаментом народного представительства”. Вместе с ним спасены интересы промышленности и торговли, производительным силам вновь предоставлен простор, и в экономическом отношении страна быстро пошла вперед, только Первая мировая война прервала движение», – считает Сакер.

«Витте был слабым политиком, – неожиданно утверждает автор «Истории либерализма в России» В. В. Леонтович. – По всей вероятности, значит, Витте так держался самодержавия именно потому, что совершенно не чувствовал в себе политического таланта и склонности к политике. Ведь нет сомнения, что и самодержавный строй гораздо менее политический по своей природе, чем строй конституциональный».

П. Н. Милюков подтверждает: «Его дилетантство в политике сказалось в том, что он совершенно не предвидел препятствий снизу, со стороны общественности. Его не увлекал политический спорт, который развивается при конституционном порядке, не интересовало впечатление, которое он производит на публику. Занимал его один результат, и он предпочитал порядок, при котором конкретных результатов казалось всего легче достигнуть, хотя бы и с наименьшим личным успехом».

По мнению А. С. Изгоева, «последние годы жизни Витте напоминали угасание Бисмарка: то же будирование, те же постепенные угасавшие порывания к власти. Порою он наносил своим врагам мощные удары, порою производил тягостное впечатление».

В литературе иногда можно встретить в отношении Витте определение «русский Бисмарк», например у историка А. Боханова. Насколько это обоснованно, нет ли здесь некоторой литературной натяжки, не говорится ли это для красного словца? Сравнение с Бисмарком применяли еще при жизни Витте, кто с издевкой, кто с уважением, и это явно льстило амбициозному сановнику, как и отзыв Бисмарка о нем, который прозвучал после эпизода «таможенной войны» с Германией в 1894 году: «Замечательно, что Бисмарк после принятия мною решительных мер обратил на меня особое внимание и несколько раз через знакомых высказывал самое высокое мнение о моей личности», – пишет Витте в «Воспоминаниях».

Бисмарк был, пожалуй, единственным из современных политиков, кем Витте откровенно восхищался. В мемуарах немало мест, где он упоминает имя Бисмарка с эпитетом «великий», хотя говорит и об интригах Бисмарка.

Какие бы чувства ни вызывал германский канцлер у Витте, как бы ни льстило его самолюбию определение «русский Бисмарк», но эти два выдающихся государственных деятеля сыграли разные роли в истории своих государств.

Бисмарк выполнил историческую миссию, объединив вокруг Пруссии ряд немецких княжеств в Германскую империю. Под его руководством Германия превратилась в политически и экономически мощную державу, стала важным фактором геополитики, одним из солистов в «концерте мировых держав». Российская империя и прежде была в числе солистов, правда, в основном как военная держава. Витте путем структурных реформ многого добился в социально-экономическом развитии страны и открыл эру парламентаризма в России.

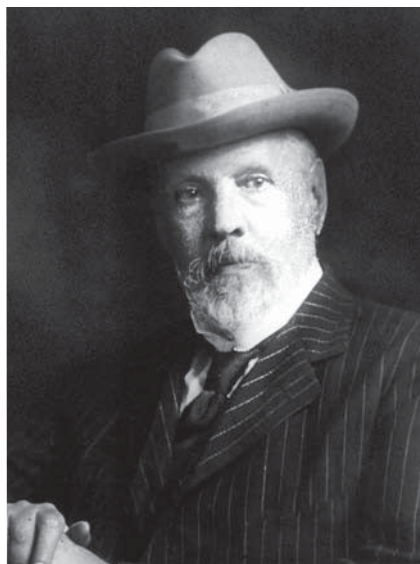
Бисмарку и Витте приходилось действовать в разных условиях, занимать разные посты в государстве. Бисмарк в должности имперского канцлера фактически во многом определял внешнюю и внутреннюю политику Германии, нередко действовал от имени императора. Витте же как министр финансов при всем его влиянии никогда не обладал властью Бисмарка и зависел от воли царя, «венценосного флюгера».

Кстати говоря, Бисмарку в свое время делали предложение занять пост министра финансов Пруссии. Сам он пишет в мемуа-

рах: «Я не отклонил его прямо, а только напомнил Мантейфелю, что, когда я был назначен посланником при союзном сейме, газеты отнесли ко мне шутку остроумного декана Вестминстерского аббатства о лорде Джоне Росселе: такого сорта человек возьмется и фрегатом командовать, и камень из почки удалить. Если бы я стал министром финансов, то дал бы лишний повод для таких суждений, хотя и мог бы подписывать бумаги не хуже Бодельшвинга, министерская деятельность которого в этом и заключалась».

Отто Бисмарк, видимо, хорошо понимал, что у него нет такого божьего дара, как чутье финансиста (чем, несомненно, обладал Витте), и он предпочитал быть, а не казаться. Этого чувства реализма не хватило, например, Уинстону Черчиллю, который позже, в 20-е годы, взялся возглавлять Министерство финансов

С. Ю. Бумме

Великобритании и ничем, кроме как с треском проваленной денежной реформой, не запомнился на этом посту.

Несмотря на все различия в положении, есть, на наш взгляд, ряд оснований, по которым сопоставление Бисмарка и Витте уместно. Бисмарк был германским националистом, Витте – русским националистом. «Мы принадлежим человечеству и поэтому не можем быть равнодушными к его преуспеваю, – пишет Витте в ра-

боте «Национальная экономия и Фридрих Лист», – но мы прежде всего русские, точно так, как Лист и князь Бисмарк – немцы, а потому совершили бы преступление, жертвуя ближайшими и насущными нуждами нашей родины ради отдаленных и гипотетических интересов человечества».

Будучи долгое время убежденным славянофилом, Витте не сразу осознал необходимость преобразования России по западным меркам. Но, осознав это, он более всего ориентировался на опыт Германии, с восторгом воспринимая плоды политики Бисмарка. Если Ф. Лист в теории обосновал необходимость политики государственного протекционизма, то Бисмарк на практике реализовал ее, что способствовало быстрому развитию немецкой промышленности во второй половине XIX века. Именно это при-

О. Бисмарк

влекло внимание Витте, когда он задумался о проблемах модернизации России на путях ускоренной индустриализации страны.

Витте, как и Бисмарк, был государственным деятелем, использовал бюрократические механизмы, авторитарные методы и чиновников для проведения необходимых преобразований. Да и в характере самих преобразований было немало сходного. Так, в 80-х годах XIX века Бисмарк проводил политику огосударствления железных

дорог в Пруссии, в 90-х годах Витте активно осуществлял выкуп дорог в казну. При обосновании тех или иных мер экономической политики правительства Витте часто ссылался на немецкий опыт.

Оба политика ставили государственные интересы на первый план. Говорят, что Бисмарк за несколько часов до смерти, в бреду, выкрикнул фразу, столь часто произносимую им в прошлом: «Исходя из государственных интересов, это невозможно!»

Как отмечают биографы, Бисмарк бывал подвержен (особенно в 70–80-х годах) влиянию некоторых германских финансовых групп, но всегда решал вопросы исходя из государственных интересов – так, как он их понимал. Он всегда был во власти чувства солдатского долга, нарушение которого рассматривал как измену.

Сближает Витте с Бисмарком исключительная целеустремленность и дальновидность, стремление заглянуть в будущее. Бисмарк в молодости заключил как-то пари на 25 бутылок шампанского, что через 20–25 лет Германия станет единой. Витте также смотрел вперед: осуществляя реформы, он полагал, что в недалеком будущем Россия станет экономически сильной, самодостаточной и займет место среди мировых лидеров.

Отличали этих двух политиков исключительная воля, реализм и здоровый прагматизм. Бисмарк сумел преодолеть предубеждения прусского юнкера, так же как Витте – русского дворянина, когда возникла необходимость устранять препятствия на пути капиталистических преобразований.

Однако прагматизм нередко порождал цинизм и неразборчивость в средствах. Так, например, стремление во что бы то ни стало добиться желаемого хода событий толкнуло Бисмарка на провокацию с эмской депешей, когда он преднамеренно сократил телеграмму прусского короля в Париж, что придало ей нарочито оскорбительный характер и тем самым дало повод к объявлению Францией войны Пруссии в 1870 году. Как написал один из биографов, «Бисмарк (в который раз!) продемонстрировал те качества, которые лучше всего определяется словом *Rücksichtslosigkeit*: беспощадность, решительность, бесцеремонность, грубость, резкость. Но главное здесь заключается в манере действовать, не считаясь ни с чем и не останавливаясь ни перед чем».

В 1864 году Бисмарк цинично заявил: «Вопросы государственного права в последнем счете решаются при помощи штыков».

Поведение Витте также нередко шокировало современников откровенным игнорированием этических норм, бесцеремонностью, но до грубых провокаций он не опускался.

Бисмарк умело опирался на прессу, которую не любил и даже презирал, но всегда пользовался ею. Он знал, что пресса правящих классов продажна, чудовищно беспринципна и лжива. Но он знал ее влияние и поэтому старался воздействовать на нее в нужном направлении. В его дипломатических планах пресса всегда играла отведенную ей роль. Через нее он предостерегал или разоблачал, приковывал или, наоборот, отвлекал внимание. Наиболее ответственные статьи писались под его диктовку. Находясь уже в отставке, Бисмарк не отказался от этого орудия борьбы.

Витте был, пожалуй, первым из российских политиков, кто в полной мере осознал роль и так же широко использовал прессу в своих интересах, о чем уже шла речь выше.

Сопоставить Витте с Бисмарком можно и по дипломатическим дарованиям, хотя использовались они с разными целями. Для милитариста Бисмарка, который создавал Германскую империю «железом и кровью», экспансия, захват новых регионов, были постоянными целями внешней политики. В последние годы жизни Бисмарк не без гордости отмечал, что на его совести три войны и восемьдесят тысяч жизней, «скрепивших своей кровью фундамент воссоединенной Германской империи». Уже в организации и проведении этих войн раскрылся его несомненный талант политика и дипломата. Бисмарк умел выжидать, но если видел, что час настал, он не медлил. Он считал, что выбор момента для начала войны – один из решающих факторов ее успеха, нужно только суметь формальную ответственность за нее перенести на противника. Это дело дипломатической ловкости, а свое мастерство в этом он показал в истории с фабрикацией уже упомянутой эмской депеши. Бисмарк был поистине мастером экстра-класса в древнейшем ремесле дипломатии, но своими дипломатическими маневрами он в большой степени способствовал росту напряженности в Европе, в том числе и в русско-германских отношениях.

Витте был не милитаристом, а скорее противником «военных комплектаций», и во внешнеполитических делах ему пришлось либо спасать честь страны после бездарно проигранной Русско-японской войны, либо отстаивать ущемленные экономические интересы и добывать иностранные кредиты (за исключением разве что восточной политики, когда Витте преследовал эк-

спансионистские цели). Дипломатический триумф в Портсмуте принес Витте общепризнанный международный авторитет.

Определенные аналогии можно найти и в обстоятельствах отставки Бисмарка и Витте. Такие политики крайне редко уходят в отставку добровольно, даже в преклонном возрасте. Они цепляются за власть, как могут, до последнего, и нередко их уход связан с конфликтом.

Еще за два года до отставки Бисмарк сказал одному из министров, что не уйдет со своего поста, даже если его захотят прогнать, даже если ему пришлют распоряжение об отставке домой. Он все равно не уйдет, так как не скрепит это распоряжение своей подписью. Однако приход к власти Вильгельма II, желавшего избавиться от менторства Бисмарка, который к тому же стал допускать все больше промахов во внешней и особенно внутренней политике, решил вопрос. Конфликт Бисмарка с молодым императором привел к тому, что, несмотря на все ухищрения первого, он получил прямое указание монарха – уйти в отставку.

«Расставание... было проведено во внезапной, обидной и, я бы сказал, оскорбительной для меня форме», – напишет в мемуарах Бисмарк. А поводов для того, чтобы уйти с достоинством по собственному желанию, было немало.

Бесцеремонно отставленный от дел государственный деятель более восьми лет жил в кругу семьи в своем поместье Фридрихсру. Так же, как и Витте, он страдал от своей невестребованности. Советов у Бисмарка больше никто и никогда не просил. Все льстецы и почитатели переменили фронт и сторонились его.

Сам бывший канцлер избегал открытого участия в политической жизни. Правда, он принял мандат депутата рейхстага через год после ухода в отставку, но ни разу там даже не появился.

Однако неучастие Бисмарка в политической борьбе было только внешним. На самом деле он придиричивым взглядом следил за деятельностью сменивших его правителей и неустанно критиковал их. Представителям правительства приходилось иногда с трибуны рейхстага отвергать его нападки на «новый курс».

Семейная жизнь Бисмарка, как и Витте, сложилась благополучно. Верная спутница жизни Бисмарка Иоганна «всегда смотрела на людей глазами мужа, ненавидела его врагов». «Может быть, именно духовная несамостоятельность и сделала ее идеальной подругой такого властного человека, как Бисмарк», – считает историк В. В. Чубинский. А немецкий историк В. Энгельберг до-

бавляет: «...обладая истинно женским талантом, она сумела дать Бисмарку то, что он искал вне политики, – покой и уверенность дома, в семье». Эти слова в полной мере можно отнести и к Матильде Ивановне Витте.

Правда, Витте оказался более праведным мужем, чем Бисмарк. Во всяком случае, неизвестно о каких-либо его увлечениях на стороне, в то время как о прелестной пассии Бисмарка, Екатерине Орловой, знают многие.

Иоганна Бисмарк скончалась раньше мужа – в 1894 году, что было для него тяжелейшим ударом. Тоска и одиночество – удел всех бывших политиков, занимавших ведущие посты в своих странах. Контакты с близкими и друзьями становятся все более ограниченными. Да и само понятие «друзья» весьма условно. У людей такого ранга их часто просто нет.

Бисмарк умер в июле 1898 года в возрасте 83 лет. На похороны примчался император Вильгельм II. В отличие от Николая II, у него хватило такта воздать последние почести государственному деятелю, так много сделавшему для страны. Церемония погребения Бисмарка проходила по первому разряду, а не «по третьему», как оценили современники погребение Витте.

Для исторического оправдания своей политики Бисмарк написал три тома мемуаров, назвав их «Мысли и воспоминания». Работать над ними он начал вскоре после отставки. Вышли они в свет тоже после его кончины, но без таких сложностей, как «Воспоминания» Витте. В СССР мемуары Бисмарка были изданы в 1940 году в сокращенном варианте.

Поразительно, как во многом совпадают оценки мемуаров двух больших политиков: «...Бисмарк малооткровенный, а иногда прямо-таки лживый в своих мемуарах, все с целью создать собственный канонический образ, образ дальновидного, проницательного, никогда не ошибавшегося и озабоченного лишь интересами государства политика. Однако значение исторических событий и проблем, о которых повествует автор; его крупная роль в этих событиях и в разрешении этих проблем; огромный политический ум и опыт, делающие интересными его соображения, даже если он с их помощью затушевывает истинный смысл происходящего; наблюдательность, меткость суждений, мастерство формулировок, даже его пристрастность, прорывающаяся сквозь нарочитую объективность изложения, – все это сделало “Мысли и воспоминания” одним из замечательнейших произведений мемуарной литературы...»

Сопоставив эту оценку, сформулированную известным историком В. В. Чубинским в монографии «Бисмарк», с оценкой Е. В. Тарле «Воспоминаний» Витте, так и хочется сказать: Витте в мемуарах – это русский Бисмарк.

HOMO MORALIS: PRO ET CONTRA

Каждый крупный политик – очень сложная, противоречивая фигура, и всякого рода однозначные, упрощенные оценки здесь вряд ли допустимы. Тем не менее нужны некоторые основания, чтобы определить место каждого среди множества исторических персонажей.

Так, историк В. В. Чубинский, размышляя о величии Бисмарка, говорил о нравственности в политике, подчеркивал далеко не новую, но всегда справедливую истину: «Только тот, кто служит действительному социальному, культурному и нравственному прогрессу своего народа и всего человечества, может достичь величия... Много ли среди политиков рыцарей без страха и упрека, апостолов нравственности и правды, удовлетворяющих этим высочайшим критериям? Если и есть такие, то их единицы».

Сам историк, говоря об огромной исторической роли Бисмарка в объединении Германии, считает, что «права претендовать на такое величие, величие в высшем смысле слова, Бисмарк не имеет». Объединенная по-бисмарковски, «железом и кровью», Германия несла кайнову печать своего происхождения. Ей были навязаны полуабсолютистский государственный строй, реакционные и агрессивные милитаристские традиции старой Пруссии. Она начала свое существование с грабежа чужих земель... Исторический опыт показал, что германское государство, объединенное на реакционной и милитаристской основе, не могло быть ни миролюбивым, ни прочным. Две мировые войны XX века нанесли неисчислимый урон не только немцам, но и всему человечеству.

По нашему мнению, Витте в нравственном отношении стоял выше Бисмарка. Преследуя главную цель – обеспечение величия России, он делал ставку на социально-экономический прогресс общества. Его государственное творчество, созидательная деятельность реформатора были направлены на индустриализацию стра-

ны, развитие образования и культуры. Витте был принципиальным противником войн, считал, что Россия не может и не должна воевать, он отчаянно, хотя и безуспешно, пытался предотвратить войну с Японией и с Германией. Правда, восточная политика Витте хотя и преследовала цели мирной экономической экспансии, но имела не те последствия, на которые он рассчитывал.

Публицист А. С. Изгоев замечает, что, не приравнивая Витте к Петру, нельзя, однако, не заметить, что и в характере их личностей, в духовном и моральном складе и в приемах работы были общие черты.

Прежде всего, и тот и другой были творцами. Жить для них означало творить, создавать. Витте, конечно, был человеком огромного честолюбия. В борьбе за власть он нередко пускал в ход предосудительные приемы, цепляясь за власть, он нередко пренебрегал моральным достоинством своей личности. Но было бы несправедливо утверждать, что власти он добивался как орудия для достижения богатства, почестей, личных наслаждений. Он не отказывался от богатства и любил почести, особенно придворные, но в основе его властолюбия лежало все-таки стремление к творчеству, к участию в больших делах. Ему нравился сам процесс работы, движение масс, возникновение железных дорог и огромных фабрик, оживление целых областей и вовлечение их в промышленный оборот страны.

Для понимания феномена С. Ю. Витте уместно обратиться к немецкому социологу Макс Веберу, который рассматривал политику как призвание и профессию: «Есть два способа сделать из политики профессию: либо жить для политики, либо жить за счет политики и политикой. Различие “для” и “за счет” политики как профессии касается мотивации. “За счет” политики живет тот, кто стремится сделать из нее постоянный источник дохода, “для” политики – тот, у кого иная цель».

Академик Тарле отмечает, что основная черта Витте, конечно, – жажда и, можно сказать, пафос деятельности. Он не честолюбец, а властолюбец. Не мнение о нем людей было ему важно, а власть над ними. Не слова, не речи, не статьи, а дела, дела, дела, – вот единственное, что ему важно.

«Витте мало задумывается над вопросом об основных факторах исторической эволюции. Чисто рассудочная натура, быстрый, реальный, циничный ум не допускал настоящей религиозной веры в предначертание Всевышнего. Хотя и говорят, что он

из крепкой православной семьи, сам “архиправославный”, – но все это ничего не значит. Не слепая эволюция, не Бог творят историю. На историю влияет великий государственный деятель: в частности, на историю России должен влиять Сергей Юльевич Витте (как на историю Германии повлиял князь Бисмарк). И никто ему в этом не должен мешать, даже сам государь император. Этот тезис весьма мало похож на законченную историко-философскую систему, но граф Витте за составлением систем никогда и не гонялся», – пишет Тарле.

М. Туган-Барановский отмечает у Витте одну характерную черту, резко отличающую его от практиков обычного типа: он вовсе не гнался за богатством, его честолюбие было иного, высшего рода. Будучи чрезвычайно властной натурой и стремясь подчинять себе людей, он любил дело ради дела, и его честолюбие заключалось в том, чтобы исполнить всякое дело, за которое он брался, наилучшим образом. Достижение поставленной себе цели увлекало его само по себе, и чем труднее и обширнее была задача, тем с большей энергией посвящал он ей свои силы.

Однако эти главные для государственного человека черты видели в Витте далеко не все его современники, зато охотно замечали другое. «“Крупный ум, мелкая душа” – такова характеристика С. Ю. Витте, ставшая почти шаблонной. Многократно повторялась она как при жизни Витте, так и тотчас после смерти», – эта мысль выражена публицистом В. В. Водовозовым в 1922 году.

Личность Витте была объектом постоянных нападок со всех сторон. В чем только его не обвиняли! Если даже отбросить явно бредовые обвинения крайне правых в предательстве родины, в жидомасонском заговоре и прочей ерунде, тем не менее остается ряд существенных претензий, от которых не отмахнешься и которые требуют более внимательного рассмотрения. Среди них – беспринципность, ложь, карьеризм, неразборчивость в средствах.

Как отмечает в известном очерке П. Б. Струве, «нравственная личность Витте – следует прямо сказать – не стояла на уровне его исключительной государственной одаренности. Его гибкость и приспособляемость шли гораздо дальше того делового приспособления к условиям места и времени, которое необходимо. В деятельности Витте никогда не было идейного центра, к которому он морально тяготел бы. Витте не изменял в этом смысле взглядов и принципов, ибо их у него вовсе не было. Витте никогда не был

ни либералом, ни консерватором. Но иногда он был намеренно реакционером; иногда же присоединялся к силам прогрессивным. Его стихией, однако, была область государственного строительства, политически и нравственно безразличного».

Обвинения в беспринципности Витте чаще всего связывались с тем, что он нередко менял свои взгляды, часто даже на противоположные.

Изгоев пишет: «В 1893 году он взял под свою высокую руку общину, в 1902 году он нанес ей самые страшные удары. Враг земства и конституции, он стал на деле конституционалистом и искал союза с земцами. Один из авторов Правил о сдаче студентов в солдаты, он одним из первых подал свой голос за университетскую автономию. Собирался строить Сибирскую дорогу на особые сибирские “кредитки” и обессмертил себя введением золотой валюты».

Однако нельзя забывать, в какое сложное время – в эпоху перемен – творил Витте. Он менее всего был, что называется, кабинетным работником, черпал свои знания из жизни, а русская жизнь на рубеже XX века стремительно менялась. Туган-Барановский подчеркивает, что общественные убеждения Витте не играли сколько-нибудь значительной роли в его жизни. Он был менее всего человеком отвлеченных верований и убеждений. Его естественной стихией было практическое дело, которое он умел выполнять как никто, не считаясь ни с какими теориями и смело выбирая из них то, что казалось ему наиболее пригодным для данной цели и данного момента. Как уже отмечалось, ведущей чертой характера Витте-реформатора был жесткий прагматизм.

С этим же связано и другое негативное качество, которое отмечают современники, – это неискренность и даже лживость. Е. В. Тарле пишет, что «для Витте сказать ложь или правду – это решительно все равно, лишь бы дело было сделано, лишь бы царь согласился на водочную монополию, лишь бы Клемансо разрешил заем, лишь бы Комура уехал из Портсмута с разбитыми горшками, лишь бы вовремя одурачить еврейских (а также христианских) банкиров, лишь бы Вильгельм два месяца подряд верил, что Витте будет его поддерживать в Бьоркской программе. Это ничего, что на третий месяц Вильгельм поймет, как его провели: дело уже будет сделано».

В некоторых отношениях Витте доходил до цинизма. Он был уверен, что всех можно купить, что все продается. Все зависит от

цены – вот старая истина торговцев, воспринятая министром финансов. Можно купить старого сребролюбца Ли Хун Чжана, чтобы получить возможность для проведения железной дороги по чужой территории. Можно купить продажных журналистов, чтобы они формировали нужное мнение о денежной реформе. Причем нередко цели-то преследовались праведные, но развращались люди, распространялась коррупция.

Но ведь и Бисмарк тоже использовал подобные средства, например прямой подкуп баварского короля Людвига II за согласие предложить Вильгельму I пост императора в 1871 году. Известна и цена – 100 тысяч талеров ежегодно. Подкуп – старое, проверенное средство в политике, оно использовалось с незапамятных времен. Известны и своего рода рекордсмены в этом деле, взять того же князя Талейрана, известного французского дипломата. Но к чести Бисмарка и Витте, сами они были неподкупны.

Политический цинизм Витте имел немало и других проявлений, например в перлюстрации писем. А. А. Лопухин, директор Департамента полиции, ставит это персонально в упрек Витте. Лопухин пишет: «С точки зрения не права и не морали, а исключительно практической относится С. Ю. Витте к такому приему “верховного управления”, как перлюстрация частной корреспонденции. Он свидетельствует, что “за все время своего председательства не наткнулся ни на одно письмо, которое с точки зрения государственной или полицейской могло быть сколько-нибудь полезным”. При этом он заявляет, что “перлюстрация служит большим злом”. Странными представляются жалобы Витте на то, что ему как бы навязывали чтение перлюстрированных писем. ”Я, – говорит Витте, – никаких указаний не дал и по этому вопросу затем не имел никаких объяснений с Дурново, но он мне аккуратно ежедневно присылал пачку с перлюстрированными письмами. Я их пробегал”.

Совершенно непонятно почему, считая перлюстрацию не только не полезным приемом, но даже “большим злом”, Витте не воспользовался властью председателя Совета министров, чтобы с этим злом покончить?» – задает вопрос Лопухин.

Возмущение полицейского чиновника поведением Витте можно было бы разделить, если бы это не было обычной практикой даже в международных отношениях.

В мемуарах Бисмарка отмечается, что перлюстрация издавна использовалась при европейских домах, и в подтверждение

передает свой разговор с Александром II. «В откровенной беседе Александр жаловался на резкий и оскорбительный тон, в каком немецкие государи критиковали русскую политику в письмах к членам императорской фамилии. “Во всем этом обижают меня более всего то, что мои немецкие кузены посылают свои дерзости по почте, чтобы они вернее дошли до моего сведения”, – с возмущением заключил он свою жалобу на родственников». Он не видел ничего предосудительного в этом признании, будучи искренне убежден, что это право монарха – знакомиться таким путем с содержанием корреспонденции, посылаемой по русской почте. «В Вене были прежде такие же порядки», – замечает Бисмарк.

Таковы были тогдашние нравы. Так нужно ли эти пороки приписывать личным качествам Витте? И мог ли он, даже будучи премьером, покончить с этим злом? Наивный вопрос, тем более что и Николай II активно использовал этот же канал. Тот же Лопухин замечает: «Только ум отличал самого Витте от Николая II, а в отношении морали они были недалеки друг от друга».

В деятельности министра Витте было немало ситуаций, которые в этическом плане вызывают вопросы. Вспомним то же дело Мамонтова. Лопухин пишет в своих мемуарах: «К репутации же С. Ю. Витте история так называемого “мамонтовского дела” в глазах всех, кто знал его закулисную сторону, прибавила лишнее темное пятно обвинения в беззастенчивом выборе средств и в произволе». Историки до сих пор дискутируют о мотивах той позиции, которую занял Витте в этом деле. Аналогичные вопросы возникают по поводу связей Витте с провокатором Гапоном. Хотя сам Витте их отрицает, однако в историческом архиве есть документы, это подтверждающие. Да и поведение Витте накануне 9 января 1905 года в нравственном отношении вызывает непонимание.

Нередко из среды неприятелей Витте звучали обвинения в корыстных мотивах, стремлении к обогащению и использованию в этих целях своего положения. Как пишет А. А. Лопухин, С. Ю. Витте, будучи со своим особняком в Петербурге и виллой в Биаррице человеком, несомненно, богатым, в течение своей карьеры отдельными подарками от царя из казны умудрился получить до 620 тысяч рублей – внушительное, по тогдашним условиям, состояние, о чем он, конечно, в своих «Воспоминаниях» умалчивает. И. И. Колышко говорит о широкой жизни семьи Витте в Петербурге, «лукулловских обедах с великими князьями», о «страсти мадам

Витте к казино и ювелирам Парижа» и т. п. Он пишет: «Никто, понятно, не знает цифр этих “сбережений”, но в Петрограде их оценивали десятками миллионов».

Другой источник – воспоминания соратника Витте В. И. Ковалевского: «Бескорыстие С. Ю. Витте не возбуждало никаких сомнений. Вопросы личного материального благополучия мало его интересовали, и только за несколько лет до смерти он задумался об источниках существования в будущем, когда иссякнут его небольшие резервы. В бытность С. Ю. министром финансов государь Николай II раза два-три приказывал ему “помочь выдачей значительных – по казенной мерке – сумм”. Не знаю, сделал ли это государь по собственной инициативе или по просьбе кого-либо из близких к Витте лиц, во всяком случае, сам Витте непосредственно не просил о том государя».

Несомненно, что сама должность министра финансов, от которого зависело очень многое, представляла большие скрытые возможности для пополнения личного состояния, что при нравах чиновничества той эпохи и не было чем-то исключительным. Однако в отношении Витте неизвестно никаких подобных конкретных фактов.

В связи с изложенным представляет интерес вопрос об источниках доходов Витте. Достаточно достоверных данных нет, но можно попытаться оценить его доходы по косвенным источникам.

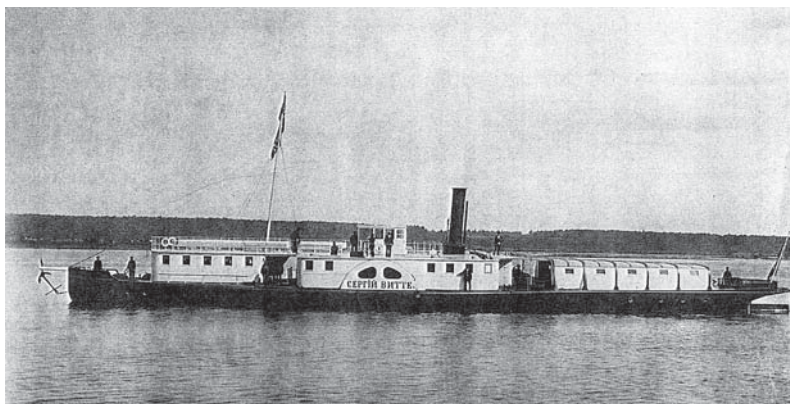
Историк С. А. Степанов пишет о том, что источниками доходов Витте на посту министра финансов были жалование и «аренда» – форма денежного вознаграждения, которая назначалась по высочайшему распоряжению. В формулярном списке о службе С. Ю. Витте значится: получает в год содержания – 26 тысяч арендных – 4 тысячи, всего – 30 тысяч рублей. На посту председателя Совета министров доходы возросли. Но когда Витте весной 1906 года оставил пост премьера, то аренда была отнята и перед ним встал вопрос, как заработать средства на жизнь.

Истинную величину накопленного Витте состояния в какой-то мере позволяет представить обнаруженное нами в его архиве нотариальное духовное завещание, составленное вдовой М. И. Витте в мае 1915 года, вскоре после кончины мужа. В этом завещании в пользу внуков перечислены следующие средства: 5% китайский заем на 593 тысяч имперских марок; 4,5% облигации Владикавказкой дороги на 633 тысяч имперских марок; 5% закладные листы Дворянского земельного банка на 175 тысяч

рублей номинальных. Кроме того, указано недвижимое имущество в Петрограде на Каменоостровском проспекте, 5 (особняк с постройками).

Очевидно, что состояние Витте к концу жизни вовсе не составляло «десятки миллионов», о которых пишет И. И. Колышко. Известно также, что, эмигрировав в Европу после революции, семья Витте испытывала материальные трудности, поскольку ценные бумаги обесценились, недвижимость была экспроприирована новыми властями, а счетов в иностранных банках, о чем также ходили слухи, не оказалось.

В то же время, как отмечает М. Вебер, для того «чтобы некто в экономическом смысле мог жить “для” политики, должны быть тривиальные предпосылки в нормальных условиях, он должен

Пароход «Сергей Витте»

быть независим от доходов, которые может принести ему политика. Следовательно, он должен быть просто состоятельным человеком».

Подведем итоги сказанному. Несмотря на все противоречия фигуры Витте-политика, по направленности личности, мотивам деятельности он может оцениваться в целом как великий государственный деятель, способствовавший социально-экономическому прогрессу своего народа и человечества.

Смысл жизни, пафос его государственного творчества всегда были связаны со служением великой России, которую он мечтал видеть в числе высокоразвитых стран мира. Витте, в отличие от Бисмарка, был сторонником миролюбивой политики, системы коллективной безопасности в Европе.

Что касается моральных издержек в его деятельности, то их нельзя оправдывать, но можно попытаться понять истоки. По-видимому, Витте в душе был сторонником немецкой, прусской, школы философии, для которой характерен культ государства, где право ставилось выше морали, а наиболее нравственным являлось то, что служит интересам государства. К тому же византийская хитрость и лицемерие, мастерство «служебной эквилибристики», которыми так прекрасно владел Витте, не были чем-то особенным, нехарактерным для той среды, в которой приходилось ему вращаться. Просто Витте был гроссмейстером бюрократии, он интеллектуально переигрывал других сановников, которые были лишь мастерами. Наполеон III как-то заметил: «У Бисмарка совсем нет души, зато много ума. Сознаюсь, что он меня покори́л». Так же и Витте покорял своих противников.

Здесь мы сталкиваемся со старой проблемой политики – соотношение целей и средств их достижения. Сколько в истории примеров, когда использование этически неприемлемых средств не позволяло реализовать даже лучшие намерения. Ведь Сталин тоже думал о благе страны, но методы использовал преступные. Витте, конечно же, не может быть поставлен с ним в один ряд, тем не менее его прагматизм, цинизм и неразборчивость в средствах наносили ущерб его авторитету и делу, отталкивали сторонников. Прав, видимо, академик А. Д. Сахаров, который утверждал, что этические решения являются и самыми прагматичными.

Судьба Витте-реформатора сложилась драматично. Он достиг вершины бюрократической карьеры, осуществил индустриализацию страны и другие крупные преобразования, касавшиеся многих областей жизни общества. Но его реформаторский потенциал оказался недостаточным, чтобы упредить русскую революцию. Рано отставленный от дел, оказавшись в опале, он еще при жизни стал свидетелем краха своей «системы» и начала развала самодержавной империи, которой верно служил. После Октябрьской революции его имя как апологета самодержавия и сторонника капиталистического пути власти старались предать забвению. Лишь в постсоветское время личность полузабытого реформато-

ра вновь привлекла общественное внимание. В 1999 году в связи со 150-летием со дня рождения Витте на его особняке в Санкт-Петербурге была наконец установлена мемориальная доска. Это практически единственный знак памяти о государственном деятеле, оставившем яркий след в экономической и политической истории России. Справедливо ли это?

Раз уж мы коснулись увековечения в памяти потомков, вспомним, что Бисмарку в Германии установлено немало памятников, а самый грандиозный – в Гамбурге – начал сооружаться еще при его жизни. Даже в Москве в 1900 году немецкими колонистами был поставлен памятник «железному канцлеру», правда, разрушенный в 1914 году. В 2002 году открыт памятник Столыпину в Саратове, где он несколько лет был губернатором.

Придет ли время, когда будет сооружен и памятник Витте в Петербурге, в городе, с которым связано его яркое государственное творчество?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Многовековая история государства российского знает много имен деятелей, выступавших на общественном поприще и занимавших высокие посты в сановной иерархии. Разные то были деятели и разный след оставили они в истории страны.

В дореволюционной России существовала одна традиция: на надгробии сановника принято было в качестве эпитафии перечислять наиболее существенные его деяния на общественном поприще.

Если последовать этой традиции, то на надгробии реформатора должно быть высечено:

СЕРГЕЙ ЮЛЬЕВИЧ ВИТТЕ

Министр финансов, председатель Совета Министров

Род. 17 июня 1949 г. Ск. 28 февраля 1905 г.

- Манифест 17 октября 1905 г.
- Денежная реформа
- Винная монополия
- Индустриализация России
- Транссибирская магистраль
- Система профессионального образования

...И многое, многое другое.

Подробное перечисление заняло бы несколько страниц при том, что каждая строчка – строка истории, безжалостной и беспристрастной.

*В. А. Серов. Портрет С. Ю. Вумме.
1904*

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьич Б. В.* Витте и Столыпин – российские реформаторы XX столетия: Опыт сравнительной характеристики. //Звезда. 1995, № 6.
- Ананьич Б. В., Ганелин Р. III.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.
- Ананьич Б. В., Ганелин Р. III.* С. Ю. Витте-мемуарист. СПб., 1994.
- Баян (Кольшико И. И.)* Ложь Витте. Ящик Пандоры. Берлин, б. г.
- Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990.
- Витте С. Ю.* Воспоминания: В 3 т., М., 1960.
- Власть и реформы: От самодержавия к советской России. СПб., 1996.
- Водовозов В. В.* Граф С. Ю. Витте и император Николай II. М., 1992.
- Ганелин Р. III.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.
- Глинский Б. Б.* Граф Сергей Юльевич Витте (Материалы к биографии). // Исторический вестник. 1915. № 2–4.
- Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000.
- Дневник А. С. Суворина. М., 2000.
- Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. М., 1966.
- Игнатьев А. В.* С. Ю. Витте-дипломат. М., 1989.
- Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: в 2 кн. СПб., 2003.
- История финансовой политики России. СПб., 2000.
- Клейнмихель М.* Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте. // Русское прошлое. 1991. № 2.
- Кокин Л. М.* Покушения, или Золотая Матильда. М., 1988.
- Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания: В 2-х кн. М., 1992.
- Кони А. Ф.* Сергей Юльевич Витте. Отрывочные воспоминания. М., 1925.
- Корелин А. П., Степанов С. А.* С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1988.

- Коростовец И. Я.* Страницы из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник. Пекин, 1923.
- Кутлер Н. И. С. Ю. Витте*// Новый энциклопедический словарь/ Под ред. Брокгауза и Ефрона. Т. 10.
- Ленин В. И.* Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полное собрание сочинений, М. Т. 5.
- Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762–1914 гг. М., 1995.
- Мартынов С. Д.* Государство и экономика: Система Витте. СПб., 2002.
- Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991.
- Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. СПб., 1992.
- Нарышкина-Витте В. С.* Записки девочки. Лейпциг, 1922.
- Николай Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
- Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- Платонов О.* Правда о Григории Распутине. Саратов, 1993.
- Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. М.; Л., 1955.
- Российские реформаторы. XIX–начало XX в. М., 1995.
- Сергей Юльевич Витте. Государственный деятель, реформатор, экономист. М., 1999.
- Сергей Юльевич Витте: Хроника, документы, воспоминания. СПб., 1999.
- Сироткин В. Г.* Великие реформаторы России. М., 1991.
- Струве П. Б.* Граф С. Ю. Витте: Опыт характеристики. М., 1915.
- Тарле Е. В.* Граф С. Ю. Витте: Опыт характеристики внешней политики. Соч. М., 1958. Т. 5.
- Тхоржевский И. И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999.
- Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.
- Чубинский В. В.* Бисмарк. СПб., 1997.

ISBN 590329705-6

9 785903 297054

Научно-популярное издание

ISBN 978-5-9676-0082-5

9 785967 160082

Мартынов Сергей Дмитриевич

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК ВИТТЕ

Руководитель проекта и главный редактор

В. Л. Радзиевский

Редактор *Л. И. Радзиевская*

Препресс работы *С. В. Мороз*

с участием ООО «Веда»

Корректор *О. Э. Карпеева*

В книге использованы материалы и фотографии

Государственного архива кинофотодокументов,

Научной библиотеки

Северо-Западной академии государственной службы,

Российского государственного исторического архива,

Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Издательство «ЛЮДОВИК»

Санкт-Петербург, (812) 314-3683, e-mail: artblanch@post.vnt.ru

Издательство «Издательский дом "ПЕТРОПОЛИС"»

197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16

тел. (812) 336-50-34.

www.petropolis-ph.spb.ru

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура «Санкт-Петербург». Печать офсетная.

П. л. 32,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 4

Отпечатано в типографии «Град Петров»

ООО ИД «Петрополис»

197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,